

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КОГНИТИВНЫЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ДИСКУРСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Материалы Международной
научно-практической конференции
11-12 декабря 2012 г.**

Том 2

Уфа
2012

УДК 802/809.1-52
ББК 81.2

Издание осуществлено при финансовой поддержке Национального фонда подготовки кадров, грант № 14.В37.21.1000

Редакционная коллегия:

доктор филол.наук, проф. **Ф.Г. Фаткуллина** (*отв. редактор*)
доктор филол.наук, проф. **Н.П. Пешкова** (*зам.отв. редактора*)
доктор филол.наук, проф. **А.Р. Мухтаруллина**
доктор филол.наук, проф. **Л.А. Калимуллина**
канд.филол.наук, доцент **Р.А. Салахов**
канд.филол.наук **Б.В. Орехов**
технические секретари: **А.Р. Ахметзянова**
Р.М. Гайбадуллин
И.Р. Саитбатталов

Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2012., Том 2., г.Уфа / отв.ред. Ф.Г. Фаткуллина. - Уфа, 2012. – 312 с.

УДК 802/809.1-52
ББК 81.2

© Коллектив авторов, 2012 г.

**Лингвосемиотика русской потребительской рекламы
как научное направление и вузовская дисциплина**

Рекламу можно определить как деятельность по продвижению различных феноменов в качестве товаров на разнообразных рынках (от потребительского до политического, от продуктов разных производств до идей и кандидатов в депутаты / президенты). Она представляет собой явление коммуникативно-информационной природы и реализуется через тексты. Рекламный текст во всем его разнообразии – это конечный продукт рекламной индустрии и предмет особой заботы профессионалов, особенно тех, кто специализируется на создании текстов: копирайтеров и дизайнеров. В рекламоведении/ адвертологии сложилась прикладная «рекламная филология», богатая достижениями риторики, стилистики и семиотики.

В рамках вузовского рекламного образования по традиции (как при подготовке журналистов или литераторов) возникли учебные дисциплины, изучающие специфику рекламного творчества в широком спектре – от функциональной стилистики до риторики и эстетики; существует несколько вариантов семиотики потребительской рекламы [13; 8; 3].

На факультете журналистики МГУ подготовка кадров для рекламной индустрии началась в конце 80-х гг. XX в.; была реорганизована кафедра экономической журналистики, созданы дневное и вечернее отделения плюс группы переподготовки. Нашу кафедру стилистики можно считать колыбелью стилистики потребительской рекламы как, с одной стороны, особой отрасли функциональной стилистики, а с другой – как особой теоретической платформы для изучения рекламных текстов (Кохтев 1991). В рамках приоритетного направления кафедральной работы «ЯЗЫК СМИ» изучается и реклама - в разных аспектах: стилистическом, культурноречевом и лингвоэтическом; выполняется лингвистическая экспертиза спорных рекламных текстов; успешно защищаются дипломы и диссертации. Это можно охарактеризовать как исследование рекламы, взятое в аспекте объекта. Что же касается направления, взятого в аспекте метода, то здесь произошла значимая трансформация.

После безвременной кончины Н.Н. Кохтева в 1998 г. мне поручили его спецкурс «Стилистика рекламы» на годичном отделении переподготовки «Реклама и маркетинг»; с тех пор я веду там занятия под несколько измененным названием [4]. Главное, чему учат на этом отделении, - думать маркетингологически [14]. А в своем спецкурсе я стараюсь показать, как по-рекламному писать; такая двойная компетенция - залог профессионального

становления и успеха. Его аудитория - студенты и слушатели журфака МГУ. Источник изучения - печатная реклама, в силу прототипичности и удобства работы в аудитории. А объектов два: рекламный дискурс (как совокупность рекламных произведений разных форматов и жанров в речедейательностном контексте), и рекламный стиль («вертикальный срез» средств всех языковых уровней, маркированных «по-рекламному»).

Плодотворное влияние взрослых слушателей, многие из которых уже состоялись как профессионалы, способствовало переменам в моем видении этого курса и в конечном итоге его концептуальному обновлению под названием «Лингвосемиотика потребительской рекламы» [7]. Чуть ли не в первый год преподавания я получила «заявку» от слушателя – инженера по первой профессии, тем более обоснованную, что одна из первых прикладных работ по рекламе и пиару [2] была основана на инженерной системе изобретений ТРИЗА: «Нам нужна система обучения креативу». Но стилистика представляет собой дисциплину аналитическую, а не практическую (в отличие от «матери-риторики»); даже в «словесных» вузах (от журфака до Литинститута) ее преподаватели учат не создавать, а анализировать тексты; а писать учат на кафедрах специализации, в творческих мастерских...

Но я осознавала и ограниченность традиционной стилистики для изучения и преподавания особенностей рекламы как поликодовой нехудожественной словесности: ведь ее аппарат предназначен для анализа текстов с естественнойязыковой доминантой. Реклама же – это специализированная семиотика (по Н.Б. Мечковской) – многоканальная и полифункциональная, одна из вторичных моделирующих систем (по Ю.М. Лотману). Она соотносена и с экономическим базисом социума («реклама должна продавать»), и с его «идеологической машиной» (формируя потребительское сознание и образ жизни). Логично предположить, что рекламный сегмент семиосферы изучается одноименной частной дисциплиной – семиотикой рекламы (СР). Но в обобщающей классификации [10] СР отсутствует и как сегмент семиосферы, и как научное направление (не говоря уже о вузовской дисциплине).

Кроме того, на повестку дня вставали новые задачи и требовали расширить инструментарий; так в состав курса вошли риторические и семиотические понятия и приемы анализа [5; 6]. Поэтому, не ставя под сомнение базовое разделение труда между медиалингвистами и преподавателями рекламного (равно как и другого словесного) мастерства и осознавая границы своей компетенции, я искала исследовательскую методiku, которая бы в максимальной степени была приближена к практике копирайтеров и была адекватна поликодовому объекту. И нашла ее в творчестве Ирины Морозовой, которая, будучи филологом по образованию и рекламистом-практиком, создала коммуникативно-семиотическую концепцию «языка товарной категории» [11; 12].

Средства означивания, характерные для рекламы той или иной товарной категории (излюбленные персонажи, словечки, сюжетные ходы), рассматриваются этим автором в системе, как ее язык; он становится предметом анализа на этапе разработки рекламной кампании, при выходе товара на насыщенный рынок; тогда встает задача либо «пристроиться» к успешным конкурентам с их наработками, либо отличиться, «отстроиться» от них – и озаботиться созданием новых образов, предположительно способных привлечь и удержать покупателей. Этот семиотический инструментарий помогает обучить азам текстопорождения в соответствии с деятельностными (маркетинговыми) целями и коммуникативными (контактоустанавливающими) свойствами рекламы.

Основной инструмент в концепции И.Морозовой – дискурсивно релевантная модель коммуникативного акта как ключевого понятия семиотики. Рекламодатель и рекламист (как коллективный создатель текста), с одной стороны, и рекламополучатель, с другой, понимаются как его участники и субъекты текста. Рекламуемый товар \ услуга \ фирма понимается как объект этой коммуникации - и текста. Эти ключевые участники должны быть отображены, закодированы в содержании текста на некоем этапе их взаимодействия по поводу купли-продажи как его компоненты, а полисемиотические средства их означивания (словесные или изобразительные, автологические или металогические) рассматриваются как код.

В настоящее время лингвосемиотика потребительской рекламы как новая вузовская дисциплина обеспечена программой, читается в магистратуре Гуманитарного института Тольяттинского государственного университета и предложена магистрантам факультета журналистики МГУ. В рамках профилирующих дисциплин у нее несколько важных целей по развитию компетенций, в том числе: 1) креативных - это выявление специфических для рекламы алгоритмов построения произведений; 2) нормативных - это формирование у рекламистов профессиональной культуры русской речи, 3) экспертных - это лингвосемиотический анализ рекламы в интересах правоприменения, на основании которого в управлениях ФАС делают правовые выводы о (не) соответствии текста требованиям закона.

При этом нельзя не признать странностей терминопотребления: термин ЛИНГВОСЕМИОТИКА с генитивным распространителем (лингвосемиотика рекламы, лингвосемиотика власти, лингвосемиотика бардовской песни...), активный в российской науке со второй половины 2000-х г., одновременно актуален и сомнителен.

Общеизвестна классическая дифференциация по Ю.С. Степанову, где лингвосемиотика однозначно понимается как семиотика естественного языка. Отсюда можно сделать двойные выводы – либо о безответственности ученых, проявившейся в неоправданном расширении сочетаемости, либо об эвристичности работ, обозначенных подобным терминосочетанием.

На мой взгляд, такое развитие многозначности благоприятно и свидетельствует о познавательных процессах, аналогичных тем, которые привели к дифференциации объекта лингвистики на ЯЗЫК и РЕЧЬ, а в пределах самой лингвистики привели к вычленению речеведческого/ коммуникативно-го/ дискурсивного направления (эти характеристики для меня здесь синонимичны). По факту произошло расширение предметной области лингвосомиотики с системоцентричных на дискурсивные объекты, на речеведческие сферы, где средства коммуникации поликодовы и задействованы в сложных персуазивных процессах, напр, устройства власти монархического, демократического и теократического типа, о чем написали [1]. В Волгограде в этом ключе выходили исследования и поискового, и квалификационного типа; фактически возникла региональная научная школа дискурсивной лингвосомиотики (ДЛС). Однако, насколько мне известно, еще не было попыток обосновать ее статус как самостоятельного направления науки как по категории «метод», так и по категории «объект».

Развернутому обоснованию гипотезы о статусе ДЛС как самостоятельного направления посвящена моя докторская диссертация «Лингвосомиотика русской печатной потребительской рекламы».

Литература

1. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосомиотика власти. Волгоград, 2008.
2. Викентьев И.Л. Приемы рекламы и PR. М., 1994.
3. Елина Е.А. Семиотика рекламы. М., 2008.
4. Кара-Мурза Е.С. Программа спецкурса «Стилистика, риторика и редактирование рекламных текстов». М., ИМПЭ, 2000.
5. Кара-Мурза Е.С. Создание новой частной риторики рекламы // М.В. Ломоносов и развитие русской риторики / Научное издание. – М., ф-т журн. МГУ, 2004. - С. 64-71.
6. Кара-Мурза Язык современной русской рекламы / Язык межперсональной и массовой коммуникации. - М.: Медиамир, 2007. - С. 479-552
7. Кара-Мурза Е.С. Лингвосомиотика рекламы в ряду речеведческих дисциплин // Речеведение: современное состояние и перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею М.Н.Кожинной (Пермь, ноябрь 2010). – С.
8. Кафтанджиев Х. Семиотика Абсолюта. М., 2006.
9. Кохтев Н.Н. Стилистика рекламы. Учебное пособие. М., МГУ, 1991.
10. Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура / Курс лекций. - М., издат. центр «Академия», 2004.
11. Морозова И.Г. Рекламный сталкер. Теория и практика структурного анализа рекламного пространства. М., Гелла-принт, 2002.
12. Морозова И.Г. В поисках ненавязчивой идеи. М, Гелла Принт, 2004.
13. Рекламный текст: лингвистика и семиотика. Под ред. Ю.К. Пироговой, Е.Г.Борисовой и др. М., 2000.
14. Репьев А.П. Мудрый рекламодатель. Изд. 2. М., 2005.

© Кара-Мурза Е.С., 2012

Стимулирование личностной активности студента при обучении иностранному языку в неязыковом вузе

Проблема качества обучения иностранному языку остается по-прежнему актуальной. Часто студенты, заинтересованные в изучении иностранного языка в начале обучения, постепенно теряют интерес к языку в процессе обучения и переходят в разряд пассивных и равнодушных слушателей. Ответ, как представляется, надо искать в анализе удовлетворения внутренних потребностей студентов, в поиске ведущих, доминирующих мотивов деятельности обучаемых. Однако многолетний опыт работы со студентами показывает, что ведущими мотивами для большинства молодых людей являются познавательные мотивы и мотивы достижения. Следовательно, для организации эффективного обучения студентов и повышения качества обучения главные усилия представляется целесообразным направлять прежде всего не на объем необходимых знаний, которыми должны овладеть студенты, а на характер их деятельности, на развитие активности в учебном процессе, на формирование положительного отношения к предмету через удовлетворение потребностей в достижении и познании.

Активность в обучении не является врожденным качеством, а формируется и развивается в процессе познавательной деятельности. Выделяем 3 уровня активности: воспроизводящую, интерпретирующую и творческую. Проявляя воспроизводящую активность, студенты получают новую информацию, стремятся дополнить, воспроизвести новое знание и применить его по образцу. Проявляя интерпретирующую активность, студенты стремятся к проникновению в сущность явления, самостоятельно ищут пути решения возникающих проблем. Согласно третьему уровню активности – творческому, студенты стремятся применять знания в новой ситуации, проявляют широкие и стойкие познавательные интересы. Организация самостоятельной деятельности студента, исследовательской и изучающей, позволяет стимулировать его творческую личностную активность. Самостоятельная деятельность осуществляется через систему самостоятельного совершенствования иноязычных речевых навыков и умений. Она обусловлена инициативой и познавательной потребностью студентов и зависит от их индивидуальности, интересов и запросов.

С видами речевой деятельности связаны стратегии изучения языка – стратегии чтения, аудирования, говорения, письменной речи. Все эти реальные виды коммуникативной деятельности, творческого вида активности, предполагающие свободный выбор студента, иногда направляемый преподавателем, без жесткого контроля. Наиболее популярными являются рецеп-

тивные виды речевой деятельности – аудирование и чтение. При аудировании на уроках необходимо активизировать внимание обучаемых. Для улучшения восприятия аудируемого текста целесообразно сообщить, какой тип текста они будут слушать, представляя всю необходимую фоновую информацию, которую учащиеся получили бы в реальных условиях. Преподаватель предлагает различные фотографии, рисунки, подготавливает ключевые слова, встречающиеся в тексте, организывает работу по вопросам к тексту. Основная цель аудирования – понять общий смысл аудиотекста. Практика показывает, что выполнение различных заданий во время прослушивания, таких как заполнение таблиц, пропущенных слов и т. д., эффективно влияет на развитие навыка понимания иноязычной речи.

При организации чтения для преподавателя важно уметь подбирать тексты и задания к ним. Ключевыми моментами при выборе текстов могут быть следующие: понравится ли тематика текста определенной группе обучаемых; содержит ли текст информацию, которую учащиеся могут соотносить со своим опытом; смогут ли студенты обсудить информацию, содержащуюся в тексте; является ли текст аутентичным. Также во время чтения студентами преподаватель отмечает, что не все обучаемые свободно и со скоростью читают тексты. Необходимо объяснить, что не всегда существенно понимать каждое слово в тексте. Важно понять смысл всего текста и уметь найти ответы на заданные вопросы. От понимания устных и письменных текстов зависит успех учебного процесса в целом, мотивация деятельности обучаемого. Для преподавателя основным является принцип поддержания у студентов чувства оптимизма, уверенности в своих силах, ощущение своей успешности.

Творческое мышление в стимулировании личностной активности студента играет немаловажную роль. В образовательном процессе творческое мышление используется для планирования, для развития и анализа мыслей, а также для оценки всех происходящих процессов. Творческое мышление помогает лучше объяснить и передать свои идеи другим. Применяя тот или иной вид речевой деятельности при обучении иностранному языку, очень важно предлагать студентам различные самостоятельные задания на развитие творческих способностей: ролевые игры, создание ассоциаций, классификаций, сравнений, создание образов и т.д. Студенты, вовлекаясь в активный творческий процесс становятся полноправными участниками процесса обучения. Интерес к предмету, мотивация и успехи в обучении являются движущими силами в стимулировании личностной активности и в повышении качества овладения языком.

© Кулыева А.А., 2012

Жоғары оқу орындарында қазақ тілін ақпараттық технологиялар жүйесімен оқытуды білім философиясы тұрғысынан тану мәселесіне

Қазақ тілінің мемлекеттік тіл ретінде орындайтын негізгі функциясы - қоғамдық өмірдің барлық саласы бойынша ақпарат алмасу. Осыған байланысты қазақ тілі мемлекеттік тіл ретінде бүгінгі күні еліміздегі әлеуметтік коммуникативтік жүйенің негізгі компоненті болып табылады, сондықтан оны білу әрбір қазақстандықтың міндеті мен парызы болуы тиіс. Қоғамдық қарым-қатынастардың барлық аясының ізгілендірілуі заманында адам қарым-қатынасының маңызды құралы болып табылатын тілді оқытудың философиялық негіздерін айқындап белгілеу оны оқыту жүйесін білім философиясы тұрғысынан қарастырылуын талап етеді. Білім философиясы проблемалары соңғы кездері қоғамдық өмірде болып жатқан өзгерістерге байланысты терең зерттеуді қажет етіп отыр. Сонымен қатар білім философиясының теориялық және практикалық негізделуі білім берудегі құндылықтардың маңызы мен мәнін толықтай айқындаудың және белгіленудің негізі болатыны сөзсіз. Бүгінгі күні білім философиясы білім мен дәстүрлі ғылыми формалардың және негізгі педагогикалық парадигмалардың тоқырауына берілген жауап деп айтуға болады. Сондықтан да білім философиясының пәні білімнің қызмет етуінің жалпы іргелі негізі және білімнің дамуы болып табылады. Педагогиканың философиялық сипатын ең алғаш рет Я.А. Коменский [1], қарастырды. Ол өз тұжырымында білім беру мен тәрбиенің біріктіріле алынуын айтады. Я.Коменскийден кейін аталмыш проблема туралы және де білім мен тәрбиенің бірінен-бірін ажыратпай қарау идеясын Ж.Ж. Руссо [2, 44], К.Гельвеций [3, 46], айтқан болатын. И.Канттың айтуы бойынша, тәрбиенің мақсаты шебер, білікті, ізгілікті болуын міндет етіп қойып, білім беру, біріншіден, «мәдениет», екіншіден, «өркениет» деп қарастырылады [4, 156]. Білім философиясы философиялық білім саласы ретінде жалпы философиялық көзқарастарды қолданды. Әрбір кезең және әрбір дәуір білім беруге деген өзінің өзгерістерін енгізіп, оқытуды өз заманының талабына сай талдап, тұжырымдар шығарып отырды. Бүгінгі күні қазақ тілінің қазақ мектептеріндегі оқытылу мәселесіне қатысты білім философиясы тұрғысынан мына пікір айтылады: «Ғылыми зерттеулердің мақсаты айқындалуында көптеген өзгерістер, жаңалықтар көптеген ой түйісулер арқылы туындап жатады және де ғылым дамуында заман дамуымен сай өзіне тән таным аясындағы белгілі ой немесе пікір ерекше орын алып тұрады. Кей кездері бірнеше ойдың тоғыса келе, жаңа идея арнасына түсуі мүмкін. XX ғасырға тән үрдістер деп ғалымдар жүйелілікті,

құрылымдылықты, функционалдылықты, оңтайлылықты атайды. Сонымен қатар біздің дәуірімізге саралану мен интеграция да тән болып отырғаны белгілі. Саралану (дифференциация) барысында тұтас деп танылған объектінің одан әрі қарай таныла түсуі анықталса, интеграция барысында алшақ деген ғылымдардың өзінің бірігуі, түйісу нүктелері анықталып жатыр. Қазақ тілін оқытуда осы екі бағытта айқын байқалады. Ғылыми зерттеулердің мақсатынан кейін оның әдіснамалық негізі, зерттеу әдістемесі мен әдісі сараланып алынады. Зерттеудің әдіснамалық негізін анықтау арқылы пәнді оқытудағы оқушылардың теориялық ойлау заңдылықтарының әдістемесі жасалады. Әдіснамадан кейін зерттеу әдістемесі және зерттеудің әдістері анықталады. Осы ретте философиялық заңдылықтардың әдістемені жасаудағы пайдаланылатын жолы айқындалады» [5, 5-7]. Сонымен қатар қазіргі кезде қазақ тілін оқытуда маңызды деп идеяны көрсетеді. Соның ішінде білім философиясындағы идеяның болмыс пен ойлау қатынасы түрінде анықталатынын айта келе, сол идеяның ғылым салаларында теориялық құрылымдардың негізгі қағидаларын іздеу барысында танылатынын айтады. Сонда қазақ тілін оқыту білім алушы субъект үшін тек қана практикалық дағдыларды қалыптастырумен шектелмей, «адамның өзгертушілік белсенді қызметінде белсенділіктің күшімен пайда болған идеяның туындауымен, сол туған идеяның белсенділіктен нәр алатын, идея өз дамуының алға қарай жетелейтін бағыттарын айқындап отыратындығын» [5, 7] ескере отырып танытуды алға қояды. Білім берудегі жетекші идея білімді өндіру технологиясы болып тұжырымдалған. Білімді шығарушы, ақпараттық ағындарда өз бетінше бағыт бағдар таба алатын, білімде білім құралдары арқылы жасалған адам қалыптастыру білім берудегі басты нысанға айналды. Ал бүгінгі қазақстандық білім беру жүйесінде соның ішінде жоғары оқу орындарындағы оқытылатын қазақ тілінің мазмұны болашақ маманға жалпы қазақ тілінің грамматикасы тұрғысынан білім беруді ғана көздеп отырғанын атаған жөн. Ал қазақ тілінің жоғарыда көрсетілген адамның өзгертушілік белсенді қызметінде белсенділіктің күшімен пайда болған идеяның туындауымен, сол туған идеяның белсенділіктен нәр алатын идея өз дамуының алға қарай жетелейтін бағыттарын айқындап отыратындығын біз білім стандарттарынан көре алмай отырмыз. Сондықтан да студент бойында қазақ тілін оқыту арқылы идеяны туғызу, туған идеяның белсенділіктен нәр ала отырып, келесі идеяның туындау үдерісіне бағытталған мазмұндағы білім беруді бүгінгі күннің өзекті мәселесі деп тану керек. Кез келген жағдайдағы білім беруде маңызды болып табылатыны – білімнің мақсаттылығы, сенімнің тәрбиеленуі, дағдылар мен біліктерді қалыптастыру. Сонда адамның өзгертушілік белсенді қызметінде пайда болатын идеялар әрбір маманға тек қана оқу аясында емес, өмірлік қызметінде пайдалана алатын күшке айналдырылуы қажет. Ал оны бекітетін негізгі тетіктері біз атап отырған

мақсаттылық, сенімнің тәрбиеленуі, дағдылар мен біліктердің үйретілуі болып табылады. Осы тұжырымдар қазақ тілін жоғары оқу орындарына оқытудың негізгі мазмұнында ұстанылуы тиіс. Білім берудегі келесі бір идея – білім алушының белсенділігі. Бұл дегеніміз білім алушының тұлғасын танып білу және оның табиғи ерекшеліктерін, ішкі әлеуетін мойындау болып табылады. Қазіргі білім берудегі тұлғалық-бағдарлық қағидаларды ұстану және ол қағиданың педагогикалық, әдістемелік тұрғыдан қарқынды зерттелуінің бастаулары болып табылатын аталмыш ұстаным жоғары оқу орындарындағы білім алушы студенттерге қазақ тілін оқытуда да қолданылғаны дұрыс. Осы ретте қазіргі білім беру жүйесінде белсенді қолданылып жүрген адаптивті оқыту, эвристикалық оқыту, дамыта оқытуды, интерактивті оқытуды атауға болады. Білімді реформалауға арналған жаңа білім тұжырымдамаларының қабылдануы, жаңа бағдарламалардың жасалуы, ғылыми білімді ұйымдастырудың жаңа түрлерін іздестірудің жүргізілуі қазіргі заман талабына сай білім беру жүйесін қалыптастыруды көздеп отыр. Соңғы жиырма-отыз жылдықта білім беру философиясы пәні қарқынды дамып, оның төңірегінде жаңа педагогикалық идеялар талқылануда. Соның ішінде білімді болу идеалы, білім беру мақсаты, педагогикалық жүйелер тарихы, философияның білім беруге әсері сияқты іргелі мәселелер қаралып, талқылануда. Философия арқылы халық өзінің тағдырын таниды, болашағын құруды мақсаттайды. Қазіргі білім жүйесі тұлғаны тәрбиелеу емес, В.С.Библердің айтуы бойынша, біліммен жұмыс істей алу қабілеті және ойлаудың түрлі типі бар «мәдениет адамын» [6, 38] қалыптастыру мақсатын қоюы керек. Осыған байланысты бүгінгі күнгі білім алушы субъект ғылыми білімнің құрылымы мен сипаты туралы мүлдем басқа ақпарат алып отыруы тиіс. Бұл берілетін білім сонымен қатар жан-жақты және де білім алушының бойында тұлғалық, когнитивтік, эмоцияналды еріктік, әдіснамалық, әдістемелік дағдыларды қалыптастырудан тұруы керек. Сондықтан да мұндай дағдылар аз топтарда ғана қалыптастыруды керек етеді және ол тиімдірек деп көрсетеді кейбір педагогтар. Педагогикалық тәжірибенің міндеттері қазіргі білім философиясы арнасында жаңғырып, білім алушының шығармашылық әлеуетінің қалыптасуының негізінде жататын адам тұлғасының рухани құндылық қырларын ашуға, ізгіліктік дәстүрлерді жаңғыртуға, тұлғалық қызметтің құндылық-мәндік уәждерінің қалыптастырылуына бағытталуы қажет. Білім философиясы білім беру мен оқыту және дайындауға үлкен мән береді. Білім философиялық тұрғыдан ақиқатты өзгерту болса, оқыту үдерісі мен дайындау үдерісі нақты бір адамның қажет нормалар мен талаптарды орындауға үйретілуі мен бейімделуі болып табылады. Сондықтан да білім оқыту мен үйретуден биік тұрып, адамның ішкі және біртұтас түбегейлі өзгеруін қамтамасыз етуші негізгі құрал болатынын айтуға болады. Техника мен технологияның соңғы жетістіктері болып саналатын цифрлық

технологияны пайдалана отырып, бүгінгі күні адамзат өзіне білім алудағы көмекші құралдар жасап отырғанын және де сол көмекші құралдардың жасанды интеллект деп аталып, шын мәнінде адамға «қызмет» жасап отырғанының куәсі болып отырмыз. Соның ішінде қазіргі кездегі адамзаттың «бесінші ақпараттық революцияны басынан өткеріп отырғанының куәсі болып, түрлі ақпараттық-коммуникациялық желілердің қалыптасуы мен дамуына байланысты ол жүйенің әрбір үйге еніп, әрбір адамға, жалпы халықтарға әсер етіп отырғанының» [7, 6-17] куәгері екенімізді де атап өткен жөн. Сонымен қатар «бағдарламалық-техникалық құралдардың, байланыс және телекоммуникация құралдарының, ақпараттық қорлар немесе білім қорының бірдей ақпараттық және телекоммуникациялық инфрақұрылымы ретінде бір ақпараттық кеңістікте интеграциялануы» [7, 6-17] қазіргі білім беру жүйесінде жаңа философиялық қатынастың қажет етіп отырғанын заман талабы деп санаймыз. Білімді ақпараттандырудың білім философиясы тұрғысынан қарастыру мәселесіне сәйкес ғылыми тұрғыдан зерттеліп, тұжырымдалуын жоғары оқу орындарында қазақ тілін оқытуға әкелу міндеттерін шешу бүгінгі тілдік білім берудің өзекті мәселесі болып табылады. Жоғары оқу орындарында оқыту үдерісіне ақпараттық-компьютерлік технологияның енгізілуі мен жасалуы олардың түбегейлі техникалық жағынан жабдықталуы, сабақ беру әдістерінің және студенттің жұмыс істеу формасының өзгеруі ақпараттық ағынның үйлестірілуі мен жүйелі сәйкестендірілуі білім беруге басқа философиялық тұрғыдан қарау міндетін шешу қазақстандық білім беру жүйесіндегі кезек күттірмейтін мәселеге айналуы тиіс. Сондықтан білім философиясы қоғамдық өмірдің күрделенуіне байланысты, оның үнемі қозғалыста болып отыруын ескере, қоғамдық өмірде гуманизмнің рөлі мен мәнінің өсуінің есепке алынуына қарай болашақ маманның коммуникативтік құзыреттілігін және оның коммуникативтік мәдениетін дамытуға бағытталған, жүйеленген білім беруге бағытталған тұжырымдамаларды жасауға бет бұрыс жасауда. Осы ретте коммуникация теориясында маңызды болып табылатын инновацияның диффузия теориясының іске қосылуын бүгінгі білім берудегі маңызды рөлі мен атқаратын функциясының айқындалып белгіленуіне оң әсер етуші фактор деп айтуға болады. Қазіргі білім берудегі «инновация» категориясын жан-жақты қарастыруға болады. Ол:

- жаңа деп қабылданатын идея, тәжірибе, объект;
- көбінесе «технологиялық жаңалық» – құрал жабдық, бағдарламалық қамтамасыз етулер және т.б. болуы мүмкін [8, 119-123]. Инновациялық категория және инновацияның диффузиялық теориясы жаңалықтың қоғамның барлық сатысына және әлеуметтік саланың барлық деңгейіне ақпараттық-коммуникациялық арналар арқылы бір мезетте таратылатынын әлеуметтік психологиялық тұрғыдан қарастырады. Сол инновацияның

қоғамға тарауының жоспарлы және бейжоспарлы күйде тарап отыратындығынан әлеуметтік өзгерістерге әкелетінін айқындап отырады. Осыған байланысты бүгінгі білім философиясында адамзаттың өзінің жасаған құралының өзіне қарсы жұмыс жасатпауын ескеретін тұжырымдамалар да жасалуы қажет. Біздің айтайын деп отырған ойымызды Г.Федотовтың мына пікірімен беруге болады: «Барлық рухани күшті жинау үшін мәдениет идеалы жоғары, күрделі болуы керек. Сондықтан да адамды элитарлық мәдениеттің жарқын өкілі болуына тәрбиелей отырып, білім берілуі тиіс». Біз бүгін цифрлық технология жетістіктерінің адам игілігіне қызмет етіп отырғанының куәсі болып отырмыз. Білім философиясының ендігі мақсаты - осы жетістіктердің болашақ мамандарға игілікті іс ретінде оқыту мен игілікті істер жасауға үйрету бағытында білім беру мен тәрбиелеу негіздерін жасау. Ақпараттық-коммуникациялық технологияның адам өмірінің барлық сатысы мен саласына енуіне байланысты бүгінгі күні ақпараттық және мультимедиалық мәдениет ұғымы пайда болып отыр. «Адамдардың, платформалар мен коммуникациялық құралдардың комбинациясы және олардың мәдениетке әсері» [9,16] адамның ойы мен жігерінің икемделігін пайдалану арқылы жақсылыққа немесе жамандыққа әкелуі мүмкін екендігін де ескерген жөн. Осы жерде білім беру философиясының маңызды рөлі айқындалатынын көруге болады. Өйткені «адамилық өте адамилық, функционалдылық өте функционалдылық ретінде өзара тығыз байланыста әсер етіп отырады: адамдар әлеміне техникалық мақсаттылық толықтай енгенде, техниканың өзі адам әрекеттерімен толығып, игілікке немесе жамандыққа бет бұрады», - дейді философтар [10, 23]. Сондықтан да «адам өмірінің барлық саласының түгелдей технологияландырылуы сол технологияның даму логикасында бола тұра, адам мәдениетіне, жалпы мәдениетке оң және ынталандырушылық қызметке ғана бағытталуы тиіс», - деп санайды мультимедиалық технология саласының мамандары [9, 17]. Бүгінгі күні білім философиясын үш тұрғыдан қарау белгіленіп отыр. Біріншіден, білім философиясы қолданбалы философия болып табылатындығы. Мұндай көзқараста жалпы философиялық тұжырымдардың көп бағытты білім беру қызметінің құндылық мақсаттық, жүйелік, процессуалды және нәтижелілік қырына және білімнің дамуына қолданылуға болатындығы. Мысалы, қазіргі білім берудегі «Не-Кім, Қайда-Қашан, Қалай-Неше» диалектикалық жұптарының «Объект-Субъект, Кеңістік-Уақыт, Сапа-Санның» синонимдері ретінде алынып, кешенді білім берудегі кілтті сөздер болып қабылданып, білім беру кеңістігі мен уақытының бірдей іске қосылуының нәтижесінде оқыту мен оқудың арасындағы шекаралардың жойылуын қамтамасыз етуші категориялар, яғни қазіргі білім берудегі «субъект-субъектілік» қатынастың іске асуының бастапқы нүктесіне айналып отыр. Екіншіден, білім философиясының статусы педагогиканың сақтау, сақтандыру

ресурстарының қолданылуының сипатталуы арқылы қарастырылады. Үшіншіден, білім философиясы статусы дедуктивті және индуктивті логика негізінде қарастырылып, ғылыми білімнің толыққанды пәнаралық сала екендігі айқындалады. Білім философиясының бүгінгі күнгі мәні қазіргі өркениеттің дамуындағы білімнің негізгі рөлін айқындау болып отыр. Осыған орай ғылыми білімді ұйымдастырудың маңызды факторы және жолы білім жүйесінің қайта құрылуы болып табылады. Қазіргі кезде ғылымның жаңа бейнесі қалыптасып, білімділікті түсінуге деген көзқарастар өзгеруде. Білімді адам ол тек қана білетін адам емес, білімді адам өмірге дайын, мәдениеттің күрделі мәселелерінде өзіне лайықты бағдар таба алатын, өзінің өмірдегі орнын танитын субъект. Сондықтан да қазіргі кезде білім еркін тұлға қалыптастыру үшін, өзге адамдарды түсіну, ойлау мен жалпы адамның әрекеттік қызметін қалыптастыруға жағдай жасауы тиіс. Білім арқылы тұлға қалыптастыру мақсаты өзінің өзектілігін жою үстінде, өйткені жақсы маман болу ол тек қана адамның жарты ғана бөлігі болып саналады, сол сияқты тұлға да адамның жартысы болып табылады. Осы сияқты адамның өзге де жартылары болады: дене, психика, рух, әлеуметтік индивид т.с.с. Сондықтан да білім адамның дамуына жол ашып, жағдай жасауы тиіс, - деген пікір бүгінгі білім беру философиясында қарастырылуда [11, 12-20]. Білім философиясындағы осы тұжырымға сәйкес жоғары оқу орындарындағы қазақ тілі пәнінің мазмұнына тек қана қазақ тілін біліп қана қоймай, әрбір тіл үйренуші студенттің қазақ тілінің терең философиялық мазмұнын игертуге бағытталуы қажет екендігін атап өткен жөн. Осыған қатысты философ М.Бахтиннің айтуы бойынша, «шекарадағы мәдениеттің» қабылдануы мен түсінілуін айтуға болады. Өйткені қазақ тілін үйренуші үшін тіл күнделікті қарым-қатынас құралы болудан бастап, ойлау құралына дейін жеткізілген кезде ғана кез келген субъекттің бойында сол тілдің тасымалдаушысына деген сый-құрмет қалыптасып, сол тілдің кереметтігін сезіну арқылы ғана адамдар арасындағы мәдени қарым-қатынас құралы бола алады дейміз. Сондықтан да жоғары оқу орындарында білім алып жатқан студент үшін қазақ тілі өзінің тума мәдениетін тануға да серпініс беретін факторға айналуы тиіс. Бұл тұжырым әрбір білімді адамның мәдениетті адам ретінде қаралып, өз мәдениетіне деген көзқарас пен бағалау қазақ мәдениеті арқылы толығымен танылуына жол ашады деп ойлаймыз. Жоғарыда атап өтілгендерге сәйкес бүгінгі күні білім философиясының бір міндеті ретінде гуманитарлық және техникалық мәдениеттердің жіктерінің ажыратылып алшақтануы сонша, тіпті адамдардың өздерінің екі түрге «гуманитарийлер» мен «техниктерге» бөлініп отырғандарын айтуға болады. Бүгінгі білім философиясының тағы бір міндеті адамгершілігі жоғары, жауапкершілігі мол адам тәрбиелеу болып табылады. Бұл ретте жоғары оқу орындарындағы студенттердің әсіресе қазақ тілі арқылы қазақ халқының о бастан адамгершілік және өмірлік философиясына деген көзқарастарын

калыптастыруды негізгі мақсат етіп қоюды талап ету проблемасы шешілуі тиіс. Соның ішінде техникалық бағытта білім алушы студентке оның білімі тек қана «техникалық заттарды» тану мен оның қозғалысы мен функциясын тану емес, сол техниканың адам өміріне қызмет етуін қамтамасыз етуін білуге, тануға көңіл бөлінуі керек. Сондықтан да жоғары оқу орындарындағы әрбір студентке қазақ тілін пән ретінде оқыта отырып, рефлексивті елестетуді де үйрету міндеті шешіліп отыруы тиіс, сонда «қазақ тілін оқытудағы рефлексия адамның өзін қоршаған әлемді оның барлық құбылыстарын ішкі сәулелендіруін, ішкі таным үдерісінің өтуі барысына құбылыстың өзі, адамның өз санасын өзіне қарай аударуы және оны болып жатқан процестер туралы өзінің ойлануы. Ал қазақ тілін оқытуда тілді үйренуші студент тіл заңдылықтары туралы білімді сіңіруі үшін өзі ғана атқаратын қызмет түрлерін белсендіруі тиіс. Сол механизмдер дұрыс қалыптасып, жүйелі жұмыс жасай отырып, дербестеніп, адамгершілік, өрелік, эмоционалдық, психикалық функциялар» [5, 123] қозғалысқа түсіп белсендірілуі арқылы қазақ тіліндегі тілдік құбылыстар мен қазақ тілінде сөйлеу қалыптасады. Бүгінгі жоғары оқу орнын бітіруші маманға қазіргі әлеуметтік жүйе жаңа талаптар қойып отыр. Олар:

- жоғары деңгейдегі кәсіби шеберлілік;
- рухани мәдениет саласындағы танымының кең болуы;
- мораль талаптары нормаларын орындау;
- өз қызметінің нәтижесіне жауап бере білу;
- өзіне және өзгеге дұрыс талап қоя білу.

Осы жерде болашақ маманның өзі мекен етіп отырған мемлекетінің төл тіліне деген жауапкершілікті сезіну, оған деген сый-құрметті өзінің ішкі нормасына айналдырып, білу міндетін де қосуға болады. Білім философиясының маңызды және негізгі мәселелері туралы тұжырымдарды қорытындылай келе, білім философиясына осы ғылымның рефлексиялық функциясын іске асыруға көмек беретін ғылымтанушылық тұрғыдан қарау дұрыс деп ойлаймыз. Өйткені білімнің кез келген ғылыми жүйесін құрылымдық-талдау тұрғысынан зерттеуді ұсынған П.В.Копновтың идеясына сәйкес кез келген ғылымда төменде көрсетілетін компоненттерден тұратын логикалық құрылымдар болады:

- негіз – қарастырылатын ғылымның алғашқы базалық білімін айқындаушы іргелі тұжырымдар;
- нормативтік салаға шығатын мән мен маңыздыны байланыстыратын заңдар, заңдылықтар, қағидалар, ережелер мен постулаттар;
- осы ғылымға тән және қаралып отырған объект, үдеріс, құбылысты түсіндіретін категориялар, ұғымдар, терминдер;
- пәндік ғылымның интегративті білім алуға және оны жетілдіріп отыруға мүмкіншілік беретін әдістер;
- осы ғылыми мәселелерді шешу жолдарын көрсететін болжамдар мен

идеялар;

– ғылымның эмпирикалық базисінің құраушысы, ғылыми білімнің объективтенуіне қажет, сол ғылымның негіздемесін, сенімділігін тексеруге қажетті фактілер.

Осы аталып көрсетілген логикалық компоненттердің барлығы білім философиясына тән, дегенмен де айта кететіні, олардың танылуы мен негізделенуі мазмұндық және ұйымдастырушылық сипатына қарай кейбір қиындықтар туғызады. Өйткені білім философиясы пәнаралық сипатқа ие. Дегенмен де ғылымның белгілі бір компонентінің даму немесе жеткілікті дамымауы сол ғылымның қалыптаспағанының көрсеткіші болып табылмайды. Бұған қоса айтарамыз, білім беру қызметінің нақты бір қырының зерттелуі міндетті түрде оның философиялық білім беру тұрғысынан талдануы мен синтезделінуін талап етіп отырады. Қазіргі кездегі жоғары оқу орындарындағы қазақ тілін ақпараттық технологиялар жүйесімен оқытылуының философиялық негіздері білім философиясы тұрғысынан қарастырылды. Сондықтан да қазақ тілінің ақпараттық технологиялар жүйесімен оқытылуы ақпараттық технология құралдары тілді меңгерудегі сапалы құрал ретінде қарастырылады. Оның адамзаттың дамуындағы, соның ішінде техника мен технологияның жетістіктерінің өзінің әлеуметтік-философиялық маңызын ескере отырып, олардың барлығының білім алушы субъектіге білім беру жолындағы тиімді құрал деп қарау керек. Ақпараттық технологияны қоғамға, барлық адамзатқа қызмет жасай алатын күші бар зат деп тани отырып, жоғары оқу орындарындағы студенттерді осы құралды игілікке тұтынатын субъект ретінде тәрбиелеу қажет. Соның ішінде тілдік білім беруде ерекше орын алатын болашақ маманға білім берудегі маңызды функция атқаратын рефлексияның ақпараттық технологиялар жүйесімен оқытудағы рөлін ашудың қадамдары жасалды. Бүгінгі күні жалпы білім философиясының өзінде қалыпты бағыттар айқындалып отырған жоқ. Бірақ осы салада зерттеу жұмыстарын жүргізіп отырған ғалымдар бұл бағыттарды айқындауды білімнің аспектілік зерттелуінің негізінде ғана мүмкін деп көрсетеді және бұл аспектілік зерттеулер құндылық-мақсаттық, жүйелік, үздіксіздік және нәтижелілік компоненттердің біріктіріле жүргізілуінде деген пікір айтады. Жоғарыда көрсетіліп отырған құрылымдық блоктар өздерінің өзара байланыстылығымен, біртұтастығымен жалпы философиялық білім берудің объектілік саласын көрсетеді. Осыған қатысты білімнің өзінің дамуының қозғаушы күші және объектісі ретінде адамның тұлға ретіндегі ділімдік негіздері, ол қоғамның материалдық және рухани өміріне деген қарым-қатынасы және оны қалыптастырушы білім берудің рөлі, әлеуметтің білімді дамытушы күші және де сол әлеуметтің білім саласындағы үрдістерге тәуелділігі анықталады. Мысал ретінде цифрлық технологияның дамуына байланысты қарастырылып отырған тілді ақпараттық технологиялар

жүйесімен оқыту мәселесін атауға болады. Сонымен қатар өркениет ретінде бұл жерде білім алушы субъектінің жалпы адамдық, адамгершілік қағидаларына және осы тұрғыда әлемдік адами қауымдастықтарға деген қарым-қатынасы айтылады. Білім философиясының логикалық құрылымдарын құраушы компоненттері негізінде жоғары оқу орындарында қазақ тілін ақпараттық технологиялар жүйесімен оқытудың философиялық негіздері әлі де болса өзінің арнайы зерттелуін күтіп отырған өзекті мәселе екендігін айтпақпыз. Қазақ тілін жоғары оқу орындары студенттеріне және жалпы ересектере оқытудың философиялық негіздерін айқындау тілдің жаттанды түрде игерілуін ғана емес, оның барлық адамзаттық құндылық ретінде танылып, мойындалуы арқылы меңгерілуі табысты да нәтижелі көрсеткіштерге жеткізуіне негіз болады. Сондай-ақ осы тұрғыдан тілді оқыту мәселесінің шешілуі қазақ тілінің Қазақстан халықтарын біріктіруші факторы деңгейіне көтеріліп, шын мәніндегі өзінің мәртебелі функциясын атқарудың негізін қалайды. Қазақ тілін ақпараттық технологиялар жүйесімен оқытудың философиялық негіздері қандай компоненттерден тұруы керек деген сұраққа жауап ретінде мынадай қағидаларды ұсынуға болады:

– негіз – қазақ тілін жоғары оқу орындарында оқытудың алғашқы базалық білімін айқындаушы іргелі әдістемелік тұжырымдар жасалуы керек;

– қазақ тілін жоғары оқу орындарында оқытуда нормативтік салаға шығатын мән мен маңызды байланыстыратын әдістемелік заңдар, заңдылықтар, қағидалар, ережелер мен постулаттар жасалғаны дұрыс;

– қазақ тілін ақпараттық технологиялар жүйесімен оқытуға тән және қаралып отырған объект, үдеріс, құбылысты түсіндіретін категориялар, ұғымдар, терминдер жүйесінің жасақталуы қажет;

– қазақ тілін жоғары оқу орындарында ақпараттық технологиялар жүйесімен оқытудың интегративті білім алуға және оны жетілдіріп отыруға мүмкіншілік беретін әдістер мен тәсілдер жүйесі болуы тиіс;

– осы ғылыми мәселелерді шешу жолдарын көрсететін болжамдар мен идеялар жасалып, зерттеулер жүргізіліп, нәтижелері қорытындылануы керек;

– осы ғылымның эмпирикалық базисінің құраушысы, ғылыми білімнің объективтенуіне қажет, сол ғылымның негіздемесін, сенімділігін тексеруге қажетті деректер жиналып тәжірибелік эксперименттерден өткізіліп, қорытындылары негізінде теориялық практикалық тұжырымдар жасалуы керек.

Әдебиеттер

1. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения: в 2-х т. –М.: Педагогика,1982. – Т. 2.
2. Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения: в 3-х томах. – М., 1961. –Т.2.
3. Гельвеций К. А. Сочинения в двух томах. Том 1. Записные книжки. Об

уме. (Сер. Философское наследие). – М.: Мысль, 1973.

4. Кант И. Прагматикалық антропология. Антропологиялық дидактика. Адамдағы ішкіні де, сыртқыны да тану. Танымдық қабілет туралы // «Әлемдік философиялық мұра». Жиырма томдық. Кант және Гегель философиясы. 8-том. – Алматы: Жазушы, 2006.

5. Құрманова Н.Ж. Сөз тіркесін оқыту барысында оқушылардың теориялық ойлауын дамыту әдістемесінің негіздері. – Алматы, 2001.

6. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. – Москва, 1991.

7. Федотова Е.Л. Информационные технологии в профессиональной деятельности. – Москва, 2008.

8. Основы теории коммуникации / под ред. проф. Василика М.А. – Москва, 2003.

9. Шлыкова О.В. Культура мультимедиа. – Москва, 2004.

10. Бодрийяр Ж. Система вещей. – Москва: Рудомино, 1995.

11. Розин В.М. Философия образования как предмет общего дела // Вопросы философии. – 1995. – № 11.

© Курманова Б.Ж., 2012

УДК 81'367

Курманова Н.Ж.
г.Астана (Казахстан)

Қазақ тілінің коммуникативтік синтаксисі

Қазақ тілі жүйесінің барлық ішкі элементтері мен категорияларының қызметі, түптеп келгенде, қазақ тіліндегі мәтінді құруға бағытталады, соған арналады. Қазақ тілінің иегері болып табылатын әрбір адамның танымдық үдерісін санасына тіл арқылы таңбалауы, ішкі сезімін тіл көмегімен сыртқа шығаруы, басқа адаммен тілдік қарым-қатынасқа түсуі - қазақ тілі жүйесіндегі кішісінен бастап ең ірісіне дейінгі элементтердің түрлі грамматикалық байланыстарға түсуі арқылы сөйлеуші адамды «коммуникантға» айналдыру қызметі деп түсініледі.

Қазақша сөйлеуші адамның толыққанды коммуникантқа айналуы үшін оның тек сөздің тура мағынасын біліп қоюы, сол тура мағынадағы сөздерді ғана грамматикалық байланыстар мен қатынастар арқылы сөйлем етіп құра алуы - тым жеткіліксіз. Бұл мәселе - тек қазақ тілін үйренуші өзгетілді адамдарға ғана байланысты деп ойламауымыз керек.

Қазақ мектебіндегі, қазақы ортадағы қазақтарға да қазақ тілін

коммуникативтік бағдарда оқытудың маңызы - тіл дәрежесінің биіктігін ойы мен сана биіктігіне теңдестіре алатындай жүйе жасау және тәжірибеде қолдану болып табылады.

Қазақ тілі жүйесінің әрбір элементінің формасын, оның лексикалық және грамматикалық мағынасын, түрлі функциясын тұстатықта таныта алатын коммуникативтік бірлік - сөйлем екені белгілі. Бірақ сөйлем коммуникативтік мақсатты, адамның тілдік қарым-қатынасқа түскендегі коммуникативтік жүгін толық атқара алмайды. Бұл ретте мәтіннің болмысын тану қажеттілігі туындайды. Сөйлем, ең алдымен, коммуникацияның бірлігі ретінде танылады. Сондықтан да сөйлемнің, ең алдымен, осы қызметі нысанаға алынып, сөйлемнің жіктемесін жасауда коммуникативтік ұстаным «коммуникацияның мақсаты» делініп басшылыққа алынады.

Коммуникацияның мақсаты бойынша қазақ тіл білімінде сөйлемдер **хабарлы, сұраулы, бұйрықты, лепті** деп бөлінеді. Дәстүрлі анықтамасы бойынша хабарлы сөйлем дегеніміз – белгілі бір нәрсе туралы не болғаны, не болмағаны туралы хабарламаны білдіретін сөйлем.

Мысалы:

Қарттар қалаға жиі барып тұрған екен. - Қарттар қалаға жиі барған емес.

Сұраулы сөйлем дегеніміз - біреу я бірдеме жайында білу мақсатымен сұрай айтылған сөйлем.

Мысалы:

Балалар үйге келді ме? Сабақ басталғанын білесің бе?

Лепті сөйлем дегеніміз - ерекше көңіл күйіне, сезімге байланысты айтылған ойды білдіретін сөйлем.

Мысалы:

Келгенің өте жақсы болды! – Қап, кетіп қалған екен зой!

Бұйрықты сөйлем дегеніміз - бұйыру, тілек-өтініш ету мақсатында айтылатын сөйлем.

Мысалы:

Балалар, оқуға бар, жатпа қарап! - Сен соны айтпай-ақ қойсаңшы енді! Тапсырманы орындаңдар!

Жалпы тіл білімінде де, қазақ тіл білімінде де қазіргі сөйлемнің коммуникативтік типтері бірден қалыптасып, не жіктеме бірден қабылданып кете қойған жоқ.

Бұл ретте А.Байтұсырнұлы жасаған сөйлемдер жіктемесі мен олардың анықтамасын айтуға болады.

1-кесте.

А.Байтұсырнұлы. Сөйлемнің коммуникативтік жіктемесі

Айтылуын ша айрылатын түрлері	Сұраулы сөйлем	Лепті сөйлем	Тілекті сөйлем				Жай сөйлем	
Айтылу түрлеріне қарай сөйлем төрт түрлі болады	Сұраулы сөйлем деліп жауап сұралған да айтылатын сөйлем аталады.	Лепті сөйлем деліп аталатын адам көңілі күйі, жан жайымен сөйлегенде, мәселен жан ауырғанда, не кенелгенде, танданғанда, сұқтанғанда, кейінгенде, есіркегенде, күйінгенде, сүйінгенде, қорыққанда, қуанғанда айтылатын сөйлемдер	<p>Нәрсенің болғанын, істің істелгенін көңіл тілеген орында айтылатын сөйлем түрлері тілекті деп аталады.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Көңіл тілегі түрлі айтылады: <p>1) бұйрық түрде; 2) өтініш түрде; 3) үгіт (ақыл) түрде; 4) жай тілек (мұрат) түрде.</p>				Сұраусыз, лепсіз, тілексіз айтылған сөйлемдердің бәрі жай сөйлем деліп аталады.	
Мысал: <i>Сен тамақ иштің бе? Үйде кім бар?</i>	Мысал: <i>Уф, Алла! Бітті қаным! Шықты жаным! Жарайды, бәрекелді, сабаз-ай! Тамаша қарағанға нұрың қандай!</i>	Мысал: Балалар, оқуға бар, жатпа қарап! Көруге жазғай еді, хақ тағалам! Көрінбей жоғал, шапшаң, көзіме енді!	Мысал: <i>Ат ерінді келеді, ер мұрынды келеді. Өзің қойған зекетші, біздің елде Жүзбай бар.</i>					
			Бұйрық түрде	Өтініш түрде	Үгіт (ақыл) түрде	Жай тілек (мұрат) түрде		
			<i>Келіңдер, бозбалар, атты алыңдар! Жетектеп тоғайыма ап барыңдар!</i>	<i>Даусыңды болмаса, бір шығаршы!</i>	<i>Балалар, оқуға бар, жатпа қарап! Жуынып киіңіңде ршапшаң ырақ!</i>	<i>Жасаған болғай панамыз, көруге жазғай еді! Құдай қосқан қосағым ақыретте кез келсін!</i>		

А. Байтұсырнұлының грамматикасындағы сөйлемге талдаулар жасау

үлгісі сол кездегі америкалық және еуропалық, ресейлік озық грамматикалық зерттеулердің үлгісінен және А.Байтұрсынұлының өзіндік тілдік таным әлемінен құрастырылған айшықты модель деп атап өту керек. Өйткені мұндай талдаудан туындаған ерекше сөйлем типтерінің атаулары мен оларға берілген анықтама, жіктеме қазіргі қазақ тіл білімінде дәстүрлі грамматикаға енбей қалып, бірақ кейінгі жылдардағы зерттеулердің нысаны болып «қайта оралып» келіп жатқан мәселелер екенін көріп келеміз.

Жалпы тіл білімі тарихында Ч.Фриздің сөйлемнің коммуникативтік типтеріне жасаған жіктемесі айрықша орын алды. Ч.Фриз өзінің жіктемесін дәстүрдегідей сөйлемнің меншікті семантикасынан емес, сөйлемдердің айтылуы барысында оған жауап ретіндегі кері қайтарылатын реакциясынан туындату керек деп ұсынды. Ч.Фриз дәстүрлі жіктемені жоққа шығармайды, бірақ ол жіктемені сөйлемдер түрінде емес, сөйленімдер түріндегі (высказывание) бірліктерге жасаған. Ч.Фриз сөйленімдердің бірнеше түрін айқындайды.

2-кесте.

1-түрі	Кері жауап ретінде тілдік реакцияны туындататын сөйленімдер	Сәлемдесу, «шақырулар», қаратпалар, сұрақтар т.б.
2-түрі	Кері жауап ретінде іс-әрекетті туындататын сөйленімдер	Өтініштер, бұйрықтар
3-түрі	Тілдік қарым-қатынасты жалғастыруға деген зейіннің сигналдарын туындататын сөйленімдер	Хабарламалар
Тағы бір қосымша түрі	Нақты бір тыңдаушыға, әңгімелесушіге арналмаған сөйленімдер	«коммуникативтік емес сөйленімдер», мысалы одағай сөздер (қазақ тіліндегі Алақай! Қап! Ойбай! Бәрекелді! сияқты одағайларды айтуға болады)

Ч.Фриздің жіктемесі сөйлемге берілген дәстүрлі анықтаманың мазмұнына тағы бір қабат енгізді деуге болады. Өйткені сөйлем айтылғанда, қалай болғанымен де, ішкі мазмұнында коммуникативтік мақсатты алып келетіні белгілі. Сөйлемнің алға қойған коммуникативтік мақсаты тыңдаушының жауап реакциясында көрініс табады. Сондықтан сөйлемнің коммуникативтік типтерінің әрқайсысының сипаттамасында араласқан белгілер келуі мүмкіндігін де жоққа шығаруға болады.

Бұл жағдайды біз А.Байтұрсынұлының жіктемесіндегі сұраулы, лепті, тілекті, жай сөйлемдерге келтірген мысалдарынан да, «тілекті сөйлемнің түрлерінен» де көреміз.

Ч.Фриздің жіктемесінің табиғилығы мен қазақ тілі үшін де өзектілігі айқын. Хабарлы сөйлемге бірденені хабарлау функциясын телігенімізбен, тыңдаушысында туғызатын реакциясына қарай отырып, хабарлы сөйлемнің

тыңдаушы тарапынан зейін қою сигналдарымен (мысалы, баға беру, келіс, келіспеу т.б.) синтагматикалық байланысқа түсуін қарастыру керек.

Мысалы:

- *Есікті жауап қойдым.*

- *Тух, қандай қапырық! Неге жабасың? Аш!*

Осы сөйленімдерді сөйлеу актісі тұрғысынан тұтастық деп алатын болсақ, онда бірінші тұрған хабарлы сөйлемнің мазмұны тыңдаушының үш түрлі реакциясын туғызып, лепті, сұраулы, бұйрықты сөйлемді айтуға жетелегенін көреміз. Мүмкін хабарлы сөйлемнің мазмұндық әлеуетінде соңғы үш түрлі сөйлемді туындататын «мазмұндық қуат» болған шығар? Мүмкін, *Есікті жауап қойдым* деген сөйлем толығымен хабарлы сөйлем емес, сонынан айтылатын үш түрлі типтегі сөйлемнің «дәні» алдын ала бар «аралық» сөйлем болар?

Сұраулы сөйлем де өзі талап ететін жауап сөйлеммен синтагмалық бірлікте айқындалады.

Мысалы:

- *Есікті жауып қойсам қайтеді?*

- *Жоқ, жаппаған жақсы, бөлме ыстық.*

Сонда алдыңғы айтылған сұраулы сөйлем өзінің мазмұнында бірнеше жауапты «ала келеді» десек, өрнекте берілген жауап-реплика сол варианттардың бірі ретінде танылады.

Бұйрықты сөйлем тыңдаушыны қандай да бір әрекетке «итермелеп», жағдаяттық тұрғыдан онымен (тыңдаушымен) бір әрекетті орындауы немесе тілдік құрал арқылы орындауға келісімін беруін/бермеуін білдіруге жетелей отырып тұтастық құрайды.

Мысалы:

- *Есікті жауып қой!*

- *Жаппаймын, бөлме ысып кетеді.*

Егер сөйлемді сөйленіммен байланысты дейтін болсақ, онда олардың бір-бірімен тепе-тең емес екендігін де мойындайтынымыз белгілі. Ч.Фриздің жіктемесіндегі «жанама» сөйленімдер туралы талдауына сүйенсек, сәлемдесулер – хабарлы сөйлемнің ең шеткі, тереңдегі перифериясына орналасқан бір түрі болып табылады. Сәлемдесудің мазмұнында айтушының тыңдаушы екінші адамға деген өзінің жақсы сезімдерін білдіру хабарламасы жатады. «Шақырулар» туралы айтатын болсақ, осы ретте Ч.Фриздің пікіріне А.Байтұрсынұлының «**тілекті сөйлемді**» іштей тағы 4-ке тарата жіктеуіндегі *бұйрық түрдегі, өтініш түрдегі, үгіт (ақыл) түрдегі, жай тілек түрдегі* сөйлемдер сәйкес келетінін аңдаймыз. Ч.Фриз бұған байланысты «сөйлеуші тыңдаушының зейінін өзіне бұру туралы өтініші» деген анықтама береді.

Ал «коммуникативтік емес» деп жіктеген сөйленімдерді Ч.Фриз сөйлем категориясы қатарынан мүлде алып тастайды. Себебі олардың

құрылысында сөйлемге тән белгілер мүлде жоқ деп көрсетеді.

Бұл талдаулар негізінде қазақ тіл білімінде хабарлы, сұраулы, бұйрықты, лепті сөйлемдерге коммуникативтік тұрғыдан толыққанды анықтама берілмегенін көре аламыз.

Сөйлемнің негізгі үш коммуникативтік типінің арасындағы қосалқы айырмашылықтарды тану үшін актуалды мүшелер әдісін қолдану керек болады. Осы үш сөйлем типінің әрқайсысының актуалды мүшелері барысында өзіндік ерекше белгісі болады.

Қалыпты хабарлы сөйлем белгілі бір пайымдауды, пропозицияны тікелей білдіреді. Бұл ретте хабарлы сөйлемдегі актуалды мүшелер жайылма және толық формада танылады: хабарлы сөйлемнің ремасы сөйлемнің ақпараттық ядросы білдіруі тиіс ақпаратты танытады, сонымен қатар ол ақпарат актуалды мүшелердің тематикалық бөлшегіне қарама-қайшылықта тұрады.

Мысалы:

Ол (тема) есікті жапты (рема).

Қалыпты бұйрықты сөйлемнің мазмұнында қандай да бір дерек туралы хабарлама яғни таза пропозиция болмайды. Мұндай сөйлем пропозицияның бір түріне негізделеді, бірақ оны тікелей білдірмейді. Мысалы: *Ол есікті жапсынышы.* Сөйтіп, бұйрықты сөйлемнің ремасы айқын пропозицияның ақпараттық ядросын білдірмейді, оның есесіне тілек, талап, қажеттілік (немесе қажет емес т.б.) түріндегі бұйрықтылық мағынаны білдіреді. Бұйрықтылық мағынадағы сөйлемнің болмысында бұйрықты сөйлемнің темасы түсіріліп қалуы мүмкін немесе қаратпа-өтініш формасына айналуы мүмкін.

Мысалы:

Есікті жауып жіберіңізші.

Есікті жапшы, балам!

Қалыпты сұраулы сөйлемнің ремасы ақпараттық тұрғыдан ашық болып келуі мүмкін. Бұл - ақпараттық бос орын. Бірақ бұл - сұраққа жауап беруші адамның жауабымен толықтырылатын бос орын.

Бұл «нольдік» ремалар сұраулы сөйлемде сұрау есімдіктерімен білдіріледі.

Мысалы:

-Есікті кім жапты?

-Мен.

Сұраулы сөйлемдегі сұрау есімдігі мен жауап сөйлемдегі рема екеуі бірігіп «сұрақ-жауап құрылымының ремалық бірлігін» танытады

Қалыпты лепті сөйлем сөйлемнің коммуникативтік типтері қатарында қарастырылады. Лепті сөйлем - ерекше интонациялық модельмен, сөздердің ерекше орын тәртібімен, сөйленімнің эмоциялық қанықтығын білдіруге қызмет ететін көмекші сөздердің ерекше құрылымымен маркерленген

сөйлем түрі. Бірақ көптеген ғалымдардың пікірінше, лепті сөйлемнің осы белгілері оны хабарлы, сұраулы, бұйрықты сөйлемнің бір қатарында тануға жеткіліксіздік танытады. Кейде хабарлы сөйлем де, сұраулы сөйлем де, бұйрықты сөйлем де ерекше леппен, жоғары эмоционалдық реңкпен білдірілуі мүмкін. Соған қарағанда «лептілік» - сол үш сөйлем түрінің де серіктесі сияқты. Лепті сөйлем өз бетімен ерекше бір коммуникативтік тип түрін құрай алмайтын сияқты. Ғалымдар таза лептілік мәндегі «Иә, Алла! О, құдайым!» сияқты сөйлемдер – жеке сөйленім үлгілері ретінде танылып, бірақ номинативтік-жағдаяттық, предикаттық мағыналарды білдірмейді, ал сөйлеуде айрықшаланған орны бар сөйленімдер деп таниды.

Сонымен, сөйлемнің коммуникативтік типтері мен оның жіктемесі туралы қарастыра келе, тіл білімінде үш негізгі коммуникативтік типтің және алты коммуникативтік белгілері аралас типі бар екенін анықтадық.

Хабарлы сөйлемнің аралас конструкциялары			Сұраулы сөйлемнің аралас конструкциялары		Бұйрықты сөйлемнің аралас конструкциялары
Сұраулы-хабарлы	Бұйрықты-хабарлы	хабарлы-сұраулы	Бұйрықты-сұраулы	Хабарлы-бұйрықты	Сұраулы-бұйрықты

Аралық коммуникативтік типтегі сөйлемдер, көп ретте, үлкен стилистикалық «жүк арқалайды». Осы сөйлемдерді стилистикалық зерттеу нысаны ретінде қарастыратын болсақ, онда оларды сөйлемнің коммуникативтік транспозициясының нәтижесі, оппозициялық, парадигмалық қатар ретінде тануға болады.

Дәстүрлі синтаксисте сұраулы сөйлем хабарлы, лепті, бұйрықты сөйлемдерден өзінің мақсаты мен модальділігі тұрғысынан ерекшеленеді. Бір қарағанда, қалау, өтініш мәнділікті де білдіретін сияқты. Сұрақ қою арқылы сөйлеуші тыңдаушыға жауап қату әрекетін, басқа да әрекеттерді орындатуды көздейді. Сұраулы сөйлемнің барлық уақытта нақты адресаты және екінші адамның қандай да бір реакциясын туғызатын «күші» болады. Осыған да байланысты орыстың ғалымдары Ф.Фортунатов, А.Пешковский сұраулы сөйлемді кең мағынасындағы бұйрықты-қалау мәнді сөйлемдердің қатарында қарастырған.

Сөйлеу актісі теориясын зерттеуші ғалымдар Гордон мен Лаккор «*Мен сенен сұрап тұрмын, неге жазбадың?*», «*Мен өтінемін, осыны бітіріп бере аласың ба?*» деген сияқты «әрі сұрақ- әрі өтініш сөйлемнің» логикалық формасын талдай келе, сұраулы сөйлемдерді сөйлеудің директивалық/бұйыру актілерінің қатарына жатқызады. Ал О.Есперсен өтініштер мен сұрақтарды айтылымның мақсатына қарай біріктіріп, «сұраулы сөйлем өзіндік ерекшелігі бар өтініш, қалау мәнді сөйлем болып табылады. Өйткені сұрақ қою арқылы сөйлеуші белгілі бір хабарламаны, бір нәрсені, өажетті мәліметті беруді өтінеді» деп санайды. У.Л.Чейфтің

айтуынша, «сұрақтардың түрлі типтерін бір аяға біріктіретін факті бар, сөйлеуші сұрақты тыңдаушының тілдік реакциясына сүйене отырып қояды, бірақ егістіктің императив типін (бер+іңіз, айт-ыңыз) қолданбай-ақ айта алады». А.Супрун сұрақты өтіну-бұйырудың бір түрі дей келе, «сұраулы сөйлем адамды сөйлеу әрекетіне итермелейді, белгілі бір хабарламаны, ақпаратты беруге жетелейді, жауапта берілетін сол мәлімет, хабарлама, ақпараттың мазмұны қойылған сұрақпен тығыз байланысты болып келеді, яғни жауап сұрақтың құрамындағы көрсетілген «белгісіздікті» білдіруі тиіс болады», - дейді.

1. Сұраулы сөйлемдер дәстүрлі түрде синтаксистік зерттеулердің ғана емес, логикалық зерттеулердің де қарастыратын нысаны болып келді. Өйткені сұрақ – ойлаудың, ой қозғалысының ерекше бір формасы болып келеді. Сұрақта білмеуден білуге қарай өту жолы байқалады, не болмаса жартылай білуден толық, нақты білуге қарай жол салынады. Түпнегізіне қарайтын болсақ, сұрақ дегеніміз – адам баласының бірдеңені білуге, тануға талпынысы. Барлық танымдық акт адамда «кім?» «не?» «неге?», «қалай?», «не істеді?» деген сияқты сұрақтарды қоюдан басталады. Тіпті десеңіз, танымдық үдерістің құрамында сұрақ міндетті түрде бар болып келеді. Сол сұрақ танымдық қызметті туғызып, сол сұрақ өзіне жауап іздетіп тыным бермейді. Сұрақ мәселесі, сонымен қатар сұрауды сөйлем мәселесін кен түрде қарастыру антикалық философиялық еңбектерден басталады. Ақиқатты тану мақсатында сұрақты қолданудың орны, реті мен маңызы туралы қарастыра отырып, антикалық философия өкілдері сұрақ қоя отырып эвристикалық та, диалектикалық та, риторикалық та әдістерді шебер қолданушы шәкірттер даярлаған. Сұрақтың эвристикалық қызметі туралы Ф.Бэкон *«біз тек сұрақтардың ғана қожайынымыз, ал бізді қоршаған заттардың түпмәні бізге бағынбайды»* деген.

Р. Декарт сұраққа терең талдау жасай келе, сұрақтың құрамында *«белгілі»* + *«белгісіз»* болатынын айтады. Сұрақтың құрамында екі белгінің қатар келуіне орай, философтардың пікірлері де екіге жарылады:

- бірінші топтың айтуынша, *«сұрақтың құрамында растау да жоқ, жалғанға шығару да жоқ, сондықтан сұрақ – пайымдауға жатпайды, сондықтан сұрақ ақиқат та болмайды, жалған да болмайды»;*

- екінші топтың айтуынша, *«сұрақтың құрамында жауаптың да, сұрақтың да дәні болғандықтан, сұрақ растаудан да, жалғанға шығарудан да басқа пайымдау түрі».*

Әрине, біз үшін философиялық талас негізгі емес. Дегенмен бұл пікірталастың біз үшін беретін пайдасы зор. Атап айтатын болсақ, сұрақты дұрыс қоя білу үшін ол сөйлемнің құрылымы қандай болып келгені дұрыс деген мәселені қарастыру маңызды болып табылады. Сұрақ – сұраулы сөйлем. Сөйлем – пайымдау. Ендеше, «сұраулы сөйлем-айтылымның» (высказывание) толық айқындығы оның еш мәнсіздігімен тепе-тең. Бұл

ретте толық айқын сұраулы сөйлем-айтылымға әйтеуір бір жауап беріледі немесе ол жауаптың жартысы сол сұраулы сөйлемнің ішінде беріледі. Мысалы, «*Немене, бүгін сабаққа түгел келмегенсіңдер ме?*» Бұл сұрақтың құрамында проблема туғызатын элемент байқалмайды. Бұл сұрақтың функционалдық сипаты танылмайды. Өйткені сөйлемнің құрамында «*Бүгін сабаққа түгел келмеңдер*» деген сенімді жауап өзі-ақ беріліп тұр. Немесе «*Қазақта Абайды кім білмейді?*» деген сұраулы сөйлемді алсақ, мұнда сұрақтың өзі жауапты айтып беріп тұр: «*Абайды қазақтың бәрі біледі*». Мұндай сұраулы сөйлемдерді ғылымда «квазисұрақтар» деп те атайды. XIX ғасырдың өзінде-ақ ғалымдар «жауабы алдын ала берілетін» сөйлем – мәнсіз сөйлем деп тануды ал сондай сұрақты айтқан адамды өтірікші деп атауды ұсынған. Бірақ одан риторикалық сұрақтар керек емес деген ұғым туындамайды. Риторикалық сұрақтардың категориялық маңызы зор.

Айқын емес емес сұраулы сөйлемдерді қарастырайық. Коммуникативтік үдерісте мұндай айқын емес сұраулы сөйлемдерді қою этикамен тығыз байланыста қарастырылады. Мысалы, «*Сенде ұят, намыс бар ма?*» деген сұраққа адам қалай жауап беруі мүмкін? Әрине, бір мәнсіз, мағынасыз жауап қана ала алады. Ал енді қойылуы дұрыс деп танылатын сұрақтар бар. Бұл сұрақтардың функционалдық қызметі - бір ұғымның анықтамасын білу немесе бір нәрсенің бар не жоқ екендігін білу. Мұндай сұрақтарға «иә», «жоқ» деген жауаптардың бірі берілетіні анық. Мұндай сұрақтар типі барлық уақытта мәнді болып танылады. (*Публицистикалық мәтіндерде сұрақтар қоюдың мәнділігі мен заңдылығы туралы ерекше қарастыруды қажет етеді.*)

Іс-әрекетті орындауға бағдарлы сөйлемдердің коммуникативтік формаларын тану үшін, коммуникативтік әрекетті анықтап алу керек. **Коммуникативтік қызмет** дегеніміз – мән мағыналардың әлеуметтік кеңістіктегі қозғалысы. **Коммуникативтік әрекет** дегеніміз – коммуникацияға қатысушылардың өзгермей, мән-мағыналық өзара байланыстың аяқталған операциясы. Коммуникацияға қатысқан субъектілердің үш мақсаты болады:

- *біріншіден*, реципиент коммуниканттан өзін қызықтырған белгілі бір мән-мағыналарды алғысы келеді;
- *екіншіден*, коммуникант реципиентке оған әсер ететін белгілі бір мән-мағыналарды хабарлағысы келеді;
- *үшіншіден*, коммуникант та, реципиент те қандай да бір мән-мағынлармен алмасқысы келеді.

Осыған орай, коммуникациялық іс-әрекеттің үш формасы болуы да әбден мүмкін.

1. Еліктеу. Еліктеу – мән-мағыналарды білдірудің аса ежелгі формасы. «Еліктеуде» реципиент коммуниканттан жеткен қозғалыс, іс-әрекет, қимылдарды қайталайды. Еліктеу еркін және бейсана түрінде өтуі мүмкін.

Еркін еліктеуді (имитация) мектепте жаңа технологияны, шеберлікті меңгеруде қолдану тиімділігі байқалады. Бейсана еліктеу – мектепке дейінгі балалардың алғашқы әлеуметтенуіндегі басты әдіс.

2. Диалог – адамдардың антропогенез үдерісінде адами тіл мен сөйлеудің қалыптасуы барысында игерген коммуникативтік өзара әсер етудің бір формасы. Диалогқа қатысушылар бір-біріне тең субъекті ретінде қарап, олар өзара белгілі бір мән-мағынаға ие болып келеді. Олардың арасында «субъект-субъектілік қарым-қатынас» қалыптасып, олардың өзара қарым-қатынасы шығармашылық деңгейіне көтеріліп, өзара партнерлік ортақтық қалыптасып, «БІЗ» дәрежесіне көтеріле алады. Диалогтік коммуникация оған қатысушылардың кезектескен айтылымдарынан құралады-дағы, олар өзара коммуникант және реципиент рөлдерін атқарады. Осылай, диалогке қатысушылар бірігіп, драматургиялық МӨТІН құрап, ол МӨТІН ерекше бір «аяқталған сипаттағы» мән-мағыналық толыққындылықты білдіреді.

3. Басқару – коммуникациялық іс-әрекет. Мұнда коммуникант реципиентті өзінің мақсатына жету құралы ретінде басқару нысаны ретінде қарастырады. Бұл ретте коммуникант пен реципиент арасында «субъекті – объектілік қарым-қатынас» қалыптасады. Басқару диалогтен мынадай еқасиеттерімен ерекшеленеді. Субъекті монолог құқығына ие, ал реципиент болып отырған объекті коммуникантпен пікірталасқа түсе алмайды, өзінің реакциясын кері байланыс арқылы білдіре алмайды. Басқарушылық монологы мынадай болып келеді:

- бұйрық формасында келеді (коммуникант бастық қызметте келеді-дағы, оны реципиент мойындайды);

- санаға енгізу яғни суггестия формасында келеді (жарнама, үгіт-насихат, уағыз) бір монологті қайта-қайта қайталау арқылы сөздің тыңдаушыны еріксіз тыңдату күшін қолданады;

- үгіттеу–сендіру формасында келеді; мұнда суггестия емес, логикалық тұрғыдан дұрыс құрылған аргументтер көмегі арқылы адамның санасына сүйену маңызды орын алады.

- басқару коммуникациясының ерекше формасы ретінде «жұқпалылық» (заражение) түрі аталады. «Жұқпалылық» ерекше эмоциялық қыздыра алатын күшімен және агрессиялығымен сипатталады. Оның бастау көздері ретінде мыналарды атауға болады:

- ритуалдық билер;
- музыка ритмдері;
- діни экстаз;
- спорттық құмар;
- шешендік шеберлік.

Санаға енгізу яғни суггестия жағдайында да, «жұқпалылықта» да үлкен орын бейсана бұйрыққа бағыну тұрады деп саналады.

© Курманова Н.Ж., 2012

Ассоциативное поле концепта *учиться* в педагогическом дискурсе

Все чаще современные исследования наук о человеке (философия, психология, аксиология, культурология, лингвистика, педагогика) проявляют интерес к мотивационно-смысловой и ценностной сферам личности, подтверждая тем самым доминирующий характер смысловых образований в регуляции жизнедеятельности человека. По мнению А.Н. Леонтьева, именно они оказываются той инстанцией, которая подчиняет себе другие жизненные проявления личности.

Анализ исследований в области лингвистики демонстрирует, что концепты все чаще интерпретируют как единицы мышления. Нам ближе всего позиция З.Д. Поповой и И.А. Стернина, полагающих, что язык служит не для осуществления мышления, а для выражения, сообщения и обсуждения результатов мыслительного процесса человека; последний же есть процесс оперирования концептами.

В связи с этим возникают закономерные вопросы детерминации слов и их трансляции на уровне различных жизненных контекстов. На наш взгляд, именно образованию здесь принадлежит приоритетное место как ситуации и социальному институту, который оказывает серьезное влияние на любой жизненный сценарий.

Наш интерес к педагогическому дискурсу не случаен. Обучение, являясь особенной деятельностью человека, выдвигает развитие личности в качестве обязательного атрибута, и сама природа передачи смысла от одного человека другому преломляется через уникальную специфику именно учебного процесса. В структуре последнего именно деятельность ученика занимает активную позицию. И нам представляется важным исследование концепта *учиться* как смыслообразующего во всей образовательной деятельности.

Целью данной статьи мы рассматриваем возможность показать спектр ассоциативного поля исследуемого концепта в педагогическом дискурсе.

Выбор в качестве метода исследования именно ассоциативного эксперимента продиктован авторитетными позициями А.А. Леонтьева о том, что ассоциативный эксперимент с наибольшей объективностью позволяет вскрыть «культурную» специфику словарных единиц, те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические «обертон».

В качестве экспериментальной методики был использован цепной ассоциативный эксперимент. Этот вид эксперимента был предпочтен свобод-

ному и направленному по нескольким причинам. Во-первых, при анализе первой реакции на слово-стимул он позволяет использовать возможности свободного ассоциативного эксперимента. Во-вторых, цепной ассоциативный эксперимент демонстрирует способности человека воспринимать одну концептуальную область сквозь призму другой и интерпретировать одни сущности в терминах других, что отражает задачи и направления «концептуально-метафорической гипотезы» (Дж.Лакофф, М.Джонсон, О.Брайен), взятой нами за основу.

На наш выбор также повлияли и результаты экспериментов, проведенные в свое время А.Н. Леонтьевым, которые показали, что реакции цепного ряда могут изменять качество ассоциаций. С содержательной стороны ассоциации становятся глубже. (Леонтьев 1983). Анализ динамики структуры ассоциативного ряда, по мнению А.Н. Леонтьева, помогает понять, что лежит в основе интеллектуальных процессов мышления.

В нашем эксперименте приняли участие педагоги общеобразовательных школ в количестве 34 человек, которым была дана следующая инструкция: «В ответ на предъявленное слово-стимул запишите первые 3 слова, приходящие в голову».

Педагогам был предложен список из 10 слов без соблюдения логической последовательности. При анализе результатов эксперимента учитывались все реакции преподавателей. Всего была получена 81 реакция. Список слов - стимулов: учить, труд, школа, учитель, сотрудничать, уважать, гуманный, ученик, учиться, вместе.

В настоящей статье мы представим некоторые результаты исследования ассоциативного поля концепта *учиться*.

В результате анализа общего числа субъективных ассоциаций испытуемых были получены следующие компоненты исследуемого концепта *УЧИТЬСЯ* - *трудиться, узнавать новое, уметь 5, знать, познавать, получать знания 3, делать уроки, добиваться, изучать, книги, овладевать знаниями, развиваться, стремиться, хотеть 2, богатеть, брать знания, достигать, знание, изучать, интернет, искать, качественно, книги, компьютер, мыслить, накапливать знания, необходимо, образование, обучаться, обязательно, овладевать, определять новые цели, опыт, осваивать, отвечать, отлично, перемена, понимать, постигать, работать, решительность, ручка, самообразование, совершенствовать себя, терпеть, тетрадь, труд, убеждать, уроки, учить хорошо, читать, эрудиция 1.*

УЧИТЬСЯ – 81+53+0+39.

Первая цифра указывает общее количество реакций на стимулы, вторая – количество разных реакций, третья – количество испытуемых, которые оставили данный стимул без ответа, т.е. количество отказов. Четвертая – количество единичных ответов, т.е. реакций, которые были даны только один раз и частота которых равна, соответственно единице.

В ходе эксперимента были выявлены следующие парадигматические ассоциации:

УЧИТЬСЯ - трудиться, уметь, узнавать новое, добиваться (достигать), знать, познавать, получать знания, делать уроки, изучать, овладевать (знаниями), развиваться, стремиться, хотеть, богатеть, брать знания, искать, мыслить, накапливать знания, обучаться, определять новые цели, осваивать, отвечать, понимать, постигать, работать, совершенствовать себя, терпеть, убеждать, учить, читать.

При психологической интерпретации результатов ассоциативного эксперимента наблюдается тенденция к преобладанию активной позиции обучающегося, в противовес бытовавшему недавно устойчивому сочетанию «приобретать знания, умения, навыки». Тем не менее, обращает на себя внимание требующая размышления ассоциация: *учиться – терпеть*.

Среди синтагматических ассоциаций можно выделить: *интернет (компьютер), книги, знание, качественно, необходимо, образование, обязательно, опыт, отлично, перемена, решительность, ручка, самообразование, тетрадь, труд, уроки, хорошо, эрудиция*.

В проводимом нами свободном и цепном эксперименте анализ первых реакций позволяет отметить динамику ассоциативного ряда. Лидирующий глагол *уметь* переходит в категорию цепных, производных реакций, оставляя преимущество для таких компонентов, как *получать знания, трудиться, узнавать новое* 3.

Компоненты, связанные с орудийной деятельностью учебной деятельности *ручка, тетрадь*, также перешли на периферию.

Несмотря на пассивный характер словосочетания *получать знания*, получившего максимальное число выборов, следует отметить позитивный характер большинства «первых» реакций, направленность на формирование активной позиции учащегося.

УЧИТЬСЯ - *получать знания, трудиться, узнавать новое* 3, *знать* 2, *изучать, книги, овладеть (знаниями), познавать* 2, *делать уроки, искать, знание, мыслить, обязательно, осваивать, отлично, понимать, постигать, работать, совершенствовать себя, стремиться, уроки, читать* 1.

Показателем современности, на наш взгляд, является появление в ассоциативном ряду следующих реакций: *интернет, компьютер, богатеть*.

Результаты исследования не являются конечными, поскольку анализу подвергаются как когнитивная, так и ценностная составляющие концепта.

Литература

1. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики [Текст] - М.: Смысл, 1997. – 287 с.
2. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. [Текст] - М.: Педагогика, 1983. Т.1, 2.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография [Текст] - Воронеж: Истоки, 2007, 252 с.

© Любименко Ю.А., 2012

**Текст по специальности при обучении
иностранному языку (виды связи)**

Организация обучения чтению научных текстов по специальности на иностранных языках невозможна без тщательного изучения их особенностей как основных носителей информации, необходимой для специалиста.

В лингвистике и психолингвистике текст определяется как речевое произведение, как результат речемыслительной деятельности и предполагает передачу речевого сообщения, направленного на удовлетворение познавательной, коммуникативной потребности людей в общении друг с другом (Гальперин И.Р., Леонтьев А.А., Маслов Б.А., Москальская О.И., Фридман Л.Г. и др.).

Как фрагмент коммуникации, как коммуникативная единица текст выступает в качестве средства передачи и получения информации и предполагает воспроизводимость в каких-то существенных чертах.

Многими учёными текст отождествляется с письменной речью, то есть, по характеру общения является опосредованным. Это говорит о его предварительной подготовленности, что предполагает наличие коммуникативной задачи. Наличие коммуникативной задачи определяет коммуникативную целостность текста. Целостность текста достигается связностью главной темы, подтем и субподтем между собой.

Исследователи единодушны в признании «связности» как важнейшей его характеристики. Связность в данном случае рассматривается как функционально-семантическая категория, которая охватывает логико-смысловую и композиционный аспекты сообщения. При всей сложности проблемы связности можно выделить несколько основных, на наш взгляд, групп видов связи.

Первую группу составляют *смысловые связи*. Под смысловой связью понимается внутривидовая связь, передающая предметные отношения. Учёт смысловой связанности текста позволяет более рационально и целенаправленно строить процесс обучения чтению на текстах, специально подобранных или обработанных с учётом особенностей смысловых связей.

Логические связи составляют вторую группу. Для методики преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах вузов важным является определение логических связей, характерных для изучаемых жанров научной литературы. Определение круга основных видов логических связей того или иного жанра, их распределение в тексте может способствовать подбору и составлению типичных в данной научной области текстов для

обучения различным видам речевой деятельности.

Третья группа связей, на которой следует остановиться, это, так называемые, *пространственные связи*. Особенностью данной группы является то, что она отражает логико-смысловые понятийные сообщения в линейно расположенной структуре текста посредством сцепления предложений между собой. Это собственно текстовые связи. С точки зрения методики преподавания иностранных языков наиболее существенными пространственными связями, на наш взгляд, являются: межфразовые, внутрифразовые, совмещённые связи, так как именно они «цементируют текст в единое синтаксическое и семантическое целое» [1, с.211]. В этом проявляется непосредственная соотнесённость связности как релевантной характеристики текста с его цельностью.

Языковые элементы как средство выражения смысловых и логических связей также представляют собой интерес для методики преподавания иностранных языков. Языковая выраженность позволяет конкретно судить о степени и качестве связности. Наиболее характерными для научных текстов являются лексические и синтаксические средства связи. К лексическим средствам относятся повторение существительного, замещение синонимами или словами субститутами и употребление слов обобщающего характера. Для научных текстов характерны, так называемые, синонимы словарные, которые по характеру являются терминологическими. Их можно задать списком для целой группы учебных текстов или отдельного текста и использовать в упражнениях на расширение и пополнение вокабуляра учащихся, на развитие умений выделять в тексте связующие элементы или основные смысловые вехи.

Таким образом, логико-смысловая структура научного текста представляет собой стройное логико-смысловое единство, которое достигается соответствующими средствами связи, отсутствие которых превращает текст в набор предложений, точное и полное понимание которого оказывается практически невозможным.

Становится очевидным, что при обучении чтению текстов по специальности на иностранных языках важно учитывать различные виды связи как средство, существенно влияющее на понимание текста. Особенно важно учитывать их при переработке или адаптации аутентичных текстов.

Литература

1. Ольшанский И.Г. Текст как единство элементов и отношений. // Лингвистика текста. Материалы научной конференции. – М.: МГПИИЯ им. М.Тореза. – 1974. – Ч.1. – С. 209 – 213.

© Магазова Н.З., 2012

К вопросу о виртуальном пространстве

Помимо традиционных и постмодернистских подходов к социальной реальности в последнее время обозначился «виртуалистический подход» к исследованию явлений действительности, который позволяет признавать в рамках одной и той же науки реальности разного типа, не сводимые друг к другу. Некоторые авторы склонны полагать, что «сейчас люди начинают жить на границе реального и виртуального», что «стирается граница между реальным и виртуальным, индивидуальным и коллективным «я» [8, с.5].

Идея виртуальности, хотя она и разрабатывалась еще в античной, восточной, византийской, схоластической философии, активно стала использоваться в последнее время в современной философии и науке. Виртуалистика бурно развивается во всем мире. В России создан Центр виртуалистики института человека РАН, создается направление «виртуальная психология».

М.Кастельс отмечает, что опыт истории заставляет нас отойти от классического разграничения человечества и природы, поскольку «тысячелетия человеческой природы включили природную среду в общество, делая нас материально и символически неотъемлемой частью этой среды» [4, с.38]. В этой же работе М. Кастельс утверждает, что возникает виртуальная реальность, объединяющая все эти начала: «Культуры созданы из коммуникационных процессов. А все формы коммуникации ... основаны на производстве и потреблении знаков. Т. о., не существует разделения между реальностью и символическим отображением. Во всех обществах человечество существовало в символической среде и действовало через нее. Поэтому исторически специфичным в новой коммуникативной системе, организованной вокруг электронной интеграции всех видов коммуникации, от типологического до мультисенсорного, является не формирование виртуальной реальности, а строительство виртуальной реальности... В некотором смысле вся реальность воспринимается виртуально» [4, с.351].

Новая коммуникативная система «радикально трансформирует пространство и время - эти фундаментальные измерения человеческой жизни. Местности (места), географические пространства лишаются своего культурно-исторического значения, вызывая к жизни пространство потоков, заменяющее пространство мест. Время стирается в новой коммуникативной системе: прошлое, настоящее и будущее можно программировать так, чтобы они взаимодействовали друг с другом. Материальный фундамент новой культуры есть пространство потоков и вневременное время. Эта культура включает разнообразие передававшихся в истории систем отображения; это

культура виртуальной реальности, где выдуманный мир есть выдумка в процессе своего создания» [4, с.353].

Как специальный философский и научный термин «виртуальная реальность» (от лат. *virtus* - доблесть, добродетель, энергия, сила и от позднелат. *realis* - вещественный, действительный, существующий в действительности; греч. аналог *virtus-arete*) появился в 80-х гг. XX в., когда в постклассической науке понятие объекта исследования было дополнено понятием реальности существования объекта, предполагающей, что существует много типов разнородных объектов, принадлежащих одной и той же реальности, как, например, в физике субстанциональное вещество и энергетическое поле принадлежат одной и той же реальности [7, с.157, 159]. Фундаментальное понятие виртуалистики - виртус - то, что заставляет событие осуществляться. Однако само понятие виртуального понимается по-разному.

Виртуальное трактуется как «возможное»: «Новая парадигматика говорит о перемещении смысла человеческого существования к проблеме возможного, виртуального, того, что человек может совершить лишь посредством нравственного и интеллектуального напряжения [2, с.15]. Л.Алексеев различает, например, 3 вида виртуальности: первая создается средствами массовой коммуникации, вторая разворачивается в Интернете, третий тип виртуальности являет собой окказиональные, индивидуально вызываемые варианты [1, с.26] Следует отметить, что к процессу прогрессирующей виртуализации жизни можно относиться по-разному. Так, Л.Алексеев оценивает этот процесс отрицательно, считая, что:

а) он способствует отрыву от реальной жизни, блокирует саму возможность жить, ибо происходит подмена реальной жизни псевдожизнью в виртуальном пространстве;

б) созданная искусственная реальность становится шире реальной, и человек, поглощенный этой новой реальностью, заменившей исходную, сталкивается с необходимостью решить, в которой из них он существует в человеческом качестве;

в) раздвоение между двумя формами бытия означает не только трудности психологического плана, но и необходимость новой социализации;

г) многомодельность понимания мира, многомодельность бытия порождает новые проблемы и гносеологического, и аксиологического плана. Мир распадается, растворяется в многообразии своих измерений и интерпретаций, которые невозможно совместить, не выходя из человеческой реальности, т. е. способности непротиворечивого понимания разбегающихся возможностей;

д) человек все меньше полагается на собственные силы. Все меньше он доверяет своим чувствам [1, с.26].

С некоторыми положениями автора можно согласиться, но в целом следует отметить их излишнюю категоричность.

Другого мнения придерживается А.Ваганов, считая, что мир помогает разобраться в сложных состояниях, возникающих в ситуациях, по-новому взглянуть на логику развития психики детей (оказывается, примерно до семилетнего возраста ребенок живет в мире, не разъединенном вполне четко в его сознании на виртуальный и реальный [3, с.10].

В более строгом научном плане проблема виртуальности разрабатывается Н.Носовым. Согласно его концепции, «виртуальной» можно назвать только такую реальность, которая отвечает четырем условиям: порождаемость, актуальность, интерактивность, автономность [7, с.157].

Идея виртуальности указывает на особый тип взаимоотношений между разнородными объектами, располагая их на разных иерархических уровнях и определяя специфические отношения между ними: порожденности и интерактивности. Объекты виртуального уровня порождаются объектами нижележащего уровня реальности. «Виртуальные объекты существуют только актуально, только «здесь и теперь», пока в порождающей реальности происходят процессы порождения виртуальных объектов; с окончанием процесса порождения соответствующие виртуальные объекты исчезают» [7, с.157].

Виртуальная реальность подчиняется своим «законам природы», в ней свое время и свое пространство, несводимые к законам времени и пространства порождающих реальностей, т. е. «внутренняя природа» виртуальной реальности автономна [7, с.157].

М.С. Кунафин отмечает, что специфической чертой виртуального информационного процесса является также принципиально новый феномен, в котором предметом становится сама информация. Слово в буквальном смысле становится предметом, правда, весьма своеобразным, им можно манипулировать как предметом, но на новом, так называемом «виртуальном уровне реальности» [6, с.184-185].

Применительно к языку, как нам представляется, принципиально важными являются следующие моменты нового подхода:

Категория виртуальности заставляет по-новому взглянуть на устоявшиеся представления, в частности, об объективности «реального» мира.

Зрительная система лишь поставляет человеку сенсорные стимулы, а человек сам строит из них образы предметов, а также переживания и чувства, сопровождающие восприятие этих объектов: ощущение тяжести, фактуры и др. Это, в свою очередь, означает, что образ объективного мира является виртуальным со всеми характеристиками виртуальной реальности [7, с.161].

В некоторых случаях образам внутреннего мира придается такой же статус реальности и существования, как и образам внешнего мира: «...сверхчувственное оказывается формой бытия, а сознательное и духовное - выражениями, прежде всего, сверхчувственной сложности человеческого

бытия, его континуальности» [5, с.94].

Онтологически снимаются ограничения на количество уровней иерархии реальностей и, в то же время, подчеркивается, что относительно конкретного человека актуально функционируют только две реальности иерархического уровня: одна - константная, одна - виртуальная.

Категория виртуальности позволяет по-новому представить статус «телесности человека», допуская выход из нее и переход в другую, необычную реальность [7, с.161-162].

Литература

1. Алексеев, Л. Гуманизм, персонализм и информатика (к общетеоретическим основам моделирования искусственной личности) [Текст] / Л. Алексеев // Здравый смысл. – М., 1998. – Т. 2. № 3/7. – С. 80.
2. Ахиезер, А. С. Об особенностях современного философствования (Взгляд из России) [Текст] / А. С. Ахиезер // Вопросы философии. - № 2,, 1998. – С. 3-17.
3. Ваганов, А. Виртуальный человек. Всякая реальность имеет право на достойное существование [Текст] / А. Ваганов // «Независимая газета». - № 4 от 19. 04. 2000. – С. 10.
4. Кастельс, М. И. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура [Текст] / М. И. Кастельс. - Пер. с англ. Под ред. Проф. О. И. Шкаратана. – М.: ГУВШЭ. – 2000. – 608 с.
5. Кемеров, В. Е. Введение в социальную философию. Учебное пособие для гуманитарных вузов [Текст] / В. Е. Кемеров. – М.: Аспект Пресс, 1966. – 215с.
6. Кунафин, М. С. Эволюция принципа объективности [Текст] / М. С. Кунафин. – Уфа: БГУ, 1998. – 312 с.
7. Носов, Н. А. Виртуальная реальность [Текст] / Н. А. Носов // Вопросы философии. -№ 10, 1999. – С. 152-163.
8. Супруненко, Ю. Грезы виртуального мира. Может ли компьютер подарить людям бессмертие? [Текст] / Ю. Супруненко // «Тайная власть». - № 21, 2002. – С. 5.

© Майоров А.П., 2012

**Фрактальные и голографические аспекты концепта в свете
квантовой теории**

Целью настоящей статьи является исследование возможности использования некоторых понятий квантовой физики применительно к теории концепта.

Е.С. Кубрякова, говоря о семиотической системе, воплощенной («embodied») в мозгу в виде «уникальной нейронной сети», отмечала, что про эту сеть «мы, к сожалению, знаем недостаточно» [4, с.28]. Сейчас можно утверждать, что благодаря новейшим открытиям в области теоретической физики открылись факты, которые вполне обоснованно могут использоваться и в лингвокогнитивных исследованиях.

В настоящее время многие исследователи в качестве общеметодологической науки склонны признавать квантовую физику [7, с.8]. Физика становится тем, чем она была на самых первых этапах своего становления – «экспериментальной философией» [8, с.14]. Согласно квантовой теории, мир существует в виде взаимопроникающих волновых полей с бесконечными потенциальными возможностями, когда мы не наблюдаем за этими полями, и которые преобразуются в похожие друг на друга частицы (кванты), когда наблюдаем. Упрощенно говоря, когда мы наблюдаем за ними, они — частицы; когда не наблюдаем, они — волны [12]. Ученые, исследующие лингво-ментальные процессы, усматривают сходство квантовых и познавательных систем в их бинарной «актуально-потенциальной» структуре (ср., напр., аналогичные кантовские категории). Поступающая в сознание информация условно делится на две группы. К первой относятся «актуально переживаемые» феномены, обладающие в субъектном ментальном континууме определенной локализацией и качественной формой (ощущения, чувственные образы и представления). Ко второй группе относятся «потенциально переживаемые» явления, т. е. переработанная сознанием информация (смыслы, оценки, интенции). Они не имеют качественной определенности, пространственной и временной локализации. Это сверхчувственные феномены, которые **одновременно существуют и не существуют, даны и не даны субъекту**. Мы не можем отрицать непосредственного присутствия в сознании таких феноменов, как смысл или волевое усилие, но не в состоянии описать, что мы переживаем, когда «чувствуем» смысл или совершаем волевые действия (акты). Сознание не способно «схватить» потенциальность смыслов и оценок как нечто однозначное, качественно определенное. Для перехода от первой группы ко второй необходимо сопоставление ново-

го с уже имеющимся и зафиксированным знанием (опытом), что создает возможность «развертки», интерпретации смысла поступившего сообщения посредством имеющихся суждений, слов. До реализации такой развертки сознание в какой-то момент времени «предчувствует» **«саму возможность соотнесения осмысливаемой информации с уже имеющейся информацией; переживание этого «предчувствования» и есть непосредственное переживание смысла поступившей информации** (выделено мной. - О. М.)» [8, с.483]. Таким образом, смысл есть не что иное, как осознание заложенных в воспринимаемом образе или представлении потенциалов. Е. Д. Павлова выдвигает гипотезу о том, что описанную физикой волновую функцию можно рассматривать как отражение объективно существующего в природе «идеального», сверхчувственного начала, приближающегося по своему онтологическому статусу к «эйдосам» Платона, «как особую конфигурацию существования, как нечто, онтологически наличное, присутствующее в составе бытия» [8, с. 483-484].

Понятие бинарности как выражение взаимодополнительности категорий актуальности и потенциальности в их симбиотическом единстве приобретает все больше сторонников в сфере когнитивной лингвистики с отказом от прямолинейного дихотомического противопоставления поверхностных и глубинных структур языка в духе Н. Хомского. Это проявляется, в частности, в формировании нового метаязыка описания взаимодействия ментальных и лингвистических структур, что можно продемонстрировать на примере понятий *фрактал* и *голографичность* применительно к языку. Представляется необходимым хотя бы схематично очертить историю появления и развития данных понятий, а также в первом приближении попытаться обозначить их место в лингвистической теории.

Термин *фрактал* (от лат. *fractus* – *дроблённый, сломанный, разбитый*) был введен в научный оборот в 1985 г. известным французским и американским математиком, создателем фрактальной геометрии Бенуа Мандельбротом (*Benoît B. Mandelbrot*) в значении «геометрическая фигура, обладающая свойством самоподобия, то есть составленная из нескольких частей, каждая из которых подобна всей фигуре целиком» [6]. Обычно фракталы — это неровные кривые или асимметричные формы, повторяющиеся на каждом уровне, поэтому их трудно представить средствами классической геометрии. *Голограмма* (от греческих слов *holos* – *полный* и *grapho* – *пишу*, что означает полную запись изображения) – это объёмная картина, возникающая в результате интерференции световых волн. Она демонстрирует уникальный принцип мироздания, согласно которому каждая частица может содержать в себе информацию о целом. Уникальная модель, предлагаемая голографией, помогает понять энергоинформационную структуру Вселенной [1]. Впервые голографическую модель применительно к исследованию мозга использовал известный американский врач, психолог и нейрофизиолог

лог австрийского происхождения Карл Прибрам. В многочисленных экспериментах он пришел к выводу: память не локализуется в отдельных участках мозга, а распределяется в мозговой ткани как единое целое. Это доказывалось множеством фактов: пациенты, у которых был частично удален мозг по медицинским показаниям, не жаловались на потерю конкретной памяти; они не теряли селективную память; люди, получившие травму головы в катастрофах, помнили всех членов своей семьи или прочитанный ранее роман; даже удаление височных долей не приводило к провалам в памяти, не нарушались также специфические структурообразования пациента [9, с.188-189].

Указанные понятия начинают широко использоваться в гуманитарных науках в связи с разработкой концепций «распределенного сознания», «диссипативных структур», «теории множеств» В.Серпинского, «нелинейности дискурса», «вероятностной модели языка» В.В. Налимова, «теории неравновесных систем» И. Пригожина и И. Стенгерс и т. д. Так, к «нейролингвистическим фракталам» некоторые авторы относят *танец* (соматический фрактал), *музыкальное произведение* (аудиальный фрактал) [2, с.205]. Нейро-лингвистическим фракталом является язык, на что обращает внимание профессор В.Л. Ибрагимова, отметив взаимосвязь фрактальности и голографичности (стереоскопичности) в языке: «**Фрактальность языка** – это предопределенная его природой способность разветвляться на разных уровнях своей структуры и расширяться путем многочисленных (в случае со словом – бесчисленных) итераций. ... Сравнение структуры слова и структуры языка дает основания предположить, что именно **слово** являет собой некую самоподобную часть языка – его **фрактал**, структурно приближающийся к **голограмме** (выделено нами. – О. М.) – «портрету» языка в бесконечно-многократно уменьшенном масштабе» [3, с.17]. Эвристичную модель использования категорий фрактала и голографичности как принципов самоорганизации, достраивания смысла с выходом в трансцендентальное пространство предложил В.В. Тарасенко [10]. Эти идеи были развиты автором в работе «Фрактальная логика», где он предположил, что логические фракталы – это бесконечные последовательности смыслов, распределенных в языке, в культуре, в квантовых системах в форме виртуальных значений, которые разумный человек самостоятельно локализует, т.е. «переводит из бесконечного цикла возможных итераций в конечную мысль» [11, с.109].

В заключение отметим, что фрактальный и голографический подходы могут свидетельствовать в пользу выдвинутой нами гипотезы [5, с.15], в соответствии с которой концепт представляет собой стереоскопическую единицу волнового информационного поля, или информационную матрицу (интерферограмму), равномерно распределенную в ментальном (психическом, логическом, семантическом) и физическом пространствах, существующую как нечто целостное в формах универсальной взаимной преобразуемости.

Литература

1. Влахов, А.Л. Тоннель - XXI [Электронный ресурс] /А.Л. Влахов // URL:<http://www.gorodnaneve.de/ustroystvo-mira/gologramma-kak-lik-vselennoy.html> (дата обращения: 12. 09. 2012).
2. Дилтс, Р., Делозье, Дж. НЛП-2: поколение Next [Текст] / Р.Дилтс, Дж.Делозье. - Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2012. – 320 с.
3. Ибрагимова, В.Л. О фрактальной реальности языка [Текст] / В.Л. Ибрагимова // Семантические, грамматические и когнитивные категории языка: [Юбилейный сборник в честь Почетного академика АН РБ доктора филологических наук профессора Л.М. Васильева]. – Уфа: Гилем, 2007. – С. 14-17.
4. Кубрякова, Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека [Текст] / Е. С. Кубрякова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике 26-28 сент. 2006 г.: сб. материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. – С. 26-31.
5. Майорова, О.А. Концепт: информационные аспекты [Текст] / О.А. Майорова. Изд-е Башгосмедуниверситета. – Уфа, 2010. – 163 с.
6. Мандельброт, Б. [Электронный ресурс] / Б. Мандельброт // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Мандельброт>, Бенуа (дата обращения: 13. 09. 2012).
7. Налимов, В.В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков [Текст] / В.В. Налимов. - 3-е изд. – Томск - М.: Водолей Publishers. – 2003.
8. Павлова, Е.Д. Сознание в информационном пространстве [Текст] / Е. Д. Павлова. – М.: Academia, 2007. – 688с.
9. Прибрам, К. Языки мозга (Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии) [Текст] / К. Прибрам. – Перевод с англ. Н.Н. Даниловой и Е.Д. Хомской. Редактор А.Р. Лурия. – М.: Изд-во «Прогресс», 1975. – 464 с.
10. Тарасенко, В.В. Познание как фрактальное блуждание в мире [Текст] / В.В. Тарасенко // *Что значит знать?*: сборник научных статей (отв. ред. Гутнер Г.Б., Катречко С.Л.). — М.: “Центр гуманитарных исследований”, СПб.: Университетская книга, 1999. – С. 389-427.
11. Тарасенко, В.В. Фрактальная логика [Текст] / В.В. Тарасенко. Издательство «Либроком», 2009. – 120 с.
12. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.evangelie.ru/forum/t84260.html>. (Дата обращения 13. 11. 2012).

© Майорова О.А., 2012

**Релятивы с компонентом-зоонимом в функции междометий
в английском, французском и русском языках**

В качестве релятивов выступают «реакции на слова собеседника или ситуацию» [3, с.3]. Обладая высокой степенью эмоциональности, релятивы могут выступать в речи в виде междометий, особой части речи, «которая выражает, но не называет различные чувства и побуждения» [2, с.149]. Междометия относятся к периферийной области лингвистики, поскольку находятся на границе вербальной и невербальной коммуникации. Их двойственность заключается в том, что «с одной стороны, это ненамеренные симптоматические проявления внутреннего состояния говорящего лица, с другой — это обычные языковые знаки, единицы лексикона» [12, с.260]. «Двойственность отличает междометия от других знаков языка, что давало и дает возможность ученым сомневаться во многих вопросах, связанных с данным классом слов» [5, с.30]. Междометные фразеологические единицы (далее МФЕ) с компонентом-зоонимом, выступающие в функции релятивов, рассматриваются нами в качестве единиц, которые обладают основными характеристиками фразеологизмов, а именно: «целостностью, раздельно-оформленностью, воспроизводимостью, образностью и экспрессивностью» [6, с.28].

МФЕ привлекают внимание многих лингвистов и являются объектом изучения на материале различных языков в трудах таких ученых, как Н.Ф. Алефиренко, Д.О. Добровольский, А.В. Кунин, А.И. Молотков, А.Г. Назарян, А.Д. Райхштейн, В.Н. Телия. Существуют два подхода к определению сущности междометных оборотов. Согласно первому, «включение междометных выражений в состав фразеологизмов языка так же условно, как условно отнесение собственно слов-междометий к лексическим единицам языка» [7, с.8]. Такое понимание сущности МФЕ связано с неравным распределением, по мнению сторонников первого подхода, у данных единиц составляющих фразеологического значения, а именно с отсутствием денотативного компонента (номинативного и понятийного), и преобладанием эмотивного из коннотативных компонентов. Сторонники второго подхода МФЕ относят к «идиомам» (А.Г. Назарян), «идиоматизмам» (А.В. Кунин) или к единицам, основу семантической структуры которых составляют «коннотативные семы преимущественно идиоэтического характера» [1, с.149]. «Особенностью междометной семантики является полное экспрессивное переосмысление» [10, с.68]. МФЕ, как и все служебные, выполняют эмотивную функцию, «т.е. выражают эмоции и волевые импульсы говорящего, сигнали-

зируют о его эмоциональной реакции» [9, с.121]. А.В. Кунин полагает, что «денотативный аспект междометной семантики проявляется в соотношении междометия в каждом отдельном случае контекстной реализации с экстралингвистической ситуацией» и что коннотативный аспект междометия обеспечен благодаря таким компонентам эмотивности, как экспрессивность, интенсивность и оценочность [4, с.172].

Названия животных активно входят в состав МФЕ любого языка. Обладая коммуникативными функциями, МФЕ с компонентом-зоонимом могут выражать определенное отношение к ситуации, оценку, эмоциональное состояние, а также использоваться в качестве средства душевной разрядки, средства избавления от отрицательных эмоций [11]. Приведем примеры: *Lord love a duck!* (≈ Вот тебе раз! Вот так да!), *Starve the sparrows!* (≈ Черт возьми!), *Quel oiseau!* (= Что за птица!), *Nom d'un chien!* (≈ Елки-палки!), *Ko всем псам! Хорош гусь!*

А.Г. Назарян выделяет две основные группы МФЕ: фразеологизмы, выражающие различные чувства (одобрение, неодобрение, удивление, досада, презрение, радость, просьбу, клятву, боязнь, отчаяние) [8]. Анализ исследуемых МФЕ показал, что данная группа преобладает в трех языках: *What a lark!* (≈Как забавно! Как весело!), *Stone the wombats!* (≈Черт возьми!), *Stiffen the lizards!* (≈Черт возьми!), *Quelle limace!* (≈Вот рохля!), *C'est le chat!* (иронический ответ на попытку оправдаться), *Sacré cochon!* (≈Тьфу, черт!), *Еж тебя наколи! Волк тебя ешь! Ешь ты мухи с комарами! Пес меня забери!* Вторую группу, согласно А.Г. Назаряну, образуют фразеологизмы, имеющие побудительное значение (поощрение, вызов с угрозой, побуждение, пожелание, призыв к умеренности, к тишине, предостережение): *Get off the high horse!* (≈Не задирай нос!), *Hold your horse!* (≈Полегче на поворотах!), *Don't be a goat!* (≈Не будь дураком!), *Don't have a cow!* (≈Не паникуй!), *Chante beau merle!* (≈Рассказывай сказки!), *Le petit oiseau va sortir!* (≈Внимание! Снимаю!), *Enlevez le boeuf!* (≈Готово!), *Une vache de belle maison!* (≈Молодец!), *Попридержи коней! Сейчас вылетит птичка! Пошли они к козе на именины!*

Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко выделяют четыре семантических типа МФЕ русского языка: эмоционально-оценочные, повелительно-экспрессивные, эпистемические и формулы социального этикета [1]. Такой классификации придерживаются не все и исключают формулы, относящиеся к этикету. В рамках нашего исследования под МФЕ понимаются такие «междометные фразеологические образования, которые «обладают признаками междометий», т.е. «служат для выражения различных чувств, эмоций, волевых побуждений лица, имеют те же синтаксические свойства, что и междометия» [5, с.30]. Большая часть анализируемых МФЕ английского, французского и русского языков обладают эмоционально-оценочным значением и могут выражать удивление, разочарование, осуждение, восхищение

и др. МФЕ с компонентом-зоонимом могут выражать как положительные, так и отрицательные эмоции. Мелиоративную оценку имеют следующие примеры: *What a lark! The cat's pajamas! It's the duck's guts! Une vache de belle maison! C'est du chouette!* Большая часть МФЕ с компонентом-зоонимом обладает пейоративной оценкой: *Sell your ass! Dog my cats! No flies on him! What a louse! Nom d'un chien! Quelle limace! Cochon qui s'en dédit!* Пошли они к козе на именины!

В синтаксическом плане МФЕ «не входят в систему предложения в качестве его членов, они выступают как самостоятельные и обособленные речевые единицы, отделяемые запятой или восклицательным знаком, а иногда и тем и другим» [8, с.139]. Приведем некоторые примеры, соответствующие данным критериям МФЕ: *A l'ours* (≈Долой! Вон! Прочь!), *A la chouette!* (≈Здорово!), *От верблюда!*, *Ко всем псам!* *Едят тебя мухи!* *Опять за рыбу деньги!* *Пошли они к козе на именины!*

Однако некоторые исследователи (Н.Ф. Алефиренко, Д.А. Тишкина) к МФЕ относят также вопросительные и утвердительные обороты. В исследуемых языках большая часть МФЕ с компонентом-зоонимом имеет структуру побудительных предложений. Структурой словосочетаний обладают редкие примеры: *Very like a whale!* (≈Так я и поверил! Ну конечно! Как бы не так!), *A pretty/fine kettle of fish!* (≈Веселенькая история, хорошенькое дело!), *Nom d'un chien!* (≈Черт возьми! Елки-палки!), *Sacré cochon!* (≈Тьфу, черт!), *A la chouette!* (≈Здорово!), *Ко всем псам!*

Следует отметить, что формальным показателем разграничения МФЕ и коммуникативных ФЕ, имеющих структуру предложения, выступает «возможность включения коммуникативных фразеологизмов в систему предложения в качестве его составной части, в то время как для междометных фразеологизмов такая возможность, как правило, исключена» [8, с.148]. Учет данных критериев позволяет отнести в отдельную группу ФЕ, совмещающие признаки междометий и некоторых других частей речи и обладающие на этой основе размытостью категориальных границ. Данную группу образуют: *in a pig's ass/eye/ear!* (≈дудки! черта с два!; никогда!), *свинья свиней, идет коза рогатая, думает <только> индейский петух (да генералы), это и кошку рассмешит.*

Таким образом, говоря о структурных особенностях исследуемой группы релятивов, отметим, что большинство МФЕ с компонентом-зоонимом имеют предикативную структуру. Тем не менее, во французском языке отмечен пример частичнопредикативной структуры: *Cochon qui s'en dédit!* (≈Ей-богу!). Кроме того, анализ исследуемого материала французского языка показал, что предикативные МФЕ с компонентом-зоонимом представлены преимущественно двусоставными предложениями, начинающимися с презентатива “c'est” в утвердительной форме или “ce n'est/c'est pas” – в отрицательной. Ряд МФЕ с компонентом-зоонимом английского языка

строится по модели «глагол+существительное». МФЕ с компонентом-зоонимом русского языка часто имеют в своем составе объектное местоимение.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Баранов М.Т. Русский язык: Справ. материалы: Учеб. пособие для учащихся / М.Т. Баранов, Т.А. Костяева, А.В. Прудникова ; Под ред. Н.М. Шанского. – М.: Просвещение, 1989. – 288 с.
3. Квеселевич Д.И. Современный русско-английский фразеологический словарь: свыше 5000 фразеологизмов / Д.И. Квеселевич. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 620 с.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996. – 381 с.
5. Купцова А.А. Междометные образования с компонентом "Бог" : структурно-семантический и когнитивный аспекты: дис. ... канд. филол. наук / Купцова А.А. – Иркутск, 2010. – 206 с.
6. Литовкина А.В. Междометные фразеологические единицы: семантические, структурно-синтаксические и функциональные характеристики (На материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук / А.В. Литовкина. – Саратов, 2005. – 213 с.
7. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. – 284 с.
8. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. (Для ин-тов и фак. иностр. яз.): Учебное пособие. – М.: Высш. шк., 1976. – 318 с.
9. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка: Учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 288 с.
10. Тишкина Д.А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в английском и русском языках: сопоставительный анализ: дис. ... канд. филол. наук / Тишкина Д.А. – Казань, 2008. – 219 с.
11. Трубина О.Б. Жаргонные и просторечные элементы в функции междометных высказываний: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. – М., 1993. – 23 с.
12. Шаронов И.А. Функционирование междометий в языке современной молодежи / И.А. Шаронов // Изменения в языке и коммуникации: XXI век: Сборник научных статей / под ред. М.А. Кронгауза. – М.: РГГУ, 2006. – С. 259-272.

© Маклакова Е.М., 2012

Условия процесса понимания текста

Вопрос о восприятии и понимании текста является актуальным и интересным не только для лингвистики, но и для многих смежных научных дисциплин. В данной статье ставится целью определить условия данного процесса.

Восприятие – одно из фундаментальных понятий психологии, рассматривавшееся также и в философии, в физиологии, в нейронауках и т.п., имеет длительную историю своего исследования, но не имеет общепринятого толкования. Восприятие охватывает широкий круг явлений и процессов, начиная от спонтанного восприятия до обобщения сенсорного чувственного опыта в виде отражения окружающей нас объективной действительности. «Особенностью восприятия... является отражение предмета в целом как совокупности и взаимосвязи свойств» [4, с.27]. Считается, что восприятие «являет собой не пассивное созерцание мира, но активное и живое взаимодействие с окружающей средой, направленное на приспособление человека к среде и его выживание, а, следовательно, и на извлечение из потока информации необходимых и полезных сведений» [5, с.23].

Воспринимая речь, человек соотносит сказанное с действительностью, со своими знаниями о ней, со своим опытом. В процессе восприятия человек активен, выдвигает гипотезы относительно дальнейшего содержания и осуществляет смысловые замены.

Восприятие и понимание текста – один из самых сложных видов речевой деятельности, отражающий не только языковую компетенцию субъекта, но и психологические характеристики наряду с индивидуальной спецификой интеллектуальной деятельности. Некоторые исследователи противопоставляют восприятие и понимание сообщения, поскольку для восприятия необходимо только владение «языковым кодом», и оно «как бы предшествует пониманию», а «в понимании имеется экстралингвистический аспект; оно предполагает знакомство слушателя с теми явлениями объективной действительности, которые служат предметом высказывания, его содержанием» [3, с.32].

Восприятие есть процесс отражения совокупности свойств изучаемого текста, их узнавание и отнесение к определённой категории уже известных свойств и явлений, их осмысление. По известному утверждению А.И. Новикова, внешние формы языковых знаков «декодируются и приобретают содержание только в процессе восприятия и понимания, т.е. в результате их взаимодействия с интеллектом, где и формируется содержание текста как

некоторое мыслительное образование» [6, с.31]. Глубокое и полное понимание текста должно базироваться на знании; более того, понимание выходит за рамки знания. Н.И. Жинкин в своей статье объяснил понимание текста следующим образом: «При понимании текста (декодировании) осуществляется переход от полных слов к общему смыслу сообщения. При составлении текста (кодировании) необходим переход от общего смысла сообщения к полным словам. В обоих случаях процесс осуществляется во внутренней речи» [2, с.26-38]

Тем не менее, общеизвестен тот факт, что в интерпретации одного и того же текста разными реципиентами часто наблюдаются значительные расхождения. Прежде всего, это относится к художественным текстам, так как другие виды текстов (например, научные тексты) строятся так, чтобы быть однозначно понятыми читателем. Художественные тексты предполагают различия в трактовке их смысла, ведь содержание художественного текста зачастую «настолько неоднозначно, что можно говорить о множественности содержаний» [1, с.29]. Эти «множественные содержания» формируются вследствие нескольких факторов. Можно выделить три группы таких факторов: характеристики личности, выступающей в качестве субъекта восприятия и понимания; параметры текста и той реальности, которая в этом тексте отражается; ситуации, в которой протекает процесс восприятия и понимания.

Характеристики личности. Личность воспринимает и перерабатывает информацию как целостная система, обладающая индивидуальными психофизиологическими, психологическими и социальными особенностями (различиями психических процессов, направленностью и характерологическими свойствами, социально-классовой, идеологической принадлежностью и др.)

Важнейшим из действующих при контакте читателя с текстом механизмов является установка восприятия. Это зависящая от фундаментальных компонентов сознания людей готовность, предрасположенность реагировать определенным, соответствующим его позициям образом на предлагаемую информацию.

Первый этап работы установок – поисковые операции, в ходе которых в соответствии с жизненными позициями, ценностями и стремлениями реципиентов выбирается источник текстового сообщения и определяется отношение к нему в целом и к его отдельным составляющим (авторам, разделом и т.д.). На этом этапе возникает предварительная оценка возможной информативности оказавшихся в поле восприятия произведений и в соответствии с этим определяется главный предмет восприятия.

Второй этап – собственно восприятие. Включаясь в процесс контакта с информацией, установки предопределяют отбор сведений (селективность восприятия), их значимость для реципиента и затем «передачу» на хранение

(селективность запоминания).

Прекращение контакта с текстом (т.е. завершение чтения или просмотра) не означает, что его восприятие закончено, идет переработка информации, ее включение в систему сознания, в той или иной мере перестраивающегося под влиянием воспринимаемого.

Включенность в деятельность. Рассматривая характеристики человека как субъекта восприятия и понимания, следует указать, прежде всего, на характер осуществляемой им деятельности и меру его включенности в эту деятельность, поскольку осмысление и понимание действительности возможно только в контексте целесообразной деятельности и обусловлено великим многообразием явных и крайне сложно опосредованных целей, преследуемых человеком. Чем сложнее цели, тем большее число взаимосвязей приходится учитывать, тем глубже требуется проникать в сущность явлений и тем большая степень понимания достигается. С деятельностной природой понимания связан вопрос о его соотношении с интерпретацией. Так, Е.Н. Нурахметов полагает: «Адресат – это всегда интерпретатор, независимо от того, осуществляется ли интерпретация бессознательно или на осознанном уровне, уровне текста. Восприятие не может быть пассивным процессом, необходимо, чтобы существовал встречный процесс, то есть деятельность индивида по отношению к воспринимаемому объекту, в данном случае – к тексту художественного произведения. Интерпретация – это выбор из ряда возможных для данного текста» [7, с.85].

Социокультурный фактор. Общеизвестно, что восприятие и переработка информации осуществляется человеком на основе уже имеющихся в его сознании знаний, ценностей, норм, в меру его общих и специальных способностей. В целом сознание человека, воспринимающего и перерабатывающего текст, можно представить в виде некоего фильтра, который одну информацию пропускает полностью, другую деформирует, третью полностью отбрасывает. С этой точки зрения, сознание читателя может быть рассмотрено как единство трех сторон: читатель живет и действует (своеобразный мир реальностей); совокупности социокультурных образцов, то есть ценностных представлений (идеологических, этических, эстетических и иных ценностей, постулатов и т.п.) (мир культуры); совокупности знаний, которыми обладает индивид и с помощью которых он объясняет все, что происходит вокруг него (мир знаний). Каждый из этих миров, каждая из этих сторон выступает в качестве особого фильтра восприятия информации и программирует особое требование к тексту [8, с.34].

Психологические особенности реципиента. На процесс восприятия текста влияет индивидуальная нейрофизиологическая конфигурация мозговых структур, отвечающих за переработку информации. Понимание тесно связано не только с интеллектуальной, но и эмоциональной зрелостью человека. Различаясь по своим позициям, люди различаются, естественно, и по

той перспективе, которой они воспринимают одни и те же объекты.

Текстовые характеристики. Эффективность восприятия понимания текста во многом зависит от особенности самого текста. В ряду этих особенностей важнейшее значение имеют близость содержания текста интересам и потребностям читателя, качество содержания и трудность текста.

Другими словами, можно предположить, что в процессе восприятия текста читатель оценивает его по трём группам параметров. Одна группа связана с инструментальной ролью этого текста, степенью его полезностью, возможностью использовать в практической деятельности. Вторая группа параметров связана со степенью адекватности содержания текста той действительности, которую знает читатель. Третья группа параметров связана с совершенством, искусностью, профессионализмом создателя данного текста.

Таким образом, проблема адекватного восприятия, понимания и оценки текста, является одной из существенных проблем. В целом восприятие и понимание речи включает в себя рецепцию слышимых или видимых элементов языка, установление их взаимосвязи и формирование личностного представления об их значении. Результатом восприятия является понимание как расшифровка общего смысла, который стоит за непосредственно воспринимаемым текстовым потоком, придание воспринимаемому сообщению определенного смысла.

В ходе понимания реципиент устанавливает между словами смысловые связи, которые составляют в совокупности смысловое содержание высказывания.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
2. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. – С. 26-38.
3. Зиндер Л.Р. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1987. – 175 с.
4. Краткий философский словарь /Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. – М., 1954. – 704 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. РАН. Сер. лит-ры и языка. 1997. № 3. – С. 22-31.
6. Новиков А.И. Семантика текста и её формализация. – М., 1983. – 213 с.
7. Нурахметов Е.Н. Эмоциональный компонент в картине мира художественного текста // Текст как отображение картины мира. М., 1989.
8. Саяпина И.А. Культура как информационно-коммуникационная система. – Краснодар, 2001.

© Матвеева Н.В., 2012

Манипулятивный эффект прецедентных феноменов в СМИ

В настоящее время СМИ обладают не только информационным потенциалом, но также и воздействующим (манипулятивным) потенциалом.

Такие исследователи, как Кобозева И.М. [1], Желтухина М.Р.[2], рассматривают язык СМИ как средство установления и поддержания властных отношений в обществе.

СМИ воздействуют на наше сознание, мнение и установки, подталкивают на определенные действия, например, в ходе предвыборной кампании, голосовать за того или иного кандидата. Исходя из этого, мы можем говорить о том, что СМИ являются активным источником манипулирования. Манипулирование массовым сознанием в масс-медийной коммуникации осуществляется при помощи речевого воздействия, так как именно оно способно “внушить определенную установку”.

Согласно О.Н. Быковой, «речевое манипулирование - вид речевого воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата на данный момент. В основе речевого манипулирования лежат такие психологические и психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определённых иллюзий или заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков. Речевое манипулирование - это отбор и использование таких средств языка, с помощью которых можно воздействовать на адресата речи. Как правило, речевое манипулирование предполагает такое воздействие на адресата, которое тот не осознает и воспринимает как часть объективной информации» [3]. Термин манипуляция применяется не только в лингвистике и психологии, он также активно используется в политике, бизнесе и других сферах. Слово манипуляция происходит от латинского слова “manipulare”, которое изначально не несло отрицательной коннотации и обладало такими значениями, как “управлять, оказывать помощь” и т.д. С течением времени данный термин приобрел иное значение. Например, некоторые исследователи, такие как Е.Л. Доценко, Лебедев вкладывают в манипуляцию особый смысл, подразумевая под данным термином “проделки, махинации”, то есть, употребляя с отрицательной коннотацией. В тоже время Кара-Мурза в своей известной работе по манипуляции сознанием определяет манипуляцию как *взаимодействие манипулируемого и манипулирующего*, то есть, “если человек под воздействием полученных сигналов пере-

страивает свои воззрения, мнения, настроения, цели и начинает действовать по новой программе – манипуляция состоялась”[4].

Различные интерпретации манипуляции сознанием (взаимодействие манипулируемого и манипулирующего; воздействие, связанное с подавлением воли и сознания и пр.) свидетельствуют о том, что на данный момент не существует общепризнанного определения.

Известный русский исследователь политического дискурса В.З. Демьянков приводит такое сравнение: «...дискурс СМИ, в частности и политический, – нечто вроде закусочной МакДоналдса: такой дискурс должен легко перевариваться и быстро производить свой эффект («усваиваться», как и любая fast food), позволяя по возможности незаметно манипулировать сознанием аудитории» [5].

Сложность описания языковых манипуляций состоит в том, что далеко не всегда удастся разгадать истинные цели и мотивы манипулятора, поэтому бывает трудно разграничить обычные приемы языковой выразительности и языкового манипулирования. Кроме того, проследить за речевым поведением манипулятора и оценить действенность манипулятивных ходов способен лишь тот наблюдатель, который не хуже манипулятора ориентируется в психологии объекта. Языковое манипулирование и ситуации, в которых происходит речевое воздействие, могут быть самыми разнообразными.

Введение Ю.Н. Карауловым понятия «прецедентный текст» способствовало тому, что данный термин стал объектом исследования для многочисленных исследователей. (Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Ю.А. Сорокин, В.Г. Костомаров, Н.В. Бурвилова, Ю.Е. Прохоров, Г.Г. Слышкин, Н. С. Бирюкова, Е. А. Нахимова, С. Л. Кушнерук и др.). Стоит отметить, что феномен прецедентности в настоящее время исследован неполностью, различия связаны со «степенью» или «глубиной» прецедентности. За прецедентным феноменом, согласно Красных В.В., “всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену “прозрачными”, понятными, коннотативно окрашенными”[6].

Рассмотрим некоторые примеры прецедентных феноменов, с помощью которых, по нашему мнению, осуществляется языковое манипулирование:

Earlier in the campaign, he (Berlusconi) compared himself to Napoleon and then to Jesus. He later walked out of a TV interview when the questioning became too insistent [7].

В данном отрывке автор подчеркивает, что в кампании, проводимой Берлускони, последний (Берлускони) сравнивает себя с Наполеоном и Иисусом. Выбор именно этих прецедентных имен, **Napoleon** и **Jesus**, входящих в универсальный фонд, не случаен, так как с помощью данных прецедентных

феноменов Берлускони воздействует на избирателей, олицетворяя власть и всемогущество, достижение поставленных целей. Манипулятивный эффект прецедентных феноменов в данном случае проявляется за счет апелляции к авторитету (Napoleon, Jesus).

*The extremists, whoever they are, are people nobody in authority wants to tackle. Benghazi's police, gendarmerie, interior ministry and justice department play pass-the-parcel over the lack of any serious investigation. Even mention of Ansar al-Sharia gets a reaction akin to **Harry Potter** mentioning **Lord Voldemort** – the very name makes officials cringe* [8].

В данном отрывке описывается ситуация в Ливийском городе Бенгази, в котором на данный момент царит хаос и беспорядок. Манипулятивный эффект прецедентного имени Лорд Воландеморт, известного персонажа, пытавшегося убить Гарри Поттера, актуализируется за счет того, что исламистская военная группировка Ансар Аль Шариа отождествляется с Лордом Воландеморт, которому приписывается, согласно книге, безнравственность, жестокость, беспринципность. Следовательно, у реципиентов (читателей) создается негативный образ данной группировки, который поддерживается инвариантом прецедентного имени Воландеморт.

Таким образом, данное исследование позволило нам выявить и идентифицировать манипулятивный эффект прецедентных феноменов в СМИ, который выражается в воздействии на манипулируемого, способствующем возникновению в его сознании ложных иллюзий и установок, выгодных для манипулятора.

Литература

1. Кобозева, И.М. "Теория речевых актов" как один из вариантов теории речевой деятельности / И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 7 – 21.
2. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Москва. 2004. 47 с.
3. Быкова О. Н. Языковое манипулирование: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестн. Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999.
4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М.: Эксмо, 2005. — 832 с.
5. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык средств массовой информации: [учебное пособие для вузов, под ред. М. Н. Володиной]. – М.: Академический Проект. Альма Матер, 2008. – С. 374-393.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. С.170.
7. www.guardian.co.uk

© Мишенёва В.А., 2012

Характеристики текста глянцевого журнала: психолингвистический аспект

Интригующая притягательность этого феномена и огромный воздействующий потенциал гламурных изданий делают его одним из лидеров в современном поле исследовательских интересов ученых-гуманитариев. Однако многозначная, многоаспектная природа гламурного дискурса затрудняет проникновение в глубинный смысл этого явления, когда мы пытаемся дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, что такое гламур.

По мнению Д.А. Рудневой, появление и функционирование явления гламура в современном обществе имеют свои социально-экономические предпосылки. Первая из них — процесс индустриализации и связанный с ним процесс урбанизации. «Гламурный» стандарт повседневной жизни, требования к ее качеству не могли быть реализованы в рамках доиндустриального общества, они напрямую связаны с уровнем развития техники, в особенности тех ее видов, которые предназначены для удовлетворения повседневных потребностей.

С уровнем развития технической оснащенности современного городского жителя тесно связана еще одна предпосылка возникновения гламура, а именно развитие средств массовой коммуникации, которые в настоящее время являются основным посредником между потребителем гламура как стиля жизни и теми, кто претендует на легитимность высказывания в этой сфере. [1, с.31]

Массовая коммуникация – это один из видов общения, которое является «не столько процессом внешнего взаимодействия изолированных личностей, сколько способом внутренней организации и внутренней эволюции общества как целого, процесс, при помощи которого только и может осуществляться развитие общества – ибо это развитие предполагает постоянное динамическое взаимодействие общества и личности» [2, с.21]. Массовая коммуникация является основным видом процессов общения в социуме, непосредственно связанным с его функционированием и развитием.

А.А. Леонтьев выделяет разные типы общения согласно различным параметрам процессов общения. Если разделять разные виды общения по параметру ориентированности (предмета или содержания общения), можно выделить три таких вида. В предметно-ориентированном общении предметом (содержанием) является взаимодействие людей в процессе совместной деятельности. В личностно-ориентированном общении предметом или содержанием являются личностные, психологические взаимоотношения людей – то, что в обиходе называется «выяснением отношений». И, наконец, в

социально-ориентированном общении, примером которого и является массовая коммуникация, предметом или содержанием представляется социальное взаимодействие внутри определенного социального коллектива или изменение системы социальных (общественных) отношений в данном коллективе (обществе), его социальной или социально-психологической структуры, содержания общественного сознания или непосредственной социальной активности членов данного общества. В этом случае одна часть общества воздействует на другую его часть с целью оптимизации деятельности общества в целом, в частности увеличения его социально-психологической сплоченности, его внутренней стабилизации, повышения уровня сознательности или уровня информированности.

Субъектом такого социального взаимодействия является общество в целом (или социальная группа), а субъектом обслуживающего это взаимодействие социально ориентированного общения – человек или группа, которому (которой) общество доверяет в данной конкретной ситуации выступать от своего лица: телекомментатор, автор газетной рубрики или отдельной журнальной статьи, тележурналист, берущий интервью у политического деятеля, и т.п. Следовательно, общение при помощи иллюстративно-популярных изданий, в частности, глянцевого журналов, по первому параметру (ориентированность) является типичным социально-ориентированным видом общения.

Второй параметр классификации видов общения – это его психологическая динамика, т.е. соотношение реального состояния реципиента и желаемого состояния, на достижение которого и направлено общение. Например, журнал «Maxim» предлагает мужчинам приобретать «картхолдер» - чехол для карточек: «Этот аксессуар в России еще не слишком распространен, ведь банковские и дисконтные карты чаще всего хранят в самих бумажниках так, что он «разбухает». Именно картхолдер спасет от этой напасти» [3]. В данном примере психологическое воздействие осуществляется в сфере мотивов и потребностей мужчины создать образ стильного и преуспевающего человека.

Третий параметр – семиотическая специализация общения. Она зависит от того, какой именно вид СМИ мы рассматриваем. Так, в прессе это собственно языковое общение.

Четвертый параметр – степень опосредованности, т.е. количество ступеней опосредования процесса общения при условии содержательного тождества общения. Такие ступени могут выполнять в отношении общения разные функции – редактирующую, контролирующую, техническую, распространительную; однако на всех ступенях сообщение сохраняет свое содержательное тождество.

Что касается социально-психологических функций, характерных для общения при помощи глянцевого журналов, то это может быть воздействие с

акцентом на психологическое расслабление. Как пишет Н.В.Куницына: «Будь то мужской или женский журнал, посвященный моде или отдыху и развлечениям, задача пишущего и информирующего одна — не только привлечь внимание читателя, но и отвлечь его от будничных, суетных проблем» [4]. А.А. Леонтьев полагает, что «общение по радио и ТВ, как и практически любое другое общение, не является однонаправленным ни с точки зрения структуры коммуникативной сети, ни с точки зрения самого процесса общения» [5]. Существует обратная связь, характерная только для определенных средств СМИ (ТВ и радио) — это специальные интерактивные каналы – такие, как письма, звонки в телестудию, вопросы-ответы в прямом эфире и пр. Второй вид обратной связи — это представление коммуникатора о возможной и ожидаемой реакции реципиента. Данный вид А.А. Леонтьев называет «скрытой обратной связью». При написании статьи журнала автор не видит свою аудиторию, но, зная, для кого он пишет, и имея достаточный опыт непосредственного общения с такой аудиторией, можно предсказать, какое воздействие окажет его статья на читателя и какую вызовет реакцию.

Говоря об обратной связи и, следовательно, о возможном моделировании аудитории общения при помощи текста глянцевого журнала, необходимо упомянуть и о процессе так называемой самоподачи. Это - передача коммуникатором информации о самом себе, которая способствует созданию у реципиента такой модели коммуникатора (имиджа), которую он считает оптимальной в плане достижения целей общения. Примером могут послужить письма главного редактора, мнения многочисленных экспертов, цитаты звезд шоу-бизнеса, актеров, известных политиков, персонажей, принадлежащих к миру гламура.

Литература

1. Д.А. Руднева «Гламур как феномен культуры постиндустриального общества: методология исследования», Известия Уральского государственного университета. - 2010. -№ 2 (76). - стр.31-40 [Электронный ресурс] //http://proceedings.usu.ru/ (дата обращения:13.10.2012).
2. А.А. Леонтьев «Психология общения» 3-е изд. М.: Смысл, 1999. - 365 с.
3. Журнал «Maxim» июль 2012 [Электронный ресурс] //www.maximonline.ru/ (дата обращения: 02.11.2012).
4. Н. В. Куницына «О стилистических особенностях гламурной журналистики» [Электронный ресурс] //http://www.write-3.ru/ (дата обращения:15.10.2012)
5. А.А. Леонтьев «Психолингвистические особенности языка СМИ» [Электронный ресурс] //http://genhis.philol.msu.ru (дата обращения:10.09.2012)

© Моисеева А.В., 2012

Герменевтическая таксономия при переводе художественных текстов

Испокон веков в центре внимания переводчиков были художественные произведения, которые несли с собой культуру и обычаи других стран и обогащали лексикон переводящего языка. Деятели литературы поощряли занятия переводом как упражнения для развития красноречия и собственного стиля для последующего оригинального творчества и отмечали специфику текста художественного произведения как объекта перевода: «Художественный перевод следует рассматривать как разновидность словесного искусства...» [2, с.77]. В.Н. Комиссаров также признавал специфичность перевода художественных текстов. Он выделил два основных функциональных вида перевода: художественный (литературный) перевод и информативный (нелитературный) перевод. Задача художественного перевода состоит в передаче художественно-эстетических достоинств оригинала, в то время как целью информативного перевода является наиболее полная передача информации, содержащейся в исходном тексте [4, с.117].

А.В. Федоров выделил несколько характерных черт художественного текста, которые играют значительную роль при переводе. Во-первых, невозможность нахождения прямых образных соответствий подлиннику решается, согласно Федорову, путем «передачи оригинала как целого», на фоне которого отдельные элементы можно переводить в соответствии с ролью, отведенной им в произведении. Во-вторых, так называемая «смысловая емкость» художественного текста подразумевает многоплановость смысла, заложенного автором и раскрываемого читателем. И, наконец, Федоров говорит о национальной окраске содержания и формы произведения, его исторической обусловленности и подчиненности индивидуальной манере писателя [6, с.279].

Необходимо также различать художественный перевод и перевод художественной литературы. По определению Казаковой Т.А., в понятии «художественный перевод» важную роль играет идея о *творческом* преобразовании текста оригинала на другом языке. Таким образом, перевод художественной литературы может оказаться нехудожественным в силу отсутствия у переводчика необходимых компетенций в области искусства слова, в частности искажения при переводе функции, выполняемой подлинником.

Учитывая особенности текста художественного произведения как объекта перевода, необходимо отметить связанные с ними сложности истолкования и раскрытия смыслов, заложенных автором, в рамках герменев-

тической модели перевода. Общая герменевтическая таксономия, как известно, не предполагает иерархического расположения типов понимания. Тем не менее, в отношении художественных текстов, как отмечает основатель тверской герменевтической школы перевода Г.И. Богин, можно рассматривать вопрос о возрастающей иерархичности типов понимания. Так исследователь различает в текстах художественных произведений следующие типы герменевтической таксономии:

1. Семантизирующее понимание, т.е. «декодирование» единиц текста, выступающих в знаковой функции.

2. Когнитивное понимание, т.е. освоение содержательности познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание.

3. Смысловое понимание, построенное на распредмечивании идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой номинации, но опредмеченных все же именно в средствах текста. Последние выступают здесь не как знаковые образования, а как ассоциаты другого рода [1, с.32].

Как отмечает Богин, под термином «понимание художественного текста» возможны различные комбинации типов понимания: Семантизирующее + Когнитивное, Семантизирующее + Смысловое, Когнитивное + Смысловое, Семантизирующее + Когнитивное + Смысловое и т.д. Все возможные варианты, кроме последнего, в случае с художественным переводом Богин называет «дефектными». Только сочетание всех трех уровней понимания может привести к полному раскрытию смыслов художественного произведения, и, как утверждает Богин, пренебрежение любым типом понимания «разрушительно для всех позиций герменевтической деятельности» [1, с.33].

Рассмотрим каждый из видов понимания в отдельности. Значение семантизирующего понимания трудно преувеличить, поскольку именно с «декодирования» лингвистического материала начинается герменевтическое понимание. Невозможно раскрыть смысл художественного произведения без опоры на лексическое, грамматическое и стилистическое содержание. Тем не менее, на уровне семантизирующего понимания процесс герменевтической интерпретации только начинается. Для того, чтобы понять художественную идею литературного произведения, необходимо перейти на следующий уровень понимания – когнитивный. Когнитивное понимание играет значительную роль в раскрытии более глубокого смысла произведения, в проникновении в художественный замысел автора. На основе «декодированных» языковых единиц текста переводчик постигает объекты действительности, репрезентируемые в тексте языковыми средствами. И, наконец, на третьей ступени процесса понимания – при смысловом понимании – переводчик-интерпретатор должен постараться проникнуть в самый глубинный замысел автора, раскрыть смыслы, не выраженные эксплицитно в тексте и осознать, к какому выводу хотел подвести читателей автор. Безусловно, тре-

тья ступень истолкования художественного произведения – смысловое понимание, невозможно без опоры на данные семантизирующего и когнитивного понимания, но даже в этом случае оно может ускользнуть в силу своей сложности, имплицитности, а также временного разрыва между творчеством писателя и деятельностью переводчика-интерпретатора.

Предлагая вышеописанную таксономию, Богин, тем не менее, не разрабатывает соответствующие техники реализации данных ступеней понимания художественного текста. С поставленной задачей переводчик может справиться при помощи разрабатываемой нами герменевтической модели, которая основана на принципе «герменевтического круга» Фридриха Шлейермахера.

Герменевтическая модель перевода предполагает последовательное движение переводчика-интерпретатора по «герменевтическим кругам», в процессе которого раскрываются смыслы, заложенные автором на лингвистическом и экстралингвистическом уровне. Согласно принципу взаимосвязи частей и целого, выдвинутому Шлейермахером, смысл анализируемого слова определяется его контекстом, который, в свою очередь, формируется в прямой взаимосвязи с отдельными словами. В данной трактовке в роли целого выступает контекст, а в роли части – отдельное слово. Следуя логике Шлейермахера, можно утверждать, что каждая фраза в произведении может трактоваться самостоятельно, но ее интерпретацию следует корректировать в связи с пониманием параграфа, главы и даже книги в целом. Понимание же книги и ее подлинного смысла определяется успешным истолкованием отдельных фраз и разделов. Таким образом функционирует герменевтический круг внутри самого текста. Целое, по мысли исследователя, также может включать весь экстралингвистический контекст произведения: другие работы автора, его биографию и эстетические принципы, а также историческую эпоху, в которой он жил и творил, что представляет собой внешний по отношению к тексту герменевтический круг.

Предложенные Ф. Шлейермахером методы грамматической и психологической интерпретации можно соотнести со степенями герменевтической таксономии - семантизирующим и когнитивным пониманием соответственно. Смысловое понимание не было выделено исследователем, однако его значимость для раскрытия многообразия смыслов художественного текста нельзя недооценить, особенно при переводе произведений, понимание глубинного замысла которых требует значительного знания как языка оригинала, так и творчества писателя.

Так например, при переводе романа Теодора Драйзера «Американская трагедия» переводчик неизбежно сталкивается с вопросом о виновности или невиновности главного героя Клайда Гриффитса в убийстве и о справедливости или несправедливости вынесенного ему смертного приговора. В первых «герменевтических кругах» переводчик, опираясь на данные семантизи-

рующего понимания языкового материала, должен обратить внимание на годы юности Клайда, которые повлияли на его мировоззрение и характер, что не находит выражения в тексте на лингвистическом уровне, но является результатом когнитивного понимания. Языковое содержание ключевого эпизода смерти девушки не дает реципиентам оригинала однозначного ответа на вопрос, убил ли ее Клайд или же только не спас, следовательно, невозможно ограничиться семантизирующим и когнитивным пониманием данного отрезка текста. Драйзер позволяет читателю решить этот вопрос самостоятельно. С этой целью он вводит в произведение детальное описание судебного заседания по делу Клайда Гриффитса, в ходе которого писатель выступает как на стороне обвинения, приводя обличительные обстоятельства преступления, так и на стороне защиты, объясняя, что «моральная трусость» не является преступлением. В обоих случаях автор использует многочисленные средства воздействия на присяжных, а в то же время и на читателей, в попытке привести их к определенному выводу. В данной ситуации переводчику-интерпретатору чрезвычайно важно раскрыть глубинный замысел писателя в результате смыслового понимания, чтобы затем в процессе создания текста перевода не исказить намерение автора и, соответственно, не навязывать реципиентам перевода одно из двух решений. Для смыслового понимания «Американской трагедии» необходимо учитывать данные, полученные по мере прохождения «герменевтических кругов» семантизирующего и когнитивного понимания произведения, которые накладываются друг на друга и выводят интерпретатора на новый уровень понимания, где, соединяясь с информацией внешнего «герменевтического круга», перед переводчиком раскрывается самый глубинный смысл романа о том, что Клайд на самом деле является «жертвой закона». В своих письмах к издателю Драйзер поясняет, что хотел показать, «как в неравном поединке между нищетой, невежеством и стремлением к обладанию высшими благами он оказывается полностью и вопреки собственной воле побежденным и даже обвиненным в убийстве» [цит. по: 5, с.125]. Однако замысел писателя не был эксплицитно выражен в языковом содержании самого романа, и семантизирующе-когнитивное понимание могло привести к упрощенному пониманию романа. Комплексное исследование текста, включающее понимание на семантизирующем, когнитивном и смысловом уровне, должно помочь переводчику раскрыть истинный смысл произведения.

Таким образом, в связи с особенностями художественного текста как объекта перевода, мы полагаем, что герменевтическая таксономия, предполагающая комплексный подход к анализу текста, должна быть неотъемлемой частью герменевтической модели перевода. Переводчик-интерпретатор должен найти и раскрыть для себя глубинные смыслы художественного произведения с тем, чтобы потом самостоятельно провести читателей перевода по всем герменевтическим кругам, по которым он прошел в процессе

чтения оригинала, не искажая при этом замысел автора.

Литература

1. Богин Г. И. Филологическая герменевтика. - Калинин: КГУ, 1982. - 86 с.
2. Гачичеладзе Г.. Вопросы теории художественного перевода. - Тбилиси, Лит. да хеловнеба, 1964. - с. 75—77.
3. Казакова Т.А. Художественный перевод: Учебное пособие. - СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. – 112 с.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. - М.: Р.Валент, 2011.– 408с.
5. Морозкина Е.А. Творчество Теодора Драйзера и литературное развитие США на рубеже XIX-XX веков. - Уфа: Изд-во Баширкс. ун-та, 1994. - 160 с.
6. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Учеб. пособие. — 5-е изд. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. - 416 с.
7. Шлейермахер Ф. Герменевтика. - СПб.: «Европейский дом», 2004. – 242 с.

© Морозкина Е.А, Насанбаева Э.Р., 2012

УДК 81'373

Муллаярова Г.М.
г. Сибай (Россия)

Функционально-когнитивная оппозиция «свой-чужой» как ключевое понятие сферы «собственность»

Когнитивный подход к сопоставительному изучению языков состоит в новом подходе к решению проблемы семантических особенностей языков, который позволяет укрупнять единицы анализа и использовать в качестве объекта описания при сравнении языков функционально-семантическую сферу. Лексическая система любого языка представляет собой единство функционально-семантических сфер разных конфигураций и составов. Описание лексики может быть представлено как результат познавательной деятельности человека через постулирование функционально-семантических сфер, отражающих в своих структурах такие общие концепты, как бытие, движение, деятельность и т.д. Функционально-семантическая сфера представляет собой целостное образование, создающее когнитивную субстанцию языка и выступающее в качестве языковой картины мира. Она реконструируется на основе языковых данных и включает лексические элементы, соотносящиеся с общим глобальным понятием [2].

В данной статье мы рассмотрим один из аспектов языковой картины мира концепт «материальное положение» через описание сферы «собствен-

ность - property».

Если обратиться к происхождению слова собственность, то мы увидим, что корень соб- (с вариантом себ-, ср.: себя, себялюбец) оказывается связанным со слав. *svojь, которое является прямым продолжением и.-е., *sue-, т. е. корень соб- реализует в русском языке семантику 'свой' [7, с.166—176]. Следовательно, первоначальное значение слова собственность — 'то, что является своим'. На синхронном же уровне оно трактуется как 'имущество, принадлежащее кому-либо и находящееся в полном распоряжении кого-либо, чего-либо' [5, с.172].

Согласно функционально-когнитивному словарю русского языка «Языковая картина мира» одним из способов раскрытия сферы «собственность» является оппозиция «свой-чужой» [4, с.95].

Категории «Свой» и «Чужой» представляют собой два члена традиционной бинарной оппозиции, которая, по всей видимости, представляет собой одну из основополагающих бинарных оппозиций человеческой культуры как таковой.

Как пишет Л.Н. Виноградова, «оппозиция своего и чужого осмысливается в категориях разноуровневых связей человека: кровно-родственных (свой — чужой род, семья), этнических (свое — чужое тема, народность, нация), языковых (родной — чужой язык, диалект, говор), конфессиональных (своя — чужая вера), социальных (свое-чужое общество, сословие, коллектив) [3, с.17].

Из значений переводов с английского языка можно сделать вывод, что основными определяющими словами принадлежности являются притяжательные местоимения: *my, your, his, her, its, our, their*, в значении свой. Также мы видим пример употребления притяжательного падежа *one's, one'sown* - свой, и *somebodyelse's, another's* в значение чужой. Притяжательные местоимения и притяжательный падеж являются средствами выражения такой категории, как посессивность.

Категория посессивности — одна из разновидностей более общей семантической категории реляционности, отражающая реально существующие связи между предметами внешнего мира, отмеченные и категоризированные нашим сознанием, например, отношения, выраженные оппозициями «свой/чужой», «часть/целое» [1].

На наш взгляд данная оппозиция является центральной, основной, так как может быть применена ко всем компонентам раскрытия сферы собственность. Так, согласно словарю Кильдибековой Т.А., данная сфера включает: 1) собственность - *частная собственность, личная собственность, частные владения*; 2) вещи — *личные вещи, чужие вещи*; 3) *нажитое*; 4) имущество — *личное имущество, государственное имущество*; 5) недвижимость; 6) движимое имущество; 7) хозяйство — *личное хозяйство, фермерское хозяйство, свое добро, чужое добро*; 8) состояние; 9) капитал; 10) ценности;

11) ювелирные украшения; 12) золото, платина, серебро; 13) ценные бумаги» [4, с.95]:

*A salary of four pounds a week would not, he was conscious, remake **his fortunes** ... [10, с. 27]*

*I lived a winter holiday in London on **my small capital**... [13, с.261].*

*She drew **her cheque-book** towards her [12, с.46].*

*Robert kept **his car** in the coach-house [11, с.174].*

Но понять какое значение *свой* или *чужой* несут притяжательные местоимения в предложениях, бывает трудно.

*The three stood side by side, not looking at him, but with **their ears** directed towards him, judging him by **his unfamiliar steps** [14, с.40].*

В данном предложении мы видим два притяжательных местоимения **their** и **his**. Оба показывают что объекты (**ears** и **steps**) принадлежат лицам. То есть для каждого из них этот объект является *своим* собственным. Но в то же время *чужим* для окружающих. Причем люди, имеющие какой-то общий признак (в этом предложении это люди, живущие в одном обществе «страна слепых») будут противопоставляться человеку (Nunez), пришедшему из большого мира, который изначально рассматривается ими как чужой. Таким образом, можно сделать вывод, что значение притяжательных местоимений будет лучше пониматься в определенном контексте.

С другой стороны существуют прилагательные, которые имеют конкретное значение. Например, *личный, персональный, one's own, personal, alien, strange, foreign; wrong; barbarous; outside; outsider; vicarious.*

*Robert took coffee with his mother and Ciss in the warm drawing- room, where all the furniture was so lovely, all collectors' pieces - Mrs. Attenborough had made **her own money**, dealing privately in pictures and furniture and rare things from **barbaric countries** - and the three talked desultorily till about eight or half-past [11, с.17](деньги – свои, страны – чужие).*

Что касается предикативных конструкций раскрытия данной сферы, оппозиция в чистом виде встречается только в словосочетаниях с глаголом присвоить – *присвоить чужое имущество, присвоить чужие деньги*, и синонимами завладеть, захватить, урвать, прибрать. Так, в значении этих глаголов уже заложено значение завладения чужим имуществом, сделав его своим. То есть, согласно исследованиям Сыкало О.А. эти отношения можно трактовать как динамичные, в отличие от статичных посессивных отношений, которые выражаются конструкциями с глаголами *быть / иметь / принадлежать*.

I've got a car and a house in the Park Lane [9, с.235].

Динамичные посессивные отношения реализуются конструкциями с глаголами, которые указывают на специфический способ приобретения / утраты собственности, например: *купить, украсть, выиграть, унаследовать, дать, отдать, утратить*. Конструкции с такими глаголами могут

иметь более сложный состав участников ситуации по сравнению с двуктантными конструкциями с глаголами статической посессивности: *Иван отдал книгу Петру* (семантическая структура «субъект – действие – объект – адресат»). Подобные конструкции могут рассматриваться как фазисные модификации основных (статических) моделей, ср.: *Он имеет дом – Он купил себе дом* [6].

The latter saw his chance of acquiring wealth [8, с.65].

It is true, said Mr. Parker Pyne, that I did obtain from you, while you were under the influence of drugs, a power of attorney and that during your – er – absence, I have assumed control of your financial affairs ... [9, с.252].

Таким образом, оппозиция свой – чужой является ключевой в описании сферы собственности. Во-первых, притяжательные местоимения показывают, кому принадлежит тот или иной объект собственности, хотя значение своего или чужого можно понять только из контекста. Во-вторых, прилагательные, которые имеют конкретные значения. И в третьих, предикативные конструкции, которые можно разделить на статичные и динамичные. Статичные имеют значение свой, а динамичные – чужое становится своим.

Литература

1. Абдулгафарова М.М. Поле посессивности в структуре функционально-семантического поля релятивности современного русского языка (на материале научных текстов второй половины XX – начала XXI века). conf.stavsu.ru/_WordDocs/841.doc (дата обращения 08.11.12).
2. Абдюкова Л.А. Функционально-когнитивный анализ сферы "двигаться" в русском и английском языках. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat . <http://www.dissercat.com/content/funktionalno-kognitivnyi-analiz-sfery-dvigatsya-v-russkom-i-angliiskom-yazykakh#ixzz28hXAVJ1i>. (дата обращения 10.11.12).
3. Виноградова Л.Н. Человек – не человек в народных представлениях // Человек в контексте культуры. // Славянский мир. – М., 1995.
4. Кильдибекова Т.А. Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира) – СПб.: «Политехника-сервис». – 2011. – 644 с.
5. МАС — Малый академический словарь: в 4 т. М., 1981—1984.
6. Сыкало О.А. Семантико-синтаксический аспект посессивности в английском языке / О.А. Сыкало. Дис. канд. ... филол. наук. – Минск, 2008. – 130 с.
7. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991.
8. Christie A. The adventure of the Egyptian tomb./ English story. Сборник 2. – составитель Самуэлян А.Н. – М.: Издательство «Менеджер». – 2000. – 320 с.
9. Christie A. The case of the rich woman./ English story. Сборник 1. – составитель Самуэлян А.Н. – М.: Издательство «Менеджер». – 2000. – 288с.
10. Galsworthy J. The broken boot./ English story. Сборник 2. – составитель Самуэлян А.Н. – М.: Издательство «Менеджер». – 2000. – 320 с.

11. Lawrence D. H. The Lovely Lady./ English story. Сборник 2. – составитель Самуэлян А.Н. – М.: Издательство «Менеджер». – 2000. – 320 с.
12. Mansfield K. A cup of tea./ English story. Сборник 2. – составитель Самуэлян А.Н. – М.: Издательство «Менеджер». – 2000. – 320 с.
13. Spark M. The Portobello road./ English story. Сборник 1. – составитель Самуэлян А.Н. – М.: Издательство «Менеджер». – 2000. – 288 с.
14. Wells H.G. The country of the blind. / English story. Сборник 1. – составитель Самуэлян А.Н. – М.: Издательство «Менеджер». – 2000. – 288с.

© Муллаярова Г.М., 2012

УДК 81'37

Муравская И.А.
г. Москва (Россия)

Влияние заимствованных лексем на процессы смыслопорождения

Интенсивный поток заимствований в русский язык в последние десятилетия обусловлен тем, что в современную эпоху глобализации, культурной открытости и повышенной активности американской культуры русский язык, по мнению исследователей, демонстрирует низкий уровень стабильности (отметим попутно, что скорее следовало бы говорить о низком уровне стабильности каких-то составляющих культуры, но не собственно языка, поскольку даже в активный период заимствования русский язык не изменяет своих существенных отношений элементов системы). Угрожающие масштабы процесса заимствования объясняются как экстралингвистическими причинами (интенсивный технический рост информационно-коммуникативных отраслей человеческой деятельности), так и собственно лингвистическими (тенденцией к экономии языковых средств, потребностью в элиминации языковых и понятийных лакун, значимостью звуко-ритмической стороны воспринимаемого).

Заимствованная лексема в языке - источнике объективирует ту или иную когнитивную структуру, в которой обобщены знания и жизненно-практический опыт носителей лингвокультуры, но функционирование ее в языке-реципиенте неизбежно ставит вопрос о возможности объективации подходящей когнитивной структуры соответствующей лексемой в русском языке.

Анализ корпуса более 150 заимствованных лексем середины XX – начала XXI вв. позволяет нам условно разбить их на три группы на основании временного критерия и критерия освоенности слова:

1. лексемы, освоенные языком и сознанием, т.е. это инокультурные понятия, встроенные носителями русской лингвокультуры в собственную

концептуальную систему, которая помогает интерпретации инокультурных смыслов. Речь идет об устоявшихся лексемах, вошедших в язык в середине-конце XX в. (*бизнес, киллер, босс, дилер, логотип, менеджер* и т.п.);

2. лексемы, полностью освоенные языком, но лишь частично освоенные языковым сознанием (*аутсайдер, инновация, инсталляция, андеграунд, оффшор, пиар, провайдер* и т.п.). Они интерпретируются не всеми представителями лингвокультурного сообщества, а только наиболее прогрессивной его частью. Их неосвоенность проявляется в ошибочных контекстных употреблениях, стилистически неоправданном использовании, неоднозначности как словарного, так и контекстного значения;

3. лексемы, которые можно назвать неологизмами (конец XX – начало XXI в.). Они принадлежат чаще всего одному виду дискурса, характерны для определенных слоев общества (молодежь, работники сфер шоу-бизнеса, рекламы, информационных и компьютерных технологий и т.п.). Их употребление в неспецифичных видах дискурса (политическом, массмедийном, рекламном) влечет за собой информационную опустошенность высказывания, ведет к образованию смысловой брешы (*гаджет, интерфейс, слич, скриншот, мейк-ап, скрининг* и т.п.).

Для исследования проблемы интерпретации и смыслопорождения мы рассмотрим лексемы второй группы в связи с высокой частотностью их употребления в обыденной речи и в различных видах дискурса.

Проблему понимания языка одним из первых поставил В. фон Гумбольдт, говоря о том, что именно на базе слова происходит понимание, т.е. соотнесение имеющегося знания с приобретаемым. Процессы восприятия и понимания, по В. фон Гумбольдту, осуществляются, с одной стороны, на базе перцептивных знаний, с другой стороны, являются продуктом интеллектуальной деятельности субъекта [2, с.76]. Р.И. Павиленис, говоря о проблеме понимания, оперирует понятием концептуальной системы как непрерывно конструируемой системы информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире. Процесс понимания, по Р.И. Павиленису, «является процессом образования смыслов, или концептов, который базируется на перцептивном и континуальном выделении объекта среди других объектов путем придания этому объекту определенного смысла, или концепта, в качестве ментальной его репрезентации» [4, с.83]. Понимание языкового выражения, усвоение его смысла предполагает построение иерархии и структуры этих смыслов (концептов), которые рассматриваются в качестве интерпретаторов, или анализаторов смысла. Таким образом, языковое выражение считается осмысленным (понятым) в данной концептуальной системе, если оно интерпретируется множеством ее концептов, т.к. сами по себе языковые выражения не имеют значения, а их содержание определяется только содержанием концептуальных систем продуцента и реципиента, поэтому понимание языка без сходных знаний

невозможно (там же). В рамках различных концептуальных систем (разных индивидов) возможны разные интерпретации одного и того же языкового выражения, т.к. концептуальная система включает в себя и систему мнений, которая не означает истинности, т.е. не предполагает знания как такового. Кроме того, индивид интерпретирует какой-либо факт действительности, в том числе текст, в соответствии с ассоциативно-апперцепционным содержанием своего сознания [6, с.140]. По мнению А.А. Леонтьева, цельность текста – это определенное состояние текста, возникающее в процессе взаимодействия реципиента и текста, которое достигается активацией реципиентом его ассоциативно-вербальной сети и когнитивных механизмов восприятия и переработки высказывания [3].

В результате интерпретации в концептуальной системе реципиента создается смысл текста. Как отмечает В.А. Пищальникова, смысл текста как продукта речевой деятельности «может существовать только как некая проекция реципиента, возникающая в ходе восприятия и структурируемая реципиентом в соответствии с содержанием его мышления» [5, с.4], именно это позволяет перерабатывать поступающую информацию и детерминировать смысл высказывания.

Вопрос, который стоит перед нами, – как интерпретируется новая заимствованная лексема реципиентом и есть ли в сознании те «семантические анализаторы», которые позволяют ее интерпретировать в концептуальной системе индивида?

Так как речь идет об индивидуальном смыслопорождении, мы разграничиваем понятия значения и смысл. Значение существует как относительно устойчивая (но внутренне динамичная) форма фиксации определенного знания о фрагменте действительности, реализующая определенный способ познания действительности. В речевой ситуации актуализируется то, что ситуативно важно для индивида, т.е. смысл. «Слово вбирает в себя, впитывает из всего контекста... интеллектуальные и аффективные содержания и начинает значить больше или меньше, чем содержится в его значении, когда мы его рассматриваем изолированно» [1, с.84]. Таким образом, значение как устойчивый элемент языковой системы реализуется в речи и наполняется индивидуальными динамичными смыслами, поэтому вслед за В.А. Пищальниковой [6, с.37] мы определяем смысл как структуру актуального содержания в процессе речепорождения и считаем, что «языковая единица используется для репрезентации смысла, существующего в конкретной концептуальной системе, но на основе когнитивной структуры, которая представлена в значении» [6, с.96].

Смысл заимствованного слова реализуется с одной стороны в контексте высказывания, с другой, как мы уже говорили, он появляется тогда, когда семантика слова встраивается в ассоциативно-вербальную сеть и ассоциативно-апперцепционную базу индивида. Поэтому заимствованные поня-

тия являются освоенными языковым сознанием только тогда, когда становятся частью концептуальной системы индивида, т.е. становятся интериоризированными. Интериоризация предполагает порождение «своих» новых смыслов под влиянием способа концептуализации действительности, под сказанного языком и в соответствии с понятийными и ценностными установками принимающей лингвокультуры.

Для того чтобы проанализировать возможность интерпретации заимствованной лексемы языковым сознанием рассмотрим для примера заимствованную лексему «грант». В английском языке значение grant - an amount of money that the government or an organization gives you for a specific purpose and does not ask you to pay back.

Лексема grant в английском языке связана с учебой (You can't expect her to get them in on a student's grant.), научной работой (research grant), поддержанием какого-либо проекта (A grant of £950 will be given to Dramarama creative arts to part fund a theatre project...), помощью (He was entering a study with local authorities on the cost of implementing the measures and was prepared to make appropriate increases in the rate support grant.), (гос) поддержкой (The European Community is expected to authorise a £50 million grant to help regenerate parts of Manchester, Salford and Trafford...).

В русском языке когнитивная структура, связанная с идеей получения денег от государства или организации, реализуется русскими лексемами *дотация, материальная помощь, пособие* и ранее заимствованными *субсидия, премия*.

Дефиниционный и ассоциативный анализ русских лексем позволяет нам говорить о том, что в сознании носителя русской лингвокультуры есть понимание того, что деньги (от государства или предприятия) может получить организация, юридическое лицо или органы власти (*субсидия*), а также физическое лицо за хорошо выполненную работу (*премия*) или в случае материальных затруднений, вызванных объективными причинами (болезнь, безработица, материнство и т.п.) (*пособие*). Кроме того, деньги в качестве помощи (*дотация, материальная помощь*) может получить определенная категория граждан (инвалиды, пенсионеры, безработные, военнослужащие и т. п.), причем размер этих выплат физическому лицу невелик, а возможность получения этих выплат неизбежно связана с трудностями и предполагает соответствие определенным критериям и соблюдения определенных условий. Более того, получение такого рода денежной помощи ассоциировано с небольшими суммами выплат, а также унижением и хождением по инстанциям, что находит свое подтверждение в лексике: просить материальную помощь, обратиться за материальной помощью, обратиться за дотацией, обратиться с просьбой о дотации, сократить дотации и т. п. Общими прилагательными-ассоциациями на лексемы *субсидия, дотация, пособие* являются *мизерный, социальный, маленький, скромный* и т.п.

Таким образом, мы видим, что новое понятие *грант* (деньги, в большинстве правительства или организации на работу, в т.ч. научную, проект, на решение вопроса, проблемы) не может быть полностью интерпретировано имеющимися компонентами когнитивной структуры индивида, кроме того, контекст не до конца раскрывает это понятие:

1) В 2005 году хор имени Пятницкого получил грант президента России в числе шести музыкальных государственных коллективов.

2) В Москве учителя, школьные и вузовские администраторы смогут ощутить себя не просто людьми, которые выиграли грант, а почувствуют себя соучастниками национального проекта «Образование», увидят, насколько это масштабная акция.

3) Кстати, только 4210 из них получили государственный грант на бесплатное обучение.

Остается неясным, это деньги, которые выдаются в качестве вознаграждения, или компенсации, или материальной помощи, нужно ли их возвращать и т.п.. Значение лексемы остается нераскрытым в контексте, в связи с чем ее смысл для реципиента остается неясным. Новой также является идея «выиграть грант». Поэтому можно утверждать, что без знания значения рассматриваемой лексемы в языке-доноре интерпретация лексемы в имеющихся структурах знания носителем русского языка представляется маловероятной.

Неспособность индивида «вписать» заимствованный фрагмент реальности в свою концептуальную систему, а также ошибочное личностное восприятие нового фрагмента реальности приводит к ложной интерпретации лексемы и, как следствие, к неверным словоупотреблениям заимствований.

1) В этом году выиграл чемпионат России среди юношей, вот и получил грант, – объясняет кандидат в мастера спорта по легкой атлетике. 2) Заведению-победителю светит бюджетный грант – миллион рублей. (Оба примера представляют значение лексемы как «премия за заслуги»)

Таким образом, слова, относящиеся частично ко второй и, что естественно, третьей группе заимствований, не способны активировать соответствующую когнитивную структуру, т.к. в имеющихся структурах знания не заложена эта возможность, т.е. нет понятий, через которые новое понятие могло бы быть осмыслено, что затрудняет процессы смыслопорождения и реконструкции авторских смыслов у реципиента, поэтому снижается уровень интерпретации высказывания. Этому способствует факт новизны лексемы и, как следствие, ее незначительная освоенность языком и языковым сознанием, а также ее смысловая неопределенность, неоднозначность в контексте. Все это с неизбежностью приводит к ошибочным употреблением заимствованной языковой единицы и нарушению языковой нормы.

Литература

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М., 1999.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
3. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М., 1969.

4. Павиленис Р.И. Проблема смысла: логико-функциональный анализ языка. – М., 1983.
5. Пищальникова В.А. Концептуальный анализ поэтического текста. – Барнаул, 1991.
6. Пищальникова В.А. Общее языкознание. – Барнаул, 2001.

© Муравская И.А., 2012

УДК 81

Мусин И.Х., Мусина Р.Г.
г. Уфа (Россия)

Психологические факторы, влияющие на речевое поведение индивида

Рассматривая психолингвистическую трактовку речевого поведения (далее – РП), следует отметить, что психологические факторы – это бесконечное множество разнообразных состояний участников процесса общения. С одной стороны, человек может находиться в раскованном, свободном, непринуждённом состоянии, когда нормы его поведения жёстко не регламентированы, а РП отличается большой свободой выбора. В данном случае непринуждённая атмосфера общения во многом объясняется тем, что коммуниканты относятся друг к другу как к абсолютно равноправным партнёрам по общению (даже если их социальные статусы неравны), а содержание их речи отличается личностной направленностью.

С другой стороны, РП человека может быть строго детерминировано определёнными формальными, официальными нормами. Это происходит тогда, когда каждый из коммуникантов представляет собой лицо, занимающее определённое место в социально-классовой структуре общества. РП коммуникантов в данном случае отражает в какой-то степени социально-экономическое положение говорящего, уровень его образования, идеологические взгляды, нравственные ценности, правила социального взаимодействия и т.д.

Психологические условия общения и социально-классовые признаки коммуникантов являются основными детерминантами при выборе РП общающихся. Взаимодействие психических и социальных начал в РП индивидов представляет собой крайне сложное и трудно предсказуемое явление. Общающиеся относительно свободно выбирают коммуникативно-эквивалентные варианты, но они ограничены как рамками единой системы самого языка, так и рядом выработанных обществом норм и принципов выбора.

С психологической точки зрения речь – это явление сугубо индивидуальное, а так как она создаётся в различных ситуациях и зависит от массы

как языковых, так и экстралингвистических факторов, то РП индивидов характеризуется многими параметрами. РП человека зависит, например, от следующих факторов: 1) темы разговора; 2) степени компетентности в обсуждаемой проблеме; 3) наличия одного или нескольких адресантов; 4) ориентировки говорящего на апперцепционные (психологические) возможности реципиента; 5) характера отношения к говорящему со стороны слушающего 6) от учёта реакции собеседника, то есть, например, от того, ждёт ли говорящий ответной реакции со стороны слушающего или коммуникативный процесс однонаправлен (речь дикторов телевидения и радио); 7) физического и душевного состояний адресата и адресанта; 8) средств выражения (звук, письмо, жест); 9) уровня владения языком со стороны собеседника; 10) индивидуальных отличий в речевом опыте общающихся; 11) особенностей интеллектуального, эмоционального и эстетического развития; 12) степени взаимопонимания коммуникантов; 13) психологической атмосферы (официальной, не официальной); 14) конкретной ситуации речевого действия и т.д.

© Мусин И.Х., Мусина Р.Г., 2012

УДК 811

Мусина Л.Р.
г. Уфа (Россия)

Репрезентация концепта «Дом» в русской онтологической прозе (на материале повестей В. Распутина и Е. Носова)

Художественный текст представляет собой систему языковых средств, выражающую представления автора о мире. На основе личного когнитивного опыта в сознании писателя формируются концептуальные структуры, отражающие индивидуально-авторское знание о мире и находящие свое выражение в тексте.

Специалисты в области лингвокультурологии выделяют базовые концепты, которые отражают специфику национально-культурной картины мира. Ю.С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры» в сознании человека [14, с.40]. Однако это вовсе не абстрактная сущность: концепт всегда конкретен, социален и историчен; он закреплен во времени, преходящ, хотя воспринимается современниками как вечная истина. Ю.С. Степанов утверждает, что концепты не только мыслятся, но и переживаются. По мнению Ю.Н. Караулова, концепт – один из элементов, образующих концептуальную картину (модель) мира. Концепты – это группы сверхпонятий, представляющие собой «константы сознания» (то есть обобщения элементов ЯКМ, имена объединений семантических полей) [7, с.274].

Одним из базовых концептов, характерных для русского языкового

сознания, является концепт «Дом», при этом наиболее перспективно изучение языковой репрезентации данного концепта в художественных текстах, например, в русской онтологической («деревенской») прозе. Быт и образ дома в «деревенской» прозе стали своеобразным актом возвращения к праистокам национального бытия. Природа и архетипический образ дома являются своеобразными центрами мифопоэтической картины мира в произведениях А.Солженицына, В.Распутина, Е.Носова, В.Белова, В.Астафьева, Ф.Абрамова, В.Шукшина и др. Местом действия в этих произведениях являются дом, изба, двор. В своей работе для анализа концепта «Дом» мы привлекли материал повестей В.Распутина «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», а также Е.Носова «Усвятские шлемоносцы».

Символика дома в произведениях названных авторов многозначна. Дом в этих повестях, как и в русской жизни и культурной традиции в целом, является символом национального бытия, «духовной оседлости» [9, с.57] нации, воплощением и символом Родины, устойчивого целостного бытия. Символический смысл образа дома в «деревенской прозе» связан с религиозными и языческими представлениями народа. Писатели возвращали сакрализацию дома как храма, обрядового Божьего пространства. По наблюдениям А.Афанасьева, «изба была первым языческим храмом. Оттого слова хоромы (дом, жилище) и храм (освященное место богослужения) – филологически тождественны» [2, с.67]. Действительно, только на Руси в красных углах домов висят иконы, образа, горит лампада. Последнее пристанище человека называется *домовина*. Практически во всех произведениях «деревенской прозы» в домах есть образа, и авторы описывают обряды моления, крестного жеста, просьбы о прощении, «божьего благословения».

Мысль о доме как Божьем пространстве в русской культурной традиции связана с пониманием дома как центра национальной вселенной. Так, Г.Гачев писал: «Дом – макет мироздания, двор – модель вселенной» [4, с.21]. Исследователь Кс. Мяло называет «крестьянскую избу – в миниатюре – образом упорядоченной вселенной, космоса» [9, с.253]. Б.Н. Путилов отмечает, что «в русской избе, обычно ориентированной по сторонам горизонта, красный угол устраивался в дальнем углу избы, с восточной стороны, в пространстве между боковой и фасадной стенами, по диагонали от печи. Это всегда была самая освещённая часть дома: обе стены, образующие угол, имели окна» [11, с.121]. Как пишет А.Терещенко, иконы помещались в «красный», или «передний», угол комнаты с таким расчётом, чтобы икона была первым, на что обращал внимание человек, входящий в комнату. Входя или выходя из комнаты или дома, христианин прежде всего оказывал почести Царю Небесному, а уж потом – хозяину дома [15, с.77]. Эта уходящая в прошлое традиция воспроизведена В.Распутиным и Е.Носовым. В «горнице» Касьяна «в полутьме красного угла перед ликом Николы-Угодника ровно святилась лампада» [11, с.149]. И герой, который «переза-

был молитвы, которым наставляла покойница бабка», теперь на пороге новой, тревожной жизни душой обращается к Богу: «Войдя в горницу, <...> увидел освященный угол, догадался, что сегодня лампада зажжена для него, в его последний день, в знак прощального благословения» [10, с.187–188]. Так герой идет на войну под Божьим благословением.

В повестях «Прощание с Матёрой», «Последний поклон», «Усвятские шлемоносцы» чистая половина дома, как и заведено на Руси, называется *горницей*. Это символ устремленности к миру «горнему», небесному, Божьему.

В исследуемых повестях мир дома сакрален, свят. В «Прощании с Матёрой» В.Распутина дом и его убранство для старых материнцев – это живая суть, живые память и корни, которые связывают человека с прошлым, с предками. Сцена обрядования Дарьей дома перед его сожжением является одной из кульминационных в повести. Тут героиня свято воспроизводит культурно-поведенческий опыт веков, бытовые привычки, те нравственные нормы, которые уложены в порядок, в закон жизни. В двадцатой главе повести Дарья через силу белит свой уже обреченный на гибель дом. Поведение героини ритуально строгое, церемониально упорядоченное. Её жесты, поступки строго регламентированы нормами патриархальной народной жизни. *«Белить избу всегда считалось напраздником... но теперь ей предстояло готовить ее <...> к смерти» [12, с.353].*

В рассматриваемых произведениях происходит расширение образа дома – это дом исторический. Так, Матёра для стариков Дарьи, Симы, Богодула, Катерины – это дом и живая субстанция. В повести Е.Носова «Усвятские шлемоносцы» для Касьяна, собравшегося на войну, его дом – это тоже Родина, которую ему предстояло защищать. Перелом в судьбе героя и в сюжете показан через резкое изменение отношения его к избе. Объявленная война воспринимается Касьяном как катастрофа, нависшая над Родиной – домом. Герой, возвращавшийся из лугов в деревню, увидел свой дом уже другим: *«Все предстало серым и незнакомым: сиротливы серые избы, серые огороды <...> серые ставни на каких-то потухших, незрячих окнах родной избы»; «война свое сделала чужим. Касьяну уже не хотелось домой. Привычный мир утратил свою законченность, красоту и тепло» [10, с.34]. Не только дом, но и вся деревня казалась Касьяну «жалко обнаженной под куда-то отделившимся небом» [10, с.35]. Даже представилось, будто неба и не было вовсе, «будто его сорвало и унесло» [10, с.35]. Если в начале повести «белый свет» предстает во всей величавости и полноте: в небе – солнце, на земле – луга, река, лес, деревня, то трагический поворот жизни меняет зрение – земля видится «без неба». В фольклоре дом без крыши – «нежилой или чужой дом» [1, с.79]. Родная изба чудится Касьяну «обезглавленной до самого сруба, с дырой в серую пустоту» [10, с.36]. «Обезглавленный» дом без крыши становится символом народной беды, образом раз-*

рушающегося мира.

Особую значимость в организации образа дома имеют представления о пороге, воротах. Как отмечает А.Гуревич, «эти образы в народном представлении разделяли «доброе» и «враждебное» пространство» [5, с.29]. По мысли В.Синенко, «порог, крыльцо, ворота – границы домашнего пространства, выполнявшие роль оберега» [12, с.29]. В рассматриваемых нами повестях порог, ворота играют традиционную роль границы между чистым, сакральным, Божьим пространством дома и внешним, часто враждебным миром. Образ порога связан с кризисными, напряженными событиями. Так, в повести «Прощание с Матёрой» в сцене прощания Настасьи и Егора с избой старухи собрались и «*расселись у порога*», «*молча, подавленно*» [12, с.244], наблюдая, как хозяева собирают последние пожитки. Оставляя пустую избу, Настасья велит мужу: «*Ворота закрывай. А то скот наберется, напакостит*» [12, с.245]. На что Дарья отвечает: «*Кажин день буду смотреть*» [12, с.246]. Так старики заботятся о чистоте даже обреченного на гибель двора. В сцене обряжения Дарьей дома старухи у порога молча наблюдают, как она моет избу, не смея переступить порог, помешать священнодействию хозяйки. Закончив работу, Дарья велит «пожогщикам» палить избу снаружи, не переступать порог: «*Всё. Зажигайте. Но чтоб в избу ни ногой...*» [12, с.361].

В повести «Усвятские шлемоносцы» семья, провожая Касьяна на войну, «присела у порога». Здесь он мысленно прощается с родным домом перед уходом во враждебный мир.

В повести «Живи и помни» дезертир Андрей Гуськов, вернувшись в родную Атамановку, не посмел переступить порог своего дома. Он спрятался в бане, которая по народным приметам считается местом, где живет нечистая сила.

Как мы видим, в данных повестях отношение героев к порогу, воротам неоднозначное. Для праведных старцев, нравственно чистых героев образы границы – святые места. Они соблюдают обрядовое отношение к ним. Герои беспамятливые, нравственно падшие оскверняют порог, ворота, а вместе с ними и чистую избу.

Дом в повестях В.Распутина и Е.Носова – это категория экзистенциальная. Для Анны, Дарьи, Касьяна дом – это не только жилище, а, говоря словами Гегеля, «родина души», обитель и пристанище духовных начал жизни. Он становится символом судьбы, мерой вещей; мерой духовности и бездуховности героев.

Таким образом, в художественной картине мира В.Распутина и Е.Носова образ дома опозитизирован, возвеличен как сакральный центр народного мира. Универсальный концепт «Дом» является бесценным ключом к пониманию культуры, поскольку передает специфику образа жизни и мышления народа. Главным средством репрезентации образа дома являются «социальные, семейно-бытовые виды обрядов» [6, с.5-6]. Соблюдение или

нарушение их символизирует трагическое противостояние целостного, укладного мира и мира рушащегося, катастрофичного. Индивидуально-авторские знания о мире формируют специфические способы репрезентации концепта «Дом» в художественных текстах. Авторы часто употребляют метафоры, связанные с очеловечиванием дома. На основе анализа повестей «деревенской прозы» можно выделить следующие составляющие концепта «Дом»: дом – сакральное место; упорядоченная модель вселенной; обитель духовных сил.

Литература

1. Аникин В.П. Фольклор как коллективное творчество народа. – М., 1969.
2. Афанасьев А. Религиозно-языческое значение избы славянина // Афанасьев А. Народ-художник. – М., 1986.
3. Байбурин А. Ритуал в традиционной культуре. – М., 1986.
4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М., 1990.
5. Гуревич А. Категория средневековой культуры. – М., 1979.
6. Жигульский К. Праздник и культура. – М., 1985.
7. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988.
8. Лихачев Д. Земля родная. – М., 1983.
9. Мяло Кс. Оборванная нить // Новый мир. 1998. №8.
10. Носов Е. Усвятские шлемоносцы: Повесть. – М., 1986.
11. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб., 1994.
12. Распутин В.Г. Живи и помни: Повести, рассказы. – М., 2010.
13. Синенко В.С. Поэтический космос русской прозы середины XX века. – Уфа, 1997.
14. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 1997.
15. Терещенко А. Быт русского народа. – М., 1978.

© Мусина Л.Р., 2012

УДК 81'35

Мухаметдинова А.Р.
г.Уфа (Россия)

Подходы и направления изучения детской речи в отечественной традиции

Первые печатные труды по проблеме исследования детской речи в России появились в 80-е годы XIX века: в статье А.Александрова (1883) освещаются результаты изучения речи детей раннего возраста (до трех лет), статья В.Благовещенского (1886) посвящена речевому развитию ребенка до семи лет. Речь детей дошкольного возраста исследуют и представители экспериментальной психологии и педагогики: В.П. Вахтеров, Т.Лабунец, П.Ф.

Каптерев и другие. Заслуга В.П. Вахтерова в том, что он первым в России предпринял попытку дать на основе собственных многолетних наблюдений целостную картину развития речи ребенка с самого раннего возраста до двенадцати с половиной лет. Он искал связи между использованием языковых средств и умственным развитием ребенка на определенном возрастном этапе.

В изучении детской речи четко прослеживаются несколько направлений: изучение специфики детской речи по сравнению с нормированной литературной речью (К.И. Чуковский, Е.И. Тихеева, Н.А. Рыбникова, С.Н. Цейтлин); психологическое направление, в рамках которого изучалась речь детей в широких обобщениях (Л.С. Выготский, П.П. Блонский, Н.И. Жинкин, Ф.А. Сохин, А.М. Леушина); психолингвистическое направление, охватывающее изучение онтогенеза детской речи (А.М. Шахнарович, А. Н. Гвоздев, Н.М. Аксарина, М.И. Лисина); исследования индивидуальных различий в показателях речевого развития как в личностном плане, так и в общих тенденциях (В.А. Добромыслов, В.С. Филатов) [1].

Онтолингвистика - раздел лингвистики, изучающий онтогенез речи и детскую речь: формирование речевой способности ребёнка, возникновение и дальнейшее развитие индивидуального языка, дальнейшие возрастные изменения в языке индивида. Она чаще всего трактуется как один из основных разделов психолингвистики, который относится к разряду молодых научных дисциплин. Объектом онтолингвистики является речевая деятельность ребёнка, а предметом – процесс освоения детьми их родного языка.

Поскольку онтолингвистика относится к разряду формирующихся в настоящее время областей научного исследования, не смолкают споры относительно её статуса: что это – проекция уже сложившихся и апробированных на «взрослом» материале концепций и методов на новый («детский») материал или же принципиально иная научная дисциплина, требующая иных подходов и методологий? В первом случае, очевидно, нужно было бы говорить не о новой науке, а лишь о расширении объекта изучения в традиционной лингвистике.

Исходя из этого, можно было бы полагать, что любой «взрослый» лингвист без труда превращается в «детского», стоит лишь ему вместо, например, повести Тургенева положить перед собой сочинение второклассника, или применить теоретический инструментарий, выработанный в процессе анализа пьес Чехова или Горького, к исследованию диалога детей четырёхлетнего возраста по поводу сломанной игрушки. Подобный подход к анализу «детского» материала предполагает взгляд на речевую продукцию ребёнка (а именно она в первую очередь подвергается изучению) как на ещё недостаточно зрелый продукт, порождаемый той же языковой системой, что и текст, производимый взрослым. Этот подход можно назвать «вертикальным», ибо он основан на взгляде на речь ребёнка «сверху», с позиций уже

сформировавшейся и освящённой традицией системы «взрослого» языка.

Детская речь при этом предстает как своего рода плацдарм для испытания объяснительной силы разработанных применительно к «взрослой» лингвистике теоретических концепций.

Однако в последнее время становится все более очевидным, что указанный выше подход страдает некоторой односторонностью. Возможен и иной взгляд на детскую речь, условно называемый «горизонтальным». В этом случае она рассматривается как репрезентация особой «детской» языковой системы, являющейся в известной степени автономной и отражающей достигнутый ребёнком к данному моменту уровень его когнитивного развития, способной удовлетворять его коммуникативные потребности. В этом случае абсурдна сама постановка вопроса о правильности-неправильности, ибо исчезает необходимость сопоставления со «взрослым» эталоном.

При таком взгляде на суть явлений языковое развитие ребёнка может быть представлено как постепенная смена временных языковых систем, каждая из которых отражает собственную, также временную, когнитивную систему ребёнка.

Оба подхода, как принято говорить, «находятся в отношениях дополнительности» и только их интеграция могла бы позволить изучить в полном объёме этот удивительный и привлекающий все большее внимание не только лингвистов, но и психологов, логопедов, методистов по развитию речи и многих других специалистов, феномен, каким является речь ребёнка [2].

Считается, что в онтолингвистике выделяется два основных направления: одно из них – собственно лингвистическое, а другое – психолингвистическое. В рамках первого изучается речь ребёнка в её отношении к системе языковых универсалий как призма преломления системных закономерностей «взрослого» языка (С.Д. Кацнельсон, С.Н. Цейтлин и др.). Стремление подобрать адекватные способы фиксации речи ребёнка и найти объяснение фактам, отмеченным в детской речи, ставит лингвиста в ситуацию, когда необходимо обратиться к смежным с лингвистикой дисциплинам и прежде всего – к психолингвистике (Н.И. Жинкин, А.Н. Леонтьев, А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева, Е.И. Негневицкая).

В то время же С.Н. Цейтлин отмечает, что возможно выделить, по крайней мере, три направления онтолингвистических исследований: 1) изучение освоения родного языка тем или иным конкретным ребёнком; 2) исследование общих закономерностей освоения одного языка разными детьми; 3) выявление общих закономерностей освоения разными детьми разных языков.

Кроме того, можно различать еще два подхода к рассмотрению языковых явлений в речи ребенка: (1) с позиции сложившейся языковой системы взрослого человека, который основан на сопоставлении единиц и категорий детского языка с единицами и категориями языка взрослых; и (2) с

позиций детской языковой системы, рассматриваемой как до известной степени автономный объект, имеющий свои единицы и собственную структуру.

Первый из названных подходов имеет высокую ценность для теоретической лингвистики, поскольку позволяет увидеть в новом свете единицы и категории постигаемого языка, их системные связи и закономерности, разграничить универсальные и идиоэтнические компоненты, выявить реальную иерархию языковых правил и т.д. Только в данной проекции детский язык может быть рассмотрен как своего рода "недозревший" взрослый язык, изобилующий неправильностями, инновациями и т.п. При втором подходе языковая система ребенка анализируется "сама по себе" - как отражающая достигнутый к определенному моменту уровень когнитивного развития ребенка и способная удовлетворять его насущные коммуникативные потребности.

Если первый подход связан с использованием традиционных лингвистических методов и основан, прежде всего, на анализе речевой продукции ребенка, то второй (психолингвистический по своему существу) предполагает использование иного инструментария, связанного с учетом не только особенностей порождения речи, но и специфичности восприятия ребенком речи взрослого человека. Именно второй подход позволяет рассмотреть языковую систему ребенка в ее динамике и выявить реальную стратегию освоения языка, которой он (ребенок) придерживается, а также обнаружить некие типовые стратегии и общие принципы построения детьми собственной языковой системы. Сопоставляя стратегии детей, осваивающих разные языки, можно выявить некоторые онтогенетические универсалии [3].

Литература

1. <http://murzim.ru/nauka/pedagogika/obwaja-pedagogika/26355-sovremennye-napravleniya-issledovaniy-detskoj-rechi.html>
2. <http://ru.wikipedia.org/wiki/онтолингвистика>
3. Цейтлин С.Н. Детская речь как предмет лингвистического исследования. – СПб., 2004. – С. 275-278.

© Мухаметдинова А.Р., 2012

УДК 82'35

Мухтаруллина А.Р.
г. Уфа (Россия)

Когнитивные основания субъективно-межличностной модальности в английском судебном дискурсе

Целью данного исследования является комплексное описание модальных контекстов юридических терминов, вербализующих базовые концепты судебного права. Безусловно, базовым концептом английского судебного

ного дискурса является термин “court”, сочетающий в себе лингвистическое знание и знание экстралингвистических факторов. Это - ключевой элемент легальной картины мира. Словарный анализ термина “court” выявляет в его значении метонимическое расширение: здание – люди (“Oxford Dictionary of Law”, “Webster’s Desk Dictionary of the English Language”, “Longman Dictionary of Contemporary English”, “Modern English-Russian Dictionary”):

1. a building or room where all the information concerning a crime is given so that it can be judged: *He was summoned to appear in court as a witness;*
2. the people in a court, especially the judge and the jury: *The defendant told the court that he was in Newcastle at the time of the alleged rape.*

Сфера субъекта концептосферы судебного права представлена лексемами “lawyer” и “attorney”, которые в некоторых юридических ситуациях рассматриваются как синонимы, имеющие контекстуально-тождественное значение, но, фактически, относятся к разным объектам действительности: *Attorney - a legal agent who represents a client in legal affairs; a lawyer; one who legally appointed or admitted in the place of another to transact any business for him. Lawyer - a person trained in the law; one whose position is to conduct lawsuits in a court or to give legal advice and aid; attorney - at - law [WD, p.32].*

Анализ словарных дефиниций не выявляет четкого различия между двумя терминами. В «Garner’s Dictionary» указывается, что юристы сами не проводят демаркационную линию между этими терминами: в США, “attorney”, “attorney-at-law”, и “lawyer” рассматриваются как синонимы. Под термином “lawyer” может подразумеваться не только адвокат, но и обвинитель: *Prosecutor - a lawyer who represents the person who is brining a criminal charge against someone [LDCE, p.1134].*

Синонимический ряд юридических терминов “attorney” и “lawyer” может быть продолжен лексемами “solicitor” и “barrister”- со значениями защиты интересов клиентов в различных судах: *Barrister - a legal practitioner admitted to plead at the Bar. Barristers normally take a three-year law degree at university followed by a one-year course at Bar. Thereafter they take a pupillage in chambers and then seek a permanent place as a “tenant”. The primary function of barristers is to act as advocates for parties in courts of tribunals, but they also undertake the writing of opinions and some of the work preparatory to a trial. With certain exceptions a barrister may only act upon the instructions of a solicitor.*

Solicitor - a legal practitioner admitted to practice under the provisions of the Solicitors Act 1974. Solicitors normally take a three-year law degree at university followed by a one-year legal practice course and examination at a law college, followed by two years as an employee under a training contract, after which they are admitted as solicitors. Practicing solicitors must possess a practicing certificate. Solicitors form much the larger part of the English legal profession, undertaking the general aspects of giving legal advice and conducting legal

proceedings [ODL, p.423].

В «Новом англо - русском словаре» В.К. Мюллера указаны следующие семантические параметры терминов “attorney”, “lawyer”, “barrister”: 1) юрист; 2) адвокат; следовательно, в некоторой степени они синонимичны. Что касается лексемы “solicitor”, то она рассматривается как «юрисконсульт (дающий советы клиенту, подготавливающий дела для барристера и выступающий в судах низшей инстанции)». Необходимо отметить, что содержания терминов могут варьироваться в зависимости от правовой системы, в которой они употребляются.

В Великобритании большинство судей не получает платы. Они именуются *государственными чиновниками*, или *мировыми судьями*, другая же часть судей, не являясь государственными чиновниками, известна как *судьи высшей инстанции*, в их рассмотрении находятся дела с более серьезными преступлениями. Статус судей отражают их дефиниции: *Magistrate - a justice of the peace sitting in a magistrate's court. Most magistrates are lay persons and have no formal legal qualifications: they receive no payment for their services, but give their time voluntarily.*

Judge - a state official with power to advocate on disputes and other matters brought before the courts for decision. In English law all judges are appointed by the Crown, on the Advice of the Lord Chancellor in the case of circuit judges and on the advice of the Prime Minister [ODL, p.250].

На статус базового концепта судебного дискурса может претендовать и сама коммуникативная ситуация или сценарий суда - судебный процесс (разбирательство). В английском языке имеется ряд синонимичных терминов - *lawsuit, litigation, trial, cause, process, proceedings, controversy - a legal process in which a court of law examines a case to decide whether someone is guilty of a crime* [LDCE, p.1543].

Приядерную зону концептосферы судебного права составляют устойчивые выражения и семантические переносы значений, возникающие в результате полисемии или омонимии. Как известно, характерной чертой судебного дискурса является его обрядовость, которая прослеживается не только в соблюдении этапов судебной процедуры, но и в использовании участниками дела определенных клише, устойчивых выражений. К примеру, *to bring a suit* - возбудить дело, *to stand trial* - отвечать перед судом, *evidence for the defense* - показания свидетелей защиты, *evidence wrongfully obtained* - доказательства, полученные с нарушением закона, *to discharge from custody* - освободить из-под стражи. Часто встречающимся явлением в английском судебном дискурсе является омонимия. Рассмотрим следующее предложение: “*A few jurisdictions demand that the defense disclose before trial the general nature of any defenses it will raise at trial*” [GB, p.31]. В первом случае под лексемой “defense” имеется в виду «сторона защиты», а во втором - «обстоятельства, освобождающие от ответственности». «Black’s Law Dictionary»

предлагает свою версию значения термина “defense”: **1. A defendant’s stated reason why the plaintiff or prosecutor has no valid case** - указанная обвиняемая причина, по которой истец или обвинитель не имеют юридически действующих доказательств по делу; **2. A defendant’s method and strategy in opposing the plaintiff or the prosecution** - метод и стратегия обвиняемого, противопоставляемые методу и стратегии истца или обвинителя; **3. One or more defendants in a trial** - сторона защиты [BLD, p.45].

Еще один семантический перенос значения наблюдается в случае, когда общепринятое слово употребляется в профессиональной сфере, т.е. переходит из одного дискурса в другой. Например, лексема “information”, используемая в нейтральном дискурсе, означает «сведения, информация», однако только юрист сумеет понять предложение “An information is filled by the prosecution”, поскольку в юридическом контексте оно наполняется новым смыслом - *заявление об обвинении, предъявляемое прокурором обвиняемому* [BLD, p.66]. Другое аналогичное семантическое изменение: “I intend to file a complaint” [BLD, p.38]. В обиходном разговорном дискурсе смысл предложения может быть истолкован как: “Я опишу свои претензии на листе бумаги и передам их соответствующему официальному лицу”, но в юридическом дискурсе оно означает: “Я планирую начать судебное разбирательство, что является серьезной и дорогостоящей процедурой”. Примеры такого же ряда: *Action: not a physical movement, but lawsuit - судебное разбирательство. Movement: a request that a court issues an order or engages in some other act - ходатайство.*

Итак, ядро базовых концептов судебного права, содержание этих концептов могут быть определены как их первоначальные словарные значения. Приядерную зону составляют устойчивые выражения и семантические переносы значений, которые возникают в результате полисемии или омонимии. Однако для получения полной информации о понятиях, процессах, взаимосвязях всех элементов сферы судебного права недостаточно анализировать дефиниции терминов, их синонимы и омонимы. Информация появляется в результате отражения и осознания действительности субъектом и фиксируется в языке. Условия, особенности восприятия действительности различны.

Следующий этап процедуры включает дискурсивный анализ концепта “court” через призму его модальной характеристики, которая способствует раскрытию контекстуальных значений базового концепта. Суд характеризуется определенной заданностью: речь прокурора, адвоката, судьи, допрос обвиняемого и свидетелей. События в судебном процессе происходят в определенном порядке, хотя порядок может быть изменен судьей:

Step 1: Selection of the Jury.

Step 2: Opening Statements. *The lawyers for each side will discuss their views of the case that you are to hear and will also present a general picture of*

what they intend to prove about the case. What the lawyers say in their opening statements is not evidence and, **therefore**, does not help to prove their cases.

Step 3: Presentation of Evidence. All parties are entitled to present evidence. The testimony of the witnesses who testify at trial is evidence. Evidence may also take the form of physical exhibits such as a gun or a photograph. On occasion, the written testimony of people not able to attend the trial may also be evidence. Many things you will see and hear during the trial are not evidence. For example, what the lawyers say in their opening and closing statements is not evidence. Physical exhibits offered by the lawyers, but not admitted by the judge, are also to be disregarded, as is testimony that the judge orders stricken off the record. Many times during the trial the lawyers may make objections to evidence presented by the other side. It is up to the judge to decide if each objection was valid or invalid, and whether, **therefore**, the evidence can be admitted or the question allowed. If the objection was valid, the judge will sustain the objection. If the objection was not valid, the judge will overrule the objection. It is your duty as a juror to decide the weight or importance of evidence or testimony allowed by the judge. You are also the sole judge of the credibility of witnesses, that is, of whether their testimony is believable. In considering credibility, you may take into account the witnesses' opportunity and ability to observe the events about which they are testifying, their memory and manner while testifying, the reasonableness of their testimony when considered in the light of all the other evidence in the case, their possible bias or prejudice, and any other factors that bear on the believability of the testimony or on the importance to be given that testimony.

Step 4: The Instructions. Following presentation of all the evidence, the judge instructs the jury on the laws that are to guide the jury in their deliberations on a verdict. A copy of the instructions will be sent to the jury room for the use of juror during their deliberations. All documents or physical objects that have been received into evidence will also be sent to the jury room.

Step 5: Closing Arguments. The lawyers in the closing arguments summarize the case from their point of view. They may discuss the evidence that have been presented or comment on the credibility of witnesses. The lawyers may also discuss any of the judge's instructions that they feel are of special importance to their case. These arguments are not evidence.

Step 6: Jury Deliberation. The jury retires to the jury room to conduct the deliberations on the verdict in the case they have just heard. The jury first elects a foreman who will see to it that discussion is conducted in a sensible and order fashion that all issues are fully and fairly discussed and that every juror is given a fair chance to participate. When a verdict has been reached the foreman signs it and informs **the bailiff**. The jury returns to the courtroom where the foreman presents the verdict" ("The Poor in the Court: The Legal Services Program and Supreme Court Decision Making", 1990).

Дискурсивный анализ выявил, что аксиологическая модальность с

прагматической установкой «дать миру оценку», характеризуется положительной коннотацией (*in a sensible and order fashion, a fair chance, the reasonableness of their testimony, the sole judge etc.*). Что касается деонтической модальности, в заданном контексте реализуется установка не изменить картину мира реципиента, а дать конкретное предписание. Директивный статус деонтической модальности через приказы, законы, акты, призывы, в большинстве случаев представлен модальным глаголом «to be to». «Мягкие» модальные глаголы “may” и “can” выражают менее категоричное обязательство. Данный фрагмент судебного дискурса несет в себе имплицитную заряженность деонтической модальности, так как понятие «суд» уже подразумевает некое долженствование. С эпистемической точки зрения, судебный дискурс обладает статусом объективной достоверности, т.е. обеспечивает реципиента достоверной информацией. Эффект «присутствия» на судебном заседании достигается использованием повествовательных форм предложения. Прагматическая установка эпистемической модальности - дать описание картины мира.

В целом, в судебном дискурсе представлены виды модальности, они взаимодополняют и взаимодействуют друг с другом. Персональный статус деонтической модальности, выраженный повелительным наклонением, представлен в речи обвинителя. Категоричность автора в намерении изменить картину мира объясняется его коммуникативной интенцией.

Эпистемическая модальность обладает статусом субъективной (речь свидетелей обычно строится на собственных догадках с сильным искажением фактов) и объективированной (адвокат и прокурор излагают проверенные факты, однако часто эти факты оказываются недостоверными) достоверностей. На искажение фактов влияет и стремление состязующихся сторон выиграть судебный спор.

Аксиологическая модальность представлена значениями положительной и отрицательной оценки, эксплицитно или имплицитно - через описание поступков и действий человека. Не последнюю роль в этом играет и судебная этика.

Литература

1. Black's Law Dictionary. (Ed. by B.A. Garner). - N.Y.: West group, 1999. - 1940 p.
2. Garner B.A. Dictionary of Modern Legal Usage. – N. Y.: Oxford University Press, 1993.
3. Longman Dictionary of Contemporary English [LDOCE]. - England, London: Pearson Ltd., 2003.
4. Oxford Dictionary of Law. – N. Y.: Oxford University Press. 1997.
5. Webster's Desk Dictionary of English Language. – N. Y.: Potland House, 1990.

© Мухтаруллина А.Р., 2012

Индоевропеизмы в евразийских языках как общее наследие

Тематика предлагаемой вниманию читателей статьи в той или иной степени много раз освещалась в литературе. Из обширной историографии (истории вопроса) укажем публикации в XX веке: [Мейе 1938], [Богородицкий 1917], [Андреев 1986], [Долгопольский 1965], [Долгопольский 1971], [Георгиев 1958], [Гринберг 1989], [Дульзон 1969], [Vomhard 1992], [Emre 1940] десятки других работ, принадлежащих перу как индоевропеистов, так и ученых других специальностей.

Проблема контактирования индоевропейских языков с языками неиндоевропейского языкового мира также разрабатывалась усилиями многих ученых и имеет обширную историю вопроса.

Вместе с тем, научная литература знает примеры, когда различного рода параллели и.-е. языков с языками других народов Евразии, приводились ранее, чем в трудах названных выше исследователей. В этом плане следует отметить **грамматические сравнения** выдающего итальянского макрокомпаративиста А. Тромбетти. Ниже даны некоторые цитаты из обширного труда [Trombetti 1908, 129-133].

1. и.-е. корни местоимений 1-го и 2-го лица *me-, te- : mo-, to-* ‘то же’ в угро-финских языках;

В угро-финских языках местоимения 3-го лица начинаются с *s-*, что соответствует и.-е. (например, *sewe*).

В самодийских языках такие же местоимения начинаются с *t-*: хант. *tep-, tebe-* (в современной уралистике хантыйский – один из обско-угорских языков – *Ш.Н.*). Сравни это с и.-е. формами второго лица *tebhe, tewe* и угорские формы третьего лица *teva-, tava-*. Соответствиями в тюркских языках могут выступать як. *-tin, -ta* (притяжательные суффиксы 3-го лица) и под. Тромбетти также дает в качестве тождественных удм. *so* ‘он, этот’ = и.-е. *so*.

II. Далее видим такие сближения, как угро-фин. и самод. *ta-* ‘демонстратив’ // (у Тромбетти слово ‘идентифицирую’, р. 132) и.-е. и семит. *tā-* ‘то же’; например энец. *ta-r-čē* ‘тот’ = и.-е. *tā-li-ko-* ... ‘то же’ = араб. *tā-li-ka* ‘та’, нен. *ta-ky* ... ‘тот’ = ст.слав *tā-kŭ* ‘такой’ = араб. *tā-ka* ‘такая’. Угро-финские и самодийские формы соответствуют и.-е. *to-, so-* и *te-, se-*.

Примечательно далее сравнение як. *tō-sō* ‘тот’ с греч. *tō-so* ‘то же’ из **tō-tj-o-*; соотношение [як.] *χa-s* = тур. *ka-č* ‘сколько’ соответствует и.-е. *kó^w-ti* ‘сколько’ (санскр. *kā-ti* и т.п.). Якутское *mīä-χä* [мне] по форме и значению соответствует умбрскому *me-he*, лат. *mi-hi* и т.д.

III. Серия турецких [форм местоимений] *bi-s, be-s*, монг. *bi-dä*, бурят.

bi-de, bi-di, bi-dji ‘мы’ и тюрк. аккуз. *bi-s-te, be-s-te* соответствует и.-е. серии *me-s, me-dha* и грек. диал. *-me-s-tha*.

Также автор писал, что самодийский камассинский *-wel*, возможно, соответствует и.-е. *wei* ‘мы’.

IV. Со ссылкой на брошюру немецкого компаративиста В. Шотта (ранее середины XIX в.) «О чувашском языке» Тромбетти приводит *aba-i* ‘моя мать’ и *ab-u* ‘твоя мать’ и сближает это с именами родства из дравидского языка малто *abba* ‘мой отец’ [*перев. с итал. авт.*]; ср. в качестве сближения нем. *Amme* ‘кормилица’.

Дальнейшие **словарные сближения** имеются в работах многих языковедов гл. обр. XX века, как у нас, так и за рубежом. Так, относительно терминов родства известный шведский урало-алтаист Б. Коллиндер говорил об общности у.-а. *kale(we)* ‘свояченица’ с индоевропейскими языками [Collinder 1965].

В индоевропеистике давно предложена этимология таких урбонимов как *Берлин* ‘столица Германии’, *Берн* ‘город в Швейцарии’. Они так названы по наименованию хищного животного медведя, многочисленного во многих местах древней Европы. Немецкое *Bär* этимологически связано с *braun* ‘коричневый; бурый’ < и.-е. *bher-* ‘то же’. В свете теории *ностратики* этот этимон оказывается родственным алт. *bor’a* ‘серый, коричневый’ из nostr. *bor’a* ‘серый, коричневый, бурый, сивый’ [Иллич-Свитыч 1971, № 18].

V. Согласно мнению большинства ученых-сторонников концепции евроазиатских, сибиро-европейских, ностратических языков индоевропеизмы в последних подлежат объяснению скорее как *показатель общего* (генетического) *наследия*, чем толкования в духе теории *языковых контактов*.

Литература

1. Андреев Н.Д. 1986. Раннеиндоевропейский праязык. Л.: Наука.
2. Богородицкий В.А. Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков. Казань, 1917.
3. Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию: Родственные отношения индоевропейских языков. – М. 1958.
4. Гринберг Дж. Предыстория индоевропейской системы гласных в сравнительной и типологической перспективе // Вопросы языкознания. 1989. № 4. – С. 19-27.
5. Долгопольский А.Б. Методы реконструкции общеиндоевропейского языка и сибироевропейская гипотеза // Этимология. – М.: Наука, 1964. – 259-270.
6. Долгопольский А.Б. Какие языки родственны индоевропейским? // Наука и человечество. – М., 1971-1972. – С. 106-119.
7. Дульзон А.П. Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими // Вопросы лингвистики. Томск, 1969. Вып. 2.

8. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.– Л., 1938.
9. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. В-К. – М., 1971.
10. Bomhard A. R. 1992. “The Nostratic macrofamily (with special reference to Indo-European” // *Word* v.43. p. 61-84.
11. Collinder Bj. Hat das Uralische Verwandte = *Acta Universitatis Upsaliensis, Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis*, N.S. 1:4, 1965.
12. Emre A. C. 1940. Etude comparative sur les pronoms personnels // “*Türk dili. Turkce-fransizca belleten*”. Seri II, 3-4.
13. Trombetti A. 1908. VI. Indoeuropeo // *Saggi di glottologia generale comparata. I. Pronomi personali*. Bologna: tipografia Gamberini e Parmeggiani.

© Нафиков Ш.В., 2012

УДК 378'02

Нечаева О.С
г.Уфа (Россия)

Межкультурные аспекты преподавания французского языка

В настоящее время образование играет важную роль не только с этической (бороться с этноцентризмом, дискриминацией, предрассудками) или юридической точки зрения (уважать права человека), но и в области носеологического, когнитивного и психологического (позволять людям создавать для себя гибкие и открытые системы мысли и процесс категоризации), и, наконец, социального (в сложном мире новая модель обучения должна включать контроль над несколькими интерпретирующими и коммуникативными кодами: лингвистическим, поведенческим и т.д.), т.е. помогает быть цивилизованным. Понятие слова «цивилизация» тесно связано с историей языка и представлений каждой страны. Во Франции исследование истории слова «цивилизация» показывает, как произошло двойное тождество между языком и цивилизацией, с одной стороны, и между французской и мировой цивилизациями, с другой стороны. Дата официального возникновения слова «цивилизация» во Франции - 1771 г. Убеждение, что французская цивилизация представляет собой оптимальный вариант, зародилось в XVIII веке. Миссия цивилизованных стран – вести другие народы по дороге прогресса к научному развитию, к разуму, к современному миру. Образовательная миссия заключается не только в насаждении превосходящей цивилизации, но и языка, её выражающего. Благодаря своим свойствам – чистоте и точности – французский язык уже в XVIII веке становится всеобщим языком, на котором говорят все европейские монархи. Французский язык сначала распространился на всей территории Франции путём систематического искоренения

ния региональных языков и диалектов, а затем в других странах в ходе колониального захвата. «Альянс Франсез», учреждённый постановлением министерства внутренних дел 24 января 1884 года, проводит политику распространения французского языка во всём мире. В сферу его деятельности входит открытие и субсидирование французских школ, обучение преподавателей, организация конференций и публикация работ методического характера. Таким образом, преподавание языка становится средством распространения идеологии. В традиции преподавания французского языка иностранцам литература рассматривалась как сама сущность французского языка и культуры. Изучение грамматики сопровождается представлением определённых аспектов французской культуры. Начиная с 50-х годов во Франции развиваются аудио-визуальные методы. Их мало интересует культурная проблематика языка, персонажи в учебниках говорят на стандартном языке. В 70-х годах диалоги в учебниках становятся наиболее приближенными к реальности и стремятся в действительности научить общению. Учебник «De vive voix» предлагает не только язык, приближенный к реальности, но и социальный и психологический компонент коммуникации. Новый учебник «C'est le printemps» отразил коммуникативный подход к преподаванию языка. Признаком нового взгляда на объект преподавания стал отказ от слова «цивилизация» в пользу слова «культура». Во Франции появилось выражение «культура иммигрантов»: общественные учреждения стремятся к тому, чтобы иммигранты осознавали свою собственную культуру, и французское население должно признавать её. Межкультурная коммуникация определяется как прагматический выбор, стоящий между мультикультурализмом, который характеризует современные общества. Межкультурное образование, с одной стороны, стремится поддержать учеников, испытывающих чувство неуверенности перед неизвестным, с другой стороны, оно должно привести к обобщению опыта контакта с иноязычной культурой, так что при этом они не попадут в ловушку стереотипа. Это особая задача дидактики языков и культур, потому что иноязычное общество оказывается тесно связанным с изучением и использованием языка в реальной коммуникации.

© Нечаева О.С., 2012

УДК 811.11.42

Никонова Ю.И.
г. Якутск (Россия)

Интенсификация высказывания как прагматическая категория в дискурсе масс-медиа (на примере немецких газетных фельетонов)

Одним из излюбленных приемов комической литературы является комическое или сатирическое заострение, которое актуализируется через

категорию интенсивности. Категория интенсивности заключается в выражении количественной характеристики и отражается на всех языковых уровнях: в фонетике, лексике, фразеологии, морфологии и синтаксисе. В данном докладе рассматриваются графические (фонетические), лексические и лексико-грамматические средства интенсификации высказывания.

К лексическим средствам выражения категории интенсивности относятся аффиксация и словосложение, прилагательные интенсифицирующего содержания, глаголы со значением интенсивности, наречия - интенсификаторы при предикатах, кванторные слова и усилительные фразеологизмы.

Большое разнообразие показывает использование в фельетонах словообразовательных средств интенсификации. В таких производных словах именно аффикс демонстрирует приращение значения, увеличение объема, качества признака. К префиксам с усилительным значением относятся *hyper-*, *extra-*, *super-*, *ultra-*. Дополнительное усиливающее значение могут нести и такие префиксы, как *eg-*, *ver-*, *ent-*. В выборе между синонимами фельетонист, как правило, останавливается на лексеме с большей эмоциональной нагрузкой.

Интенсифицирующее значение могут иметь и сравнительная, и превосходная степень прилагательных. Сложные слова со значением высокой или предельной степени признака образуются, как правило, на основе прилагательного-интенсификатора. Одним из самых распространенных способов интенсификации является употребление прилагательных и наречий со значением усиления. Кванторные слова называют в фельетонах большое и малое количество предметов и людей, частотность событий и явлений, интенсивность эмоций.

На значение интенсивности может указывать и семантика глаголов, которые используются при описании события или поведения персонажа. Повышенная экспрессивность фельетона отражается также в употреблении эмоционально окрашенных слов с пометами *emotional*, *emotional übertreibend*, *emotional verstärkend* со значением интенсивности. Усилительные фразеологизмы указывают, как правило, на не просто высокую, а предельную отметку на шкале интенсивности. Интересным средством повышения эмоционального накала выражения может стать скопление знаков препинания, в основном восклицательного и вопросительного знаков.

Различные средства выражения интенсивности очень часто аккумулируются в фельетоне для того, чтобы показать экстраординарность, исключительность описываемого события, но, как правило, событие это комично в своей интенсивности.

Хотя интенсификация высказывания является одной из стилистических особенностей сатирических жанров публицистики, этот прием находит все большее распространение в других жанрах масс-медийного дискурса, что указывает на большую экспрессивность как характерную черту совре-

Новикова О.Н.
г. Уфа (Россия)

Потенциал синергетики в ономастических исследованиях

В своем мышлении человек пребывает в ситуации выбора, имеющего сугубо личностный характер, но реализуемого не без последствий для окружающего мира. Взаимосвязь случайного и нацеленного, индивидуального и общего в выборе имени и в эволюции антропонимикона подводит к обращению к синергетике как к подходу, интегрирующему сложившиеся на сегодняшний день парадигмы гуманитарного и естественнонаучного знания. Не стремясь объяснить все и вся новым подходом, с одной стороны, и учитывая факт его активного использования в языкознании, с другой, выделим точки приложения синергетики к ономастическим изысканиям с показом их объяснительной силы.

Теоретическое осмысление системности ономастикона на уровне поля в рамках лингвосинергетики предпринято М.Ю. Беляевой [1]. Автор ставит задачу выявить разноуровневые языковые факторы, обеспечивающие функционирование и своеобразие антропонимикона как системы и приходит к выводу, что региональный ономастикон в ситуации межкультурных контактов и глобализации подчиняется требованиям внутри-, внешне- и межъязыковой системности каждого языка. Языковое своеобразие ономастикона определяется сочетанием разноуровневых системообразующих факторов, отражающих закономерности саморегуляции систем в языковой и внеязыковой среде. Исследование показывает, что «В подтверждение положений современной синергетической теории в ономастиконе обнаруживается наличие как системных, так и маргинальных и асистемных зон и участков образования онимов разных видов» [1, с.12].

Антропонимическая система – это «определенным образом организованная совокупность антропонимов данного этноса для данного времени», подверженная изменениям как в отдельных своих частях, так и в их соотношениях [3, с.35]. Как и любая другая система, рассматриваемая совокупность поддерживается оппозициями, в каждой из которых выделимы свои противочлены: личные имена (ЛИ) – фамилии, женские имена – мужские, полные – сокращенные имена, исконные – заимствованные онимы и т.п. Системность антропонимов обуславливается онимическими системными средствами (моделями, морфемами, формантами); вертикальными отноше-

ниями имен: имена старые – новые, стилистически возвышенные – сниженные и т.п.; территориальной представленностью имен [7, с.53-57]; противопоставленностью документальных (официальных) имен и именовании повседневной речи (неофициальных) [5, с.4]. В.И. Супрун описывает ономастическое пространство как структурируемое по секторам в рамках ономастического поля [6, с.11-13]. С.И. Гарагуля указывает на особую грамматику антропонимов как на иллюстрацию их системности [2, с.13].

Множественность членов антропонимической системы обуславливает множественность связей как между ними, так и с языком в целом, что проявляется в транс- и деонимизации, апеллятивизации, взаимопереходах противочленов антропонимических оппозиций, что свидетельствует об открытости и неустойчивости системы. История и современное состояние официального именования индивида в любой стране показывает качественную изменчивость самой антропонимической формулы, различия в дистрибуции ее составляющих по временным и географическим параметрам. Нелинейность системы проявляется в наличии у нее многих, различных типов поведения при возможности выбора между ними, способности к усилению малых возмущений. Очевидно, для антропонимической системы верен принцип необходимого разнообразия элементов, известный из теории систем: система тем устойчивее, чем больше ее разнообразие, «в разнообразии элементов потенциально содержатся формы приспособления к различным вариантам будущего. Разнообразие системы делает ее устойчивой к многовариантному будущему» [8, с.109].

Как всякая исторически сложившаяся целостность, антропонимическая система обладает высокой степенью стабильности: активный именник, употребляемый представителями разных слоев общества в разных частях страны, сложился довольно давно. Самоорганизация антропонимикона происходит в результате взаимодействия случайности и необходимости по мере накопления и переработки опыта: новое, не вписывающееся в рамки системы, ведет к ее перестройке, а каждое очередное состояние выступает основанием для сравнения при последующей переработке опыта. Каждое новое имя уменьшает количество старых; из беспорядка (множества разных новых ЛИ) возникает порядок (те ЛИ, которые принимаются обществом). Новая антропонимия нестабильна, номинативные единицы с уникальной референцией быстро выпадают из системы именовании, если референт теряет интерес для лингвокультурного сообщества [4, с.85].

Антропонимические системы возникли из-за необходимости выделять и различать членов человеческого общества, развитие которого отражалось и на их характеристиках. Однако, с момента возникновения антропонимикона его эволюция не определялась жесткими причинно-следственными связями. Поскольку развитие подразумевает порождение нового, уникального, то творящей силой обладает случайность как нечто

единственное в своем роде, неповторимое. Целям нашего исследования отвечает точка зрения В.Н. Финогенова, считающего, что случайное – это то, что начинает новый причинно-следственный ряд [9, с.176-179]. Причина с необходимостью порождает в данных условиях данное следствие. Однако, полная причина всегда комплексна и содержит бесконечное число факторов, поэтому каждое сочетание факторов всегда уникально, неповторимо [8, с.74]. Применительно к антропонимии оказывается, что каждое новое имя суть новая модель ономаобразования, новая возможность создания множества подобных – по звучанию, написанию, семантике слова-основы – имен. Именно создание уникальных имен и фамилий, не укладывающихся полностью в предполагаемые ожидания, и есть момент появления нового в системе, связь одного вектора развития с другим. В сфере многообразных уникальных событий происходит отбор новых, закрепляющих качеств. Но сам конечный пункт изменений и траектория его достижения не всегда бывают точно predetermined. Антропонимикон не существует в постоянном ожидании «толчка» извне; взаимодействуя с языковой и внеязыковой средой, он следует принципам: «измениться, чтобы сохраниться», «от менее жизнеспособного – к более жизнеспособному». Наличие подобных энтропийных явлений, когда одни из вариантов утрачиваются, а другие закрепляются в системе, приводит к ее новому синхронному состоянию, поэтому можно говорить о том, что в каждом данном состоянии антропонимикон представляет собой единство устойчивого и подвижного. Баланс между динамикой и статикой антропонимической системы проявляется в том, что ее эволюция (вхождение в активную часть новых онимов, переосмысление существующих имен, уход имен на периферию и т.п.) не затрудняет выполнение ею своих основных функций - идентификации и различения индивидов.

Литература

1. Беляева М.Ю. Ономастикон западных районов Краснодарского края: полисистемный аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ставрополь, 2010. – 52 с.
2. Гарагуля С.И. Этнические имена в антропонимической системе США // Обучение речевой деятельности специалистов в контексте двух культур: Матер. межвузовской науч.-практ. конф.– Белгород: Бел ЮИ МВД России, 2009. – С. 26-30.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
4. Смольников С.А. Актуальная и потенциальная русская антропонимия // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 23-35.
5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
6. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

7. Теория и методика ономастических исследований. – М.: АН СССР, Ин-т языкознания. – Наука, 1986. – 256 с.

8. Урманцев Н.М. Самоорганизация и свобода: монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2005. – 196 с.

9. Финогенов В.П. Философия: уч. пос. – Уфа: Изд-во УТИС, 2001. – 357 с.

© Новикова О.Н., 2012

УДК 81'35

Нуйкина М.Р.
г.Уфа (Россия)

Живое общение и вертеброгенные заболевания

При общении любой человек пытается передать свое восприятие какой-либо первоначальной эмоции другому. Главным в процессе передачи является язык, однако, первоначальная эмоция может отражаться и на самом содержании, и на форме текста. Когда мы воспринимаем текст, мы его интерпретируем, то есть изменяем согласно жизненному контексту реципиента. Интересно отметить обратную связь: мы можем узнать о круге первоначальных эмоций, если будем иметь четкую систему концептов эмоций, которая находит выражение в тексте. При этом важно знать механизмы искажения первоначальной эмоции при обличении ее в слова и при восприятии текста реципиентом. Как известно, одна и та же мысль может быть выражена разными способами. Если к примеру отказ выразить словами: «я не могу», «у меня не получается» или «скорее нет, чем да» мы заметим, что за сознательной частью отказа может стоять как сам отказ, так и попытка манипуляции, давления или провокации. Загадка «возврата» кроется в вибрационных характеристиках. Чем грубее человек, тем его вибрации более «тяжелые». Человек может и притягивать негативные вибрации, которые в свою очередь соответствуют многим заболеваниям. Так исследователи в области вертеброгенных заболеваний отмечают, что у каждой негативной мысли, эмоции и каждого негативного слова есть своя мишень в позвоночнике. Агрессивные высказывания к коллегам по работе «стреляют» по позвонкам шейного отдела позвоночника (cervix, лат. – шея). Выражения, ведущие к конфликту с близкими, «стреляют» по позвонкам грудного отдела позвоночника (thorax, лат. – грудная клетка). Резкие слова в сторону противоположного пола становятся «мишенью» для позвонков поясничного отдела позвоночника (lumbag, лат. – поясница). Исследования доктора Безнурова В.С. [1, с.21] доказывают, что промежуточным звеном между психологической причиной (негативные мысли, эмоции, слова, высказывания) и соматическим следствием (болезни внутренних органов) является функциональ-

ный позвоночный блок.

И наоборот, так как человек существо эмоциональное, восприятие текста (слов) может сработать совершенно непредсказуемо. По данным психолингвиста А.П. Журавлева [3, с.5], звуки речи в подсознании каждого из нас вполне определенно и в целом одинаково для всех окрашены, хотя мы этого совершенно не осознаем. В звуковых соответствиях преобладание гласной «и» среди гласных указывает на синий или голубой цвета, а «б» - на сиреневый цвет. Употребление звуковых повторов, состоящих из звуков, резко превышающих нормальную частотность (во, ли, ми) и других, в целом обеспечивает тексту признаки – «радостный», «светлый», «яркий». Таким образом, в практике некоторых медицинских учреждений широко используется сенсомануальная психолингвистика, которая основана на прикосновениях и словах, в сочетаниях элементов массажа и мануальной терапии со словесным воздействием. Из выше сказанного можно сделать вывод, что необходим системный контроль «залигованности» всех психических процессов человека, действующих в слаженном альянсе при постоянном взаимодействии разума и тела. Как отмечает Р.А. Даминова [2, с.123], необходим поиск пути обнаружения глубинных механизмов функционирования слова и стоящих за словом у индивида перцептивно-когнитивно-аффективных образований (концептов), а также разного рода функциональных ориентиров, позволяющих успешно оперировать словом при общении.

Литература

1. Безнуртов В.С. Функциональные проблемы позвоночника. –Сочи: ГУП «СПП» - 2001. - С. 21.
2. Далминова Р.А. Метафора «живое знание» и ее использование в психолингвистических исследованиях. – Уфа: УГАТУ - 2012. - С. 123.
3. Журавлев А.П. Компьютерный звукоцвет: Альбом. – Калининград: ФГУ-ИПП «Янтар. сказ» - 2004. - С. 108.

© Нуйкина М.Р., 2012

УДК 81'38

Нургалина Х.Б.
г. Сибай (Россия)

Метафоризация в этнокультурном дискурсе

На современном этапе развития лингвистической науки важным является изучение роли языка в построении национально-культурной картины мира. Проблема языковой картины мира теснейшим образом связана с проблемой метафоры как одним из способов ее создания. При этом языковая картина мира служит прежде всего целям выражения концептуальной кар-

тины

Метафора является универсальным способом познания и концептуализации действительного мира. Она успешно играет роль призмы, через которую человек совершает акт мировидения. Человек может представить нечто в мире как соизмеримое с его возможностями восприятия и ценностной ориентации. "Вторичный" мир возникает не иначе, как в результате интерпретации познающим индивидом фактов в их отвлечении от предметной реальности.

Метафора – один из основных приемов познания объектов действительности, их наименования, создания художественных образов и порождения новых значений. Она выполняет когнитивную, номинативную, художественную и смыслообразующую функции.

Этнокультурная метафора, как важный элемент языковой картины мира, отображает способ членения и классификации реальности, принятый в рамках данного языкового сообщества, являющихся отражением системы ценностей. Национальный образ мира выявляется как система взаимных соответствий. Так, у немцев и англичан можно предположить что-то вроде «водобоязни» исходя из целого гнезда фразеологизмов со словом «вода», обозначающих неприятности: англ. *under water* – букв. под водой – в долгах, *to get into hot water* – букв. попасть в горячую воду – угодить в беду, *to keep one's head above the water* – букв. держать голову над водой – не иметь неприятностей, нем. *das Wasser steht ihm bis an den Hals* - букв. вода достаёт до горла – быть в трудном положении, *die Sache ist zu Wasser* - букв. вещь ушла в воду – коту под хвост, *sich über Wasser halten* – еле-еле сводить с концами. Отсюда можно сделать вывод, что стихия воды ассоциируется с губительным началом.

Метафора показывает, какие вещи являются эквивалентными или просто сопоставимыми в данной культуре: например, в русском, английском, немецком и башкирском языках хороший, добрый, отзывчивый человек сравнивается с золотом – *as good as gold*, *золотое сердце* и *алтын кеше*.

В метафорах, свойственных языкам, мы находим сходства и различия в основании оценки: *monkey- der Affe- обезьяна- маймыл-* шутник, передразнивающий кого-либо; *swine- der Schwein- свинья- суска* - нахал; *cow- der Kuh- корова- һыйыр* - неуклюжий человек; *rabbit- der Hase- заяц- куян-* трус; *fox- der Fuchs-* лиса- *төлкө* - хитрец и т.д.

Метафорические сравнения с животными дают нам представления о некоторых моделях поведения, принятых в данном сообществе. Так, русские говорят «влюблена как кошка», но у французов и немцев можно быть влюбленным либо как петух, либо как обезьяна; *an j-m einen Affen gefressen haben* – быть безумно влюбленным.

Например, английское слово *bear* помимо буквального значения «медведь» имеет еще и сленговое – «полицейский», тут уместно будет

вспомнить, что в мифологии германских племен медведь – символ порядка. Так что такой пример словоупотребления скорее всего не случаен. Его можно отнести к культурной специфике, так как он разительно отличается от привычного нам метафорического употребления в смысле «увалень», «невежа», и даже, ушедшего из русского языка, но встречающегося в летописях, «льстец». В английском и немецком языках мы встречаемся с отголосками другого мифа, где обезьяна ассоциируется с жидкостью – англ. *to carry the monkey, to suck the monkey, to have a monkey on the back*, нем. *einen Affen haben, sich einen Affen kaufen* – эти идиомы объединены одним значением: «быть пьяным», «быть навеселе», «под мухой». Мифологические представления о козе как зооморфном духе, покровителе засеянного поля, возможно, дали толчок к образованию нового значения – в языках многих славянских народов «коза» – это полоса на поле, которую жнет один жнец.

Этнокультурные метафоры выступают одним из основных составляющих ментальности нации – освоенного и понятого ею круга понятий, символов и образов. Ведь чтобы обеспечить собственное выживание, каждая культура должна выработать свой способ взаимодействия с жизненной средой, а так же установить рамки социальной реальности, в рамках которой люди получают роли, имеющие для них смысл и позволяющие им функционировать социально.

У народов территориально, исторически и культурно близких друг другу, значительный пласт устойчивых метафорических выражений оказывается общим. Например, в сопоставляемых языках носитель признака твердости – железо, отсюда идиомы – англ. *a man of iron, iron-bound*, нем. - *ein Mann aus Eisen*, русск.– *железная воля*, башк. *тимер өзәрзэй кеше*. И, наоборот, чем сильнее культурная дистанция, тем труднее восприятие метафор представителями другой культуры. В Индии слон и корова, а в Азии и Африке – верблюд (а так же попугай) являются символом красоты, и высший комплимент для арабской женщины – «верблюжьих глаза», прозвучал бы, возможно, как оскорбление для европейки.

Русское слово «коза» предполагает негативную характеристику женщины, но здесь имеются в виду такие качества, как вертлявость, легкомыслие и т.д., в то время как немецкое *Ziege* обозначает некрасивую или чрезмерно худую женщину и относится прежде всего ко внешности.

Таким образом, метафора играет роль одного из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Вступ. ст. // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – 512с. С.5-33.

2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. Перевод с англ. М.А. Дмитривской. – М.: Прогресс, 1990. – С.153-173.
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. языках (Библиотека филолога), 1958. – 460с.
4. Мезенин С.М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира): Учебное пособие. – М.: Изд-во МПГИ им. В.И. Ленина, 1984. – 273с.
5. Новицкая О.В. Генитивные метафоры второго типа и некоторые особенности их перевода с английского языка на русский // Вестник МГЛУ. – М., 2004. Вып. 488. Перевод и стилистические ресурсы языка. – С. 48-55.
6. Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. Перевод с англ. В.В. Туровского. – М.: Прогресс, 1990. – С. 307-342.
7. Словарь терминов по стилистике английского языка / В.А. Кухаренко, И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд // сост. А.В. Куракин. Ред. 3-я, испр. и доп. – М., 2004. – Карточек – 200, заголовков – 265.
8. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова // Targetmultimedia / Букасофт. – М., 2007.

© Нургалина Х.Б., 2012

УДК 81'23

Нурмиев А.М.
г. Елабуга (Россия)

Прецедентный текст как объект трансформации в языковом сознании участника КВН

Настоящая статья посвящена исследованию прецедентных текстов в дискурсе участников КВН и предполагает анализ особенностей их функционирования в языковом сознании данной социальной группы.

Клуб Веселых и Находчивых (КВН) возник в 60-х годах XX века как интеллектуально-юмористическая телепередача и за 50 лет своего существования превратился в Международный Союз, объединивший под собой миллионы творческих людей по всему миру.

На сегодняшний день само понятие «КВН» можно рассматривать в двух значениях: в узком как «юмористическая передача на телевидении» и в широком как «сообщество людей, объединенных одними целями и интересами». В обоих случаях мы будем отталкиваться от представления о том, что КВН – это отражение явлений общества в комической интерпретации путем вербального контакта с аудиторией. Целью нашей работы является исследование дискурса участников КВН на предмет использования в нем такого приема, как включение прецедентных текстов.

Главной единицей в дискурсе участников КВН является шутка. Способы донесения авторской мысли до реципиента могут быть абсолютно разными: шутка может состоять только из текста, а может быть подкреплена музыкально или визуально (использование реквизита, мимика, жесты). Основными способами построения шуток в КВН являются языковая игра, каламбур или абсурд.

Материалом для исследования послужили шутки команд Международного Союза КВН «Федор Двинятин» (г. Москва) и «Кефир» (г. Нягань) за период с 2008 по 2011 годы. Методом сплошной выборки было отобрано около 70 шуток, треть из которых содержит в своей структуре прецедентные феномены (тексты, имена, ситуации).

Необходимо отметить, что прецедентные тексты как явление когнитивной лингвистики очень распространены в публицистике, однако, судя по предварительному анализу отобранного материала, в КВН – это явление носит иной, уникальный характер.

Речь идет о структуре прецедентного текста. Она, как правило, предстает в дискурсе участника КВН в измененном виде. Это объясняется целями, которые авторы шуток ставят перед собой: разрушение традиционного представления о тексте и формирование нового трансформированного варианта в языковом сознании реципиента с целью достижения комического эффекта.

Анализ структуры шуток позволяет утверждать, что в достижении такого эффекта важную роль играет взаимодействие двух типов языкового сознания в момент коммуникации. Языковое сознание реципиента играет пассивную роль и характеризуется как статичное или традиционное. Языковое сознание автора шутки можно описать как динамичное или трансформационное. Основываясь на представлении о том, что среднестатистический зритель обладает примерно тем же объемом знаний, участники КВН часто используют в конструкциях шуток прецедентные феномены, которые, подвываясь трансформации в языковом сознании КВНщика, вступают в конфронтацию с традиционным представлением о данном явлении в языковом сознании зрителя. Таким образом, в момент коммуникации комический эффект достигается за счет «соприкосновения» двух видов языкового сознания в «новых точках», ранее неизвестных реципиенту. Эти «новые точки соприкосновения» характеризуются различными способами возникновения.

Один из таких способов – фонетическая трансформация прецедентного текста. Ярким примером подобной ситуации может послужить шутка команды КВН «Кефир»: *«В Нягани Игорь может достать абсолютно любой телефон. Хотите – «Vertu», хотите – нет»* [2]. Здесь трансформации подверглось всем известное выражение «хотите – верьте, хотите – нет». «Vertu» – название британской фирмы-производителя мобильных телефонов, которое созвучно с русским глаголом «верьте». В структуре данной шутки имеет

место наложение двух смыслов: оригинального, где автор убеждает аудиторию, что «Игорь сможет достать любой телефон, хотите – верьте, хотите – нет», и трансформированного, где автор предлагает выбор «*xotume Vertu, хотите – нет*». Комический эффект достигается за счет трансформационного смысла, который вступает в конфронтацию с оригинальным в языковом сознании реципиента.

В качестве прецедентного текста могут выступать как общеизвестные единицы устного народного творчества (паремии, скороговорки, частушки и т.п.), так и цитаты из известных фильмов, литературных и музыкальных произведений, а также высказывания известных личностей. В качестве примера использования цитат из кино можно привести следующую шутку команды КВН «Кефир»:

- *Я переустановил систему на компьютере.*
- *И что с того?*
- *Была XP.*
- *А стала?*
- *А стала Wista, бэйбу!* [2].

В данном случае двухуровневая смысловая конфронтация основана на придании известной цитате из фильма «Герминатор 2: Судный день» нового звучания и, как следствие, иного значения. Вышеупомянутая цитата, звучащая в фильме как «*Hasta la vista, baby*», представляет собой синтез испанского и английского языков и переводится дословно как «до встречи, детка». В КВНовском тексте выражение обретает новый смысл за счет созвучия испанского «*hasta la*» и русского «а стала», а также испанского слова «*vista*» (встреча) с названием разновидности операционной системы производителя «*Windows*» – «*Wista*». Важно отметить, что в отличие от первого примера («*xotume – Vertu, хотите – нет*»), с точки зрения фонетического облика, прецедентный текст не изменяется. Трансформация происходит лишь на смысловом уровне и мотивируется репликами «*я переустановил систему на компьютере*», «*была XP*». Данный пример демонстрирует нам способность прецедентных текстов взаимодействовать с сознанием реципиента на контекстном уровне.

В следующем примере той же команды КВН мы можем видеть, как в качестве прецедентного текста использована цитата известной личности: «*Вот тебе читательский билет в Библиотеку имени Ленина. Иди, учись, учись, и еще раз – вот тебе читательский билет в Библиотеку имени Ленина*» [2]. Здесь прецедентный текст выступает как основа шутки, однако подвергается существенному изменению. Шутку композиционно можно поделить на две части: пролог (первое предложение) и собственно шутка (второе предложение). Известное высказывание, приписываемое В.И. Ленину, «*учиться, учиться, и еще раз учиться*» репродуцируется в связи с упоминанием его имени в прологе («*Библиотеку имени Ленина*»). Между прологом и

собственно шуткой создается ассоциативная связь, которая позволяет актуализировать в языковом сознании реципиента знание о том, как звучит высказывание в оригинальном варианте. Однако концовка шутки («*ки еще раз – вот тебе читательский билет в Библиотеку имени Ленина*») накладывает второе смысловое значение, которое во взаимодействии с первым, основываясь на ассоциативной связи, вызывает комический эффект.

Часто в качестве прецедентной основы для шутки служит рекламный текст. Например, у команды КВН «Кефир»: «*Спонсор нашего выступления – сковородки «Боженька». «Боженька» – ты всегда думаешь о нас!*» [2]. В данном случае обыгран знаменитый рекламный слоган компании «Tefal» («Tefal – ты всегда думаешь о нас»). В данном примере источником второго смыслового плана становится подмена понятий – на место образного приходит буквальное. С материалистической точки зрения, сковородка ни о ком думать не может, поэтому вместо ничем не мотивируемого названия компании используется номинация «Боженька», благодаря которому прецедентный текст обретает прозрачную мотивацию (внутреннюю форму) – общепринятое суждение о том, что Бог думает обо всех.

Такой же принцип является основой конструкции шутки из репертуара команды КВН «Федор Двинятин»: «*Сейчас решим, кто получит пальму первенства, а кто фикус аутсайдерства*» [3]. Здесь, в отличие от предыдущего примера, подмена понятий с образного на буквальное осуществляется посредством антонимии. Происходит расщепление фразеологической единицы «пальма первенства» путем подбора антонимической пары к каждой из её составных частей (*пальма – фикус, первенство – аутсайдерство*). Причем в паре «первенство – аутсайдерство» имеют место лексические омонимы, тогда как противопоставление «пальма – фикус» происходит за счет их коннотативных значений.

Из примеров, описанных выше, мы можем сделать вывод о том, что существует как минимум четыре способа придания прецедентным текстам второго смыслового плана:

- фонетическая трансформация (33,3% от всего количества шуток созданы путем замены фонем в прецедентных текстах);

- изменение контекста без изменения формы текста (в 14,8% случаев второй смысловой план прецедентному тексту задается ситуативно);

- изменение формы текста с сохранением ассоциативной связи (данный способ является самым продуктивным: 37% шуток созданы путем частичной трансформации прецедентного текста);

- подмена понятий (14,8% шуток из всего проанализированного материала созданы путем замены образных понятий на буквальные).

Таким образом, анализ дискурса участников КВН позволяет утверждать, что прецедентные тексты являются частотным и продуктивным средством создания шуток, причем для достижения комического эффекта они

обязательно подвергаются трансформации. Изменения, внесенные в содержательную и смысловую стороны текста, провоцируют так называемые «новые точки соприкосновения» между языковым сознанием участника КВН и языковым сознанием реципиента, что является главным условием разветвления смысловых планов, конфронтация которых и вызывает комический эффект.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
  2. Команда КВН Кефир. Все выступления // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – URL: http://vk.com/video117872188_172485833 (дата обращения: 1.03.2012)
  3. Команда КВН Федор Двинятин. Все выступления сезона // ВКонтакте [Электронный ресурс]. – URL: http://vk.com/video117872188_162792738 (дата обращения: 1.03.2012)
  4. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // Домашняя страничка И.А. Стернина [Электронный ресурс]. – URL: http://sternin.adeptis.ru/articles_rus.html (дата обращения 23.03.2012)
- © Нурмиев А.М., 2012

УДК 808.5

Нурмухаметова Л.А.
г. Москва (Россия)

Телевизионная коммуникация: беседа и дискуссия

Есть две категории форм телевизионной коммуникации, которые применяются непосредственно в телевизионных программах:

1. Беседа.
2. Дискуссия.

«Беседа — жанр аналитической публицистики, диалог или полилог, иногда с использованием вспомогательных кино-, фотодокументов, коротких сюжетов, как правило, без выраженной конфронтации сторон (то есть не переходящее в дискуссию, эффективное общение перед экраном)» [1, с.55]. Существует по крайней мере в двух формах — посвященная конкретной общественно-значимой теме или с участием людей, само появление которых на экране способно привлечь аудиторию (нюсмейкеров). На современном телевидении чаще всего бывает включено в ток-шоу информационно-развлекательной направленности.

Беседа является формой телевизионного общения. Она представляет

собой целенаправленную, с заранее планируемым эффектом и результатом, коммуникацию, направленную на достижение определенных задач, и решающие вопросы, проблемы общественного значения. Она связана с необходимостью делать выводы и заключения на основании анализа полученных информативных данных, а также позволяет выработать соответствующие решения и реализовывать их.

Нужно помнить, что телевизионная беседа – это не монолог. Телеведущий должен организовать обмен мнениями таким образом, чтобы задаваемые вопросы и получаемые ответы соответствовали бы теме программы. Поэтому телеведущему необходимо формулировать свои вопросы, определения, оценки таким образом, чтобы они косвенно приглашали собеседника высказать свое мнение по обсуждаемой теме.

Рассмотрим коммуникативные приёмы, способствующие восприятию собеседником информации:

1. Повторение темы беседы в течение всего времени программы.
2. Исполнение «разбивки» излагаемого материала при перечислении ряда связанных с проблемой фактов. Например: во-первых, во-вторых, в-третьих.
3. Дословное или смысловое повторение важных моментов беседы и излагаемого материала.
4. Постановка вопросов в целях стимулирования мышления собеседника.
5. Подведение общих или отдельных, этапных итогов в результате совместного обсуждения соответствующего вопроса.

«Эффективность беседы зависит также от умения телеведущего создать откровенную конструктивно-критическую атмосферу общения, побуждающую к взаимным активным действиям» [2, с.24].

Телеведущий не должен обрывать своего собеседника, лишать его возможности высказывать свое мнение, также не следует игнорировать или высмеивать аргументы собеседника.

Назовём пять основных функций телевизионной беседы:

1. «Выдвижение и оперативная разработка идей, замыслов телеведущего.
2. Общение собеседников на данную тему.
3. Обмен информацией.
4. Обмен мнениями, опытом, знаниями и мыслями на данную тему.
5. Стимулирование движения мысли по данному вопросу» [2, с.26].

Таким образом, телевизионная беседа это не только обмен информацией, мнениями, мыслями, опытом и знаниями, а прежде всего, осмысленное стремление телеведущего посредством слова вызвать желание у зрителя к действию.

Дискуссия — жанр аналитической публицистики, обычно полилог с

участием телеведущего и не менее чем двоих носителей контрастных точек зрения на некую общественно–значимую проблему, или любых ньюсмейкеров, одновременное появление которых в кадре символизирует некую противоположность. Поскольку дискуссия чаще всего транслируется без видеоряда, зрелищность зависит от профессионализма телеведущего в выборе участников, подготовке проблемы, умения импровизировать по ходу разговора. На современном телевидении дискуссия чаще всего бывает включена в ток-шоу аналитической направленности.

Дискуссия как форма телевизионной коммуникации широко применяется при обсуждении разногласий, в ситуации отсутствия единого мнения по обсуждаемому вопросу в ток-шоу. Дискуссия или по-другому ещё называют спор – наука убеждать. «Убеждение – это метод воздействия на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению. Результат убеждения считается успешным тогда, когда собеседник в состоянии самостоятельно обосновать принятое решение, оценить положительные и отрицательные его стороны, а также возможности и последствия других вариантов и решений» [4, с.59].

«В процессе убеждения можно использовать следующие схемы:

1. Постановка проблемы, ее место в ряду других, актуальность и срок решения, необходимость решения, варианты решения, их достоинства и недостатки, последствия, необходимые средства, затраты, другие условия.

2. Увеличение ценности достоинств предложения и уменьшение ценности его недостатков; увеличение ценности данного варианта и уменьшение ценности альтернативных вариантов.

3. Убеждение собеседника путём представления ему различных точек зрения.

4. Принцип постепенного охвата: разбить предложение на этапы и двигаться последовательно, добиваясь согласия на каждом из них. Другое применение этого принципа: перед предстоящей дискуссией с несколькими участниками – предварительно обсудить вопрос с каждым участником отдельно и заручиться их согласием.

5. В качестве приёма программирования можно задать вопрос с акцентированием (обычно по существу дела) и не требовать на него немедленного ответа. Через какое-то время вопрос сам возникнет в мыслях собеседника и заставит его думать» [2, с.41].

Практический опыт телевизионного общения позволяет сформулировать правила ведения дискуссии.

Во-первых, обсуждать можно только тот вопрос, в котором хорошо разбираются обе стороны. Не спорить о слишком близком (затрагивает интересы сторон) и слишком далеком (об этом трудно судить). Это правило на телевизионной дискуссии хорошо применяется. Так как никакой тележурналист не станет приглашать гостя или эксперта в программу, который не раз-

бирается в данном вопросе или теме. Во-вторых, необходимо заранее согласовать с гостем программы предмет спора. Тележурналист обязан предупредить гостя эфира о теме программы. В-третьих, точно придерживаться обсуждаемого вопроса, не уходить от предмета обсуждения. Вести спор вокруг главного, не размениваться на частности. На то и задаётся тема программы для обсуждения. В-четвёртых, нельзя допускать приёмы психологического давления: переход на «личности» и т.д. В телевизионной практике это играет немаловажную роль. При всём при этом все начинается с вопроса о мнении собеседника, и плавно переходит на так называемые «личности». В-пятых, следует занимать определенную позицию. Проявлять принципиальность, но не упрямство. Конечно, тележурналист не станет проявлять упрямство, но этого вполне можно ожидать от участников программы.

Рассмотрим тактику ведения дискуссии:

1. Расположить аргументы в следующем порядке: сильные – в начале аргументации, а самый сильный – в конце ее. В споре для убеждения сильным аргументом является тот, который кажется наиболее убедительным собеседнику, так как затрагивает его чувства и интересы.

2. Разоблачить возможные доводы оппонента, предвосхитить аргументы. Это позволяет разоружить противника еще до нападения.

3. Отсрочка ответа на каверзный вопрос, ответ в подходящий момент.

4. Эффективно опровергать второстепенные аргументы.

Для создания благожелательной атмосферы телевизионного общения важно, чтобы все сказанное звучало убедительно. Наибольшей убедительности говорящий достигает, если соблюдает ряд правил.

Во-первых, очередность приводимых аргументов влияет на их убедительность. «Наиболее убедителен следующий порядок аргументов: сильные – средние – один самый сильный» [3, с.35]. Не количество аргументов решает исход дела, а их надежность. «Не следует также начинать с просьбы, надо начинать с аргументов: так как просьба без аргументов имеет наименьшие шансы на положительное решение. Важно учитывать еще одно обстоятельство: один и тот же аргумент для разных людей может быть и сильным, и слабым» [3, с.48].

Во-вторых, «для получения положительного ответа на очень важный вопрос нужно поставить его на третье место, предположив ему два коротких, простых для собеседника, по которым он без затруднения скажет «да»» [3, с.53]. Установлено, что «когда человек говорит или слышит «нет», в его кровь поступают гормоны норадреналина, настраивающие его на борьбу. Наоборот, слово «да» приводит к выделению морфиноподобных веществ – «гормонов удовольствия». Получив две порции «гормона удовольствия», собеседник расслабляется, настраивается благожелательно, ему психологически легче согласиться, нежели вступать в борьбу» [5, с.63]. Предваряющие

вопросы должны быть короткими, чтобы не утомить собеседника, не отнимать у него много времени.

В-третьих, «нельзя загонять собеседника в угол. Нужно дать возможность «сохранить лицо». Часто собеседник не соглашается только потому, что согласие как-то ассоциируется в его сознании с потерей своего достоинства» [5, с.64]. Нужно задать вопрос, который даст собеседнику возможность с честью выйти из затруднительного положения – это поможет ему принять другую точку зрения.

В-четвёртых, «убедительность аргументов в значительной степени зависит от имиджа телеведущего» [5, с.65].

В-пятых, «нельзя загонять в угол себя, тем самым не понижать свой авторитет. Следует избегать извинений (без должных к этому причин), проявления признаков неуверенности» [5, с.66]. А также «нельзя принижать авторитет и имидж собеседника. Любое проявление неуважения, пренебрежения к собеседнику – это покушение на его статус, что вызывает негативную реакцию. Указание на ошибку собеседника или его неправоту отрицательно влияет на имидж критикуемого» [5, с.67].

Желая переубедить собеседника, нужно начинать не с разделяющих моментов, а с того, в чем телеведущий согласен с ним. Пусть это будут даже второстепенные обстоятельства в высказывании собеседника. Каждый человек с большим удовольствием выслушивает то, с чем собеседник согласен и что не противоречит его взглядам. И наоборот, раздражается, когда услышанное противоречит его мнению. Кроме того, телеведущему нужно быть хорошим слушателем. Нельзя убедить, если не понять ход мыслей собеседника. Внимательное слушание – залог убедительности.

Литература

1. Берн Э. Лидер и группа: о структуре и динамике организаций и групп. – М.: Академический проект, 2009. – 512с.
2. Вакурова Н.В. Типология жанров современной экранной продукции. - М.: 1997. – 216 с.
3. Ганапольский М. Кисло-сладкая журналистика. – М.: Зебра Е, 2008. – 416 с.
4. Кузнецов Г.В. Ток-шоу: неизвестный жанр? // Журналист. - 1998. - №11. - С.59-62.
5. Муратов А.Р. Телевизионное общение в кадре и за кадром. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 173 с.

© Нурмухаметова Л.А., 2012

Фразеологические единицы с компонентом «Дьявол» и их структурно-грамматическая организация в английском и русском языках

Фразеологический фонд национального языка заслуживает особого внимания в языкознании. В плане выражения фразеологические единицы (ФЕ) представляют собой определённое структурно-грамматическое построение, сконструированное по моделям свободных словосочетаний или предложений, существующих в том или ином языке. Вслед за В.Н. Телия, Е.Ф. Арсентьевой и Л.Р. Сакаевой, мы придерживаемся широкого понимания фразеологической единицы и включаем в их состав пословицы, поговорки и крылатые выражения. Рассмотрим синонимический ряд компонента «Дьявол»: *Сатана, Люцифер, Вельзевул, черт, бес, злой дух нечистая /темная,/ черная сила* - в русском языке; *devil, Satan, Prince of darkness, fallen angel, Minister of hell* - в английском языке. В данном исследовании рассматриваются глагольные, субстантивные и адъективные ФЕ, характеризующие компонент «Дьявол». Глагольными считаются ФЕ, функционально соотносимые с глаголом, т.е. ФЕ, стрежневым компонентом которых является глагол. Данная группа интересует таких ученых, как Е.Ф. Арсентьева, А.В. Жуков, А.В. Кунин, А.М. Чепасова, Л.Р. Сакаева, Н.М. Шанский и др. Самой многочисленной группой являются ФЕ со структурой «гл.+сущ.». В английском языке встречается объектно-постпозитивный тип с примыканием: «*He who has a stepmother has the devil at his hearth* - тот, кто имеет мачеху, имеет дьявола у себя дома»; «*It's hard to keep out the devil, but it is still harder to drive him out*» - с дьяволом трудно, но еще труднее от него избавиться; «*to catch the devil/to give smb. the devil for smth* - намылить кому-либо шею за что-либо»; «*to play the devil with* - причинить вред»; «*Let the devil get into the church, and he will mount the altar* - позвольте дьяволу попасть в церковь, и он взберётся на алтарь»; «*Pull the devil by the tail* - бедствовать, сидеть без гроша»; «*Play the devil with sth* - играть с дьяволом»; «*Speak of the devil and he will hear about it* - заговори о дьяволе, и он придет сюда»; «*Serve the devil for God's sake* - служить дьяволу, прикрываясь именем бога»; «*With money, you can make the devil push a milstone* - при помощи денег вы можете заставить дьявола крутить жернов»; «*Resists the devil, and he will flee from you* - оказывайте сопротивление дьяволу, и он покинет вас». В русском языке в зависимости от типа управления можно выделить 2 модели: 1) модель с прямым объектным управлением, которая имеет объект в именительном падеже: «*Вселился черт в боярский дом*»; «*Легче воскресить дьявола, чем похоронить*»; «*Лучше не впускать дьявола, чем выгонять*»; «*Служить*

дьяволу, прикрываясь именем бога»; «Нужно отвечать дьяволу его языком»; 2) модель с косвенным объектным управлением и с объектом в творительном падеже: «Не поддавайся черту, так ему и власти нет над тобой»; «Связался с чертом, пеняй на себя»; «Тот, кто имеет деньги, обслуживается дьяволом». В ФЕ русского языка в отличие от английского языка подчеркивается обратный порядок следования компонентов: «Бог кажет путь, а черт вкинул крюк»; «Беса тешить». Одним из многочисленных подклассов фразеологизмов выступает модель «гл.+ предлог+сущ.»: рус. «связался с чертом»; «заговори о дьяволе»; англ. «served by the devil»; «talk of the devil; catch the devil». Категория вида является основной грамматической категорией глагола, определяющая состав и употребление остальных грамматических категорий. Анализ проявления категории вида у ГФЕ показывает, что значительное количество исследуемых ФЕ составляют глаголы несовершенного вида: «Ангел помогает, а бес подстрекает»; «Бес качает горами, не только нами»; «Бес несет»; «Бес носит»; «Бес сидит»; «Богу молится, а черту кланяется». ГФЕ, имеющие в своем составе глаголы совершенного вида, представлены ФЕ: «Бог кажет путь, а черт вкинул крюк»; «Бес дернул»; «Бес вселился». Небольшое количество фразеологизмов русского языка имеет в своем составе отрицание: «Богу молись, а черта не гневи»; «Бес не пьет и не ест, а пакости деет»; «Богу угождай, а черту не перечь!». Особенностью английского языка является наличие большого количества фразеологических оборотов, которые содержат альтернанты. По своей структуре, они представляют собой ГФЕ с константно-вариантно-переменной и константно-переменной зависимостью компонентов. Альтернантами являются местоимения «one», «oneself», «somebody», «something». В соответствии с требованиями речевой ситуации альтернанты могут заменяться другими местоимениями, существительными и словосочетаниями. В английском языке данные единицы представлены следующим образом: «to sail one's soul to the devil» в значении «тянуться как черт за душой». Данному виду в русском языке соответствует: «никто беса не видит». В английском и русском языке наблюдаются фразеологизмы с компонентом «Дьявол» с конструкцией «гл.+сущ. +союз(и)+гл.+сущ.» с сочинительной связью: «Speak the truth and shame the devil - скажи правду и устыди дьявол».

Субстантивные фразеологизмы (ФЕ) функционально соотносятся с существительными, то есть стержневым компонентом является существительное. Среди английских ФЕ следует отметить атрибутивно-препозитивный тип с управлением, где зависимый компонент принимает модель «сущ. в притяж. п. + сущ.»: «Devil's Mass - дьявольская месса»; «Devil's backbone - хребет дьявола»; «Devil's kitchen - дьявольская кухня»; «Devil's slide - спуск дьявола»; «Devil's corkscrew - дьявольский штопор»; «Devil's tattoo - сигнал (стук) дьявола»; «the devil's shop — магазин дьявола»; «devil's luck — удача дьявола». В СФЕ, репрезентирующих компонент

«Дьявол», в русском языке модель «прил.+сущ.» содержит атрибутивно-препозитивный тип с адъективно-именной группой, образованный при помощи согласования: «*желтый дьявол*»; «*пьяный бес*»; «*пьянственный бес*»; «*бесовская одежда*»; «*бесовский замок*». В ФЕ исследуемой модели грамматически стречневым компонентом является компонент «Дьявол», зависимым – имя прилагательное.

Адъективные фразеологические единицы (АФЕ) представляют собой функционально соотносимые ФЕ стречневым компонентом которых является прилагательное [5]. Согласно А.Г. Назарян АФЕ являются «выражения, выступающие в речи в качестве прилагательных» [4, с.70]. Среди АФЕ английского и русского языков Е.Ф. Арсентьева выявляет два основных структурных подкласса: 1) адъективные компаративные ФЕ, имеющие в своем составе сравнивающий компонент – «as» либо «like», в русском – «как», где в качестве зависимого компонента представляется существительное, в качестве стречневого компонента – прилагательное [2]. А.В. Кунин полагает, что данные сравнительные союзы выступают в функции связки первого компонента («основания сравнения») и второго компонента («объекта сравнения») [3, с.144]. 2) Некомпаративные АФЕ со структурой «прил. + предл. + сущ.» [2, с.52]. Примерами, адъективных фразеологизмов с моделью «прил. + сущ.» могут служить выражения: «*бесовское племя*»; «*бесовское наваждение*» «*бесовское рожденье*», «*бесовское зелье*»; «*дьявольское место*»; «*дьявольское отродье*»; «*дьявольская сила*»; «*дьявольская сволочь*»; «*beautiful devil, lucky devil*» в значении «счастливцев», «*poor devil*» в значении «бедняга, неудачник», «*dark devil* – темный дьявол», «*blue devils*» в значении «меланхолия, уныние»; «*the worst devil*» в значении «худший дьявол». В русском языке среди исследуемых союзов широко представлен союз «как», который характеризуется неоднородностью конструктивных и функциональных средств. Данные типы в русском языке представлены моделью «прил + союз (как) + сущ»: «*злой как черт*»; «*хитер как дьявол*»; «*умен как дьявол*»; «*умен как бес*»; «*упрям как черт*», «*мрачный как дьявол*». Отмечены такие примеры ФЕ с обратным порядком компонентов – «союз (как) + сущ. + предлог + прил. + сущ.»: «*как черт в грешную душу*»; «*как черт с писаной торбой*». Следующая разновидность сравнительных конструкций является, по мнению А.З. Абдуллаевой, своего рода отклонением от нормы, поскольку использует в качестве сравнивающего союза «like» вместо «as» [1]. Ярко выраженной среди АФЕ является модель «союз like +сущ.»: *like devil* в значении «чертовски». ФЕ, с лексемой «Дьявол/Черт» в русском языке, включающий компонент *какой*, указывает на ту или иную качественную характеристику, оценку явления или предмета: *какой черт/дьявол; какого беса; на кой дьявол?*. Исследуемые ФЕ соотносятся с именами прилагательными и являются призрачно-местоименными.

Таким образом, проведенный структурно-грамматический анализ ФЕ

с компонентом «Дьявол» в английском и русском языках позволяет сделать следующие выводы. Глагол обладает богатой семантикой, многообразием грамматических форм и синтаксических связей, поэтому основная масса ФЕ в исследуемых языках образована с участием глагола. Большинство СФЕ с компонентом «Дьявол» в исследуемых языках восходят к структуре подчинительного словосочетания, где грамматически главным компонентом являются «Дьявол», зависимые компоненты вносят указания на конкретный, индивидуализирующий признак. В АФЕ наблюдается преобладание английских и русских прилагательных над их сходствами. Общим для изучаемых языков является определительная функция исследуемого компонента, усиления его значения при помощи препозитивных компонентов. Классической для исследуемых языков является модель «прил + сущ.».

Литература

1. Абдуллаева А.З. Фразеология кумыкского языка в сравнительном освещении : автореф. дис...канд.филол.наук / А.З. Абдуллаева. – Махачкала, 2002. - 53с.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. Наук./Е.Ф. Арсентьева. – Казань, 1993. – 476с.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. Для ин-тов и фак. Иностр. Яз. – 2-еизд., перераб. – М.: Высш. Шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996.-381с.
4. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. (Для ин-тов и фак. иностр.яз.): Учеб. – М. «Высшая школа», 1976. – 318с.
5. Сакаева Л.Р. Изоморфизм и алломорфизм ФЕ антропоцентрической направленности (на материале русского, английского, татарского и таджикского языков) / Л.Р. Сакаева. – Набережные Челны: Лаб. операт. полиграфии, 2008. – 168с.
6. Cowie A. P. Oxford Dictionary of English Idioms [Текст] / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig .— Oxford: Oxford University Press, 1997 .— Volume 2: Oxford dictionary of current idiomatic English .— 686 с.— ISBN 0-19-431267-9.
7. Oxford advanced Learner,s encyclopedic dictionary: The ideal study dictionary for Language and Culture .— Oxford: Oxford University Press, 1992 .— 1082 с. - ISBN 0-19-431310-7 : 385.00.

© Нуруллина А.Г., 2012

**Снова об алгебре и гармонии: количественные критерии
для лексических поэтизмов**

В лингвистической литературе термин «поэтизм» не является популярным объектом описания и дискуссий, но согласия в его понимании не наблюдается. В то же время «поэтизм» — одно из важных понятий лексикографической практики: многие словари имеют в своём инструментарии стилистическую помету «поэт.». Однако в отсутствие внятной теории составитель словаря оказывается дезориентирован в том, какой лексеме и на каких основаниях необходимо присваивать такую помету. Точнее будет сказать, что единственным основанием для лексикографа в этом случае будут его собственные вкусовые соображения, что на современном этапе развития науки вряд ли можно считать уместным. Такой интуитивный подход в практике создания словарей был раскритикован много десятилетий назад: «Хотя по этому вопросу и имеется теперь уже значительная специальная литература, сказанное В.В. Виноградовым о том, что «щедрую рукою рассыпаемые по всему словарному составу стилистические пометы обычно опираются на субъективное чутье лексикографа, на самые общие представления о стилистическом расслоении речи», - все еще остаются в силе» [1, с.276].

Термин поэтизм можно считать принадлежностью русской лингвистической традиции, а также находящихся в её орбите национальных языковедческих школ. Как видно из названия статьи «О так называемых *поэтизмах*» [6], уже польская наука воспринимает это слово как чуждое для терминологической системы лингвистики. Однако в западных специальных справочниках этот термин отсутствует. Нет его и во многих авторитетных отечественных источниках, например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре». В тех же случаях, когда «поэтизм» включен в словарь, данное ему определение демонстрирует двойственность стоящего за этим термином понятия. Лучше всего это демонстрирует «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, где для поэтизма имеется следующее определение: «ПОЭТИЗМ англ. *poetism*. Поэтическое слово или выражение, <...>, легкокрылые мечты, мимолетное видение» [3, с.343]. Иными словами, «поэтизм» толкуется через понятие «поэтический», которому также дана дефиниция: «ПОЭТИЧЕСКИЙ англ. *poetic*. Свойственный поэзии, образный, художественный. Поэтическая лексика. Поэтическая речь. Поэтическое слово. Поэтический стиль. Поэтический язык. Поэтическая метафора см. метафора. Поэтическое множественное. То же, что множественное эмфатическое (см. множественное число). Поэтическая синекдоха см. синекдоха» [3, с.343].

Таким образом, поэтическое слово (или выражение) — это одновременно и нечто свойственное поэзии (то есть встречающееся в поэзии чаще, чем в других типах текста), и «образное», то есть «художественное».

Эти два основания для определения сущности поэтизма не тождественны друг другу семантически и не равнозначны по качеству и операциональности. Если лексикограф столкнётся с проблемой определения поэтизма, то есть присваивания конкретной словарной единице пометы «поэт.», то первое основание (свойственность поэтической речи) способно дать ему ориентир, а второе («художественный» статус) практически бесполезно, потому что хороших тестов или маркеров образности (художественности) не существует и, по всей видимости, в рамках существующего понимания специфики искусства не может быть изобретено.

Немногочисленные специальные работы, посвящённые термину «поэтизм» также не разрешают стоящих перед исследователем затруднений.

В своей диссертационной работе «Поэтизм: онтология и функции» М.С. Тасеменова, чувствуя описанную нами выше двойственность, предлагает разграничение «речевых» и «языковых» поэтизмов [5]. Языковые поэтизмы, состав которых сформирован традицией и нормативными поэтиками, являются «следствием социально-эстетической конвенции (определённого поэтического канона)». «Речевые поэтизмы», по мнению автора, появляются окказионально, они возникают в результате особого сочетания некоторых (ритмических, эвфонических и др.) специфических характеристик слова и благоприятных условий для его семантического осложнения и стилистической маркированности. Нетрудно увидеть, что за этим разграничением стоит описанная нами выше дихотомия: а) поэтизм как свойственное поэтическому тексту слово (в данном случае «языковой поэтизм») и б) поэтизм как особым образом маркированное слово.

Сходной точки зрения придерживается и Е.Н. Мансветова [4]. Автор считает, что, с одной стороны, термин «поэтизм» «используется в очень широком смысле для обозначения слова, приобретающего определённую окращённость в поэтическом контексте». С другой стороны, «под поэтической лексикой и фразеологией понимается архаизировавшийся функционально-стилистический разряд лексики, употребляемой в поэзии начиная со второй половины XVIII века». Иными словами, мы вновь сталкиваемся с ситуацией, когда, исходя из разных оснований, заложенных в определение «поэтизма», исследователи стремятся разделить имеющийся лексический пласт на «окращённые» и «употребляющиеся в поэзии» словарные классы.

С нашей точки зрения, описанное затруднение, связанное с разными основаниями, лежащими в основе отграничения поэтической лексики от других пластов национального словаря, разрешается в пользу одного из этих оснований, а именно: практикоориентированного, или функционально-стилистического. Можно выдвинуть гипотезу, что наиболее частотные для

поэтических произведений слова в конечном счёте окажутся и наиболее экспрессивными и «образными».

Пилотное исследование такого рода уже было проведено совсем недавно С.А. Крыловым [3]. Насколько нам известно, это первая попытка количественного выявления поэтизмов, что и неудивительно: традиционная стилистика не замечена в симпатиям к квантитативным методикам. В статье сравниваются подмножества прозаических и поэтических текстов с использованием Упсальского корпуса русской прозы 1950-х – 1980-х годов и самостоятельно составленного исследователем корпуса поэтических текстов. С.А. Крыловым получены интересные результаты.

Несмотря на новаторский и в целом продуктивный характер проведённого исследования, оно оставляет впечатление недосказанности. Во-первых, использованные С.А. Крыловым корпуса явно недостаточны по объёму. Во-вторых, как видно по приводимым результатам, данные были получены для словоформ, а не для лексем.

Считая описанный подход правильным, мы также начали свои исследования в этой области. Для начала нами были составлены два равных по объёму исследовательских корпуса в 11 млн. словоупотреблений (поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка на данный момент составляет около 6,7 млн. словоупотреблений). В первом мы разместили русские поэтические тексты разных периодов (в дальнейшем нужно будет провести хронологическую дифференциацию, но на первом этапе измерить общий фон поэтической лексики нам показалось достаточно важной задачей), во втором — прозаические художественные тексты приблизительно в тех же пропорциях, представив разные эпохи, как и в поэтическом корпусе (От Гоголя и Пушкина до Бондарева и Пелевина). Оба корпуса были лемматизированы с помощью свободно распространяемого морфологического анализатора *Mystem 2.0*. В итоге полный объём поэтического корпуса представляет около 475 тыс. словоформ и 222 тыс. лемм.

Мы начали с простого арифметического сравнения. С точки зрения математической статистики, требующей для получения устойчивых результатов применения критерия Фишера, это не вполне адекватные данные, но для первого приближения простительно. Из частотности слова в поэтическом тексте вычиталась частотность слова в контрастном корпусе (сначала художественной прозы, затем нехудожественной прозы), и слова ранжировались в зависимости от величины разности. То есть слово оказывалось в списке тем выше, чем чаще оно встретилось в поэтическом тексте.

В результате сравнения поэтического и прозаического художественного корпуса наверху получившегося списка оказались местоимения и наречия (в скобках указана величина разности): ты (53403), в (51618), я (31428), мы (29292), как (23726), твой (23141), мой (20285), где (17058), там (12081). Но уже начиная с 10-й позиции мы обнаруживаем целый ряд знаменатель-

ных слов: любовь (11596), сердце (10976), кто (10652), земля (10103), лишь (9770), над (9729), под (9276), свет (9175), небо (8885), о (8780), мир (8605), душа (8528), ночь (8191). Забегая вперёд, скажем, что и небо, и душа, и сердце, и любовь, и свет окажутся наверху списка сравнений с газетно-публицистическими текстами. Интуитивно представляется, что это вполне законные позиции, а сами слова действительно могут претендовать на роль по преимуществу поэтизмов (конечно, здесь нужны дополнительные исследования и учёт абсолютной частотности слова), но ни в одном словаре помечены они соответствующим образом не будут.

Предпринятое нами исследование обнаружило необходимость привлечения более сложного математического аппарата для поиска единиц лексического класса поэтизмов. Простой арифметический инструментарий, например, не способен продемонстрировать разницу в лексическом устройстве художественной прозы и стиха.

Литература

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Гос. уч.-педагогич. Изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1957. 296 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М: Советская энциклопедия., 1969. 607 с.
3. Крылов С.А. Корпусная лингвистика и количественный анализ русских поэтических текстов // X выездная школа-семинар «Проблемы порождения и восприятия речи»: Материалы. Череповец, 2011. С. 137—149.
4. Мансветова Е.Н. Поэтизм как стилистическая категория элегического словаря XVIII века // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. III. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2002. С. 171—178.
5. Тасеменова М.С. Поэтизм: онтология и функции (на материале английской поэзии XIX века). Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1988. 25 с.
6. Pihan A., Szloser J. O tzw. poetyzmach w Słowniku Lindego. Cz. I: Rzeczowniki // Studia Polonistyczne. 10. 1983. S. 81—92.

© Орехов Б.В., 2012

УДК 81'38

Пермякова Л.А.
г. Уфа (Россия)

Мифопоэтика повести Б.К.Зайцева «Голубая звезда»

Сложным и противоречивым было отражение идей В.С. Соловьёва в русской прозе начала XX века. Наиболее выдержанной в традициях соловьёвства является символично-импрессионистическая повесть Б.К. Зайцева «Голубая звезда» (1918). В 1913 г. Б.К.Зайцев писал: «Тут не литература, а

приоткрытие нового в философии и религии. Соловьёв первый пробивал пантеистическое одеяние моей юности и давал толчок к вере » [2, с.26].

Повесть «Голубая звезда» построена на трёх коллизиях: Анна Дмитриевна — Никодимов, Лабунская — Ретизанов, Машура — Христофоров. Б.Зайцев показывает три типа любви: любовь-жалость, рыцарское поклонение, мистическая любовь. Ни один из этих типов любви не является идеальным. Абсолютная любовь — некий синтез духовного единения двух людей и земной страсти, то чувство, которое зарождается в отношениях Христофорова и Машуры.

Герой повести, Алексей Петрович Христофоров, — рыцарь Девы-звезды, голубой Веги. На наш взгляд, он напоминает основоположника русской религиозной философии. Как и Вл.Соловьёв, Христофоров для окружающих — загадочная личность. (В записке, адресованной Христофорову, Машура называет его «загадочным» [2, с.586]). В повести Христофоров неоднократно именуется «затворником», «проповедником полного удаления от мира», а его комната названа кельей; у Христофорова, как и у Вл.Соловьёва, нет постоянного пристанища: «Знаете...мне всегда приходится кочевать. То тут, то там. У меня нет так называемого гнезда » [2, с.563]. Анну Дмитриевну удивляет, что Христофоров говорит «как-то по-детски» [2, с.552]. Последователь и друг Вл.Соловьёва Е.Н. Трубецкой неоднократно подчёркивал, что В.С. Соловьёв отличался «редкой своей детской добротой» [4, т.1, с.12]. Кроме того, Христофоров, как и другие герои повести Зайцева, ассоциируется с персонажами литературных произведений и евангельских мифов. В интерпретации Христофорова важную роль играет его сближение с Христом (фамилия героя, рассуждения о «святой бедности», детскость и готовность к всепрощению). Интересно, что многие современники Вл.Соловьёва утверждали, что он похож на иконописный образ Иисуса Христа [3, с.639].

В связи с текстуальной ориентацией образа Христофорова понятно и его сопоставление с князем Мышкиным. Роман Ф.М. Достоевского упоминается в повести Б.К. Зайцева (гл.8). Особую важность в связи с этим приобретает вопрос Ретизанова, обращенный к профессору: «...когда вы читаете «Идиота», то чувствуете вы некоторую атмосферу, как бы ультрафиолетовых лучей всюду, где появляется князь Мышкин? » [2, с.591], а также его ассоциация Христофорова с чем-то весенним, молодым, т.е. с самим источником жизни, с вечно умирающим и вечно воскресающим богом. Исключительность, ненормальность Христофорова ощущают и другие герои повести. Заслуживает внимание высказывание Машуры о Христофорове: «...вы, по моему, очень чистый, и не такой, как другие...» [2, с.587]. Странность Христофорова названа в повести «священным идиотизмом», что роднит его с князем Мышкиным.

Остальные персонажи повести могут быть также сопоставлены с ге-

роями романа «Идиот». Так, образ Анны Дмитриевны построен по типу Настасьи Филипповны, хотя сюжетная схема романа Ф.М.Достоевского изменена. В юности Анна Дмитриевна была «продана замуж» или, как она говорит, «сама продалась сверхъестественно миллионному животному» [2, с.577]. Потом последовали измены, жестокие побои мужа и, наконец, любовь-жалость к Дмитрию Павловичу Никодимову — безнравственному и глубоко несчастному человеку, промотавшему свою жизнь в азартных играх, кутежах и сомнительных приключениях. В мифологическом плане Анна Дмитриевна сопоставляется с царицей Савской и Марией Магдалиной. На протяжении всей повести её сопровождает мотив «тайного горя». После трагической гибели Никодимова Анну Дмитриевну поддерживает глубокая и искренняя вера в бога, на место «тайному горю» приходят тихая грусть и примирение с жизнью, страдание очищает её. Недаром после гибели Никодимова Христофоров всё чаще стал замечать в её глазах голубоватый отблеск, искру Вечной Женственности, которая есть и в глазах Машуры.

Б.К.Зайцев не пересоздаёт мифы. Миф входит в ткань повествования либо в качестве ситуативных припоминаний, либо используется в плане сопоставления героев повести с архетипами. Например, ситуация 19 главы напоминает раскаяние в своих грехах Марии Магдалины. Анна Дмитриевна говорит Христофорову: «С меня долго надо смывать...прежнее...Голубчик, мне оттого с вами легко, что вы не теперешний, древний человек...» [2, с.651]. Ещё один мифологический подтекст этого эпизода — сближение Анны Дмитриевны с Марией Египетской: «Уж и сейчас похоже, что мы удалились с вами в пустыню, но это только первые шаги. Ах, иногда я мечтаю о настоящей Фиваиде, о жизни в какой-нибудь бла-аженной египетской пустыне, наедине с Богом » [2, с.651]. Таким образом, в повести Б.Зайцева большую роль играют мифологический подтекст, сближающий «Голубую звезду» с прозой символистов, и использование автором в качестве мифологем-интеграторов литературных и мифологических образов. Наиболее ярко это проявляется в сюжетной линии Ретизанов — Лабунская.

Образ Александра Сергеевича Ретизанова восходит к Дон Кихоту. Недаром Никодимов иронично называет его Алонзо-Кихада дель Ретизанов. Показательна в этом плане внешность Ретизанова: бледное и худое лицо, острая бородка. Подобно Дон Кихоту он готов сражаться за свой идеал с силами тьмы, олицетворением которых для него является циник Никодимов. Любовь Ретизанова к балерине Лабунской — это рыцарское поклонение красоте, молодости и таланту, земному воплощению Вечной Женственности. В этой сюжетной линии огромное значение имеет сцена маскарада. Перед маскарадом Ретизанов опасается, что не узнает там свою возлюбленную. Здесь обыгрывается ситуация известного стихотворения А.Блока «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»: «...страшно мне: изменишь облик Ты» [1, с.94]. И действительно, пророческими оказались слова Ретизанова:

«...если сейчас её не найду, это значит, я погиб» [2, с.624]. Оказывается, что прекрасная Дульцинея — всего лишь тривиальная Альдонса: беззаботная Лабунская бросает на произвол судьбы безнадежно влюбленного в неё Ретизанова, не задумываясь о том, что тот, кто снимает шляпу, проходя мимо её дома, не сможет жить без предмета своего поклонения. Не случайно появляется авторская ирония по отношению к Лабунской: раненый Ретизанов, не подозревающий об отъезде Лабунской, по-детски счастлив, т.к. он сражался за честь своей «звезды», в то время, как его «звезда» укладывает чемоданы, «чтоб начать светлое и безумное странствие» [2, с.646].

Повесть «Голубая звезда» насыщена цветовой символикой стихотворений Вл.Соловьева (часто используются «софийные» цвета — голубой, белый, золотой, что видно уже из названия повести). Повесть Б.Зайцева перекликается с лирическим циклом А.А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (поклонение Христофорова Деве-звезде, его «свидания» с ней напоминают стихотворения «За туманом, за лесами...», «Я долго ждал — ты вышла поздно...»). Несомненно, в повести Б.К. Зайцева соблюдается один из основных принципов символистской прозы — металитературность. Мифологический подтекст, отсылки к литературным источникам и реминисценции проясняют смысл происходящих в повести событий.

Центральная сюжетная линия — взаимоотношения Машуры и Христофорова. В повести эта линия не завершена, т. к. коллизия земная любовь — платоническая любовь не разрешена. Отсюда недосказанность, импрессионистическая незавершённость, по-чеховски сделанный открытый финал, в котором и «всегдашняя надежда», и «всегдашняя безнадежность» [2, с.653]. Эта сюжетная линия наиболее психологизирована.

В начале повести Христофоров показан как человек соловьевского склада, платоник-идеалист, рыцарь голубой звезды: «У меня есть вера, быть может, и странная для другого: что эта звезда — моя звезда-покровительница... Я её знаю и люблю. Когда её вижу, то спокоен... Для меня она — красота, истина, божество. Кроме того, она женщина. И посылает мне свет любви» [2, с.614]. В Машуре, девушке, которая живет сердцем, а не разумом, Христофоров увидел сияние голубой Веги, почувствовал духовную близость и доверил ей свою тайну.

Кульминация повести — приход Машуры в дом Христофорова, его рассказ о «голубой бездне», адресованный гостю. Машура интуитивно проникается верой Христофорова, хотя и не принимает в полной мере его созерцательности и поэтического экстаза. После этого свидания Машура окончательно понимает, что необходимо порвать отношения с Антоном, т.к. ей нужен не «абсолютный муж» и не «ячейка культуры и порядка», называемая семьей, а нечто большее. «Нечто большее», чем Дева-звезда, оказывается, нужно и Христофорову. Не осознавая того, он влюбляется в реальную, земную девушку. Христофоров пытается деликатно устраниться, что-

бы не мешать взаимоотношениям Машуры и Антона, но он земной человек, и его задевают слова Машуры о том, что она любит одного Антона. Христофоров подсознательно чувствует, что её слова об Антоне — последняя попытка убедить в этом саму себя. Проникнувшись рассказом Христофорова о голубой Веге, Машура начинает ревновать его к той, «которая непостижна». Она пытается убедить своего собеседника в том, что его любовь к голубой звезде — лишь поэтический экстаз, сон, фантазия. И вера идеалиста Христофорова поколеблена. В его фразе: «И неизвестно, не есть ли ещё это настоящая жизнь, а то, в чём прозябают люди, сообща ведущие хозяйство — то, может быть, неправда... А?» [2, с.615] — ощущается неуверенность, которая подкрепляется внутренним состоянием Христофорова. После ухода Машуры его сердце «раздиралось нежной и мучительной грустью» [2, с.616]. В сцене маскарада он уже не разделяет Машуру и голубую Вегу. Христофоров напрасно ищет Машу, прекрасно зная, что её нет на маскараде. И когда из окна одной из комнат он увидел Вегу, то понял: она, Машура, здесь, в его сердце.

Заключительные строки повести — это стихотворение в прозе, апофеоз небесной и земной любви. Недосказанность, проникновенный лиризм делают открытый финал «Голубой звезды» удивительной гармонией, в которой примиряются земля и небо, платоническая и земная любовь. Космический аспект соловьёвской Софии раскрывается здесь с потрясающей глубиной.

Литература

1. Блок А. Собр. соч. В 8тт. — М. — Л.: ГИХЛ, 1960 — 1963. Т. 1. Стихотворения (1897 — 1904) — 1960. — 715с.
2. Зайцев Б.К. Дальний край: Роман. Повести и рассказы. — М.: Современник, 1990. — 671с.
3. Лосев А. Владимир Соловьёв и его время. — М.: Прогресс, 1990. — 720с.
4. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Вл.Соловьёва. В 2тт. — М., 1913.

© Пермякова Л.А., 2012

УДК 81'35

Пешкова Н.П.
г.Уфа (Россия)

Оценочные реакции реципиента как один из показателей глубины понимания текста

Экспериментальные исследования последних лет, посвященные изучению различных аспектов понимания с использованием метода «встречного текста», показывают устойчиво высокий процент реакции «оценка» от

общего числа других видов реакций. При понимании текстов разных типов «оценка» не опускается ниже второго места в общем ранжировании реакций.

Как свидетельствуют данные психолингвистических экспериментов, при восприятии художественного текста «оценка» занимает второе место после реакции «перевод» и составляет 14,8 % от общего числа реакций [10]; научно-популярного текста – второе место после «ассоциации», составляя от 16,1% до 20% [7]. При понимании научного текста второе место также остается за «оценкой» после реакции «мнение», здесь она достигает 19,3% [10], [11]. В процессах осмысления и интерпретации библейских текстов реакция «оценки» поднимается на первое место, составляя 18,6% [5].

В настоящее время роль «оценки» в процессе понимания и постижения смысла текста в принципе не вызывает сомнения. Современная концепция когнитивной семантики утверждает, что мышление человека является преимущественно оценочным. Мы разделяем точку зрения относительно того, что «оценка», выступая одновременно как инструмент познания и как результат когнитивной деятельности индивидуума, формирует особую систему понимания и объяснения окружающей действительности и выполняет важные функции в психическом состоянии человека [4].

Проблема, которую мы хотели бы обсудить в данной статье, связана с ответом на вопрос: имеет ли «оценка» какое-либо отношение к глубине понимания и осмыслению информации. Для того, чтобы получить ответ на этот вопрос, необходимо еще раз дать определение и самому понятию «оценка», и тому, что мы подразумеваем под «глубиной понимания».

Начнем с последнего. Как известно, в психологии глубину понимания связывают, с одной стороны, со стадиями этого процесса, а с другой – с его уровнями. Одна из общих теорий уровней понимания была разработана в отечественной психологии А.А. Смирновым [12]. Глубина понимания, по А.А. Смирнову, является основной характеристикой, различающей его уровни. Она определяется тем, до какого «порядка сущности» проникает наша мысль в процессе понимания [op.cit.].

«От начальной ступени, где мы выделяем в предмете не какую-либо одну сторону и причем несущественную для него, а некоторый случайный признак, мы переходим к более высоким уровням понимания, вскрывая различные стороны предмета, более *существенные* (курсив наш) для него, выявляя более разнообразные связи его с другими предметами, явлениями реального мира» [12, с.168].

В этих словах известного отечественного психолога обнаруживается связь глубины понимания с действием оценочных механизмов, поскольку *существенные* стороны предмета можно обозначить как его *значимые* характеристики. С философской точки зрения, оценка есть способ установления *значимости* чего-либо для действующего и познающего субъекта [1,

с.766-769]. Выявление же существенности и значимости в процессах понимания реализуется в механизмах сравнения и оценки.

Известно, что А.А. Смирнов выделял семь ступеней понимания предметов и явлений, различающихся по глубине. Это: (1) отнесение познаваемого предмета к самой общей категории; (2) отнесение предмета или явления к общей категории хорошо известных предметов; (3) вычленение специфических особенностей в познаваемом предмете на основе сравнения; (4) переход на основе анализа, синтеза, абстрагирования и конкретизации, обобщения и индивидуализации от восприятия в целом к осмыслению отдельных частей предмета или явления и к пониманию их взаимосвязи; (5) установление причинно-следственных связей с помощью индукции и дедукции; (6) установление логических связей между осмысливаемыми явлениями; (7) ступень действий людей и выяснение мотивов этих действий.

Как можно видеть, оценочные механизмы вступают в действие, начиная с третьего уровня, когда на основе сравнения осуществляется вычленение специфических особенностей, и разворачиваются далее на следующих уровнях, обеспечивающих большую глубину процесса понимания.

Что касается такого важного для процесса понимания текста уровня, как предпоследний, шестой, связанный с установлением логических связей между представленными в сообщении явлениями или понятиями, здесь необходимо отметить еще одну специфику, ассоциируемую с осмыслением именно речевых сообщений.

Как отмечал А.Р. Лурия в связи с исследованиями «глубины прочтения текста», глубина его понимания «вовсе не обязательно коррелирует с логическим анализом поверхностной системы значений, а больше зависит от эмоциональной тонкости человека, чем от его формального интеллекта». Иными словами, глубина понимания не зависит напрямую от широты знаний или степени образования человека. Можно полно и ясно понимать логическую структуру внешнего текста и анализировать его значение и при этом не воспринимать «того смысла, который стоит за этими значениями», не понимать «подтекста и мотива, оставаясь только в пределах анализа внешних логических значений» [9, с.258].

Иными словами, оценка эмоционального характера может свидетельствовать о большей глубине понимания, чем логический анализ «поверхностной системы значений».

Обратимся теперь еще раз к уяснению сущности оценки и оценочных механизмов, реализующихся в реакциях реципиентов в процессе понимания текста. С точки зрения психологии, механизм оценивания считается важнейшей функцией сознания, а непосредственно оценка представляется одной из центральных операций сознания, имеющей свои цели и выполняющей определенные функции [8].

Анализируя функции оценки, необходимо отметить, что из трех ос-

новых функций, выделяемых в философской и психологической литературе, для нас интерес представляют первые две, а именно, функция, связанная с отражением или познанием ценностных свойств (или вообще ценностей), а также функция выражения субъективного отношения человека к действительности. Именно они и реализуются в реакции «оценка» при понимании текста. Третью функцию, как известно, связывают с регуляцией поведения и деятельности; в нашем случае она представляет меньший интерес.

Многие исследователи, как известно, рассматривают оценку в тесной связи с понятием «ценность». Так, с позиции психолингвистики оценка представляет собой один из важнейших факторов, структурирующих ядро языкового сознания индивида и социума, формирующих национальную ценностную картину мира [6], [14].

Ценности в широком понимании (общие понятия добра и зла, духовные идеалы и моральные нормы) формируют ценностную картину мира, которая обусловлена особенностями национальной ментальности и культуры.

Как показывают психолингвистические исследования, изучение ценностных представлений и ориентаций в форме реакций оценочного характера, возникающих в процессе понимания текста соответствующего типа (например, библейского), с одной стороны, обеспечивает возможность выявления специфики отдельной языковой личности, а с другой – проникновения в национальное языковое сознание социума [5].

Существует точка зрения, что оценка передает не только ценностные, но и ряд других *значимых* для субъекта характеристик. К ним относят возможность / невозможность, достоверность / недостоверность и иные модальные отношения. Подобной точки зрения придерживаются такие отечественные исследователи, как Ю.Д. Апресян [2], Л.М. Васильев [3], В.Н. Телля [13].

Таким образом, мы приходим к тому определению, на которое мы уже опирались выше, определяя оценку через *значимостные* отношения, как способ установления *значимости (существенности)* чего-либо для действующего и познающего субъекта. Тем самым, мы замыкаем круг наших рассуждений о роли оценки в форме оценочных реакций реципиентов как одного из показателей глубины понимания текста.

Литература

1. Абушенко В.Л. Понимание [Текст] / В.Л. Абушенко // Новейший философский словарь. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 767-769.
2. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. [Текст] / Ю.Д.Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
3. Васильев Л.М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты [Текст] / Л.М.Васильев // Исследования по семантике. – Уфа: Изд-во БГУ, 1996. – С. 55-62.

4. Гибаева Г.Ф. Ментальные сферы русского языка: мнение и оценка [Текст] / Г.Ф. Гибаева. – Дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа: БашГУ. – 2011. – 397 с.
  5. Давлетова Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов [Текст] / Я.А. Давлетова. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2012. – 23 с.
  6. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка [Текст] / Ю.Н.Караулов. – М., 1993. – 330 с.
  7. Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания [Текст] / И.В. Кирсанова. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2007. – 21 с.
  8. Колесов Д.В. Оценка (психология и прагматика оценки) [Текст] / Д.В.Колесов. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2006. – 816 с.
  9. Лурия А. Р. Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия. – М: Изд-во Московского ун-та, 1979 – 320 с.
  10. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания [Текст] / А.И. Новиков // Вопросы психологии стили, 2003. – № 1.– С. 64-76.
  11. Пешкова Н.П., Авакян А.А., Кирсанова И.В., Рыбка И.Н. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода: Монография / под ред. Н.П. Пешковой [Текст] / Н.П. Пешкова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 268 с.
  12. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти [Текст] / А.А. Смирнов. – М.: Просвещение, 1966. – 420 с.
  13. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация [Текст] / В.Н.Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С.5-36.
  14. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность [Текст] / Н.В. Уфимцева. – М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
- © Пешкова Н.П., 2012

УДК 81'23

Попова В.Н.
г. Уфа (Россия)

**Роль гендерного фактора в процессе речевого воздействия
как вида коммуникации**

Любой вид общения является речевым воздействием. Общение может

быть предметно ориентированным при взаимодействии в процессе совместной деятельности, лично ориентированным при наличии тех или иных изменений в психологических отношениях людей и социально ориентированным при изменении социально-психологических и социальных структур общества или при прямом воздействии на психику определённой социальной группы [5, с.256].

Психолингвистика рассматривает социально ориентированное общение под своим углом зрения, исследуя влияние языковых и речевых особенностей текста на усвоение, запоминание и переработку этой информации. В этом случае текст со своими языковыми и содержательными характеристиками является воздействующим началом общения.

Речевое воздействие – это не просто преднамеренная перестройка смысловой сферы личности, оно выполняет также ряд задач, направленных на привлечение внимания, оптимизацию восприятия и осмысления сообщения реципиентом. Для выполнения этих задач используются различные виды текстов.

При исследовании речевого воздействия учитываются и особенности воспринимающей текст аудитории. Так, Т.М. Дридзе отмечает существование семиотических групп, которые можно объединить по принципу уровня владения речевыми навыками и умениями для переработки информации, полученной путем массовой коммуникации. Образ мира, присущий той или иной группе является отражением в психике человека предметного мира, опосредованным предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами для сознательной рефлексии [2, с.11-13].

Для современной лингвистики характерен не только «экспансизм», связанный с размыванием границ и выходом в смежные области, но и «антропоцентризм как обращенность к проблеме человека в языке» [4, с.90]. Сочетание различных черт коммуникации выдвигает на первый план «индивидуальные характеристики говорящего в качестве важной лингвистической проблемы – человека в языке» [1,3].

Следует отметить, что в последнее время внимание исследователей все больше привлекают гендерные параметры личности. С помощью гендерного параметра общество рассматривается как две макрогруппы в социальном плане в условиях развития информационного влияния и повышения роли языка в обществе.

В психолингвистических исследованиях ассоциативный материал собирается с учетом параметров не только возраста, профессии, образовательного уровня, но и пола, условий жизни, психофизического состояния информантов. Ю.Н. Караулов, А.А. Леонтьев отмечают, что подобный материал является для исследователя «своеобразным окном в сознание человека, на основе которого реконструируется образ его мира и анализ особенности человеческой ментальности», в связи с гендерным компонентом [5, с.77-78].

Гендерные исследования выделяются в отдельное междисциплинарное направление. При этом отмечается тот факт, что в лингвистических исследованиях имеется определённый разрыв между эмпирическими данными гендерного характера их практическим осмыслением, в связи этим можно отметить, что подобный разрыв помогает преодолеть психолингвистический подход.

Представляют интерес работы О. Йокоямы, в которых выделяются мужское и женское подмножества и вводится понятие «гендерлект» как проявление характерного речевого поведения в определённых видах коммуникации. В условиях своего модуса существования носитель языка переключается на гендерлект. Гендерная вариативность исследуется автором путем когнитивного моделирования, что делает возможным формализацию культурных ценностей и имплицитных отношений между языками [3]. Все языки можно разместить на шкале, начиная с гендерлектов, языковых гендеророльных признаков с учётом переключения гендерных ролей в обществе.

С момента рождения человек становится объектом воздействия стереотипов и ролей, навязываемых обществом. Семья, система образования, культура – это то, что в совокупности и является основой создания представлений гендерной нормы. Гендерный аспект является важной составляющей в формировании типажа коммуникантов и зависит от стратегий речевого поведения в целом. Независимо от того идёт ли речь о сфере делового общения или же стиле руководства, где отчетливо прослеживается мужское предпочтение «командного стиля» и использования определенной лексики. Всё это складывается в особый массовый стереотип поведения, для которого важны как аспекты речевого воздействия, так и распределение гендерных ролей в обществе.

Литература

1. Горощко Е.И. Особенности русскоязычного Интернета.-www.textology.ru
2. Дридзе Т.М. Сознание и текст.// Психология и психоанализ рекламы. Личностно-ориентированный подход. – М. Изд. института социологии. - 120с.
3. Йокояма О.Т. Когнитивный статус гендерных различий в языке и их прагматическое моделирование.// Известия Уральского государственного университета. Виртуальная библиотека EUNnet отдел электронных публикаций. 2003. №15
4. Кирилина А.В. Гендерные стереотипы по данным языка// Гендер: лингвистические аспекты.- М., Институт социологии РАН, 1999.- 180с.
5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., «Смысл», 1999. - 287с.

© Попова В.Н., 2012

**Функционирование фразеологических единиц
в политическом дискурсе
(на материале выступлений президента США Б.Х. Обамы)**

В настоящее время политика занимает одну из лидирующих позиций в жизни современного общества. Политика как лингвистическая реальность становится предметом современных научных исследований. Интерес лингвистов к политическому дискурсу объясняется его особым социальным статусом и, по сравнению с другими типами дискурсов, более частотным проявлением. Одним из наиболее ярких и действенных языковых средств являются фразеологизмы (ФЕ). Под ФЕ в данном исследовании понимаются «устойчивые в результате семантических преобразований словесные комплексы, которые ... воспроизводятся в «готовом виде» [1, с.7]. Функционирование их в речи политических деятелей отвечает основным требованиям политического дискурса: эмоциональность, экспрессивность, имплицитность.

Языковое поведение политиков задано целью общения – проведение определенной идеологии. Под идеологией понимается система взглядов и ценностей, основанная на групповых ценностях и лежащая в основе групповых знаний. Дискурс играет фундаментальную роль в выражении идеологии, в свою очередь идеология влияет на структуру дискурса. В основу идеологии американской нации положен миф об «американской мечте», представленный как основа всей американской демократии.

Барак Хусейн Обама – действующий президент Соединенных Штатов. В своей политической деятельности он придерживается идеологии «американской мечты», отождествляя ее с тем, что Америка – это страна с безграничными возможностями, где любой гражданин, приложив усилия, может добиться успеха. Своим примером он демонстрирует реализацию национальной мечты, наполняя ее стереотипом “self-made man”. Б. Обама в своих выступлениях часто апеллирует к этому стереотипу:

We didn't come from wealthy families. My mom was a single mom. Michelle's dad was a blue-collar worker. Her mom was a secretary.

*So I think I can speak with some experience and say, making higher education more affordable for our young people is something I've got a personal stake in ... We believe in it because we've **been in your shoes**.*

Ядерной семей устойчивого сочетания *a blue-collar worker* выступает «рабочая сила». ФЕ *be in one's shoes* в приведенном контексте относится к понятийному полю «низкий социальный уровень». В рассматриваемом дис-

курсивном пространстве фразеологические комплексы являются взаимодополняющими, и отображают при этом коннотативный фон: стереотип президента “self-made man”.

Рассмотрим функционирование ФЕ в политическом дискурсе Б. Обамы на предмет отражения идеологической позиции. В своих выступлениях президент США зачастую обращается к ФЕ “American dream”:

*“Sustaining the **American Dream** has never been about **standing pat**. It has required each generation to sacrifice, and struggle, and meet the demands of a new age. And now it's our turn”*. (Obama State Of The Union Speech 2011: First Posted: 01/25/11 07:39 PM).

Апеллируя к ФЕ “*American dream*” президент Б. Обама подчеркивает значимость и правильность предпринятого им политического курса, вкладывая в идею «американской мечты» новые смыслы. В своем высказывании Б. Обама усиливает ФЕ “*American dream*” использованием ФЕ “*stand pat*” (не сдавать свои позиции); подчеркивая, что мечта на протяжении многих поколений достигалась усердным трудом, президент призывает американцев продолжать бороться, с целью вернуть свою страну на лидирующее место в мировой экономике.

В традиционном ежегодном обращении «О положении страны» (State of the Union Address) в 2009 году, спустя месяц после инаугурации, президент Б. Обама сформулировал основные национальные приоритеты в развитии Соединенных штатов:

- «Перезапустить» двигатель процветания:
- Преобразовать США в страну «решительных действий и больших идей»:
- Спасение, перестройка, восстановление - новая основа для процветания:

Вышеозначенные идеологические установки находят свое отражение в выступлениях Б. Обамы в последующие периоды реализации функций президента страны, что также оказывает влияние на функционирование ФЕ в его речи.

Рассмотрим корпус ФЕ, используемых президентом Америки в рамках реализации идеологии американской нации.

*“If we **take these steps** -- if we raise expectations for every child, and give them the best possible chance at an education, from the day they are born until the last job they take -- we will reach the goal that I set two years ago”*.

*“More nations have **come to the table** -- this time, more than 50 -- not to talk, but **to take action**”*.

В данном блоке, семантика ФЕ базируется вокруг семы «активизация сил». Коннотативный фон рассматриваемых устойчивых выражений связан с понятийным полем «решительные действия», что реализует идеологическую установку Б.Х. Обамы «перезапустить» двигатель процветания и при-

нимать ответственные решения.

В следующем блоке ФЕ *stay on top, be on track, full speed ahead* входят в семантическую область «лидерство»:

*“It is absolutely critical for us to make sure that we are **full speed ahead**”.*

*“When creativity is limited or ingenuity is discouraged, that hurts all of us. It denies America the game-changing products and world-changing discoveries we need to **stay on top**”.*

С помощью семантической составляющей «лидерство» реализуется идеологическая направленность американского президента вывести Соединенные Штаты из экономического кризиса с минимальными потерями и удержать страну в числе мировых держав.

Таким образом, идеология, как система мировоззрения, влияет на выбор языковых средств, что выявляет специфику политического дискурса.

Цель политического дискурса – убедить адресата и побудить его к действию. Е.И. Шейгал видит основную функцию языка политики в его использовании в качестве «инструмента политической власти», «где преобладает воздействие и оценка над информированием, эмоциональное над рациональным» [4, с.62].

Особенность политического дискурса заключается в том, что представители власти стараются скрыть свои цели, используя различные лингвистические средства для воздействия на сознание реципиента. Одним из эффективных средств воздействия на слушающего являются ФЕ. «Сложные понятия, выражаемые фразеологическими единицами, формируются преимущественно на основе эмоционально выраженного образа представления. Скрытый смысл, продуцируемый переносным употреблением словосочетания в целом или его отдельного компонента, эмоциональные и оценочные элементы в значении фразеологизмов, образцы-ассоциации, вызываемые ими, «улавливаются» как на сознательном, так и на бессознательном уровнях человеческого мышления, формируя особое психологическое состояние слушателя (читателя) и обеспечивая тем самым достижение говорящим (пишущим) нужного эффекта» [2, с.24]. Выбор использования ФЕ в политической речи определяется тем, что, являясь экспрессивными средствами языка, их назначение не только в назывании того или иного элемента действительности, но и в оценке этого элемента, и тем самым в воздействии на реципиента в момент использования ФЕ в речи. Те или иные ситуации объективной действительности побуждают человека выражать свою оценку происходящему, при этом демонстрируя свои эмоции. Эмоционально-насыщенные устойчивые комплексы подразделяются на ФЕ, передающие положительные эмоции и негативно окрашенные ФЕ: эмоциональность действует на шкале «одобрение» (*be on the cutting edge, turn the corner*) - «неодобрение» (*be on the last leg, pound the pavement, calm before the storm*).

*And al Qaeda is **on its last legs**, weaker than it's ever been.*

*We should be hiring more teachers -- (applause) -- especially in areas like math and science where we need to be at **the cutting edge**.*

Манипуляция, как скрытое воздействие на психическое состояние адресата, реализуется через имплицитную информацию. А.Н. Баранов относит актуальное значение ФЕ к скрытой (имплицитной) части плана содержания текста [1, с.59], в связи с этим необходимо рассмотреть функционирование ФЕ в речи президента с точки зрения воздействия через имплицитность ФЕ.

*Since then, Congress and I have certainly had our differences; yet, I've tried to be civil, to not take any **cheap shots**.*

ФЕ “cheap shots” имплицитно доносит негативную информацию о предшественнике Б. Обамы: скрыто критикуется его правительство.

*We take care of each other. And when our neighbors hit **a rough patch**, we step up and help out.*

В данном контексте Б. Обама делает замену понятия «экономический кризис» ФЕ “a rough patch” (трудный период), преднамеренно избегая его прямого наименования, во избежание негативных ассоциаций, вызываемых у адресата этим понятием, делая его мягче для восприятия.

В выступлениях Б. Обамы также прослеживается связь с религией: heaven forbid, take an oath, for the grace of God. США – высокоразвитая страна, в которой религия играет значительную роль. Аппелируя к божественному началу, президент оказывает скрытое воздействие на аудиторию, тем самым становясь ближе к ней. В то же время Б. Обама демонстрирует свою религиозную приверженность христианской церкви, что поддерживается большинством американцев.

Как показал анализ, речь президента США Б.Х. Обамы насыщена фразеологическими оборотами, характеризуется сдержанностью эмоций, особенно негативных, хотя нельзя отрицать факт манипуляции, поскольку она является основой для всей политической деятельности.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592с.
2. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: Монография/ Науч. ред. Н.Ф. Алефиренко – Волгоград: Перемена, 2000 – 224с.
3. Хомякова Н.А. Эмотивные фразеологизмы в русском, французском и английском языках: автореф. дисс. ... к.ф.н.: 10.02.20; - М., 2008 – 23с.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... докт.ф.н.: 10.02.01, 10.02.19; - Волгоград, 2000.
5. <http://www.whitehouse.gov>

© Ризатдинова Л.Д., 2012

Стратегии в обучении иностранному языку в вузе

По результатам опроса, проведенного в Уфимском государственном авиационном техническом университете, в котором приняло участие 60 студентов, изучающих английский язык на первом и втором курсах, было выявлено несколько наиболее употребительных стратегий, связанных с работой памяти [1, с.263]. Было обнаружено, что наиболее употребительными стратегиями запоминания иностранных слов являются прочтение и повторение слов, заучивание по ассоциации с предметом или образом, восстановление слова по памяти. Отсутствие различий в ответах студентов первого и второго курсов показало необходимость ознакомления студентов с различными стратегиями заучивания слов на иностранном языке, начиная с первого курса, с целью расширения номенклатуры используемых ими стратегий и поиска наиболее успешных с точки зрения каждого студента или учебной группы, а также разработки комплекса лексических упражнений на основе выделенных стратегий. Впоследствии представляется интересным проследить динамику изменения употребления выделенных стратегий студентами в первый год обучения в вузе и далее на втором и последующих курсах.

Использование в опросе такой стратегии, как атрибуция, позволило выделить основные причины успехов и неудач в изучении английского языка [2, с.291]. Как представляется студентам, основной причиной неудач являются лень и отсутствие интереса (25 ответов из 60). Успехи в изучении английского языка, напротив, связываются со старательностью и интересом (29 ответов из 60). Таким образом, одной из основных задач в процессе обучения иностранному языку является повышение интереса и мотивации студентов. Любопытным представляется недостаточное внимание студентов к использованию на занятиях конспектов и грамматических таблиц (2 ответа из 60) и проч. Мы полагаем, что проведенный анализ может способствовать дальнейшим исследованиям с целью оптимизации процесса овладения иностранным языком на практических занятиях в вузе.

Литература

1. Рыбка И.Н. Стратегии запоминания в обучении иностранному языку/ И.Н. Рыбка// Межкультурная ↔ Интеркультурная коммуникация: теория и практика обучения. Материалы Всероссийской научно-методической конференции/ отв. ред. Н.П. Пешкова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – С. 262-264.
2. Рыбка И.Н. Исследование использования атрибуции в обучении иностранному языку/ И.Н. Рыбка// Теория и практика языковой коммуникации: Материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2012. – С. 290-292.

© Рыбка И.Н., 2012

Игры разума в творчестве В.Пелевина

*« Мир как текст...»
Р. Барт*

Внимание исследователей литературного дискурса конца XX века привлекли философские, языковые и культурологические особенности и аналитический потенциал сопоставления пространства письма философско-литературного направления, которое называют «современной литературой», «литературой постмодерна», «постсоветской литературой» и к которому традиционно относят работы наиболее ярких российских писателей этого времени – В. Сорокина, В. Ерофеева, В. Пелевина и др. авторов, изначально задававших тон постмодернизму и как литературному направлению, и как культурной формации. Сегодня именно эти писатели воспринимаются как одни из самых успешных представителей литературы постмодерна, в диалоге с которой, в силу ее неоспоримой культурной и социальной значимости, а также как импульса ко всему новому, рождаются иные «литературы», в частности тексты культуры, постмодернизм – это то, на основе чего, вероятнее всего, будет формироваться культура следующих поколений.

Развивающийся постмодернизм демонстрировал читателям, критикам и исследователям (лингвистам, культурологам, социологам и др.) социальную стратегию письма, в котором наша реализацию, в частности, и асоциальная речь. Значительное количество исследований представляет собой комплексный анализ психологических, социальных и политических составляющих культуры и общественной жизни России того периода.

Интеллектуальную прозу В. Пелевина многие исследователи относят к классике русского постмодернизма. Удивительной коммуникативной успешностью отличаются тексты В. Пелевина. Во много это объясняется умением автора сложные по содержанию пассажи облекать в простую «форму», для реализации которой использовался «профанный язык», «...потому что вера, которую не разделяет никто, называется шизофренией» [Пелевин; 16]. Произведения В. Пелевина можно уподобить литературному упражнению. В своих произведениях автор демонстрирует мистическое мастерство писателя, когда за основу берется классический архетип и вокруг него «накручивается» сюжет. Символическая структура мироздания представлена в его произведениях выпуклыми, расчетливо выпирающими из общей канвы архетипическими символами, обладающими, кроме всего прочего, социогуманитарным значением. Художественные тексты В. Пелевина представляют собой сложную систему установок, лингвистически закодированных моделей

поведения, выстроенных в соответствии с возможностями восприятия, устройством человеческого мозга [5].

Один из аспектов художественного текста – эмоциональное отношение писателя к изображаемым событиям, явлениям, объектам – дает представление не только о личностном отношении автора к описываемому, но является той основой, на которой возникают образность, художественность текста, его эстетическая и культурологическая значимость. Воспринимая произведение, читатель-непрофессионал, обладающий знаниями в культурологической сфере, впитывает и его художественную форму, и развернутость художественных образов, и неожиданные формы языкового решения художественных задач, и бесконечное множество смыслов, и многое другое, что в совокупности конструирует художественный текст. При этом главным для такого читателя является способность к эмпатии – эмоциональному сопереживанию характеров и настроения, результатом которого является *стремление к постижению авторской концепции*. Но, согласно Р.Ингардену, всякий текст принципиально неполон и процесс чтения и понимания его есть одновременно процесс реконструкции и восполнения недостающего, поэтому «художественный текст – считал Ю.М. Лотман – создает вокруг себя поле возможных интерпретаций» [2]. С другой стороны, «художественный текст ... превращает читателя на время чтения в человека той степени близости, какую ему угодно указать. Одновременно читатель не перестает быть человеком, занимающим определенное реальное отношение к тексту, и игра между реальной и заданной автором художественного текста читательской прагматикой, создает специфику *переживания* произведения искусства» [3, с.207]. Роман В.Пелевина «Т» (2009 г.), как и все предыдущие произведения писателя, не оставил равнодушными ни литературных критиков, ни читателей. Критики отмечают несомненные художественные достоинства произведения, продолжающего или остающегося в творческом русле писателя, для которого характерным / знаковым является высокая интеллектуальная концентрация, структурированность, интересный герой, мир как сцепление многообразия миров. «Мои романы ... описывают один и тот же мир» – облегчает задачу понимания своих текстов писатель. Его герои переживают одновременно несколько разных реальностей – действительную и многообразие мнимых, взаимно совмещающихся, переплетающихся по своим собственным законам и определенным способам. Каждое произведение Пелевина посвящено подробному описанию очередного нового способа совмещения / переплетения / наложения реальностей, который предоставляет искусство, философия, религия, компьютерные технологии, самые смелые прорывы человеческой мысли в области психоанализа и психологии вплоть до попыток осмысления паранормальных явлений. Читая Пелевина, всегда ощущается четко действующий, манипулирующий смыслами разум, который нанизывает на логичные и продуманные схемы притчи, аллегории,

образы, имеющие у него литературный источник, и продуманную концептуальность.

В романе «Т» В. Пелевин создает несколько модулей возможного восприятия: во-первых, текст – пародию на детектив; во-вторых, текст в жанре фэнтези; в-третьих, текст с литературными аллюзиями и разнообразными ситуациями, характерными для русской классической литературы. Сюжет романа «Т», по мнению критиков, не только литературоцентричен – осмысление понятий «автор» – «герой» – «читатель» и размышление автора о современной русской литературе в мире коммерции, но и традиционен для творческого метода писателя – развивается в трех пространственно-временных направлениях: мир героя – графа Т. (ирреальный мир, воссозданный на реалиях второй половины XIX в.), мир его «создателя» – Ариэля (начало XXI в. по свидетельству самого персонажа) и мир писателя Л.Н. Толстого, видящего во сне приключения некоего графа Т. Эпиграф романа «...Я герой – скажите мне, какого романа?» определяет одну из ключевых проблем произведения – размышления на классическую тему «автор-герой-читатель» в традициях эстетики постмодернизма. Этим вопросом задается герой романа – граф Т., прототипом которого является писатель и граф Л.Толстой. Однако образ героя не несет в себе черты характера или биографичности прототипа – это всего лишь маска, действующая по воле некоего А.Э. Брахмана, выдающего себя за его автора. Ариэль называет себя по-разному: «Я тот, – ответил голос, – кто имеет безграничную власть над всеми аспектами вашего существования»; «Я всего лишь творец видимого вами и мира, временный повелитель» и т. п. Функцию автора-творца Ариэль демонстрирует не только всеведущностью, но и прерогативой единственного творца. Таким образом, Пелевин художественно переосмысляет утверждение М. Бахтина о том, что «автор не только видит и знает все то, что видит и знает каждый герой в отдельности и все герои вместе, но и больше их, причем он видит и знает нечто такое, что им принципиально недоступно, и в этом всегда определенном и устойчивом избытке видения и знания автора по отношению к каждому герою и находятся все моменты завершения целого – как героев, так и совместного события их жизни, т. е. произведения» [1]. Но выясняется, что Ариэль всего лишь один из пяти соавторов – создателей образа графа Т., отвечающих за разные области его жизни. Раскрывая задуманные планы, Ариэль сознается графу, что первоначально «Создавали вас вовсе не на продажу, а с целью великой и значительной. И чисто духовной», но, т. к. массовому читателю интересен только «сюжет и чем кончится», а также в связи с кризисом в стране и сменой руководства, создание образа графа подверглось изменению по плану маркетолога: «Давайте сделаем нормальный триллер с элементами ретродетектива и впарим ботве...». Таким образом, роман, в котором действует граф Т., является результатом современного литературного творчества, которое превратилось в искусство

составления буквенных комбинаций, продающихся наилучшим образом, т. е. письмо-текст. А когда Ариэль сообщает графу Т., что проект вообще закрывается, герой, сопротивляясь своему небытию – смерти, использует атрибуты писателя – руку в белой перчатке, перо, стремясь сам создать свой мир заново: «Действительно, куда бежать, если все на свете – просто текст, а лист, перо и чернила у того, кто чертит буквы? Впрочем, сейчас их черчу я сам... Но кто тогда я сам? Уж не Ариэль ли?». Так герою кажется, что он вышел из-под власти создателя-автора и сам стал создателем-автором своего нового мира, целью которого ставит разъяснение загадочного словосочетания «Оптина Пустынь» или «Оптина Пустынь соловьев». Преследуя свою цель, граф вновь встречается с Ариэлем и узнает, что становится одним из персонажей нового проекта неутомимых пяти соавторов – «шутера», главный герой которого – Ф.М. Достоевский. И существует только один способ выхода из-под контроля – он должен найти читателя. Как найти – знает только Соловьев, который учил искать в себе читателя. И граф Т. узнает, как определить читателя: «Читатель, благодаря которому мы возникаем на свет, совершенно невидим и неосязуем. Он как бы отделен от мира, но при этом мир возникает только благодаря ему! В сущности, есть только он, Читатель. Но он же полностью отсутствует в той реальности, которую создает! Хотя даже этот вот парадокс сознаем на самом деле не мы, а он...». Данные постулаты позволяют графу Т. найти читателя в себе и занять ведущую позицию по отношению к тому, кто именовал себя автором-творцом – к Ариэлю. Происходит это осознание во время беседы с призраком Соловьева, раскрывающим суть взаимоотношений персонажей в романе – героя – автора – читателя, но и образ истинного автора-писателя – Л. Толстого, которому приснилось все, что произошло с графом Т., в образе которого он себя ощущал под воздействием загадочного амулета. Л. Толстой проснулся и в разговоре с женой и гостями осознал те истины, которые знал всегда, когда писал свои книги: «Автор должен притвориться героем, чтобы тот возник...», а имя «Ариэль» означает «Лев Божий». Граф Т. решает прекратить поиски настоящего автора, придя к выводу, что он одновременно является не только героем, но и автором, и читателем. Чем сон отличается от яви? Тем, что явь последовательно развивается изо дня в день, события сегодняшнего дня логично продолжают события вчерашнего. Когда одна реальность резко сменяет другую, вчерашняя явь начинает казаться далеким сном. Пелевин, исследующий сочетания миров, никогда не путает «настоящую» реальность с реальностями вторичными, иллюзорными. Граница между мирами всегда остается, и переход ее можно осуществлять беспрепятственно в обе стороны.

Если воспринимать В. Пелевина как автора романа «Т», то он «Тот, кто пишет Книгу Жизни, и тот, кто читает ее, и тот, о ком эта Книга рассказывает». Писатель активно включает в художественный мир романа читате-

ля, видимо, этим объясняется тот факт, что в XXIV главе возникает неожиданное, но все объясняющее: «Т – это Ты». Одним мазком, одной фразой события романа преломляются, вектор направляется на читателя, который наконец понимает, что он – часть окружающего мира.

В. Пелевин – писатель, чья концепция мира и человека предполагает максимум внимания Человеку, его мировоззрению, определению его сущности и места во вселенной.

Литература

1. Бахтин М. Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема отношения автора к герою // Библиотека Гумер. Электронный ресурс
2. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. – Л., 1972.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968-1992). – СПб.: Искусство-СПб, 2000. С.207
4. Пелевин В. «Т». – М.: Эксмо, 2009.
5. Тарасенко В. Диагностика организации: инструменты консультанта-мифодизайнера // <http://www.odn.ru/MD/>
6. Пелевин В. Generation “П”. – М., 2001.

© Сабитова Н.Г., Сулейманова А.К., 2012

УДК 811.512.145

Сагидуллина Л.Р.
г.Уфа (Россия)

Татар тел дөнья картинасында зоокомпонентлы фразеологизмнар¹

Дөньяны танып белү барышы телдә чагылыш таба, ягъни дөнья лексика һәм грамматика ярдәмендә концептуальләшә. Шул нигездә дөнья тел күренеше формалаша. Бу күренештә теге яки бу милләтнең дөнья хакындагы күзаллаулары теркәлә. Төрле халык дөньяны төрлечә күрә, һәм шул төрлелекнең асылын ачу тел берәмлекләрен тикшерүдән башлана: халыклар хакында тулырак беләсең килсә, сөяк, корал, каберләргә караганда күпкә терерәк шаһиткә –телгә мөрәжәгать итү урынлы (Якоб Гримм). Дөньяны тану, аерым кисәкләргә бүлгәләү, аларны атау сүз тарафыннан башкарыла – төшенчәләр сүзләштерелә. Шуңа күрә милли дөнья картинасын тикшерү лексемаларны - шушы мәдәният өчен нигез концептларны өйрәнүне таләп итә.

---

¹ *Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РБ: “Урал – история, экономика, культура” в рамках научно-исследовательского проекта “Линвокультурологические и лингводидактические аспекты изучения слова в языке и речи (на материале татарского языка)” № 12-14-02011 а/У*

Концепт сүзләр артында чынбарлыкны символ-образлар аша аңлау тора. Концепт-сүзлэргә хас бу вазыйфа тагы бер тел күренешенә – фразеологизмга хас. Фразеологик берәмлекләр дә, сүзләр кебек үк, этномәдәни мәгълүматны барлыкка китерү, саклау һәм тапшыру ролен башкара. Алар халыкның психологиясен, яшәү рәвешен, мәданиятен һәм гореф-гадәтләрен чагылдыра. Шулай итеп, фразеологик дөнья күренешен өйрәнү аша халыкның тарихи хәтерендә беркетелгән кыйммәتلәр системасы белән танышу, аларны ачыклау мөмкинлеге туа [1, 4].

Фразеологик дөнья картинасы антропоцентрик характерда, ягъни бу дөнья кеше тарафыннан кеше ихтияжына һәм “үлчәменә” нигезләнеп тудырылган. Халык дөнъяның тышкы сурәтен генә ясап калмый, ә тел символлары аша дөнъяны аңлата, шуның белән дөнъяның менталь рәсемен дә бирә. Фразеологик әйтелмәләр белән тудырылган тел образлары халык рухын, милли хис-тойгы, дөнъяны кабул итү һәм аңлауны чагылдыралар.

Менәр еллар буена бабаларыбыз тормышы табигатьтән аерылгысыз булган: *“Ата-бабаларыбыз беркайчан да үзләрен табигатьтән аерып куймаганнар. Алар терлек-туар, күбәләкләр белән киңәшеп, серләшеп, кайгы-шатлык уртаклашып, әвэрә килеп яшәгәннәр.”* [3, 47-48 б.] Димәк, фразеологизмнар арасында тереклек атамалары нигезендә ясалган берәмлекләрнең - зоокомпонентлы фразеологизмнар күплегенә кешенең үз дөнъясының үзәгенә һәрвакыт үзен куюы һәм аның “табигать баласы” булуы белән аңлатыла.

Зоонимик фразеологизмнарны төп компонентлары нигезендә төр һәм төркемчәләргә бүлеп карарга мөмкин: йорт хайваннары (ат, эт, мәче, песи, ишәк, дөя, сарык, алаша, тай, бия, дуңгыз, кәжә, сыер, көчек, бозау, ишәк, көчек, тәкә, үгез), йорт кошлары (каз, үрдәк, ата каз, этәч, тавык, күркә, чебеш), кимерүчеләр семьялыгына кергән хайваннар (тычкан, күсе, йомран), кошлар (ала карга, карга, сандугач, саескан, тәкәрлек, чыпчык, чөккә, күгәрчен, тургай, ябалак, аккош, күке, козгын, торна, тухран), кыргый хайваннар (арыслан, аю, бүре, төлке, куян, фил, болан), бөжәкләр (бет, борча, чебен, күбәләк, таракан, кырмыска һ.б.), сөйрәлүчеләр семьялыгы (елан, бака, ташбака, сөлек), суда яшәүчеләр (балык, чабак). Бу төр-төркемчәләр белән идеографик-мәгънәви төркемнәр арасында төрле, шактый катлаулы мөнәсәбәт күзәтелә.

Гомумән фразеологизмнарга хас булганча, зоокомпонентлы фразеологизмнарда милли мәдәният, халыкның тарихи “мөһерә”, дөнъяга карашлар системасы саклана. Башка тотрыклы берәмлекләрдәге кебек үк [1, 122-123б.б.], без зоокомпонентлы фразеологик берәмлекләрдә дә климат шартлары (*кош очмаслык суык, мондый көндә яхшы кешенең эте дә өрми, эт чыкмаслык, эт тә борын сузмаслык, эт йөргөсез, эт үлеме, карга кары, күбәләк кар*), татарларның игенчелек белән шөгыйльәнүе (*дугалы ат күмелә*), терлекчелек алып баруы (*мал басу, кара мал*) хақында, традицион

халык ашлары (*ат тоягы, кош теле*), татарларның тормыш-көнкүреше (*дагалы күркә, кош юлы, бака лампасы*), әдәп-әхлак мәсьәләләре (*бер сыерның койрыгы мең сыерны пычратыр; балык башыннан чери; ни тутый кош ни карга; онга төшкән таракан*); гореф-гадәتلәре, ышанулары (*аяз көнне яңгыр ява, аю кызын бирә, ябалак үлгән урын*); дини ышанулары һәм мифологемалары (*Нух каргасы, атыңны Аллага тапшыр, дилбегәңне үзән тот, укымый мулла булган, чукымый карга булган, Алла кошы, Алла бозавы, Алланың сөймәс тәкәсе, ганка кошы, урман сарыгы*) һ.б.хакында мәгълүматлар табабыз.

Татар телендә зоокомпонент керткән фразеологик берәмлекләр кешене төрле яклап характерлыйлар, аны концептуальләштерәләр. Фразеологизмнар аша без кешенең тышкы кыяфәтен, физик һәм психик халәтен, акылын, тормыш-көнкүрешен, эш-гамәлләрен һәм хольк-фигылен, жәмгыятьтәге урынын, материал хәлен һ.б. күрәбез, бәялибез.

Халык матурлык, тырышлык, сабырлык, бирешмәүчәнлек кебек сыйфатларга өстенлек бирә: *төпке ат, алтын күбәләгем, аю борыныннан бал ашау*. Мәхәббәт хисенә матур, образлы билгеләмә бирер өчен татар халкы *син сандугач, мин карлугач* фразеологизмын куллана. Әлеге ФБ синонимы буларак *пар күгәрчендәй* дип бер-берен яратышуда бер-беренә тиң, бик тату килешле кешеләр турында әйтәләр. “Бик матур, бик тату пар күгәрченнәрдәй гөрләшеп яшиләр.” Беренче фразеологизмда сандугач белән карлугачның сайрашуы турында әйтелсә, икенчесендә татулыкка басым ясала, чөнки күгәрчен - тынычлык, татулык символы. “Сандугач” компоненты “*көянтәсенә сандугач кунып сайрар*” дигән фразеологик әйтелмәдә “тиңсез матур, уңган” аңламын бирә. Сандугач татар халкында матурлык, моңлылык символы булса, көянтә тоткан татар кызы безнең күз алдына зифа буйлы, уңган, эшсөючән булып килеп баса. Бу концептлар безнең анда яктылык, жылылык, матурлык белән аваздашлык тудыра.

Фразеологизмнарда образлык, экспрессивлык хас булганлыктан, зоокомпонентлы фразеологизмнарында еш кына ирония, мыскыллау, көлү төсмерләнә: *Мисыр каргасы, Бохара мәчесе, бояр көчеге, шиәктән юрга*. Бу, бер яктан, халыкның жор теллелеге, өзеп әйтә белүе хакында сөйләсә, икенче яктан, дөньяга (үзенә дә) “мык аша көлеп карау” сыйфатына ия булуын күрсәтә, “кешелек үз хаталары белән көлеп хушлаша” фикерен дәлилли.

Фразеологизмнарда гадәттә негатив коннотация өстенлек итүен югарыда китергән фикер белән аңлатып була. Моңардан тыш бу фактта антропоцентризм принцибының үзенчәлекле чагылышы да күзәтелә. Кеше жир йөзөндә акыл ягыннан камилләшкән жан иясе. Ул хайваннар дөньясыннан өстен тора. Бездә кешегә генә “кем?” дигән сорау куела, ә хайваннарда - “нәрсә?”, ягъни алар башка – жансыз предметлар рәтендә карала. Хайван атамалары керткән фразеологизмнарда негатив

коннотациянең күплеген шушы аңлам белән дә дәлилләнә булса кирәк.

“Ат” компонентының синонимик рәтенә алаша, бия, тай, айгыр, елки сүзле фразеологизмнарны да кертеп карыйбыз. Элек-электән безнең ата – бабаларыбыз ат тоткан, ул хужалыкта зур ярдәмче дә, сугышта якын дус та булган. Хужалыкта ат тоту гаиләнең социаль хәлен билгеләргә ярдәм итә. “Ат” компонентлы фразеологизмнар һәм мәкаль-әйтемләрнең гажәеп күп булуы (татар-башкорт телендә аларның саны меңгә якынлаша) татар-башкорт халкының борын-борыннан “атлы цивилизациягә” керүе хакында сөйләүче дәлил булса кирәк. Гомумән алганда, “ат” компоненты кергән ФБ кешегә уңай характеристика бирә: *аты чаптыр, кылычы үткер* - сугышчан батыр егетләрне сыйфатлау өчен кулланыла. *Алашасы колынлау* - бәхете алга китү, көтмәгәндә, күрер күзгә сәбәпсез малы ишәю, юк жирдән баю. *Ат кәмитте* дип элек цирк, балаганны атаганнар. *Ат әсене кагылган* кеше - ат гашыйгы, ат яратып, ат белән мавыгып, ат ярышлары белән кайнашып яшәүче кеше. *Ат кебек эшләү, йөк аты* – алсыз-ялсыз эшләүчегә, бик күндәм кешегә әйтелә. Халык зур шатлык кичерү хисен дә ат образы аша бирә - *ат менгәндәй булу*. Халыкның кунакчыллыгын чагылдырган фразеологизмнар арасында да ат компонентлы берәмлек бар - *ат башыннан алу*.

“Бүре” компонентлы фразеологизмнарның төп өлеше комсызлык, куркынычлык, ялгызлык төшенчәләрен белдерә: *бүре малае* - кешеләр белән аралашмыйча, кешегә буйсынмыйча үз иркендә яшәүче турында; *ач бүредәй* - комсызлыкка, ач күзлелеккә охшатып әйтү; *бүредән куркып урманга бармау* - берәр ихтималдан куркып шикләнеп эшләмичә тору; *бүре авыз* - ил, халык жилкәсендә туенучы. Әмма *бүресе улау* - уңай коннотациягә ия: “теләгәнәнә, байлыкка, дәрәжәгә, уңышка ирешү, бәхет басу”. Н. Исәнбәт бу берәмлеккә мондый аңлатма бирә: “Бу борынгы төркиләрдә бүренең улап, аларга дошман камавыннан котылырга юл күрсәтүе һәм шуның белән дөньяда төрки халыкның нәселен бетүдән саклап калуы турындагы легендага бәйләнгән” [2, 204 б.].

“Төлке” күп телләрдә хәйләкәрлек макроконцептына керә, мәсәлән: *төлке кебек кыйтыла*. Димәк, мондый кеше хәйләкәр, койрыгын тоттырмый, куып житеп тоттым дигәндә кинәт көтелмәгән якка борылып кача. *Төлке мае сөртү* - хәйлә белән юмалап астыртын урлау; *син төлке, мин койрыкмын* - мин синнән дә хәйләкәрдәрем. Билгеле булуынча, неолит революциясе чорыннан халыклар төрле-төрле жәнлекләргә табыну – аларны кулга ияләштерү белән шөгыйльләнгәннәр. Бу процесс барлык халыклар өчен дә универсаль күренеш, дип таныла. Әмма бер генә халык та төлкене кулга ияләштерә алмаган. Шуңа да “төлке” мәгънәсенә кергән “хәйләкәрлек” коннотациясенә тирән тарихи тамырлары күпчелек халыклар өчен уртак һәм ул бик күп башка халыкларның ФБ һәм паремияләрендә, мифологемаларында да чагылыш таба.

Татар телендә куркак кешене характерлау өчен “куян” концепты еш кулланыла: *куян йөрәк, куян эсанлы, кулга элләккан кыр куяны кебек дер калтырап тора*. “Балык” зоокомпоненты кергән ФБ нигезендә дә кешегә карата кире мөнәсәбәтләр өстенлек итә: *исерек балык, балык башы ашаган*. “Эт” концепты кергән фразеологизмнар да нигездә негатив сыйфатларны сурәтли: *эт урынына йөртү, эт талый дип бет талый, эт тормышы, эт дисәң йоны юк, адәм дисәң сыны юк* һ. б. Татар теленең фразеологизмнар сүзлегеннән жыеп алынган 128 фразеологик берәмлекләрнең барысы да кире коннотацияле булуы моңа дәлил. “Бет” компоненты кергән фразеологизмнар нинди дә булса предметның күләмен атый: *бет кебек*, димәк - бик кечкенә, бик аз, бик вак. Шулай да бу зооним белән ясалган фразеологизм кешегә кире характеристика биргәндә ешрак кулланыла: *бете котыру, бет симертү* һ.б. “Зурлык”ның төрле дәрәжәсе ат, аю, дөя компонентлы берәмлекләрдә күзәтелә: *дөя кошы, ат бәясе, аю беләк*.

Телдә бай кешене характерлау өчен “этәч” образы файдаланыла: *байның этәче дә күкәй сала, бәхете алга барганның этәче дә күкәй сала, этәче дә кубыз уйный*. Фәкыйрь, ярлы, хәерче кешене күз уңында тотканда саескан, эт, бет, үгез кебек зоокомпонентлар ярдәмгә килә: *үгез мөгезенә эләрлек тә юк; бете дә юк, бүре сырхавы, йолкынган каз, эт көне*. Усаллык, тупаслык, явызлыкны төшенчәләрен белдергән ФБ аеруча еш очрый. Мәсәлән, телебездә “усаллык” макроконцепты “елан” зоокомпоненты аша бирелә, бу сөйрәлүче хайванга хас булган сыйфатлар (агулылык, усаллык, боргаланучанлык, үткерлек, чаялык) фразеологик берәмлекләрдә киң кулланыла: *зәһәр елан* (эче кешегә һәр төрле усаллык, көнчелек, хөсет, кинә агулары белән тулган яман кеше); *корчаңгы елан* (зәһәре тулышкач кая барып, нәрсәне чагарга белмичә кычынып, үрсәләнгән елан.).

Ялкаулык һәм наданлык концептын ачыклаган фразеологизмнар да шактый зур урын ала: *сарык баш, тавык бәкәленнән йөзә, эт сугарып йөрү, бетле йөрәк*. Димәк, борынгыдан әлегә кире сыйфатлар тәнкийт ителгән, тырышлык, уңанлык алга сөрелгән. *Кояштан качкан ярканат кебек* фразеологизмында яктылыктан, белем мәгърифәттән, тәрәккыйдан куркып качуны ярканатка охшату ята. Бу инде халыкның аң-белемгә өстенлек бирүенә ишарә. Татар телендә “беркатлылык, ышанучанлык” символы булып чебеш образы тора: *йомырка эчендәге чебеш, ә “батырлылыкны”* арыслан образы бирә: *арыслан авызыннан сөяк алырдай* - бик тә гайрәтле, кыю, көчле, батыр, үткен кешене шулай бәялиләр; *арыслан йөрәк* - арыслан кебек гайрәтле, баһадир, көчле, курку, белмәс йөрәкле ир; *арыслан сырты* - үтә гайрәтле, булдыклы, көчле кеше. Арысланның гайрәтләнгән чагында сырты кабару, йоны үрә торудан алынган.

Бер үк компонент төрле идеографик төркемнәргә кергән фразеологизмнар ясауда катнаша. Мәсәлән, **карга** сүзе нигезендә табигать күренешен белдерүче **карга бураны, карга кары** - март аенда каргалар

килгәч була торган бураннар, вакытны атаучы - *карга* *эҗимгә төшмәс борын* (бик иртә, таң атар-атмас), йола атамасы – *карга боткасы*; кешене характерлаучы - *карга санап йөрү*, *карга чукырлык та ите калмаган*, *карга көйгә “сандугач мин” дип йөрү*, *карганы сабынлап юу белән бер*, *карга маен эчкән* кебек фразеологизмнар ясалган. Р.Р. Жамалетдинов санап үтелгән фразеологизмнар татар мэдәнияте өчен *карга* сүзенең төрле мәгънә төсмерләре булуын, бу кошлар белән бәйле бик күп ассоциацияләр тууын билгели [1, 121 б.]. Башка зооконцептларга нигезлэнгән фразеологик берәмлекләрне тикшерү дә шундый мәгънәви төрлелеккә мисал була ала.

Гомумән алганда, зоокомпонентлы татар фразеологизмнарын туплау һәм өйрәнү кеше дөньясының төрле якларын: предмет-күренешләр, эш-хәрәкәтләр, психик процесслар һәм башкаларын – тулырак күзаллау мөмкинлеген бирә; төрле дәрәжәдә тел өйрәнүчеләрне телле һәм мэдәниятле шәхес итү юлын киңәйтә.

Кулланылган әдәбият

1. Жамалетдинов Р. Р. Тел һәм мэдәният: Татар лингвокультурологиясе нигезләре. – Казан: Мәгариф, 2006.
2. Исәнбәт Н.С. Татар теленең фразеологик сүзлеге. Ике томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты. I том. - 1989, II том. - 1990.
3. Мәһдиев М. Хушлашу. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1999, 256 б.
4. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. –Уфа: Изд-во БГУ, 2000

© Сагидуллина Л.Р., 2012

УДК 81’373

Сакаева Л.Р., Базарова Л.В.
г. Набережные Челны (Россия)

Концептуальные оппозиции «Бог»/«God» и «Чёрт»/«Devil» во фразеологических единицах английского и русского языков

Современная картина мира складывалась под влиянием картин мира наших предков. В связи с этим, необходимо отметить тот факт, что не существовало нейтральных сил, предполагалось наличие дуальности в основных понятиях окружающей действительности, которые имели соотношение с конфликтом добра и зла. Как отмечают исследователи В.Т. Клоков и Е.А. Алексеева, в соответствии с общей ценностной ориентацией, отражающей разделение мира на доброе и злое начало, оценивался каждый предмет, факт, событие, поступок [1, с.32]. В культуре, как полагает ученый А.А. Мельникова, присутствуют оппозиции двух типов – базовые, имеющие для всех народов мира универсальный характер, и культурно специфичные [2,

с.25]. Следовательно, данные типы очерчивали и очерчивают границы мирозидения.

Добро и зло во всех религиях и культурах равнозначны. В христианской религии Бог и Дьявол являются образами, формирующими представление о добре и зле. Отношения оппозиции связывают единицы, имеющие различия, однако объединенные общими признаками.

В рамках данной статьи вслед за Н.С. Трубецким (2000) рассматриваются эквивалентные оппозиции «Бог»/«God» и «Чёрт»/«Devil» на парадигматическом и синтагматическом уровнях. Исследование показывает, что количество дифференцирующих признаков превалирует над общими. В структуре выявлены следующие общие признаки исследуемых концептов: «существо мужского рода», «существо уникальное, единственное в своем роде», «существо, взаимодействующее с человеком», «существо говорящее» и «существо с ограниченными возможностями». В структуре концептов выявляется также общий признак «помощник», однако в данном признаке анализируемые концепты не являются абсолютно совпадающими. Бог для носителей русской и английской лингвокультур является не только «помощником», однако и защитником, существом мыслящим и образованным, в то время как дьявол (чёрт) – «служгой».

Исследуемые концепты «Бог»/«God» и «Чёрт»/«Devil» представляют собой оппозиции с эквивалентными отношениями между членами. Концепты не существуют изолированно, они взаимодействуют с другими концептами, поэтому необходимо рассмотреть концептуальные оппозиции на синтагматическом уровне, которые выражаются в тексте. Исследователь Л.А. Новиков считает, что оппозиции, выраженные в тексте, условно подразделяются на структурно выраженные и структурно невыраженные. Структурно выраженные оппозиции представляют собой строго определенные и часто воспроизводимые конструкции с близким контактным расположением противоположных по смыслу; в структурно невыраженных оппозициях не обнаруживается строго определенных и регулярно воспроизводимых синтаксических структур [3, с.126 - 128]. Анализ употребления лексических единиц, вербализующих изучаемые концепты, показывает, что данные концептуальные оппозиции могут быть и структурно выраженными, и структурно невыраженными. Для обозначения конструкций, репрезентирующих оппозиции, целесообразно использовать модели, предложенные исследователем Л.А. Новиковым: $X, a Y$; $X, no Y$; $X, da Y$; $u X, u Y$, где X и Y концепты «Бог» и «Чёрт». В конструкциях $X, a Y$; $X, no Y$ концепты противопоставляются, представляя собой антонимичную пару: *Господь умудряет слепца, а дьявол искушает чернеца; Бог дал родню, а чёрт – вражду; Силён чёрт, но милостив Бог; Послал Бог работу, но отнял чёрт охоту*. В данных примерах эксплицируются дифференцирующие признаки концептов: «существо мудрое и справедливое» (концепт «Бог») и «искуситель» (концепт «Чёрт»).

На данные признаки указывают глаголы, употребленные в паремиях: *умудрять* (сочетается с лексическими единицами *Господь* и *Бог*), *искушать* и *подстрекать* (сочетаются с лексическими единицами *дьявол* и *бес*). В анализируемом примере глагол *дать* репрезентирует признак «даритель» (концепт «Бог»). В свою очередь, чёрт «одаривает» человека, однако «вражда» приносит людям неприятности (признак «существо, приносящее неприятности»).

В конструкции *и X, и Y* концепты не противопоставляются, поскольку подчеркивается значение всеобщности. Однако оппозиционные концепты, употребляемые в конструкции *X, да и Y* «соединяются» в единое целое: *Угодить сразу и Богу, и чёрту; Богу-то молись, да и чёрту не груби*. Данные примеры показывают, что, несмотря на свою противоположность, концепты «Бог» и «Чёрт» объединены общими признаками и являются контекстуальными синонимами, где на первый план выходит репрезентация общих признаков.

В английском языке структурно выраженные оппозиции вербализуются в конструкциях: *X and Y; neither X nor Y; both X and Y; X as well as Y; X but Y*, где *X* и *Y* – концепты «God» и «Devil». В конструкциях *X and Y; neither X nor Y; both X and Y; X as well as Y* – концепты не противопоставляются, а «соединяются», становясь контекстуальными синонимами. «Соединение» данных концептов выражается лексически: использование словосочетаний с числительным *два* (*I have two masters – God and the devil* (*У меня есть два хозяина – Бог и дьявол*)); использование конструкций с закрытым типом сочинительной связи: *A good painter can draw devil as well as God* (*Хороший художник может нарисовать и дьявола, и Бога*). Способность исследуемых концептов являться в предложении однородными членами и выступать контекстуальными синонимами обусловлена наличием общих признаков.

Конструкция *X but Y* актуализирует отношения противопоставления: *God sends meat, but the devil sends cooks* (*Бог посылает пищу, а дьявол посылает поваров*); *God sends corn but the devil mars the sack* (*Бог посылает зерно, а дьявол рвет мешок*). Исследуемые примеры объективируют признак «даритель», входящий в структуру концепта «God», признаки концепта «Devil» различны (дьявол – «искуситель», дьявол – «злой дух»).

Концепты «Бог»/«God» и «Чёрт»/«Devil» могут быть противопоставлены и в структурно невыраженных оппозициях. На данное противопоставление указывают глаголы, называющие действия, которые совершают Бог и дьявол: *Дитя падает – Бог перинку подстиляет, стар падает – чёрт борону подставляет; Смелым Бог владеет, пьяным чёрт качает; What God gives, the devil reaves* (*Что Бог дает, дьявол отнимает*); *When the devil starts messing, God starts blessing* (*Когда дьявол начинает портить дело, Бог начинает благословлять*). В русских примерах Бог, обладающий признаками

«защитник и помощник» и «существо доброе и милостивое», оберегает и защищает. Его действиям противостоят действия, совершаемые чёртом – «существом, приносящим неприятности». В английских примерах репрезентируются такие признаки Бога, как «даритель» и «защитник, помощник». На данные признаки указывают глаголы «give» (давать) и «start blessing» (начать благословлять); действия дьявола вербализуются глаголами «reave» (отнимать) и «start messing» (начать мешать, портить дело) и объективируют признак «могущественный злой дух».

Наречия также репрезентируют оппозицию изучаемых концептов: *Если чёрт говорит «сегодня», Бог скажет «завтра»; If the devil reigns today God will be master tomorrow (Если сегодня правит дьявол, Бог будет управлять завтра)*. В данных примерах наречия *сегодня* и *завтра* вербализуют время «правления» Бога и чёрта. Несовместимость наречий говорит о невозможности совместного пребывания Бога и чёрта (дьявола).

Концептуальные оппозиции «Бог»/«God» и «Чёрт»/«Devil» могут быть объективированы глаголами, вербализующими действия людей, объектами которых являются Бог или чёрт (дьявол): *От Бога отказался – к сатане пристал; People who cease to believe in God still believe in the devil (Люди, которые перестают верить в Бога, безмолвно верят в дьявола)*. Глаголы «отказался» и «пристал», «cease to believe» (перестать верить) и «believe» (верить) называют действия, которые противопоставлены.

В конструктивно не выраженных оппозициях концепты «Бог»/«God» и «Чёрт»/«Devil» не только противопоставляются, но и «соединяются»: *Бог пугает громом, чёрт пугает рогом.; Wherever God erects a house of prayer, the devil always builds a chapel there (Там, где Бог возводит молельню, дьявол всегда строит свою часовню)*. «Соединение» концептов в данных паремиях репрезентируется глаголами, выполняющими функцию сказуемого. Примеры указывают на то, что Бог и дьявол (чёрт) совершают одинаковые действия (*Бог пугает и чёрт пугает; God erects and devil builds (Бог возводит и дьявол строит)*).

«Соединять» изучаемые концепты могут также и действия, совершаемые людьми: *Тот, кто служит Богу за деньги, будет служить дьяволу за большее жалование; If you light one candle for God, then you must light one for the devil (Если вы ставите свечку Богу, вы должны поставить свечку дьяволу)*. Концепты «God» и «Devil» имеют в своей структуре общий признак «объект поклонения».

Лексические единицы ад и рай, heaven and hell, вербализующие места обитания Бога и чёрта (дьявола) также образуют оппозиции. Данные оппозиции могут быть структурно выраженными со значением противопоставления (*Богатому рай, а бедному ад; В рай просятся, а в ад лезут; One road leads to heaven but many lead to hell (В рай ведёт одна дорога, а в ад ведет много дорог)*), структурно выраженными со значением «соединения» (*У по-*

на товар – *ad da рай, что хочешь, то и выбирай; Life is the crossroads of Heaven and Hell (Жизнь — это перекресток рая и ада)* и структурно невыраженными (*Hell is wherever heaven is not (Ад там, где нет рая)*). Приведенные примеры показывают, что ад и рай могут выступать контекстуальными антонимами и контекстуальными синонимами. Оппозиция лексических единиц ад и рай, heaven and hell сложилась под влиянием концептов «Бог»/«God» и «Чёрт»/«Devil». Вербализуя места обитания Бога и чёрта (дьявола), ад и рай стали восприниматься как члены оппозиции, свидетельством чего могут служить многочисленные контексты их совместного употребления.

Таким образом, концепты «Бог»/«God» и «Чёрт»/«Devil» находятся в отношениях оппозиции в обеих лингвокультурах, однако способствуют и образованию другой оппозиции, членами которой являются приписываемые Богу и чёрту (дьяволу) места обитания – ад и рай. Другие приписываемые им места обитания, выявленные при концептуальном анализе оппозиций, ни в русской, ни в английской лингвокультурах таких оппозиций не образуют.

Литература

1. Клоков В.Т. Символический компонент значения в семантике языковых единиц // Язык, коммуникация и социальная среда / В.Т. Клоков, Е.А. Алексеева – Вып. 1. – Воронеж: Издательство ВГТУ, 2001. – С. 32-35.
2. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности / А.А. Мельникова. – СПб. : Речь, 2003. – 320 с.
3. Новиков Л.А. Проблемы языкового значения / Л.А. Новиков. – Т.1. – М. : Издательство РУДН, 2001. – 672 с.
4. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. – М. : Аспект-пресс, 2000. – 352 с.

© Сакаева Л.Р., Базарова Л.В., 2012

УДК 811.112.2

Салахов Р.А.
г. Уфа (Россия)

Предлоги со значением причины, цели и условия в современном немецком языке

Продолжая серию статей, посвященных семантической классификации предлогов современного немецкого языка [см.: 1; 2], хочется в данном сообщении остановиться на предлогах, позволяющих реализовать в языковом плане такие важные для развития любого (в том числе и научного) текста понятия, как "причина", "цель" и "условие".

1) Предлоги в составе обстоятельств причины

Обстоятельства причины часто вводятся предлогами *an (D)*, *ange-sichts (G)*, *anlässlich (G)*, *auf (Akk.)*, *aus (D)*, *durch (Akk.)*, *dank (D / G)*, *ent-sprechend (D)*, *gemäß (D)*, *infolge (G)*, *kraft (G)*, *laut (G / D)*, *mangels (G)*, *über (D)*, *vermöge (G)*, *vor (D)*, *wegen (G / D)*, *zufolge (D / G)*.

а) Предлоги *an (D)*, *aus (D)*, *vor (D)* вводят причину действия или состояния.

♦ При этом предлог *aus* указывает на **побудительную причину, мотивировку осознанного действия**, например: *etwas aus Liebe / aus freiem Willen tun* – сделать что-либо из любви / по доброй воле; *aus diesem Grunde* – по этой причине.

- Предлог *vor* чаще указывает на причину **непроизвольного** действия, например: *vor Schmerzen schreien* – кричать от боли; *vor Kälte zittern* – дрожать от холода.

- Предлог *an* чаще указывает на **причину заболевания или смерти**, например: *an Gicht leiden* – страдать подагрой; *an Hunger sterben* – умирать с голоду (от истощения).

б) Предлоги *dank (D / G)*, *durch (Akk.)*, *infolge (G)*, *kraft (G)*, *über (D)*, *vermöge (G)*, *wegen (G)*.

♦ Предлог *dank (G / D)* и употребляющийся в возвышенном стиле предлог *vermöge (G)* сочетаются только с понятиями, которые имеют **положительное влияние** на ход событий, например: *dank (vermöge) seines guten Willens / dank seinem guten Willen* – благодаря его доброй воле (его добрым намерениям).

♦ Предлог *infolge (G)* указывает на **непосредственную причину** (in Folge), следствием которой является данное действие или состояние, например: *infolge der Straßenglätte* – из-за (вследствие) гололеда на улицах; *infolge des Unfalls* – из-за (вследствие) несчастного случая (аварии); *infolge eines Missverständnisses* – по недоразумению, из-за (вследствие) недоразумения; *infolge der hiesigen Verhältnisse* – в силу здешних обстоятельств. Сходное значение имеет предлог *über (D)*, например: *über dem Lärm erwachen* – проснуться от (из-за) шума.

♦ В значении предлога *durch (Akk.)* сочетаются значения предлогов *dank* и *infolge*, например: *durch langen Gebrauch / infolge langen Gebrauchs* – от (из-за) длительного употребления (использования); *durch seinen Fleiß / dank seinem Fleiß (seines Fleißes)* – благодаря его (своему) прилежанию.

♦ Предлог *wegen (G)* указывает на **причину, аргумент (повод)**, например: *Wegen der Krankheit der Tochter blieb sie zu Hause.* – В связи с болезнью (Из-за болезни) дочери она осталась дома.

♦ Предлог *kraft (G)*, восходящий к имени существительному *die Kraft* „сила“, указывает на то, **в силу / на основании** чего совершается действие, например: *kraft seines Amtes* – в силу его (своих) служебных обязанностей; *kraft des Gesetzes* – в силу (на основании) закона, по закону.

в) Предлоги *entsprechend (D)*, *gemäß (D)*, *laut (D)*, *nach (D)*, *zufolge (D / G)* чаще всего употребляются с существительными *der Wunsch* „желание“, *der Befehl* „приказ“, *die Anweisung* „указание, инструкция“, *die Abmachung, die Übereinkunft* „соглашение. договоренность“, *der Vertrag* „договор“, *das Gesetz* „закон“, *die Worte* „слова“ и под.

♦ Предлоги *entsprechend (D)* и *gemäß (D)*, которые большей частью стоят за именем существительным (т.е. в позиции послелога), употребляются при **корректном, но не обязательно точном (слово в слово) соответствии** либо просто обозначают соответствие, например: *der Vorschrift entsprechend (gemäß) / entsprechend (gemäß) der Vorschrift – по (согласно) предписанию*; *seinem Einkommen (der Natur) entsprechend (gemäß) leben – жить сообразно своим (по своим) доходам / в согласии с природой*.

♦ Предлог *laut (D)* стоит при **точном (слово в слово) соответствии** с текстом, например: *laut Gesetz – по закону, в соответствии с законом*; *laut Übereinkunft – по соглашению (договоренности), в соответствии с соглашением (договоренностью)*.

♦ Предлог *nach (D)* чаще стоит после существительного (как послелог) при **приблизительной передаче содержания с возможностью дистанцироваться** от образца (источника), но может также стоять перед именами собственными, например: *nach seinen Worten – по его словам*; *nach Einstein – по (согласно) Эйнштейну, в соответствии с теорией Эйнштейна*.

♦ Предлог *zufolge*, который в постпозиции управляет дативом, а в препозиции генитивом, указывает на **источник, в соответствии с которым осуществляется действие, либо на источник информации**, например: *dem Befehl zufolge / zufolge des Befehls – по приказу, согласно приказу*; *einem Gerücht zufolge / zufolge eines Gerüchtes – по слухам*.

г) **Соответствие** чему-либо и **ответ (ответная реакция)** на это сочетаются в значении предлога *auf (Akk.)*, например: *auf seinen Befehl – по его приказу*; *auf die Bitte meines Freundes – по просьбе друга, в ответ на просьбу друга*.

д) Предлог *angesichts (G)*, употребление которого ограничивается возвышенным стилем, означает (в память о своем происхождении) **„перед лицом, ввиду“** (*das Gesicht* „лицо“), например: *angesichts des Todes – перед лицом смерти*; *angesichts dieses Tages – в предвкушении этого дня*.

е) Предлоги *anlässlich (G)* и *mangels (G)* относятся к канцеляризмам, и в обычном общении использовать их не рекомендуется.

♦ Предлог *anlässlich (G)* (из: *der Anlass* „причина“, „повод“, „случай“) означает, **по поводу (случаю)** чего событие происходит, например: *anlässlich des 150-jährigen Jubiläums der Firma – по случаю (по поводу) 150-летия (150-летнего юбилея) фирмы*.

♦ Предлог *mangels (G)* означает **отсутствие (недостаток / нехватку)** чего-либо, например: *mangels triftiger Gründe – за неимением (ввиду*

отсутствия) *wesких* (уважительных) причин; *mangels notwendiger Kenntnisse* – ввиду отсутствия необходимых знаний.

2) Предлоги в составе обстоятельств цели

Обстоятельства цели могут вводиться предлогами *auf* (Akk.), *behufs* (G), *für* (Akk.), *halber* (G), *nach* (D), *um* (G) ... *willen*, *wegen* (G), *zu* (D), *zwecks* (G).

а) Предлоги *auf* (Akk.), *nach* (D), *zu* (D), которые сочетают значение цели со значением направления, рассматривались уже среди предлогов, обозначающих местоположение и направление [1, с. 185-186].

б) На *цель* совершения действия указывают предлоги *zu* (D), *behufs* (G), *zwecks* (G) (два последних относятся к канцеляризмам), например: *Er ist zum Dichter geboren.* – Он прирожденный поэт. *Sie eilte ihrem Kind zu Hilfe.* – Она поспешила на помощь своему ребенку. *Er ist zwecks / behufs weiteren Studiums (zum weiteren Studium) nach Dresden gekommen.* – Он приехал в Дрезден с целью (для) продолжения учебы (обучения).

в) В предлогах *für* (Akk.), *halber* (G) (стоит после существительного) и *um* (G) ... *willen* цель соединяется с указанием на то, *ради* кого / чего совершается данное действие, например: *für den Frieden kämpfen* – бороться за мир; *sich für jemanden opfern* – жертвовать собой ради кого-л.; *der Bequemlichkeit halber* – ради удобства, удобства ради; *um der Gerechtigkeit willen* – во имя (ради) справедливости. Предлог *halber* (G) относится к устаревшим и употребляется в настоящее время преимущественно в возвышенном стиле.

г) В предлоге *wegen* (G), который часто стоит после существительного, цель очень тесно связана с *причиной* совершения действия, например: *Er fragte wegen des Abendbrotes.* – Он спросил насчет ужина. *Sie machte das wegen unserer Freundschaft.* – Она сделала это из-за (ради) нашей дружбы (по дружбе).

3) Предлоги в составе обстоятельств условия

Обстоятельства условия могут вводиться предлогами *bei* (D), *in* (D), *mit* (D), *ohne* (Akk.), *unter* (D).

а) Предлоги *bei* (D) и *unter* (D) указывают на то, при каких условиях (обстоятельствах) совершается данное действие, например: *Bei Regen bleiben wir natürlich zu Hause.* – Если будет дождь, (В дождь) мы, конечно, останемся дома. *Nur unter der Voraussetzung, dass du mitmachst, stimme ich zu.* – Я согласен, но только при условии, что и ты присоединишься к этому (будешь участвовать / примешь участие в этом).

♦ Предлог *unter* (D) обычно употребляется с существительными *die Bedingung* „условие“, *die Umstände*, *die Verhältnisse* „условия, обстоятельства“, а также с существительными, обозначающими обстоятельства, условия, в (при) которых осуществляется действие.

♦ Предлог *bei* (D) указывает на сопутствующее действие или явление, которое мешает или способствует осуществлению данного действия.

б) Предлог *in* (**D**) указывает на пребывание в каком-либо состоянии, например: *in diesem Zustand* – в этом состоянии; *in der Not* – в нужде; *im Schlaf* – во сне; *in Verzweiflung* – в отчаянии; *im Zweifel* – в сомнении.

в) Предлог *mit* (**D**) указывает на наличие чего-либо, например: *mit Billigung der Regierung* – с одобрения правительства. А предлог *ohne* (**Akk.**), напротив, указывает на отсутствие чего-либо, например: *ohne deine Hilfe kann ich das nicht schaffen.* – Без твоей помощи мне с этим не справиться (этого не сделать).

Литература

1. Салахов Р.А. Использование семантической классификации предлогов при изучении немецкого языка. //Лингвометодические проблемы обучения иностранным языкам в вузе: Материалы научно-методической конференции. - Уфа: РИО БашГУ, 2005. - с. 183-189.
2. Салахов Р.А. Предлоги со значением времени в современном немецком языке. //Межкультурная ↔ Интеркультурная коммуникация: теория и практика обучения: материалы Всероссийской научно-методической конференции. 25-27 января 2012 г., г. Уфа / отв. ред. Н.П.Пешкова. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. - с. 268-273.
3. Deutsches Universalwörterbuch. - Mannheim. Wien. Zürich: Dudenverlag, 1972. - 1504 S.
4. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh. Berlin: Bertelmann Lexikon-Verlag, 1977. - 4323 S.

© Салахов Р.А., 2012

УДК 81'25

Салимова Д.А.
г.Елабуга (Россия)

Сложные аспекты перевода стихов Марины Цветаевой. (Или можно и нужно ли переводить Цветаеву на татарский язык?)

Тысячелетнюю Елабугу по праву называют «литературным островком»: это название Елабуга оправдывает и тем, что здесь регулярно проводятся Международные Цветаевские и Стахеевские чтения, где принимают участие известные специалисты-филологи из многих стран мира.

Прошедшие 20-22 сентября этого года Цветаевские чтения еще раз продемонстрировали то, насколько высок интерес к творчеству этого поэта в самых разных странах мира. Профессор Сарбонны Вероника Лосская, Идзуми Маэда (Япония), знаменитая Ирма Кудрова (Великобритания), Августа Докукина-Бобель (Италия), освещая проблемы перевода Цветаевских строк на тот или иной язык, с вдохновением читали известные стихи поэта в пере-

водах на французский, японский, английский, итальянский, финский, сербский, эстонский и др. языки. Выступление профессора из Казани Резеды Мухаметшиной вызвало горячие споры. Резеда Фанилевна пыталась объяснить, почему до сих пор на татарском языке качественных переводов цветаевских стихов не имеется. Прозвучали разные мнения: а нужно ли вообще переводить Цветаеву на татарский язык. Ибо современные татары, тем более читающие, все неплохо владеют русским языком и Цветаеву читают в оригинале. В этих словах есть доля истины. На татарский язык, мелодичный, для звукорядов которого доминирующим принципом и законом является сингармонизм, на язык с относительно быстрым темпом звучания перевести своеобразный рваный ритм Марины Цветаевой, строки которой, словно оголенный нерв, физически источают боль, страсть, крайне сложно. Стихи Цветаевой – это строки для голоса, дыхания и, следовательно, интонации. В целом доминантами поэтического дискурса следует назвать целый ряд параметров – музыкальность, интонационный ритм, рифма, мини-строфа в объеме звука, слога, слова, словосочетания, фразы и стиха.

Степень поэтической свободы М.Цветаевой определяется как очень высокая, а так называемая «языковая свобода» (или языковая стихия, «неправильности», аномальность как стилиобразующая черта) в текстовом поле поэта иногда становится многофункциональным элементом ее пера, особым средством поэтической выразительности. Как передать на татарский язык языковые нарушения, например, деепричастные формы от глаголов *писать* и *пахать* «пиша», «паша», если в татарском языке абсолютно от любого глагола можно образовать такие формы, все они нормативны? Например, формы множественного числа сингулятивов (имен, употребляющихся только в единственном числе) у Марины Цветаевой, такие, как «суеты», «тщеты», «сиротств»; глагольные формы «хощем», «тщусь». А ненормированные формы компаратива *морее, крутее, вечнее, внешнее, внутреннее, последнее, насущнее, золоче, моее, своейшая* и т.д. аналогично, нестандартными формами, на татарский язык передать невозможно, хотя бы потому, что татарский язык ограниченный ни в использовании форм множественного числа имен, ни образовании компаратива прилагательных и наречий не имеет. А ведь эти «неправильности» приводят к углублению в смысл слова, актуализации всех или нескольких его значений одновременно (созданию семантической ёмкости слова), иногда – противопоставлению одного значения другому. Они оживляют внутреннюю форму слова, участвуют в создании системы концептов М. Цветаевой и ключевых понятий в отдельном тексте.

В этой статье мы не ставили перед собой задачу дать анализ переводных цветаевских текстов, выполненных различными авторами (это непосильная, трудная для одного автора и для одной статьи задача). Тем не менее, попытаемся хотя бы поверхностно описать самые сложные аспекты перевода стихов Марины Цветаевой. Стихи Цветаевой, кроме того что они

несут колоссальную смысловую, эмоционально-экспрессивную нагрузку, в первую очередь звучат, их надо слышать! Звучащая в критике того времени мысль о том, что *Пастернак в стихах видит, а сама Цветаева – слышит*, несомненно, имела концептуальную основу. Поэтому, на наш взгляд, в переводе цветаевских стихов, наряду с задачей поиска путей передачи слово-когнитивной структуры, первостепенной задачей должна являться передача фонетико-ритмической организации текстов. Для языков дистантных типологических структур это задача сложна вдвойне.

Воспроизводить размер, ритмы, строфику и систему рифмовки оригинала весьма непросто. Ибо Цветаевой используются самые различные стихотворные размеры. Это и величавый дактиль (*Руки даны мне... Белое солнце и низкие, низкие тучи*); и плясовой дактиль (*Красной кистью рябина зажглась*); и изящный хорей (*Нежно-нежно, тонко-тонко*); торжественные ямбы (*Из рук моих – нерукотворный град. Мимо ночных башен*); также стихотворения с фольклорной ритмической основой, и акцентный стих и т.д. Так, мелодика, звукопись, ассоциативно-аллитерационные связки гласных и согласных приобретают особую значимость в ритмической организации стиха поэта.

Некоторые критики подчеркивали «громкость» ее поэзии. Марина Цветаева дала четкий ответ: «Когда говоришь о громкости, нужно говорить и о тишости: у меня есть стихи тишайшие, каких нет ни у кого... Меня вести можно только на контрасте, то есть не всеприсутствии: наличности всего. Либо брать – часть. Но не говорить: что эта часть – все. Я – много Поэтов; а как это во мне сплелось – это уже моя тайна» [1, с.79].

«Томная прелесть» нерифмованных иногда строк практически непосредственному переводу не поддается, например, на татарский язык, в котором предлоги как таковые отсутствуют. Вспомним, что во многих стихах Цветаевой очарование добавляет синтаксический прием – повтор предлога и перед прилагательным, и перед существительным, которое им определяется. Внезапный поворот – неожиданный конец, излюбленный прием автора в архитектонике стиха требует от переводчика невероятных усилий в передаче векторов художественного мировосприятия поэта: необычайно широкий спектр настроений и стилей для перевода представляет особую трудность.

Следующая трудность в переводе цветаевских строк – это необычайно сложные и оригинальные словосочетательные возможности пера поэта. Как перевести сочетания типа *азбучный рай, млечный призыв*, являющиеся результатом нового видения и поэтического моделирования действительности? Сочетания слов, такие, как *безносая память, ледяной костер, мертвый ангел, юнцы маститые, нищие пиры, братственная ненависть, болящий бог, бесследные тропы* и другие, построенные на антитезе (оксюмороне), необходимо переводить если не буквально, то с учетом совсем иных конструкций. Отметим, что это сочетания такие, которые представляют результат

сложнейшей и многоходовой вербально-мыслительной деятельности, без вскрытия контекста этих ходов даже непосредственный дискурсивный анализ не помогает. А такие словосочетания, как *каменный закон*, *напрасная струна*, *лазорева ярость*, *начальные глины*, *битвенные небеса* имеют возможность быть переведенными только при наличии дополнительной информации, тем более если речь идет об адресате-читателе совсем другой языковой и культурной ориентации. Идеальным представляется наличие нескольких вариантов одного и того же стиха, возможно, одним и тем же переводчиком или даже разными авторами.

Поподробнее остановимся для примера на одном, известном нам всем, стихотворении: *Красной кистью Рябина зажеглась* .... Этот стих, прозрачный по своему ритмическому строению и легкий, летучий по своей мелодике, пытались перевести на татарский язык несколько авторов. Например, Мансур Сафин переводит следующим образом:

*Миләш кабынган
Ямьләп урамны.
Яфрактар яуган –
Гәм мин туганмын.
Шул таңнан башлап
Ялкын миләшине
Яратып ашыым
Ачы килешли.*

Наш елабужский автор Гульзада Ахтямова (Читай об этом (www.tatar-inform.ru/news/2010/10/05/239694/)) перевела эти куплеты, на наш взгляд, более удачными строками, чем перевод М.Сафина:

*Ялкынлап янган
Кып-кызыл миләш.
Яфрак яуган, мин
Дөнъяга килгәч.
Шуңа хәзер дә
Килә ашыысым
Пешкән миләшинең
Сайлап ачысын.*

Мы бы (С.Д.) предложили третий, следующий вариант перевода на татарский язык:

*Ут-ялкын булып,
Миләш кабынган.
Яфрак коелган –
Жиргә мин туган.
Йөзләрчә чаңнар
Бәхәскә иңде.
Иоанн Богослов*

*Шимбәсе иде.
Шуңа хәзер дә
Кызыл милләшнәң
Ашыйсым килә
Ачы тәлгәшен.*

А вот перевод Г.Ахтямовой одного из самых последних и загадочных стихотворений Цветаевой «Пора снимать янтарь» следует оценить как явно не удавшийся:

*Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...*

Переводчик строку *Пора менять словарь* перевел буквально «*Сузлек алыштырыр чак*»; на наш взгляд, у М.Цветаевой «словарь» использован вовсе не в значении книги-словника (предмет лексикографии). Куплет, точнее, незавершенный стих, написан в феврале 1941 года; до ухода из жизни поэта остаются считанные месяцы. «Словарем» Марина Цветаева называет язык вообще, намекая на то, что скоро придется говорить совсем на другом (ином, чем здесь) языке, на языке другого мира. Нужно подбирать другие слова, другие темы. Это несомненно отражение мотива близкого конца, который так остро чувствовала женщина-поэт.

Ну а теперь попытаемся ответить на поставленный нами же вопрос, отбросив детские объяснения, оправдания, интерпретации (по поводу того, что поэт в одном из своих стихов включает строку «псу-татарину отдам» и что татары не могут воспринять Цветаеву из-за этих строк). Нужно ли переводить Цветаеву на татарский язык? Конечно, нужно и можно.

При этом сразу оговоримся. Марина Цветаева – поэт мирового масштаба и совершенно не нуждается в наших оправданиях за какие-то строки, в том числе не нуждается в попытках объяснить эти слова особенностями русского фольклора (мало ли мы допускаем в нашей речи такие переполненные экспрессией, в том числе и агрессией, фразы, «я тебя убью», «тебе конец», «это катастрофа» и т.д.). Это ПОЭТ из той плеяды авторов в поэзии, про которых говорят: «победителей не судят». А попытаться переводить стихи поэта на татарский язык нужно хотя бы для того, чтобы татарский язык обогатился новым звучанием, новой ритмикой, новым прерывистым громким дыханием, слышным всем. Переводить нужно не для того, чтобы понять Цветаеву-поэта (я глубоко убеждена в том, что действительно татарам нужно читать поэта в оригинале), а для того, чтобы прочувствовать автора по-другому, по-родному, стать к ней ближе, что даст возможность по-иному почувствовать стремление поэта «докричаться до смысла». Это нужно, одним словом, нам, татарам, а не Цветаевой; она известна и так во всем мире, ее имя отчеканено золотом на памятной доске мировой поэзии.

Предложим также результат собственного труда, один из наших вариантов перевода знакового, при этом феноменально сложного, стихотворения на татарский язык.

М. Цветаева. «ТОСКА ПО РОДИНЕ! ДАВНО...» (1934)

*Туган якны сагынулар!
Туган якны сагынулар! Бу –
Сөрсен искергән нәрсә!
Мин-ялгызга барыбер бит,
Кайда гомер сөрсәм дә.
Барыбер ич ялгыз кайтам,
Букча сөйрәп базарлардан.
Үги ташлар таптап өйгә,
Гүя шыксыз казармага.
Миңа барыбер – кайсы чырай
Кайда кырын караса да,
Чөнки барыбер сытылып чыгам
Чит кешеләр арасыннан.
Мин – үземдә, бозсыз калган
Камчат аюлары сыман.
Миңа барыбер – кайда сыймыйм,
Кайда – ялгыз юксынам.
Хәтта туган телем ят бит,
Чит – авазлар яңгыравы.
Миңа барыбер кайсы телдә
Мине ятның аңламавы.
Мин сезнеке түгел барыбер,
Потлап гәҗит укучылар,
Егерменче гасыр агуын –
Гайбәт-яла йотучылар.
Бүрәнә күк катып калган,
Юл читендә аерылып,
Миңа барыбер – барыгыз ят,
Канат калды каерылып.
Элек якын-газиз булган
Бар көнем-жиһаным, күк!
Күңелемнән юкка чыкты
Кул белән сыпырган күк.
Менә шулай туган ягым
Мине саклый алмады.
Күңел-йөрәк бушлығында
Туган бер тап калмады.
Бар сарай-йорт чит-ят миңа.*

*Ник бар дөнъя бушлык икән?
Тик юлымда куак курсам,
Гам ул агәр милаш икән...*

Естественно, эти варианты не претендуют на самую высокую степень совершенства. Возможно, будут и, несомненно, должны быть и другие переводы. Стихотворения Марины Цветаевой, каждый ее текст, заслуживают того, чтобы переводчики могли передать и поэтическое изящество, и красоту звучания, и смысловую наполненность строк автора на самые разные языки мира. Совершенно очевидно, что Цветаева из тех редких мастеров слова, максимально использующих все языковые потенции. Её творчество представляет собой яркий пример реализации такой важной черты искусства нашего столетия, как стремление формы стать содержанием, и является неисчерпаемым источником для изучения потенциальных возможностей слова, его форм. А перевод - это в первую очередь передача смысла, поиск смысловых эквивалентов. При переводе стихов Марины Цветаевой нужно исходить совершенно из другого: искать в переводимом языке такие же неожиданные, оригинальные и выразительные языковые формы, а это возможно только специалисту-филологу, лингвисту, знатоку тончайших сторон языкового знака. Вот поэтому до сих пор настоящих красивых переводов Марины Цветаевой на татарском языке практически нет. И это надо исправить!

Литература

1. Марина Цветаева. Версты/ Перевод на английский язык с предисловием Робина Кембалла. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002.
2. Мансур Сафин «Канатлы күнел» (окрыленное сердце). – Челны, 2008.
3. www.tatar-inform.ru/news/2010/10/05/239694

© Салимова Д.А., 2012

УДК 37.013

Салимова Л.Х.
г.Уфа (Россия)

Становление электронной педагогики

В настоящее время объективный процесс информатизации всех сфер человеческой деятельности привёл к новой общественной формации, называемой информационным обществом. Классическая педагогика, начиная с Я. А. Коменского, хорошо обслуживала индустриальную эпоху, но не смогла полностью отвечать запросам информационного общества, и поэтому потребовалась разработка новой парадигмы, новых подходов к образованию. Стали не востребованными такие парадигмы образования индустриаль-

ного общества, как: образование для общественного производства; учение в молодости, как запас на всю жизнь; педагог передаёт знания и стоит над обучающимся; стабильная структура учебных дисциплин и форм организации учебного процесса с акцентом на аудиторские занятия; книга как основное средство обучения и др. [8, с.15]. Настоятельно потребовалось сформировать новую педагогику, необходимую постиндустриальному обществу.

Потребность в новой педагогике ощущается научно-педагогической общественностью, и на это обращали внимание А.М.Новиков, В.И. Солдаткин, В.П. Тихомиров, В.Д.Шадриков, С.А. Щенников, И.А. Скальский, В.В. Наумов, и др. Большое количество очных и дистанционных конференций, семинаров и школ на российском образовательном пространстве, посвящённых применению информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в образовании, говорит об актуальности и востребованности этого направления в научно-педагогическом сообществе, о необходимости обмена опытом и дискуссий по проблемам.

На сегодня более или менее устоялись отрасли применения общепедагогических знаний, которые делятся на дошкольную педагогику, педагогику школы, производственную, военную, исправительно-трудовую, социальную и коррекционную и др. [1, с.78]. Пожалуй, можно утверждать, что электронная педагогика — это не отдельная новая отрасль, а она присутствует в каждой из указанных отраслей педагогики. Каждая из отраслей переходит в электронную.

В настоящее время объективный процесс информатизации активно проявил себя в сфере образования. Научное направление изучения, описания и прогнозирования процессов в ИКТ-насыщенных средах предлагается назвать электронной педагогикой. Можно сказать, что педагогика как наука эволюционно переродилась в электронную педагогику (э-педагогику), сохраняя причитающиеся научные приличия и преемственность. Объект электронной педагогики остается прежним - образование. Предметом электронной педагогики является педагогическая система в ИКТ-насыщенной информационно-образовательной среде.

Образовательные процессы, как известно, происходят в педагогической системе [2, с.9]. Она состоит из элементов - цель, содержание, обучающие, обучаемые, а также организационно-технологический блок: методы, средства и формы обучения. Функционирование указанных элементов в реальных условиях поддерживается учебно-материальной, финансово-экономической, нормативно-правовой и маркетинговой подсистемами. Все перечисленные элементы находятся во взаимосвязи и образуют информационно-образовательную среду.

Понятийный аппарат педагогики расширился. Появились новые категории: дистанционное обучение (ДО), электронное обучение, интернет-обучение, преподаватель ДО, электронные учебные занятия, персональная

учебная среда (ПУС) — термин, который появился несколько лет назад в западной литературе. Персональную учебную среду определяют как инструменты и услуги, которые представляют отдельные образовательные платформы для использования их в обучении и достижении образовательных целей. ПУС - это результат эволюции веб 2.0 и его влияния на образовательный процесс. Доступ к обучению становится доступом к ресурсам и услугам и позволяет учащимся не только потреблять учебные ресурсы, но и производить их. Обучение, таким образом, эволюционирует от передачи информации и знаний к производству информации и знаний.

В электронной педагогике сохранились педагогические принципы: сознательность, активность, наглядность обучения, систематичность и последовательность, прочность, доступность, связь теории с практикой и др., но и добавились новые: интерактивность, стартовые знания, идентификация, педагогическая целесообразность применения средств ИКТ и др.

Перед тем как сказать о некоторых новых, присущих электронной педагогике теориях, уместно вспомнить теории и концепции классической педагогики, в основе которых лежит понимание сущности процесса обучения [4, с.52].

1. Ассоциативная теория обучения (Дж. Локк и Я. А. Коменский).
2. Кибернетическая концепция обучения (С. И. Архангельский, Е. И. Машбиц).
3. Концепция дидактического прагматизма (Дж. Дьюи, Г. Кершенштейнер).
4. Концепция дидактического формализма (Э. Шмидт, А. А. Немейер, И. Песталоцци, А. Дистервег).
5. Концепция дидактического энциклопедизма (Я. А. Коменский).
6. Концепция функционального материализма (В. Оконь).
7. Парадигмальная концепция обучения (Г. Шейерль).
8. Теория поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина).

Электронная педагогика дополняет указанный список теоретическими подходами, известными, как, например, коннективизм [5], где обучение можно рассматривать как процесс создания сети, узлами которой являются внешние сущности, т.е. люди, организации, библиотеки, сайты, журналы, базы данных, или любой другой источник информации.

Исследуя более прогрессивные теоретические тенденции в экономике, менеджменте и других науках и проецируя их на образование, получаем, что в перспективе становление и развитие вузовской системы управления знаниями и превращение образовательного учреждения в саморазвивающуюся организацию являются перспективными и приведут к появлению новых положительных качеств образования.

Э-педагогика характеризуется новыми видами учебных занятий (ор-

ганизационными формами), проведение которых возможно с развитием сервисов Интернета, в частности, веб 2.0. Например, обычным атрибутом в дистанционном и смешанном обучении стали вебинары — интерактивные аудио-видео онлайн-занятия. Принципиально новые организационные формы обучения на базе интернет-технологий рождаются в МОДК. Термин «Массовый открытый дистанционный курс» (МОДК) ввел Джордж Сименс в 2008 году. МОДК основывается на активном участии студентов, которые сами организуют участие в соответствии с целями обучения, предварительными знаниями и навыками, а также общими интересами [6]. Список других организационных форм, адекватных в разной степени новой парадигме (и, соответственно, электронной педагогике) в количестве 36 наименований и используемых в МИМ ЛИНК, приведен в [7].

Существуют некоторые проблемы электронной педагогики:

1. Становление и развитие теоретической базы, в том числе понятийного аппарата.
2. Виды и методики проведения электронных занятий, в том числе дистанционные лабораторные практикумы.
3. Дидактические свойства инструментов (программных средств и сервисов Интернета).
4. Формы представления учебных материалов для изучения в электронной информационно-образовательной среде.
5. Подготовка студентов и преподавателей для эффективного преподавания и учения при электронном обучении.
6. Валеология электронного обучения и интернет-безопасность.
7. Воспитательные проблемы, которые актуализируются при широком использовании Интернета.
8. Обеспечение качества э-обучения и его оценка.
9. Нормативно-правовое обеспечение э-обучения.
10. Исследование организационных форм обучения, поиска оптимального их сочетания и веса в смешанном и дистанционном вариантах проведения учебного процесса.

Таким образом, объективный процесс информатизации образования стал основой перехода к информационному обществу, а это, в свою очередь, закономерно приводит к необходимости разработки электронной педагогики, которой присущи свои принципы, понятийный аппарат, новые теории, новые виды учебных занятий.

Литература

1. Краевский В.В. Общие основы педагогики — М.: ИЦ «Академия», 2003.
2. George Siemens. Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age. December 12, 2004, Эл.ресурсы
3. Ken Masters, A Brief Guide. To Understanding MOOCs. The Internet Journal of Medical Education. 2011 Volume 1 Number 2, Эл.ресурсы.

4. Андреев А.А. Педагогика высшей школы. Новый курс. — М.:ММИЭИФП, 2003.
5. Андреев А.А., Солдаткин В.И. Прикладная философия открытого образования: педагогический аспект. — М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ им. М.А.Шолохова, 2002.
6. Бордовская Н.В. , Реан А.А. Педагогика. Учебник для вузов — СПб: Издательство «Питер», 2000.
7. Новиков А.М. Постиндустриальное образование - М.: «Эгвес», 2008.-136 с.
8. Щенников С.А. Дидактика современного образования. // Высшее образование в России. №12, 2010. С.83-91.

© Салимова Л.Х., 2012

УДК 81'42

Седова Н.А.
г. Омск (Россия)

Репрезентация отношений «часть–целое» в рекламном дискурсе

Отношения по типу «часть–целое» являются одним из видов многообразных отношений, в которых находятся друг с другом все предметы реального мира. Они считаются универсальными, так как характеризуют и пронизывают все формы бытия, в том числе и отражённые в рекламном дискурсе. Под дискурсом будем понимать совокупность (письменных и устных) текстов, которые производят люди в разнообразных ежедневных практиках [1, с.9], в нашем случае – в рекламе. Создание рекламных текстов имеет своей целью распространение информации о каком-либо объекте путём актуализации его преимуществ и побуждения потребителя сделать выбор в пользу данного объекта.

Особенность отношений «часть–целое» заключается в том, что они имеют двуединую сущность, поскольку онтологические категории часть и целое определяются посредством друг друга: «часть – это элемент некоторого целого; целое – то, что состоит из частей». Части и целое не существуют друг без друга [2, с.343]. Объектом нашего исследования являются тексты рекламного дискурса, репрезентирующие отношения «часть–целое».

По нашим наблюдениям, рекламные тексты объективируют три структурных компонента отношений «часть–целое»: 1) 'представления о целом'; 2) 'представления о части'; 3) 'представления о части и целом'. Последовательно рассмотрим способы их репрезентации в рекламных текстах.

Основным способом репрезентации отношений «часть–целое» является вербализация. Базовыми вербализаторами структурного компонента

‘представления о целом’ будем считать местоимение *весь* и его грамматические формы *всё, вся, все*. Основанием данного заявления является наличие синонимических отношений между лексемами *целый* и *весь*, отмеченных словарём синонимов [3, с.546]. Так как язык концептуализирует не только предметный мир, но и пространственные и временные отношения, к базовым вербализаторам структурного компонента **‘представления о целом’** отнесём наречия *всегда* и *везде*. Анализ толковых словарей позволяет сделать вывод о компонентной структуре базовых вербализаторов: *весь* – «1. Определяет что-либо как *нераздельное, взятое в полном объёме; целый, полный*; указывает на исчерпывающий охват отдельных однородных предметов, лиц, явлений: *без изъятия, каждый в совокупности с другими*; употребляется для обозначения полной меры, означает: *полностью*, не меньше. 2. Употребляется в значении: *целиком, полностью*, совершенно. <...> 4. То, что есть, *целиком, без исключения; в полном составе, без исключения*»; *всегда* – «*во всякое время, постоянно, обычно*»; *везде* – «*во всех местах; всюду, повсюду*» [4]. Например: *Вседорожная мужская обувь* («Ralf Ringer»); *Сбербанк. Всегда рядом* («Сбербанк России»); *Обладающий выразительным стилем и всеобъемлющим комфортом Tiggo всегда и везде вызывает внимание*. <...> (реклама автомобилей марки «Chegu»); *Лечение гриппа и простуды в полном объёме! Эргоферон* (лекарственное средство «Эргоферон»).

Рекламные тексты содержат ряд других репрезентантов компонента **‘представления о целом’**, значение которых отмечено опосредованным присутствием семантического признака ‘целое’:

1) лексические вербализаторы, в значении которых семантический признак ‘целое’ присутствует имплицитно и указание на него осуществляется путём отсылки к лексемам, характеризующимся большей или меньшей степенью актуализации семы ‘целое’, например: *Горячее питание. Круглосуточно* (вывеска на павильоне «Горячее питание»), ср: круглосуточный – «функционирующий *круглые* сутки»; *Коллекция лучшего* (агентство недвижимости «GUILD Group»), ср: коллекция – «систематизированное *собрание* однородных предметов»;

2) фразеологические вербализаторы, являющиеся устойчивыми выражениями, в значении которых присутствует семантический признак ‘целое’, например: *Ремонт ванных комнат под ключ* (объявление в газете рекламных объявлений «Курс»), ср: под ключ – «*в законченном, готовом* для использования виде (о зданиях)» [5];

3) грамматические вербализаторы, представляющие собой совокупность грамматических конструкций, в том числе предложно-падежных сочетаний, объективирующих представление о целом, например: *Строительный Дом «От и До»* (надпись на рекламном щите); *Азбука Жилья. Недвижимость от А до Я!* (агентство недвижимости «Азбука Жилья»).

При анализе способов репрезентации структурного компонента **‘пред-**

ставления о части’ мы сталкиваемся с неким противоречием. Гипотетически ядерная зона поля репрезентантов структурного компонента *‘представления о части’* должна быть заполнена лексемой *часть*, которая может рассматриваться как инвариантная, так как даёт представление о части в наиболее обобщённом, простом и объективном виде. Однако в рекламных текстах, содержащих образ части, она не используется. По всей видимости, образ части противоречит общей информационно-эмоциональной концепции рекламной модели мира, суть которой заключается в том, что рекламное пространство является носителем положительной эмоционально-оценочной информации. Представление о части, которая является всего лишь долей целого по сравнению со всем целым, препятствует актуализации положительных впечатлений адресата.

Периферийные зоны поля репрезентантов структурного компонента *‘представления о части’* заполняют языковые элементы, опосредованно содержащие семантический признак *‘часть’* и имеющие следующие виды:

1) лексические вербализаторы, характеризующиеся разной степенью присутствия семантического признака *‘часть’*, они являются синонимами инвариантной лексемы или отстоят от неё на расстоянии одного или более шагов в родо-видовой цепочке: *территория, месяц, дни* и др., например: *Территория низких цен* (сеть магазинов бытовой техники и электроники «Эльдорадо»), ср: *территория* – «земельное пространство в определённых границах»; *Важна каждая деталь* (чехлы и аксессуары для мобильных телефонов «InterStep»), ср: *деталь* – «2. часть изделия (обычно механизма, машины, прибора и т. п.)»; *Ералаш. Здоровая порция юмора* (творожные сырки «Ералаш»), ср: *порция* – «определённая доля, количество чего-либо (преимущественно пищи)»;

2) грамматические вербализаторы в виде предложно-падежных сочетаний, имеющих ограничительно-выделительное значение, что позволяет акцентировать внимание на части: *Только 3 дня на спортивную обувь цены снижены на 50%* (магазин спортивных товаров «ОНИКспорт»); *С 1 по 15 августа дни чудовищных скидок в Castorama* (гипермаркет товаров для дома и ремонта «Castorama»).

Основным способом репрезентации структурного компонента *‘представления о части и целом’* являются грамматические вербализаторы, поскольку объективировать представление одновременно и о части, и о целом можно только с помощью синтаксической конструкции. Лексические вербализаторы представления о части и целом, хотя и не имеют самостоятельного употребления, всё же являются главным «строительным материалом» данных грамматических конструкций. Представления о части в составе целого вербализируются как типичными для отношения «часть–целое» лексемами, в значении которых содержится семантический признак *‘часть’* (*деталь, доля, капля, кусочек, место, половина, сторона, треть, частица, элемент* и

т. п.), так и совершенно нетипичными лексемами, в значении которых семантический признак ‘часть’ актуализируется лишь в конкретном высказывании (*бифидокультуры, какао, лето, молоко, мясо, орехи, перхоть* и т. п.). В качестве наименований целого может выступать практически любая лексема, её выбор обусловлен тематикой и референтной областью рекламного текста (*город, дом, жизнь, история, «Киндер» шоколад, красота, питание, батончик «Сникерс», я* и т. п.). Например: *Snickers. Суперпитательный батончик. Полон орехов, съел – и порядок!* (шоколадный батончик «Snickers (Сникерс)»); *Яркая сторона твоей жизни* (сотовый аппарат «Siemens C60»).

Таким образом, анализ рекламных текстов, репрезентирующих отношение «часть–целое», позволяет сделать следующие выводы.

Структура отношений «часть–целое», отображённая рекламными текстами, не совпадает со структурой данных отношений в онтологии: в рекламных текстах актуализируется дискретность данных категорий, и двухкомпонентная структура заменяется трёхкомпонентной (представления о части, представления о целом, представления о части и целом). Это обусловлено генеральной прагматической стратегией рекламной коммуникации – выделить рекламируемый продукт из ряда подобных, поэтому акцент может быть сделан как на целостной сущности продукта, так и, наоборот, на уникальной его части без отсылки к целому.

Основным способом репрезентации отношений «часть–целое» является вербализация. Природа вербализаторов зависит от репрезентируемого структурного компонента: для объективации структурных компонентов ‘представления о целом’, ‘представления о части’ используются лексико-фразеологические и грамматические вербализаторы, для объективации структурного компонента ‘представления о части и целом’ – только грамматические. При репрезентации этих же структурных компонентов качественно-количественный состав вербализаторов предсказуем и исчислим. Как правило, в этом качестве используются лексемы или грамматические конструкции, в значении которых уже содержится семантический признак ‘целое’ или ‘часть’. При репрезентации структурного компонента ‘представления о части и целом’ качественно-количественный состав вербализаторов непредсказуем и неисчислим. При условии присутствия и образа целого, и образа части в рекламной модели мира любой предмет, соотносящийся с любой референтной областью, может быть рассмотрен как целое, состоящее из самых разнообразных и неожиданных частей.

Литература

1. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
2. Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. / Под. ред. В.С. Стёпина. – Т. 4. – М.: Мысль, 2001. – 605 с.

3. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник / З. Е. Александрова. – М.: Рус. яз., 2001. – 568 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка [Эл. ресурс]– URL:http://slovarionline.ru/frazeologicheskiy_slovar_russkogo_literaturnogo_yazyika/12/?&page=2&word

© Седова Н.А., 2012

УДК 81'371

Сеничева О.А.
г. Бердянск (Украина)

Особенности номинации эмоций во фразеологических единицах

Проблемы эмотивной семантики занимают важное место в современных лингвистических исследованиях, их решение имеет практическое значение для лексикографии, прагматики, перевода. Взаимосвязь языка, культуры и мышления, народное мировоззрение и восприятие больше всего и в экспрессивной форме проявляются во фразеологических единицах, которые отображают языковые картины мира в образах первичной и вторичной номинации.

По мнению В.И. Шаховского, лингвистика эмоций является многоаспектным явлением, включающим в себя, в частности, аспект языковых средств и способов выражения эмоциональности, социальный контекст и контекстуальные закономерности языковых реализаций эмоций. Лингвopsихологические исследования семантического поля эмоций в разных языках позволяют сопоставить словообразование, этимологию и внутреннюю форму слова с семантикой и прагматикой (В.З. Демьянков, Л.В. Воронин, А.И. Сергеев, Д.В. Сергеева). Проблема закономерностей семантической мотивации названий эмоций, дистрибуции этих названий в речи, художественной литературе рассматривалась Ю.Д. Апресяном. Метафорические образы, ассоциации с другими явлениями природы, зафиксированные в языке с помощью бинарных оппозиций, служат источником предикатов для названий эмоций и чувств (П.О. Селигей). В рамках когнитивной лингвистики эмоции рассматриваются фреймы (А.Б. Феоктисова), модели с концептуальным содержанием и структурой (Дж. Лакофф) связываются с символическими образами (Н.Д. Арутюнова). В художественных текстах оценочные эмоции и эмотивные реакции могут делиться на базовые субфреймы эмоционально-оценочных состояний. О.Ю. Лозовая определяет лингвокогнитивные механизмы репрезентации эмоций в конкретных контекстуальных моделях. Определенные семантические особенности прослеживаются во фразеологиче-

ских единицах с компонентом «название эмоций», однако номинация эмоций может быть вторичной, репрезентированной опосредованно.

Целью нашего исследования является выявление содержания оценочного компонента, семантических особенностей названий эмоций в структуре фразеологических единиц, с использованием метода семантических параллелей для сравнения примеров номинаций эмоций во фразеологических единицах (далее – ФЕ) в русском и украинском языках. Материалом исследования послужили устойчивые словосочетания, идиоматические высказывания, пословицы и поговорки.

Значение ФЕ является качественно более сложной категорией, чем значение слова. ФЕ не столько называет предмет или означает его, сколько дает ему оценку. Соответственно, семантический объем слов и фразеологизмов, которые с ним соотносятся, совпадает не полностью. Как известно, фразеологическое значение, как и лексическое, является многокомпонентной структурой, единство составляющих которой обуславливается их взаимосвязью и взаимозависимостью. Например, в высказываниях – русск. *ни за что, ни за какие деньги, ни за какие коврижки*, укр. *ні за що в світі* [3] больший объем содержания, т.е. эврисемичность фразеологического значения является результатом реализации мотивационно-образного компонента семантической структуры ФЕ. Внешняя структура образа эксплицирована сочетанием слов, которые в этом контексте фиксируют соединение символов абстрактно-духовного и материально-прагматического.

Лингвистические исследования эмотивной лексики осложняются отсутствием единой теории эмоций.

Поскольку восприятие мира является когнитивным процессом, эмоции обусловлены взаимодействием физиологических, психических аспектов эмоций, определенных когнитивными интерпретациями (Л.В. Златоустова) [1, с.16]. Определение двух типов эмотивной лексики учитывает разную функциональную природу: лексика эмоций ориентирована на объективацию эмоций в языке (номинативная функция), эмоциональная лексика противопоставлена для выражения эмоций и эмоциональной оценки (экспрессивная и прагматическая функции). Лексика эмоций включает слова, предметно-логическое значение которых отображает понятие об эмоциях. Эмоциональная лексика состоит из эмоционально окрашенных слов. По классификации Ю.Ф. Прадеда, тематическое поле ФЕ «Эмоциональные процессы человека» включают 13 тематических групп: 1. Отвращение, гадливость, 2. Удовольствие, радость, 3. Гнев, ярость, 4. Увлечение, восхищение, 5. Любовь, страсть, 6. Страдание, мука, 7. Волнение, тревога, 8. Удивление, изумление, 9. Пренебрежение, 10. Замешательство, смущение, стыд, 11. Ужас, 12. Печаль, грусть, 13. Отчание, безысходность [2, с.97].

Во многих концепциях (философских, психологических, лингвистических) оценочный компонент является основанием для разделения пред-

катов эмоционального состояния на две группы – положительного и отрицательного содержания. По этому принципу эмотивные компоненты указанных выше тематических групп разделяются таким соотношением: 3 – положительных, 9 – отрицательных, 1 – контекстуально зависимый концепт (удивление).

Большая часть ФЕ, которые входят в семантическое поле отдельного эмоционального концепта, сохраняют положительные или отрицательные характеристики, как правило, эксплицированные, и даже усиленные другими компонентами. Рассмотрим пример **положительных концептов**: русск. *любить горячо / страстно*, укр. *палко кохати* [3]. Первичный смысл ключевого компонента сохраняется полностью, большей экспрессивности высказыванию дает интенсификатор – название другой эмоции в функции определения (*страстно*) или вторичное название, которое характеризует эмоциональное состояние в метафорическо-образной или метонимической форме (*горячо, палко*). Во фразеологических единицах **отрицательных эмоциональных концептов** с компонентом-определением наблюдается названная тенденция использования лексических единиц, как правило, в метафорическом значении: русск. *глубокое / большое горе, печаль*, укр. *глибокий / невимовний / великий смуток, горе, скорбота* [3]. Глагольные метафоры характеризуются зависимостью степени экспрессивности от эмоционального «заряда» основного компонента – ФЕ тематической группы «гнев, ярость», например: русск. *взорваться от гнева, кипеть от ярости*, укр. *спалахнути від гніву, розлютитися* реализуют больший экспрессивный потенциал, чем фразеологизмы, которые представляют группу «замешательство, смущение, стыд»: русск. *привести кого-л. в замешательство, предать позору* [3].

Некоторые лексические единицы употребляются с названиями как положительных, так и отрицательных эмоций: русск. *огромное / большое наслаждение / горе / восторг / сожаление*, укр. *глибокий смуток / жаль / захоплення* [3].

Во ФЕ эмотивного концепта, представленного группой «удивление, изумление», положительные или отрицательные коннотации в основном зависят от контекста, поэтому эта группа не имеет четко определенной оценочной характеристики. Ср.: русск. *выразить удивление / изумление*, укр. *виражати подив*, русск. *неудивительно*, укр. *не дивно*. Такие высказывания часто служат интродуктивными компонентами для создания разных эмоционально-оценочных коннотаций на текстовом уровне. Большей степенью экспрессивности характеризуются такие, потенциально приближенные к группе отрицательных эмоций, фразеологизмы: русск. *раскрыть рот в изумлении*, укр. *розкрити / роззявити рота від здивування / подиву*, русск. *крайнее изумление, сильное удивление*, укр. *превеликий подив*, русск. *уствовать в изумлении*, укр. *випріщити очі від здивування / подиву*, русск. *захватить кого-л. врасплох*, укр. *захопити зненацька, здивувати*, русск. *нане-*

сти неожиданный визит, укр. нанести несподіваний візит, русск. внезапное, неожиданное наступление, укр. несподівана атака [3].

Более сложным семантическим феноменом выступает определение отрицательных качеств в контексте номинации положительных эмоций, сравнивая с противоположным концептом: русск. *Любовь слепа; Любовь ни зги не видит; Любовь зла, полюбишь и козла*. Положительные качества также могут определяться в контексте номинации отрицательных эмоций: русск. *С отчаяния и трус может расхрабриться* [3].

В контексте пословицы отрицательный эмотивный концепт может функционировать как необходимый компонент для создания общей положительной коннотации в семантических бинарных оппозициях, которые акцентируют приоритет положительного символа в антитезе: русск. *Лучше страдать за правду, чем процветать во лжи* [3].

Таким образом, в большинстве устойчивых словосочетаний, идиоматических высказываний сохраняются пейоративные и мелиоративные признаки, характерные для конкретного эмотивного концепта – первичное содержание ключевого компонента эксплицируется полностью, большей экспрессивности высказыванию придает интенсификатор. Определение в таких высказываниях часто выражается во вторичных, метафорических смыслах. Степень экспрессивности в глагольных метафорах в большей мере зависит от эмоциональной нагрузки основного компонента. Фразеологические единицы эмотивного концепта, представленного группой «удивление, изумление», не имеют четко определенной оценочной характеристики, поскольку контекст влияет на формирование и интенсивность выявления положительной и отрицательной оценки эмоционального состояния. Номинация эмоций в пословицах, поговорках является компонентом сложного семантического единства с четко выраженной экспрессивно-оценочной коннотацией.

Литература

1. Златоустова Л. В. Когнитивная природа эмоций и их типология [Электр. ресурс]. – Режим доступа: http://www.ksu.ru/science/news/lingv_97/n74.htm.
2. Прадід Ю. Д. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / відп. ред. О. О. Тараненко. – К., 1997. – 252 с.
3. Російсько-український словник / укл. Д. І. Ганич, І. С. Олійник. – К., 1980. – 1012 с.

© Сеничева О.А., 2012

УДК 81'373

Сенько Е.В.

г. Владикавказ (Россия)

**Когнитивно-функциональный аспект лексической конденсации
в современном русском языке**

На каждом этапе исторического развития коммуникативное сознание носителей языка отдает предпочтение тем или иным единицам языкового инвентаря. В арсенале коммуникативных средств русского языка начала XXI века особое положение занимают сложные слова [1, с.258; 4, с.379], являющиеся проявлением более общего процесса – лексической конденсации, выступающей как закономерное следствие универсальных принципов экономичности и избыточности.

В настоящей статье речь идет о сложных словах субстантивно-субстантивного характера, которые, как и основосложение, представляют собой реализацию лексической конденсации, но не по модели композиции, а по модели юкстапозиции (лат. *yuxtapositio* – положение рядом).

Цель статьи – показать характер функционирования субстантивно-субстантивных сложений в русской языковой системе и последствия их активизации в коммуникативно-ментальном и структурном аспектах.

Указанные разновидности лексических единиц функционируют в речи в виде наполнения конкретным материалом двух структурных схем:

- юкстапозиция с синтаксически координирующимися компонентами,
- юкстапозиция с подчинительными отношениями компонентов [2, с.38].

Особенность первой модели состоит в том, что исходная синтаксическая структура – сочетание слов – объединяется сочинительным союзом «и – и»: *булочная-кафе, водитель-продавец, магазин-пекарня, концерт-вернисаж, книжка-игрушка* и т.п.; при этом второй из координирующихся компонентов указывает на функциональное назначение обозначаемого предмета или на его видовой признак: *очерк-эссе, роман-репортаж, спутник-шпион, сумка-переноска, фильм-мюзикл, холл-десерт*. Значение производного слова включает в себя семантический признак «в виде»: *книжка-раскладушка, кресло-вертушка, дом-термос, дом-флейта, комната-сейф* и т.д.

Вторая модель – юкстапозиция с подчинительной связью компонентов – может иметь структуру:

а) подчинительный атрибутивный компонент + опорный компонент: *Горбачев-фонд, робот-няня, робот-сварщик;*

б) опорный компонент + подчинительный атрибутивный компонент: *пластинка-миньон, предприятие-партнер, страна-организатор, страна-координатор.*

В субстантивно-субстантивных образованиях, точнее в их семантической структуре, устанавливается связь между предметами и их признаками, состояниями, действиями. В соответствии с этим денотативные отношения, отразившиеся в номинативном аспекте семантической структуры, перерастают в своего рода «субъектно-предикатные».

Нетрудно заметить, что субстантивно-субстантивные новообразования часто включают в свой состав иноязычные элементы, однако в отличие

от композит, где активную роль играют греко-латинские морфемы, в данных структурах используются, как правило, английские значимые элементы: *бизнес-виза, бизнес-курсы, бизнес-агент, стресс-клиника, ток-шоу* и т.п.

Значительную активность проявляют, в частности, такие английские слова, как *бизнес, кантри, шоу, рок*, что обусловлено распространением терминологии современной западной экономики и массовой культуры.

В качестве собственно языковых факторов функционирования рассматриваемых языковых единиц можно назвать следующие:

многие слова с указанными компонентами обозначают понятия, существовавшие до появления инноваций, но передававшиеся ранее с помощью описательных оборотов;

слова с иноязычными компонентами входят в своем большинстве в интернациональный фонд, в связи с чем легко адаптируются в русской лексической системе;

немаловажную роль в распространении сложных слов подобного типа играет такой фактор, как отсутствие в русском языке прилагательных, образованных от аналогичных компонентам слов;

наконец, указанные иноязычные элементы обладают свободной сочетаемостью, в результате чего соединяются с неограниченным рядом лексических единиц.

См. например: *бизнес-виза, бизнес-мероприятие, бизнес-клуб, бизнес-счет, бизнес-школа, бизнес-центр, бизнес-план, бизнес-бумага, бизнес-идея, бизнес-эмиграция;*

кантри-бал, кантри-баллада, кантри-блюз, кантри-музыка, кантри-рок, кантри-стиль, кантри-шоу, кантри-фестиваль;

рок-альбом, рок-аристократия, рок-артист, рок-балет, рок-бард, рок-гитара, рок-движение, рок-журнал, рок-звезда, рок-искусство, рок-композиция, рок-культура, рок-миюзикл, рок-опера, рок-песня, рок-поэзия, рок-стиль, рок-фестиваль, рок-фильм, рок-энциклопедия, рок-эстетика, рок-язык.

Таким образом, возникновение сложных слов на базе иноязычных значимых компонентов является одной из активных тенденций современного языкового развития; ср. также *арт-терапия* «лечение психических расстройств в процессе приобщения пациента к изобразительному искусству», *стресс-терапия* «лечение психических расстройств путем создания стрессовых ситуаций у больного», *пет-терапия* «лечение с помощью домашних животных» (англ. pet - животное), *цигун-терапия* «лечение с помощью энергии ци, излучаемой ладонями рук».

Сливаясь в одно целое, компоненты субстантивно-субстантивных сложных слов обозначают понятие, являющееся своего рода синтезом, но в то же время отличное от каждой номинации в отдельности. В связи с тем, что в настоящее время тенденция к стиранию границ между различными

областями жизни особенно интенсивна, в языке число слов субстантивно – субстантивного типа возрастает, однако лингвистическая природа таких новообразований до сих пор не получила однотипного толкования, что объясняется структурно-семантическим своеобразием анализируемых лексических единиц: отсутствие цельнооформленности при наличии семантического единства. Следует признать правомерной точку зрения, согласно которой структурные комплексы типа *бизнес-план*, *фильм-вернисаж* рассматриваются как разновидность сложных слов, так как в отличие от словосочетаний для них характерно наличие одного основного ударения, воспроизводимость, подтверждаемая неоднократными регистрациями, закрепленный характер местоположения компонентов, целостность значения, функция принятого наименования, сама по себе свидетельствующая о воспроизводимости. Существование подобного типа сложных слов свидетельствует о том, что вытекающий из концепции А.И. Смирницкого вывод, будто бы во всех случаях оформление второго компонента является оформлением слова в целом, по отношению к русскому языку является, по меньшей мере, неточным.

В связи с рассмотрением сложных слов типа *фильм-эссе*, *рок-балет*, *слайд-театр* представляется важным разграничивать самостоятельное слово и аналогичный ему иноязычный компонент сложных слов; различие указанного типа обусловлено не только спецификой их функционирования в языке, но и семантикой: если, скажем, слово *рок* обозначает определенный стиль создания и исполнения музыкальных произведений, то компонент *рок*-имеет значение «относящийся к данному стилю музыки» [3, с.87]. Вместе с тем вряд ли целесообразно включать в словники толковых словарей составляющие части *диско-*, *рок-* и т.п. Конечно, при таком подходе активно действующая в языке словообразовательная модель найдет отражение в заголовочной части словарной статьи и будет учтена специфика образования данных слов, но при этом целостность лексикографируемого объекта, коим для толковых словарей является слово, а не части слов, будет нарушена.

Словосложение как один из способов образования новых наименований принадлежит к древним способам образования новых слов, который существовал еще в праславянском языке. Расширение данного структурного типа наименований в современном русском языке активизировалось прежде всего под влиянием западноевропейских языков; набор русских сложных слов пополняется как за счет прямых заимствований, так и за счет калек и полукалек. Субстантивно-субстантивные новообразования с иноязычными элементами, столь многочисленные в современной русской языковой системе, свидетельствуют об активности процесса интернационализации словарного состава, что находит отражение не только в области терминологии. С точки зрения межъязыковой коммуникации указанное явление можно считать вполне положительным. Однако в когнитивном плане это явление оце-

нивается несколько иначе. По мнению В.В. Колесова, стремление к удвоениям вообще присуще русской ментальности: «удвоение форм для выражения раздвоенного смысла»; см., например: *любовь да ласка, радость и веселье, правда- истина* [1, с.256]. По мнению ученого, такими формулами наша ментальность выражает идеальность сущности и материальность явления, соединенных в общем термине, который в действительности играет роль символа на фоне понятия; такое соединение идеи и вещи представляет собой семантическую целостность, отраженную в «метонимическом усилении мысли». Современная же мысль создает словесные объединения, которые лишь внешне соединяют идеи и вещи, – рекламный миф, призванный заменить реальность вещного мира» [1, с.256].

Субстантивно-субстантивные новообразования ведут к изменениям и в типологических характеристиках русского языка как языка синтетического и флективного. Процесс активизации словообразовательных структур рассматриваемого вида ведет к утрате способности эксплицитно выражать морфолого-синтаксические отношения между компонентами сложного слова, что можно считать в определенном смысле слова проявлением ослабления флективности языка.

Таким образом, изменения в общественной жизни активизируют языковую динамику, в частности деривационные процессы, отражающие работу словообразовательного механизма языка в современных условиях. Вместе с тем словообразовательные инновации связаны прямой и обратной связью не только с чисто социальными факторами: характерные для настоящего времени новообразования свидетельствуют о существенных сдвигах в общественном сознании носителей языка и о некоторых типологических изменениях в системе самого языка.

Литература

1. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» – СПб.: «Златоуст», 1999.
2. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава (на материале лексических новаций русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Киев. гос. ун-т. – Киев, 1992.
3. Плотыцын В.Н. Словообразование на базе иноязычных по происхождению компонентов сложных слов в современном русском языке // Новые слова и словари новых слов: Сб. ст. – Л., 1990. – С. 86 – 89.
4. Рудинцова Б. Некоторые продуктивные типы сложных имен существительных в современном русском языке // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ, – Нижний Новгород, 2007. – С. 377 – 380.

© Сенько Е.В., 2012

Образная составляющая языковых единиц и проблемы межкультурной коммуникации

Языковое сознание представляет собой вербализованную форму существования *когнитивного сознания* людей, говорящих на одном языке. Если когнитивное сознание включает в свой состав, как правило, результаты мышления, то языковое, кроме мышления, содержит в себе и другие формы отражения окружающего мира — образные, эмоциональные, эстетические и т.п. В нем происходит трансформация элементов когнитивного сознания в языковые пресуппозиции, которые, подвергшись речемыслительным и модально-оценочным преобразованиям, перерастают в культурно-прагматические компоненты языковой семантики [1]. В результате этих процессов формируются специфические для каждой национальной культуры артефакты, в том числе и языковые образы. Образы сознания, получившие языковую объективацию, относятся уже к области языкового сознания, которое по своей природе в значительной степени этнокультурно. Именно поэтому они, с одной стороны, позволяют проникнуть в этнокультурное сознание — культурно обусловленный образ мира, соотношенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии, а с другой — затрудняют восприятие этнокультурных смыслов инофонами. Этнокультурное сознание включает в себя не только осознанное, структурированное и вербализованное знание, но и неосознанное, т.е. целый «ансамбль когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их варьирование от одной культуры к другой» [6, с.90]. Селекция наиболее значимых для того или иного этноязыкового сознания признаков познаваемой действительности и их последующая интегральная смысловая аранжировка могут быть отнесены к основополагающим *кодам культуры*, управляющим ее языком и ее схемами восприятия [3, с.67].

Образ, как мы уже писали, также является категорией сознания. Будучи включенным в речемыслительный процесс, он превращается в языковой образ — категорию языкового сознания, в контексте которого он вступает в новые ассоциативные отношения. Ассоциативные связи языкового образа с другими элементами сознания позволяют ему высвечивать не один «кадр», а их синкретическую совокупность, то есть некоторую обобщенно-целостную картину мира. Образ часто связан со знанием, которое существует (часто в виде свернутых концептуальных структур) как его часть [2, с.73-74]. Так, например, фразеологизмы, пословицы и поговорки чаще всего употребля-

ются в конкретной ситуации, но не обозначают её отдельных элементов, а ставят референтную ситуацию в связь с какой-либо закономерностью, которую они выражают. Например, знание о том, что человек при заключении сделки сначала должен убедиться в том, что от него ничего не утаивают, отражается в паремии *Кота в мешке не покупают*, которая имеет чешский аналог 'Не покупают зайца в мешке'. Замена *кота* на *зайца* роли не играет, поскольку в процессе концептуализации в «область-мишень» переносятся не сами элементы ситуации, а отношения между ними. Но если отражается ситуация из прецедентного текста, то возможна утрата некоторых деталей ситуации, ср. русск. *А Васька слушает да ест* и словацкий аналог 'Речи ведутся, а хлеб съедается'. В словацком языке вследствие незнания прецедентного текста и разрушения образа утрачивается основной смысл 'продолжать делать именно то, за что ругают', в то время как, например, в украинском и белорусском языках сохраняется образ и, следовательно, передается весь смысл поговорки.

Известную трудность для инофонов представляет также интерпретация образов, лежащих в основе первых мифологических представлений того или иного народа. Так, культурно значимым архетипом, сыгравшим важную роль в формировании и развитии многих концептов, является оппозиция света и тьмы. Для славянской культуры данные составляющие архетипа приобрели особое значение в связи с особенностями религиозного сознания народов. Свет был связан с духовными исканиями, поисками Бога, Его образом [9], он представлял для славян абсолютную ценность и был носителем абсолютной красоты [4, с.261]. Именно поэтому в славянских культурах в оппозиции «белый» - «черный» с «белым» связывается все доброе, светлое, счастливое, сакральное, а с «черным» – все негативное, злое, жестокое, несчастливое. Однако в языковом сознании тюркоязычных народов концепт «черный» наряду с отрицательными коннотациями имеет и положительные коннотации. Ряд устойчивых оборотов, содержащих лексику *кара*, актуализировали разные характеристики определяемого объекта, явления или качества: «могучий», «могущественный», «священный», «обильный». Она служила для передачи символа мощи, многовекового существования, архаичности объекта или явления и даже символизировала север. Не случайно Л.О. Чернейко пишет о том, что «идеальная действительность (сознание и подсознание как одна из его сфер) состоит, как и материальная, из своих предметов и складывающихся между ними причудливых отношений, за которыми интеллект внимательно наблюдает, стараясь понять, но чаще вынужден просто принять» [7, с.79].

Подведем некоторые итоги. Механизм образности имеет внешние (по отношению к человеку) и внутренние предпосылки. Внешней предпосылкой образного переосмысления мира является биологическая и социальная ритуализованность действий социума, а внутренней – когнитивные способы

передачи опыта одного поколения другому (фреймы, скрипты жизненных сценариев), а также психологический закон апперцепции, действующий при восприятии, и ассоциативный характер мышления [8, с.24]. Языковым коррелятом ассоциаций, как уже было сказано выше, являются факультативные и потенциальные семы. Таким образом, знаковая природа языка является третьим фактором, детерминирующим языковой образ. В силу этого для правильного осмысления образных языковых средств необходимы как собственно лингвистические, так и этнокультурные знания.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002.
2. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. – С. 71-93.
3. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М: Гнозис, 2005.— 352 с.
4. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография. – М.: Гнозис, 2005. — 472с.
5. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: МГУ, 1997. — 320с.
6. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве и культура его времени. – Л.: Художественная литература, 1985.
7. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997.
8. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса. – Волгоград: Перемена, 2003.
9. Яковлева Е.С. О языковой картине мира в аспекте ее динамики // Слово в тексте и словаре. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 281-288.

© Сергеева Е.Н., 2012

УДК 800.879

Сергеева Л.А.
г.Уфа (Россия)

Речевое взаимодействие персонажей в художественном дискурсе (на материале рассказов А.П. Чехова)

Художественный текст – это обращение автора к читателю, которое должно быть воспринято и истолковано, вследствие чего читатель, по выражению М.М. Бахтина, является его «вторым автором». Любой текст отмечен смысловой неоднозначностью и допускает различные интерпретации. В свя-

зи с этим смысл текста предстает как сложное многомерное образование. В различных научных парадигмах (герменевтических, интерпретативных, семиотических и др.) роль автора и читателя в его формировании представлена неодинаково. Однако, как правило, в них (за исключением крайне субъективистских концепций) признается ограниченность свободы интерпретации текста его реципиентом. В качестве ограничительных факторов называют наличие общих социокультурных интерессубъективных интерпретативных стратегий (С.Фиш, французская школа дискурс-анализа и др.), этнокультурных интеллигибельных матриц (П.Рикер), а также обусловленность интерпретации рамками, задаваемыми самим автором художественного текста. При этом признается также, что необходимым условием нахождения в нужных границах интерпретации является понимание буквального прочтения текста. Это не случайно, поскольку любой языковой элемент текста реализует авторскую интенцию. Кроме того, языковые средства формируют подтекст, и в этом отношении они одновременно и затрудняют восприятие текста, и создают «точки контакта автора и читателя», являются текстовыми подсказками в его интерпретации [8, с.89], активизируя тем самым читательскую инициативу. Но этим влияние текста на читателя не ограничивается – текст вторгается в сферу сознания реципиента, воздействует на него, осуществляет изменения в его когнитивной базе, в его отношении к действительности, в системе его ценностей. Изменение интенционального состояния читателя через изображение психологических реакций, поступков и поведения персонажей – одна из важнейших стратегий создания художественного дискурса [8; 6].

В своей статье мы остановимся лишь на одном аспекте данной проблемы, а именно на особенностях проявления в процессе речевой коммуникации персонажей ранних рассказов А.П. Чехова механизмов корреляции, коррекции и противодействия как инструментов речевого *взаимодействия* [4]. Выбор материала для исследования не случаен: тонкий психолог и элитарная языковая личность, А.П. Чехов в совершенстве владел навыками речевого общения, принятыми в разных социумах. Кроме того, он признанный мастер «разрушения» речевых жанров [6], вследствие чего речевое взаимодействие, представленное в его текстах, имеет свою специфику.

Первый тип речевого взаимодействия – *корреляция*, которая имеет место в тех случаях, когда у коммуникантов наблюдается ценностная установка на создание хороших межличностных отношений и проявляется готовность к сотрудничеству. Обычно она наблюдается при общении «на равных» и отмечена культурной маркированностью.

Так, А.Вежбицкая отмечает, что японская дискурсивная культура – это «культура взвешенной оценки». Речевое общение японцев протекает в следующем ключе: «Если я делаю (говорю) нечто, другой может испытать вследствие этого нечто неприятное. Я этого не хочу. Я должен обдумать

свои действия прежде чем действовать». Вследствие этого в японском дискурсе является традиционным использование большого количества средств для выражения извинений, благодарности, уважения к собеседнику и т.п. Англо-американская культура делает акцент на том, чтобы обеспечить каждому свободу и независимость самовыражения. Но и для англоязычных коммуникантов культурной нормой является дружелюбие по отношению к собеседнику. Основная формула англоязычной дискурсивной культуры – «Я хочу, чтобы каждый чувствовал нечто хорошее». Однако, как отмечает автор, ни в англо-американской, ни в японской дискурсивных практиках нет средств для выражения теплоты и сердечности, свойственных русскому дискурсу, основная формула которого «Я чувствую нечто хорошее по отношению к тебе» [1, с.76]. Во многом это объясняется тем фактом, что русским свойственно «диффузное» общение, они отбирают друзей и знакомых не с точки зрения того, какие цели с ними удобно осуществлять (как при «конкретном» общении европейцев или американцев), а по глобальным признакам, характеризующим их как личность [3, с.250]. В связи с этим процесс общения протекает весьма специфично: в нем возможны далеко не взвешенные высказывания, резкие оценки, которые нарушают законы жанра беседы, но тем не менее не влияют на характер общения. В юмористических рассказах А.П. Чехова часто это объясняется тем, что коммуниканты в моральном отношении представляют собой «одного поля ягоды». Например, в рассказе «Весь в дедушку» дедушка обвиняет внука в том, что тот увез чужую жену, на что внук отвечает, что он пошел в деда и ему «трудно бороться с наследственностью»: оказывается, и дед (в возрасте 60 лет!) увез «не чужую жену даже, а невесту». В ответ дедушка припоминает факт ограбления внуком родной сестры, на что внук опять приводит аналогичный факт из жизни деда и т.д.:

И долго так мы спорим. Дедушка обвиняет меня в двадцати преступлениях, и все двадцать я сваливаю на родовое, на наследственность. Наконец дедушка хрипнет и начинает от злости царапать стену.

- Вот что, дедушка – говорю я. – Нам так долго не уснуть. Давайте выкупаемся и водочки выпьем. Отлично уснем! [здесь и далее цит. по: 7]

Весьма специфически в рассказах представлена *коррекция*, которая вступает в силу в те моменты развертывания дискурса, когда допущенная кем-либо из собеседников коммуникативная ошибка ставит под сомнение возможность коммуникации и самих межличностных отношений, но говорящий считает возможным продолжение отношений и пытается исправить оплошность. В юмористических рассказах А.П. Чехова коррекция производится с помощью совершенно непригодных для этого средств, что приводит к серьезному коммуникативному сбою. Например, в рассказе «Брак по расчету» невежественные родители невесты обижаются на телеграфиста, который на свадьбе завел «заумные» разговоры об электричестве, и не поддер-

живают разговора – более того, они обижаются: «...*Шли бы к своим образованным!*» Сконфуженный телеграфист, который «*никак не ожидал, что разговор примет такой оборот*», прибегает к оправданию, говорит, что он «*всегда от всех чувств желал Дарье Ивановне хорошего жениха*» (по-видимому, такого, каким, по его мнению, и является ее избранник). Он хочет подчеркнуть, что невеста сделала удачный выбор, который сделать достаточно трудно, поскольку «*нынче каждый норовит вступить в брак из-за интереса*». Но похвала, высказанная с нарушением данного речевого жанра (включение в нее слова *каждый*), приводит в ярость жениха, который принимает последнюю фразу как намек на свой счет. Желая загладить свою вину перед женихом, несчастный телеграфист вновь прибегает к коррекции и говорит, что, естественно, тот женится по любви, поскольку «*приданое-то пустяшное*». Тем самым он вступает в конфликт уже с матерью невесты, которая отнюдь не склонна считать приданое пустяшным и т.д. Коммуникативный сбой следует за сбоем, и все они являются следствием неверной коррекции.

Наконец, последний из наиболее частотных типов речевого взаимодействия – *противодействие* речевому воздействию, возникновение спора, выдвижение противоположных положений, контраргументов. Так, в рассказе «Мороз» закутанный в шубу и согревающийся спиртными напитками губернатор рассуждает на крещенском морозе: – *Это здорово. Мороз укрепляет, бодрит... Русский мороз имеет свои прелести*. Однако городской голова с ним не согласен, он выдвигает свои контраргументы: – *Сущяя казнь!.. Сытому и одетому мороз – одно удовольствие, а для человека рабочего, нищего, странника, блаженного – он первейшее зло и напасть*. Он вспоминает случаи из жизни, когда ему самому пришлось страдать от мороза. Вспоминает и губернатор свои военные походы... – *Эх! – прошептал голова. – Кажется, пора и забыть, но как взглянешь на водовозов, на школьничков, на арестантиков в халатишках, все припомнишь!* Воспоминания привели к смене интенционального состояния коммуникантов: «старика задумались» и вдруг поняли, что у музыкантов, развлекающих публику на морозе, «*небось уж и сердце болит у них, и животы втянуло, и трубы к губам примерзли*». В результате они распорядились согреть музыкантов водкой и отпустить их по домам.

Противодействие проявляется также в отказе от общения, когда человек сознательно или неосознанно пытается защитить себя от речевого воздействия, от нежелательного вторжения в его сознание, от ненужной, с его точки зрения, информации [5, с.255]. В последнем случае используются следующие приемы: а) указание на неуместность или несвоевременность общения: – *При такой необразованности, будь я на вашем месте, я молчал бы и не срамился... Таперича... Таперича...Ха!* («Гордый человек»); – *Некогда мне с тобой разговаривать... Пусту!* («Perpetum mobile»); б) указание на

нежелательных свидетелей: – *Ты не кричи, соседям слышно!* («Один из многих»); в) выражение недоверия к собеседнику или уличение его во лжи:

– *Убийцы застали его за сниманием сапог. Снимал сапоги, значит, не спал.*

– *Нечего выдумывать! Ешьте лучше!* («Шведская спичка»).

Противодействие выражается и в тактике психологической защиты, которая реализуется в форме специфических приемов переработки информации, помогающих предохранить личность от стыда и потери самоуважения. Часто в художественном дискурсе А.П. Чехова используется прием *рационализации*, заключающийся в псевдоразумном объяснении человеком своих поступков или желаний, в действительности вызванных причинами, признание которых грозило бы потерей самоуважения [8]. Например, персонаж рассказа «Мститель» узнает об измене жены и решает убить соперника, но потом изменяет свое решение, мотивируя это следующим образом: – *Идти на Сахалин из-за какой-нибудь свиньи тоже не разумно. Если я пойду на каторгу, то это даст только возможность жене выйти замуж вторично и надуть второго мужа.* Аналогично, в рассказе «Отец» одна из баб на предложение выпить (а *«ей было совестно пить при чужом человеке»*) вздохнула и сказала: – *А я через грибы еще выпью... такие грибы, что не захочешь, так выпьешь.*

Широко представлена в рассказах *проекция* [2] – неосознанное приписывание собственных негативных чувств, желаний, поступков и т.п., в которых человек не хочет себе сознаться, на другое лицо, которое у А.П. Чехова чаще всего и является жертвой негативных поступков говорящего: – *Видите ли, я ее жизнь заел! Не-е-е-т, это она меня сгубила!* («С женой поссорился»).

Понижение значимости недоступного [2] – следующий прием психологической защиты [2], используемый в тех случаях, когда персонаж теряет (или не может получить) что-либо желанное: – *А мне наплевать!* – думал он, *ложась в постель.* – *Она воображает, может быть, что я без нее жить не могу! Ну, нет! Завтра же выгоню!* («Трифон»).

Интересную интерпретацию в юмористических рассказах получает *включение* [2] – прием анализа травмирующего фактора в новой, искусственно созданной системе ценностей, в которой значимость его понижается на фоне других, более значимых:

– *В мужчине имеют вес ум, образование, а красота для него – наплевать! ... А ежели красивый, то, значит, глупый человек, без образования.*

– *Это вы потому так объясняете, что сами некрасивы* («Гордый человек»).

Данный прием позволяет читателю «заглянуть» во внутренний мир персонажа, понять его систему ценностей, хотя и представленную гротескным образом в соответствии с законами юмористического жанра: *В Ветлян-*

ке, пишут, чума. Народ так и валится, пишут... Если придет чума, то уж наверное я буду бухгалтером («Из дневника помощника бухгалтера»).

В рассказах А.П. Чехова результатом речевого воздействия, как правило, является изменение интенционального состояния персонажа, которое является причиной совершения неожиданных поступков: губернатор, пожалев музыкантов, распоряжается отпустить их домой («Мороз»), телеграфиста, который начал рассуждать о пользе электричества, выгоняют со свадьбы («Брак по расчету») и т.п. Экспликация этого состояния в тексте не является для автора самоцелью – она служит средством изменения сознания самого читателя. Приведем только один пример. Речевое воздействие в рассказе «Общее образование» протекает в жанре совета. Преуспевающий дантист Осип Францыч дает небезупречные с точки зрения морали советы своему бывшему однокашнику, как стать успешным. Каждый совет он предваряет критическим анализом какой-либо типичной «ошибки» неудачников, полагающих, что для удачи нужны только знания и опыт. Аргументативный тип дискурса, в котором протекает общение, требует своих особых средств «сшивания» отдельных эпизодов. Для того чтобы продолжать свои рассуждения, говорящий постоянно должен убеждаться в правильности выбора средств речевого воздействия, в том, что его совет не оставлен без внимания. В силу этого Осип Францыч постоянно просит у собеседника подтверждения согласия с его доказательствами с помощью вопроса «Не так ли?», на который Петр Ильич дает стандартный ответ «Это верно!» Кажется, что в процессе общения наблюдается психологическая корреляция, воздействие достигает своей цели, но вдруг Петр Ильич заявляет: «Но не умею я, не могу!». И читатель понимает, что он вряд ли воспользуется этими советами, потому что «уже пробовал», но ему «совестно было отчего-то». Мы видим столкновение двух оценок – утилитарной («плохо без общего образования») и этической («не могу!»). И вместе с тем интрига сохраняется, поскольку рассказ заканчивается словами: «Да, действительно, плохо без общего образования! Это вы верно, Осип Францыч! Очень плохо!» Вынесение в финальную позицию подобной сентенции в сочетании с подзаголовком рассказа «Последние выводы зубоврачебной науки» заставляет читателя задуматься, ставит его перед нравственным выбором и тем самым воздействует на его сознание.

Таким образом, речевое взаимодействие персонажей в художественном тексте позволяет выразить больше, чем значат слова, и воплотить неречевое, духовно-ценностное взаимодействие субъектов – не только самих персонажей, но также автора и читателя, т.е. передать метасмысл общения. В юмористических рассказах отражены такие характерные для русского дискурса типы речевого общения, как корреляция, коррекция и противодействие. Каждому типу присущи определенные дискурсивные тактики и жанровые формы существования. Сознательное нарушение канонов жанра несет

важную смысловую и прагматическую нагрузку, поскольку позволяет автору воздействовать на читателя, изменять его систему ценностей, его взгляды и отношение к действительности и тем самым решить важнейшую стратегическую задачу создания художественного дискурса.

Литература

1. Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знания. – М., 1990. С. 63-85.
2. Грановская Р.М. Элементы практической психологии. – Л., 1988.
3. Касьянова К. О русском национальном характере. – М., 1994.
4. Киселева Л.А. Вопросы речевого воздействия. – Л., 1978.
5. Пешкова Н.П. Воздействие как общее свойство текстов активизирующего и информирующего типа // Homo loquens в языке, культуре, познании. Сб. научн. ст. Ч. 1. – Уфа, 2010. – С. 254-262.
6. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у А.П. Чехова. М., 2006.
7. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 томах. Тт. 1-3. – М.: Изд-во «Худож. литература», 1960.
8. Щирова И.А. О «правах» автора, читателя и текста // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2-3, 2004. – С. 86-92.

© Сергеева Л.А., 2012

УДК 811.161.1

Сердюк А.М.
г. Бердянск (Украина)

Лексические варианты фразеологизмов с соматическим компонентом

Изучение системно-синтаксических связей на различных языковых уровнях является одной из актуальных проблем современной лингвистики. В такие отношения могут вступать не только слова, но и фразеологические единицы. С другой стороны, по своей форме ФЕ состоят из отдельных слов, что становится причиной видоизменений в составе устойчивых словосочетаний. Таким образом, главной причиной возникновения вариантных форм фразеологизмов является конфронтация двух факторов: с одной стороны – это фактор устойчивости в их семантике, а с другой – фактор развития, изменения формы в структуре словосочетания. Лексическое варьирование состоит в замене одного компонента другим.

Мы поставили перед собой задачу: проанализировать вариативность фразеологических единиц с соматическим компонентом, что в свете антропоцентризма современного языкознания представляется нам интересным и перспективным.

Методом сплошной выборки нами были отобраны вариантные фра-

зоологические единицы с соматическими компонентами [1]. Таких словосочетаний обнаружено около 100. Определено, что более одной трети из них содержат в себе компонент «сердце».

Как показывают данные исследования, приоритет принадлежит модели варианта «сердце – душа». По нашему мнению, это связано с тем, что, с одной стороны, по религиозным представлениям душа находится в теле человека и представляет собой его внутреннее состояние; а, с другой стороны, сердце является центральным органом, работа которого часто зависит от его душевного, эмоционального состояния. Ср.: *брать за сердце – брать за душу; в глубине сердца – в глубине души; встревоженное сердце – встревоженная душа; сердце горит – душа горит; сердце замирает – душа замирает; сердце надрывается – душа надрывается; сердце не лежит – душа не лежит; сердце не на месте – душа не на месте; сердце ноет – душа ноет; сердце перевертывается – душа перевертывается; сердце разрывается – душа разрывается; заглядывать в сердце – заглядывать в душу; задевать за сердце – задевать за душу; камень с сердца свалился – камень с души свалился; легко на сердце – легко на душе; лежать на сердце – лежать на душе; от полноты сердца – от полноты души; разбивать сердце – разбивать душу; раздирать сердце – раздирать душу; разрывается сердце – разрывается душа; растревать сердце – растревать душу; растревожить сердце – растревожить душу; расцветать сердцем – расцветать душой; широкое сердце – широкая душа.*

Единичной является модель, в которой компонент «сердце» заменяется другим соматизмом: *чуть сердцем – чуть носом.*

Второй по количеству вариативных фразеологизмов является группа с компонентом «голова». Данные устойчивые словосочетания можно условно разделить на подгруппы. Доминирующей из них является подгруппа, в которой этот соматизм переходит в компоненты, представляющие из себя тематическую группу «мыслительная деятельность»: ум, память, мысль, разум, сознание. Ср.: «голова – ум» *выходить из головы – выходить из ума; приходиться в голову – приходиться на ум; «голова – память» выходить из головы – выходить из памяти; голова как решето – память как решето; улечиваться из головы – улечиваться из памяти; «голова – мысль»: приходиться в голову – приходиться на мысль; «голова – разум»: приходиться в голову – приходиться на разум; «голова – сознание»: улечься в голове – улечься в сознании.*

Следующая подгруппа включает в себя модели перехода компонента «голова» в другие соматизмы: «голова – шея»: *мыть голову – мыть шею; свернуть голову – свернуть шею; «голова – кости»: лечь головой – лечь костями; «голова – кровь»: горячая голова – горячая кровь; «голова – рука»: давать голову на отсечение – давать руку на отсечение.*

Отдельные варианты возникли вследствие метафорических замеще-

ний. В голове, как известно, расположен мозг – важнейший орган, отвечающий за высшую нервную деятельность человека. Это и стало основой для вышеупомянутых переносов. Ср.: «голова – жизнь»: *класть голову – класть жизнь; положить голову – положить жизнь; рисковать своей головой – рисковать своей жизнью*; «голова – труп»: *лечь головой – лечь трупом*; «голова – хозяин»: *сам себе голова – сам себе хозяин*. Следующая метафора мотивирована внешним подобием формы и несет в себе пейоративный потенциал: «голова – котелок» (*голова варит – котелок варит*).

Соматизм «глаза» чаще всего встречается в моделях: «глаза – взгляд» (*мерить глазами – мерить взглядом; очаровывать глаза – очаровывать взгляд*). Кроме того, зафиксирована замена компонента «глаз» на поэтическое «око», «очи»: *видит глаз, да зуб неймет – видит око, да зуб неймет; не сводить глаз – не сводить очей*. Встречаются также и замены соматизмами, обозначающими органы других видов перцепций – слуховой и обонятельной: *не верить своим глазам – не верить своим ушам; тыкать в глаза – тыкать в нос*.

Что касается компонента «рука», то нами зафиксированы метонимические замещения (*ломать руки – ломать пальцы*); зоометафоры (*запускать руку – запускать лапу*); ассоциативные переносы (*держат себя в руках – держать себя в шорах*).

Компонент «спина» во фразеологических вариантах замещается названиями тех частей тела и организма, которые находятся в непосредственной близости от спины. Ср.: *гнуть спину – гнуть горб – гнуть хребет; мурашки бегают по спине – мурашки бегают по телу – мурашки бегают по коже; стоять за спиной – стоять за плечами*.

Модель «горло – глотка» представляет собой синонимическую взаимозамену: *во все горло – во всю глотку; кусок в горло не идет – кусок в глотку не идет*.

Спорадическим является вариативный фразеологизм с компонентом «лицо», который по ассоциативному переносу заменяется на компонент «красота»: *с лица не воду пить – с красоты не воду пить*.

Таким образом, проведенный нами анализ вариативных фразеологизмов с соматическими компонентами показывает, что чаще всего вариантные изменения испытывают устойчивые словосочетания с компонентами, обозначающие наиболее важные органы человека – «сердце», «голова». Приоритет принадлежит замене в границах лексем одного синонимического ряда. Спорадическими являются введения компонентов другого стилистического плана (поэтических, разговорно-сниженных), что в результате замены придает иные оттенки в стилистическом звучании вариантов фразеологизмов.

Перспективой наших дальнейших исследований является изучение влияния вариативности фразеологических словосочетаний на их семантику.

Литература

1. Олійник І.С. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний глумачний словник / І.С.Олійник, М.М. Сидоренко. – К.: Рад. школа, 1991. – 400 с.

© Сердюк А.М., 2012

УДК 811.161.1

Сираева Р.Т.
г.Уфа (Россия)

Концептуализация ментальности в русском языке

Ментальность – (от лат. mens, mentis - ум, мышление, рассудительность, образ мыслей, душевный склад) – совокупность социально-психологических установок, привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности.

В научный оборот термин «ментальность» был введен французским этнологом и социо-антропологом Л. Леви-Брюлем (1857-1939), изучавшим образ мышления и «коллективные представления» (или «ментальности») так называемых «примитивных народов». Данный термин использовался еще в XIX в. американским философом и поэтом Р.Эмерсоном (1803-1882), пытавшимся связать воедино метафизические и психологические проблемы общественных настроений.

В современном гуманитарном знании анализу лексики ментальности посвящены труды Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака, В.В. Колесова, Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной, Е.В. Урысон и др. Вслед за В.В. Колесовым, мы понимаем ментальность как «мировоззрение в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [5, с.81].

Одним из средств выражения ментальности являются ментальные глаголы или предикаты. В русской языковой картине мира данная семантика представлена следующими глаголами: *думать, мыслить, знать, ведать, считать, понимать, полагать, находить, мнить, верить, осенять, озарять*. Указанные глаголы описывают одни и те же мыслительные и познавательные способности человека, это близкие, но не совсем одинаковые понятия. Эти различия проявляются в содержании и местоположении данных концептуальных единиц в системе представлений о ментальной способности человека в целом.

Ю.Д. Апресян выделяет четыре условные концептуальные зоны, каж-

дая из которых объединяет в себе два категоризирующих признака. Первая концептуальная зона объединяет в себе признаки «уверенность + опора на факт», т.е. данную зону занимают концепты, обозначенные глаголами, выражающими уверенность в достоверности информации. Таким образом, в первую концептуальную зону входят глаголы: *знать, ведать, понимать*. Вторая концептуальная зона «предположение + опора на факт» включает в себе концепты именуемые глаголами, выражающими мнение: *полагать, думать, мнить, считать, находить*. Третью концептуальную зону Ю.Д. Апресян обозначил как «уверенность + отсутствие опоры на факт», которая представлена концептами, обозначенными глаголами, выражающими уверенность в достоверности информации, не требующей никакой опоры на факт: *верить, осеять, озарять*. В последнюю концептуальную зону «предположение + отсутствие опоры на факт» входят глаголы, выражающие неуверенность в достоверности информации, которая не опирается на факт: *казаться, сомневаться* [Апресян 1995, с.394].

В данной статье будут рассмотрены три основных глагола: *знать, понимать, полагать*.

1. Знать. Большой толковый словарь под редакцией С.А. Кузнецова выделяет следующие значения глагола *знать*: 1) иметь сведения о ком-либо, чем-либо (*-Ты знаешь, почему Наполеон из простого поручика сделался величайшим в истории Императором?* А.Куприн. Психея); 2) обладать знанием чего-либо (*Соловский хорошо знал: такие люди не любят много рассказывать о себе, не любят задавать лишних вопросов*. Э.Адлер. Достояние леди); 3) быть знакомым с кем-либо (*Я знал коротко этого почтенного старика*. С.Аксаков. Семейная хроника); 4) испытывать, переживать (*Чапаевская дивизия не знала поражений*. Д.Фурманов. Чапаев). Данная совокупность значений в семантической парадигме глагола *знать* определяет его инвариантное значение, как «иметь достоверные сведения о ком-либо, чем-либо» [4, с.368].

По мнению Ю.Д. Апресяна, слова со смыслом «знать» служат для того, чтобы строить утверждение о наличии в сознании субъекта истинной информации о чем-либо, т.е. информации о факте. Именно по этой причине, данный глагол расположен в первой концептуальной зоне «уверенность + опора на факт». Глагол *знать* отличается от других глаголов, выражающих мнение тем, что «у знания есть источник, но нет причины», ср.: *Откуда ты это знаешь?* но не *Почему ты это знаешь?* У мнения есть причина, но нет источника; ср.: *Почему ты так считаешь?* но не *Откуда ты так считаешь?* [Апресян 1995, с.47].

Все производные глагола *знать* сохраняют в себе семантику достоверности имеющейся или получаемой информации, например, *узнать* (получить сведения о ком-либо, чем-либо), *признать* (посчитать что-либо имеющим законную силу, счесть истинным), *познать* (получить истинное

представление о ком-либо, чем-либо).

2. Понимать. В русском языке данный глагол имеет следующие значения: 1) уяснить себе, уразуметь смысл, сущность, содержание чего-либо, постичь что-либо (*Многое стало ему ясно, он понял свою жену, - близкого человека только тогда и поймешь вполне, когда с ним расстанешься.* И.Тургенев. Дворянское гнездо); 2) найти в ком-либо близкие себе мысли, взгляды (*Аларин понял его без слов и отвечал таким же красноречивым рукопожатием.* А.Куприн. Впотьмах); 3) иметь тот или иной взгляд, ту или иную точку зрения на кого-либо, что-либо (*Хорошие жизни всегда начинаются с долгих разговоров о том, как понимать хорошую жизнь.* Н.Павленко. На востоке). На основании данных значений глагол *понимать* определяется, как «уяснить смысл, сущность чего-либо» [4, с.919].

Данный концепт, обозначенный глаголом *понимать*, расположен в концептуальной зоне «уверенность + опора на факт», так как *понимание* опирается на факт и в то же время предполагает уверенность в достоверности информации. Именно по этой причине слово *понимать* наиболее близко глаголу *знать*.

Лексема *понимать* / *понять* сочетается: а) с наречиями и фраземами, характеризующими меру и степень понимания: *глубоко понимать, ясно понимать, смутно понимать* и т. п.: *Она села в третьем ряду, и когда Гуров взглянул на нее, то сердце у него сжалось, и он понял ясно, что для него теперь на всем свете нет ближе, дороже и важнее человека* (А.П. Чехов); б) с наречиями, фраземами и частицами, указывающими на скорость и время понимания: *понять быстро, понять сразу, понять мгновенно, понять внезапно, понимать постепенно, понять поздно: И неизвестно почему я понял мгновенно, что это Дрыкин* (М. Булгаков); в) с названиями человека в роли объекта: *понимать сестру, понимать друга* и т.п.; г) с наречиями, характеризующими степень и легкость понимания: *прекрасно понимать, хорошо понимать, полностью понимать, понимать с полуслова; легко понимать, без труда понимать, понимать с трудом: Я прекрасно понял Иллариона, но сделал наивное лицо и пожал плечами* (Н. Думбадзе). Следует отметить, что лексема *понимать* употребляется в процессном значении в контексте наречных сочетаний, указывающих на возрастание степени понимания [3, с.534]: *С летами она понимала свое прошедшее все больше и яснее и таила все глубже, становилась все молчаливее и сосредоточеннее* (А. Гончаров).

3. Полагать. Глагол *полагать* имеет следующие значения: 1) думать, считать (*Так неужели же вы полагаете, что я за вас иду по любви или из-за ваших денег?* А.Островский. Старое по-новому); 2) расценивать каким-либо образом, принимать за кого-либо, что-либо (*Полагаю также неуместным вникать в настоящие причины нашего столкновения.* И.Тургенев. Отцы и дети); 3) устраивать, находить, видеть (*Тебе нравится подметать полы? Тогда подметай... я ведь полагал, что ты насильно себя заставляешь, я не*

знала, сыночек. А.Афиногенов. Мать своих детей). Таким образом, инвариантное значение глагола *полагать* можем определить, как «думать, иметь мнение» [4, с.898].

Ю.Д. Апресян отмечает, что *полагать* близко по значению со *считать*, потому что предполагает определенную интеллектуальную работу, предшествующую выработке мнения. Его отличие от глагола *считать* заключается в том, что в случае *считать* субъект более категоричен, менее уступчив, в меньшей степени допускает, что прав может оказаться его собеседник. Субъект *полагать* более скромно, вежливо заявляет свою точку зрения, в большей степени готов к тому, что ближе к истине может быть точка зрения собеседника [Апресян 1995, с.396].

Поскольку глагол *полагать* вводит суждение, в котором субъект не может быть уверен, но которое, тем не менее, основано на некоторых фактах, то это послужило основанием отнести концепт, выраженный глаголом *полагать*, во вторую концептуальную зону «предположение + опора на факт».

Итак, каждый из рассмотренных концептов занимает свое положение в иерархической системе представлений о ментальности человека. Основная масса слов, обозначающих ментальность человека, является настолько древней, что в настоящее время выяснить их мотивацию, видение и осмысление носителями языка не представляется возможным. Таковы, например, глаголы *знать*, *думать*, *мнить*, *сомневаться*. Вместе с тем, следует отметить, что есть слова, которые позволяют увидеть «внутреннюю логику носителей языка» и способ формирования соответствующих концептов. Это такие глаголы, как *верить*, связанный с доверительными, хорошими отношениями между людьми; *полагать*, соотносящийся с непосредственным рассмотрением и осмыслением предмета; *понимать*, имеющий в своей семантике идею обладания знанием.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Проблема фактивности: знать и его синонимы // вопросы языкознания. – М., 1995.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «языки русской культуры», 1995.
3. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. – М., 2006.
4. Большой толковый словарь русского языка/ Под ред. Кузнецова С. А. – М., 2000.
5. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... - СПб., 1999.
6. Словарь синонимов русского языка: в двух томах /Гл. ред. А.П. Евгеньева. – Л.: Наука, 1970-1971.

© Сираева Р.Т., 2012

Парадигма и ассоциативно-смысловые отношения

В своей работе мы рассматриваем особую парадигму – парадигму релятивности как способа организации концептуально оформленных ассоциаций. Понимание парадигмы релятивности связано с философской ее интерпретацией: исходный образец, матрица, которая выступает не прямо, но через свои проявления, предопределяя их структуру, как не проявленной самой по себе [5, с.477]. Парадигматическую сеть можно сравнить с понятием сети как символа: нелинейные и выходящих за пределы простой временной последовательности отношения, формирующие сложную структуру, включающую и видимое и невидимое (идеальное) [3]. Языковая деятельность преследует цель внесения порядка и регулярности, повторяемости и рациональности в пространство существования языка. Поскольку ассоциации отражают отношения между понятиями и их элементами в нашем сознании и в подсознании, то есть позволяют выявить глубинные связи, то **парадигматическая релятивность**, в нашем понимании, это - соответствие между системой ассоциативно-проективных реляций как структурирующих сущностей - которые не только устанавливают базовые, фундаментальные пропорции человеческого мышления и бытия, но и моделируют ассоциативно-проективную структуру - и результатом ассоциативного поиска, которым выступает порожденный смысл, сформированная модель внешнего мира. Реляции при этом управляют, определяют и трансформируют отдельные компоненты, обеспечивают интегрированность структуры. В языке возникает регулярная многозначность, исследование которой, по мнению Н.Ф. Алефиренко, дает возможность «установить зависимость образования многозначности слова от степени его семантической связанности, ... показать работу внутреннего механизма формирования нового значения» [1, с.24]. На материале произведения А. Толстого «Хождение по мукам» и его перевода на немецкий язык мы рассмотрим семантическую связанность полисеманта «страдание» (нем. Leiden) с целью выявления механизма функционирования парадигматической релятивной сети. Данный полисемант имеет лексико-семантические варианты, связанные с такими фреймами, как: ФИЗИЧЕСКАЯ БОЛЬ (нем. KÖRPERLICHER SCHMERZ), ДУШЕВНАЯ БОЛЬ (нем. SEELISCHER SCHMERZ), которые представляют собой концептуальную сферу, вызывающую определенные концепты: - концепт ОЩУЩЕНИЕ БОЛИ (нем. SCHMERZEMPFINDEN) имеет следующую признаковую сеть (ПС1): 'боль', 'болезнь', 'ранение', 'хворь', 'хилость', 'голод' и др.; 'Schmerz', 'Pein', 'Weh', 'Marter', 'Erkrankung', 'Krankheit', 'Verwundung',

‘Hunger’, ‘Siechtum’ и др.; - концепт МУЧЕНИЕ (нем. KUMMER) с признаковой сетью (ПС2), заполняемой такими элементами, как: ‘душевная боль’, ‘ощущение беды’, ‘скорбь’, ‘любовная тоска’, ‘тоска’, ‘отчаяние’, ‘кручина’, ‘уныние’, ‘горе’, ‘бедствие’, ‘крушение всего себя’, ‘черная опустошенная душа’, ‘дух разрушения’, ‘озлобление’, ‘яд мрачной злобы’, ‘впечатление отравы’ и др.; ‘Seelenschmerz’, ‘Liebeskummer’, ‘Plage’, ‘Trübsal’, ‘Qual’, ‘Verzweiflung’, ‘Leid’, ‘Geist der Zersetzung’, ‘schwer zu tragendes Missgeschick’, ‘schwarze, verzehrte Seele’, ‘Unglück’ и др.; - концепт НЕСЕНИЕ КРЕСТА (нем. KREUZESWEG), имеющий базовую признаковую сеть (ПС3), которая репрезентируется следующими составляющими: ‘возвышенное чувство, приближающее человека к Богу’, ‘смирненное принятие муки’, ‘крестные страдания’, ‘благострадание’, ‘тернистый (злой) путь’, ‘дорога лишений’, ‘бедная жизнь’, ‘жизнь, полная стойко переносимых бедствий’, ‘война’, ‘высокое устремление’; ‘богослужение, воссоздающее в памяти верующих основные моменты страданий Иисуса Христа’ и др.; ‘Dornenweg’, ‘das Leiden Christi’, ‘Schwur- und Beteuerungsformel beim Leiden Gottes, Christi’, ‘letzter Lebensabschnitt Christi von der Gefangennahme bis zur Hinrichtung’ и др. Рассмотрим два примера. *Это было могучее, мужественное чувство голода, оно возникло и заслонило все психологические сложности. Es war das mächtige, gesunde Gefühl des Hungers, es hatte sich geregt und alle psychologischen Verwicklungen in den Hintergrund gerückt. ...озлобленные от голода и, видя, как в деревне едят гусей, теряют самообладание...; Leute, die ... vom Hungern erbittert seien und die alle Selbstbeherrschung verlieren, wenn sie sehen, wie man im Dorf Gänse verspeist...* Признак ‘голод’ входит в признаковую сеть концепта 1 (‘чувство голода, заслонившее все психологические сложности’, ‘alle psychologischen Verwicklungen in den Hintergrund gerückt’) и включает в себя признаки, входящие в пространство концепта 2 (‘озлобление’, ‘потеря самообладания’, ‘vom Hungern erbittert’, ‘Selbstbeherrschung verlieren’) и пространства концепта 3 (‘бедная жизнь’, ‘жизнь, полная стойко переносимых бедствий’, ‘armes, schweres Leben’), признаки пространства 2, 3 включаются в пространство 1. Можем записать это в виде модели ПС1НПС2, 3..., при этом Н — знак отношения инклюзивности (заимствован из математики) и это выражение можно понимать как констатацию того факта, что ПС2 и ПС3 — это некоторые свойства, входящие в совокупность свойств, присущих ПС1. В примере: *Да, говорит, забыл, от скудости это, трудно жил; Ja, sagte er, ich habe vergessen. Das kommt von der Armut, ein schweres Leben hatten wir* транзитивность инклюзивного отношения поясняется следующим образом: если элемент ПС2 (‘скудость’, ‘Armut’) включен в ПС3 (‘трудная жизнь’, ‘schweres Leben’), а ПС3 включено в ПС2, то элемент ПС2 включен в ПС2 (МУЧЕНИЕ (нем. KUMMER), рассматриваемое как целостное концептуальное целое. Подвидами инклюзивного отношения являются родо-видовые и партитивные отношения. ... *Когда нас окружила*

война...: смерть, разрушение, страдания, беженцы, голод...; ... *Als uns der Krieg in seinen Ring nahm...: Tod, Zerstörung, Leiden, Flüchtlinge, Hunger...* Из примера следует, что если один элемент ПС2 ('голод', 'Hunger') включен в ПС3 ('война', 'Krieg'), то это значит, что этот элемент как часть всего целого объекта ПС2 включен в часть ПС3, а также как свойство входит составной частью в свойства ПС3. Описываемые реляции опираются на диалектическое единство общего, особенного и отдельного: «Единичное и общее существуют в единстве. Их конкретное единство есть особенное. При этом общее может выступать в двояком отношении: по отношению к единичному оно выступает как общее, а по отношению к большей степени общности — как особенное» [4]. Элементы ПС2 'горе' и 'бедствия' в примере: *Gore - это участь миллионов женщин в наше время, - горе и бедствия должны быть превращены в социальную силу...; Der Schmerz ist das Los von Millionen Frauen in unserer Zeit, - Schmerz und Leiden müssen in eine soziale Kraft umgewandelt werden* связаны отношением синонимии, базирующейся на определенном сходстве, имея и в синонимичном ряду двух лексем (см. словари синонимов), репрезентирующих эти концептуальные составляющие, общие лексемы: 'беда', 'злополучье', 'напасть', 'несчастье'; в немецком варианте общими для 'Leiden' и 'Schmerz' являются следующие элементы: 'Leid', 'Martyrium', 'Elend', 'Plage', 'Qual'. Однако более общим является значение элемента 'бедствие' (в нем. 'Leiden'), единичным есть 'горе' (в нем. 'Schmerz') миллионов женщин, особенным — 'горе' (в нем. 'Schmerz') отдельных женщин. Градуальные реляции предполагают, что синонимические единицы называют разные степени обозначаемого. См. элементы ПС3 'напряженный, любовный, мучительный круг жизни', 'der Kreis ihres Lebens, voller Mühe, Liebe und Qual', 'долгий путь невозвратимых потерь', 'der lange Weg unwiederbringlicher Verluste' в примере: *И вот и этот - второй круг ее жизни, - напряженный, любовный, мучительный, - завершился. Позади остался долгий, долгий путь невозвратимых потерь; Und nun war auch dieser, der zweite Kreis ihres Lebens, voller Mühe, Lieb und Qual, vollendet. Hinter ihr lag der lange, lange Weg unwiederbringlicher Verluste.* Однако некоторые части признаковой сети могут и не перекрываться, то есть соотносящиеся элементы не имеют основания сходства. Это случай отношения смежности без пересечения. При анализе отношения смежности возвращаемся к инклюзивному отношению, в частности, к партикулярному. Рассмотрим пример. *Дашу трясло ознобом. Даже ее отчаяние тонуло в этом животном ужасе и омерзении; Dascha wurde von Schüttelfrost gepackt. Sogar ihre Verzweiflung versank in ihrem tierischen Entsetzen und Eckel.* Части концептуального целого МУЧЕНИЕ (нем. KUMMER) - 'озноб души', 'Schüttelfrost', 'отчаяние', 'Verzweiflung', 'животный ужас', 'tierisches Entsetzen', 'омерзение', 'Eckel' - находятся в отношении смежности. Они связаны между собой в структуре целого, непосредственно контактируют друг с другом и как состояния сменя-

ют друг друга во времени, также представляя собой аспекты одной целостности. Парадигматическая релятивная сеть позволяет выявить, что разные смыслы, взаимодействуя, создают сложный, мультимодальный (термин, заимствован из психологии), целостный образ, лежащий в основе восприятия глобального смысла. Наше понимание мультимодального образа опирается на восприятие смысла бытия вообще, о котором А.Ф. Лосев говорит, что это «есть все то, что можно о нем высказать, помыслить, почувствовать, представить и т.д. и т.д. То, что в нем возбуждает нашу мысль, наши переживания, то или иное наше отношение к ней, то и есть смысл» [2, с.484]. Подобная методика анализа позволяет сделать вывод, что если два элемента находятся в отношении сходства, включая синонимические и градуальные отношения, то есть, содержат в своем составе одинаковые компоненты, то при взаимодействии эта общность компонентов играет решающую роль для появления нового смысла. В целом перед нами - процесс отражения и обозначения нового знания через уже имеющееся. Примеры также показывают, что важным отношением в системе парадигматической релятивности также является отношение противопоставления.

Итак, сделаем некоторые выводы. При помощи системы ассоциативно - проективных реляций, состоящей из трех групп: 1) инклюзивные; 2) смежности (с пересечением или без пересечения); 3) противопоставления, устанавливается взаимно однозначное соответствие между концептами, концептуальными составляющими различных концептов, при пересечении концептов и их слоев или в результате их противопоставления, а также передаются ассоциации от одного концепта в другой согласно этому однозначному соответствию, что в свою очередь обусловило их определение как ассоциативно-проективных реляций. Система корреляций между ассоциативно-проективными реляциями и ассоциативно-проективными образами как областью перехода от одних форм мышления к другим, при которой осуществляется программирование отбора и распределения языковых единиц, а результатом ассоциативного поиска выступает порожденный смысл, сформированная модель внешнего мира, представляет собой релятивную парадигматическую сеть.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое слово». Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта. Наука, 2009. - 342 с.
2. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. – М.: Издательство «Мысль», 1994. - 919 с.
3. Словарь символов. Электронный ресурс: <http://enc-dic.com/symbol/Set-768.html>
4. Спиркин А.Г. Философия. Электронный ресурс: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Spirk/48.php
5. Философский энциклопедический словарь.- М.: «Советская Энциклопедия», 1983.- 837 с.

© Скокова Т.Н., 2012

**Семантико-тематическая классификация рекуррентных синтагм –
умственная деятельность человека и её результаты**

Под тематической классификацией понимается объединение языковых знаков – рекуррентных синтагм – на основе их отнесенности к определенному кругу явлений материального мира, отображаемому в сознании носителей языка.

Семантико-тематическая классификация синтагм не совпадает с семантической классификацией входящих в нее слов, хотя и тесно связана с ней [1, с.44].

Главная роль в определении тематической принадлежности синтагм отводится семантике существительного как центрального ядерного понятия синтагмы. К одной и той же тематической группе могут относиться рекуррентные синтагмы, имеющие неодинаковую лексико-семантическую структуру – в одну и ту же группу могут входить как фразеологизмы, так и простые словосочетания [1, с.45].

Материалом для анализа послужили художественные произведения жанра фэнтези (*The Warlock is Missing* by Christopher Stasheff, *Harry Potter and the Philosopher's Stone* by J.K. Rowling, *Harry Potter and the Deathly Hallows* by J.K. Rowling).

По удельному весу и частотности преобладает тематический класс «Характеристики лица», составляющий более одной трети проанализированных рекуррентных синтагм, что является характерной особенностью литературного диалога.

Следующим по частотности классом рекуррентных синтагм является класс: «Умственная деятельность человека и её результаты». В качестве ядра в рекуррентных синтагмах данного класса употребляются такие существительные, как *idea*, *thought*, *opinion*, *sense*, *knowledge*, *reason*, *decision* и другие.

Существительное **idea** дает наибольшее количество синтагм, связанных с понятием умственной деятельности человека. Например: *mad*, *ridiculous*, *crazy*, *good*, *wonderful*, *nice*, *bad*, *stupid*, *absurd*, *weird*, *unpleasant* и т.д. **idea**. Причем наблюдается явное преобладание прилагательных с негативной оценочной семантикой. Данная тенденция просматривается и в отношении других рекуррентных синтагм этого класса: *final*, *abrupt*, *mortal*, *crucial*, *important*, *hard* **decision**; *bitter*, *horrible*, *dirty*, *terrible*, *unhappy*, *beautiful*, *single*, *sweet*, *bright*, *wild* **thought**.

В качестве модификаторов существительных, связанных с понятием

умственной деятельности и её результатов, выступают в основном оценочные прилагательные: **mad** idea, thought, decision; **bad** thought, idea, opinion, reason, thinking, sense, plan; **good** idea, thought, sense, notion, judgment, reason, memory, suggestion.

Отмечается наличие довольно большого количества прилагательных степени: **big** concern, thought, idea, scheme; **strong** objection, warning, character; **bright** ideas, thoughts, suggestions.

Встречаются также прилагательные, имеющие значение уточнения: **final** decision, thought, warning, analysis, idea; **the slightest** interest, hope, suspicion, exaggeration, attention; а также прилагательные, характеризующие умственную деятельность: **stupid** idea, thought, decision, remark, judgment; **serious** thought, idea, understanding, mistake, objection.

Часто встречаются прилагательные других различных классов: **wild** thought, idea, guess, conclusion, interest; **strange** idea, thought, dream, attitude, reason, warning, interest.

Данный анализ позволил установить, что наиболее частотными рекуррентными синтагмами данного класса являются прилагательные, обозначающие общую оценку в сочетании с существительными idea, thought, opinion, reason, sense, notion. Прилагательные положительной оценки – good (better, best), fine, nice, brilliant, excellent и т.д. и прилагательные отрицательной оценки – bad, nasty, terrible, horrible, crazy, dirty сочетаются практически со всеми существительными общего тематического класса «Умственная деятельность человека и её результаты».

Литература

1. Никитина, Н.П. Рекуррентные синтагмы в современном английском языке. / Н.П. Никитина. // Научное издание. Калинин, 1974. –114 с.
2. Rowling, J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone / J.K. Rowling. // Bloomsbury Publishing Plc. – London, 2000. – 234 с.
3. Rowling, J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows / J.K. Rowling. // Bloomsbury Publishing Plc. – London, 2009. – 796 с.
4. Stasheff, Christopher. Warlock is Missing / Christopher Stasheff. // Bloomsbury Publishing Plc. – London, 2003. – 674 с.

© Скуденкова Е.Е., Дзюба Н.В., 2012

УДК 81'1

Смирнова Ю. П.
г.Уфа (Россия)

Когнитология: этапы развития новой научной парадигмы

Следуя в первую очередь за Н. Хомским, известным американским

лингвистом, и за многими учеными, занимающимися исследованиями в области когнитологии (Маслова В.А., Кубрякова Е.С., Миллер Дж., Звегинцев В.А.), можно сказать, что на данном этапе развития науки мы являемся свидетелями «когнитивной революции».

Ранее целью ученых являлось объяснение только общих, логических законов, которые одинаковы во всех областях науки и практики.

В.А. Маслова отмечает, что начало когнитивизма было заложено еще в античности, так как человеческим мышлением издавна занимались такие науки, как логика, психология, философия, филология [2, с.7]

Когнитивизм придает старым, давно известным проблемам и вопросам новое, доселе неизвестное звучание. С точки зрения когнитивизма, различные по своей природе реалии по-разному отражаются в человеческом сознании: наглядные образы, наивные понятия, символы.

Когнитивистика изучает ментальные репрезентации наблюдаемых действий (их внутренние представления, модели).

Язык является неотъемлемой частью изучения когнитивной науки. Любая человеческая деятельность происходит при активном участии языка, который в свою очередь является речемыслительной основой любой человеческой деятельности.

Когнитивные процессы непосредственно связаны с языком, так как категоризация человеческого опыта связана с когнитивной деятельностью человека, в результате которой содержательная информация, полученная в ходе познавательной деятельности человека и ставшая продуктом обработки, находит свое выражение в языковых формах.

В.А. Маслова в монографии «Когнитивная лингвистика» приводит высказывание А.Н. Леонтьева в подтверждение мысли о связи когнитивных процессов с языком, в котором говорится о том, что языковое сознание и значение слова – это форма структуриации и фиксации общественного опыта людей, знаний о мире, данная форма является формой «презентации и актуального удержания знания в сознании индивида» [2, с.9].

Е.С. Кубрякова называет когнитивные процессы, связанные с языком, «языковленными».

В связи с этим мы поддерживаем исследования когнитологов, которые считают, что одним из важнейших принципов когнитивизма является трактовка человека как действующего, активно воспринимающего и продуцирующего информацию, руководствующегося в своей мыслительной деятельности определенными схемами, планами, программами, стратегиями.

Известно что, в состав когнитивизма входят несколько наук: когнитивная психология, когнитивная лингвистика, логика, философия. Поэтому при исследовании когнитивной составляющей картины мира не следует забывать о междисциплинарном характере когнитивистики.

Первый центр когнитивных исследований был организован в 1960 г. в

Гарвардском университете американскими профессорами Дж. Бруннером и Дж. Миллером.

Затем появляются исследования усвоения языка детьми, после которых ученые делают вывод, что правила усвоения родного языка очень схожи с правилами, управляющими неречевыми видами деятельности, и иногда данный процесс похож на произвольное, неконтролируемое поведение и отражается на структуре восприятия, памяти, эмоциях.

Данная методика очень близка лингвистике, так как в процессе интерпретации текста ученый-лингвист анализирует причины правильности и осмысленности предложений. Таким образом, создается система смыслов, которая относится к знаниям и мыслям индивида о мире.

Когнитивная лингвистика создавалась в результате объединения лингвистики с другими дисциплинами, которые занимались изучением человека и общества, так как в рамках когнитивной лингвистики проводились исследования того, как человек оперирует символами, осмысляя мир и себя в мире.

Благодаря возникновению когнитивной лингвистики в рамках антропоцентрической парадигмы горизонты лингвистических исследований существенно расширились.

Дальнейший этап развития когнитивной лингвистики, как новой науки, был обусловлен необходимостью исследования участия языка в познавательной деятельности человека (начало 20 века).

В настоящее время некоторые исследователи совершенно справедливо характеризуют когнитивную лингвистику как новую научную парадигму. В исследованиях, проводящихся в рамках когнитивной лингвистики нельзя обойтись без творческого подхода, который в свою очередь неразрывно связан с философией и искусством. Процесс познания (в данном случае речь идет о языковых формах), который на данном этапе также неотделим от творчества, посредством слияния когнитивной лингвистики и философии приводит к созданию принципиально нового знания.

Когнитивная наука тесно связана с понятием культуры. Утверждение Бердяева Н.А. наилучшим образом определяет предмет когнитивной лингвистики как "духовную культуру нации через ее выражение в языке" [1, с.38].

В рамках когнитивных исследований к определению понятия культуры чаще всего применяют деятельностный подход, где культура рассматривается как объект, процесс и результат деятельности человека, а также суммативный подход, определяющий культуру как совокупность определенных характеристик, правил, норм, мировоззренческих установок, ценностей, традиций и т.п., которые были усвоены человеком как членом общества.

Каждый человек имеет свои индивидуальные представления об окружающем его мире. «Картина мира» является одним из основных понятий

когнитивной лингвистики, под которым понимается результат переработки информации о среде и человеке. В недрах языка формируется языковая картина мира, в то время как сам язык выражает и объясняет другие картины мира человека, которые входят в язык через определенный набор лексических единиц и привносят в него черты человека и его культуры.

На данном этапе развития когнитивного знания в понятие “картины мира” включаются несколько факторов:

- картина мира имеет промежуточное положение между мировоззрением и наукой, что доказывает неразрывную связь когнитологии, философии и искусства;

- картина мира это мировоззрение, включающее социальную практику;

- картина мира как вид философской рефлексии;

- картина мира как вид научного знания.

Несомненно, что когнитивная лингвистика как раздел когнитологии является междисциплинарной областью исследования, поэтому многие исследователи и философы выделяют ее в новую, развивающуюся научную парадигму, которая обладает необъятным полем деятельности для ученых-когнитологов.

В современной науке, независимо от школ и направлений, признается многоступенчатый и многоуровневый характер когнитивных процессов, что предполагает наличие многоуровневой интегрированной системы переработки информации.

Литература

1. Баева Л.В., Карабущенко П.Л., Романова А.П. Философия науки (курс лекций); Издательский дом «Астраханский университет» 2006.

2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика (учебное пособие); Минск «Гетра системс», 2005.

© Смирнова Ю.П., 2012

УДК 811.161.1

Сулейманова А.К.
г. Уфа (Россия)

Терминологическая метафора как феномен профессионального знания

Современная лингвистическая наука проявляет значительный интерес к исследованию языковых единиц специальных (профессиональных) областей прикладного знания. При этом расширяются рамки нормативного и дескриптивного подходов к рассмотрению терминологической лексики за счет интегрирования знаний лингвистики, психолингвистики, семиотики, логики

и др. наук. Изучение профессиональных языков сквозь призму антропоцентрической парадигмы открывает научные перспективы в обнаружении и в теоретическом и практическом подтверждении тесной связи знаковой системы языка с познавательной активностью человека.

Пути и способы взаимодействия специалиста с окружающим миром, процесс познания им действительности, этапы преобразования полученного в течение всей жизни знания и его трансформация в метальные и языковые структуры ярко представлены в терминологической метафоре. Процессы «кодирования» и «декодирования» профессиональной информации проходят в терминологической номинации достаточно активно, поскольку в «сфере терминообразования наиболее отчетливо наряду с коммуникативной проявляется когнитивно-познавательная функция языка» [1, с.7].

Лингвистические исследования последних лет предлагают новый взгляд на метафору, которая воспринимается как вербализованный способ восприятия и постижения мира, как универсальный познавательный механизм [2]. Это уже не столько средство украшения речи, сколько способ мышления индивида, способ восприятия, познания, структурирования и объяснения мира: «Метафора – это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы» [3, с.36].

Дж. Лакофф и М. Джонсон высказали в своей работе мысль об истинности научного знания, передаваемого посредством метафоры. По мнению исследователей, «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, по сути своей метафорична» [4, с.25]. Однако метафора не только отражает наше мышление, в определенной степени она и формирует его. «Метафоричность» познания человеком действительности делает метафору необходимым элементом научного творчества, мощным двигателем научного знания, что связано, видимо, с тем, что «сила метафоры – в способности ломать существующую категоризацию, чтобы затем на развалинах старых логических границ строить новые» [5, с.442].

Профессиональная метафора – это органичный синтез профессионального, рационально-логического и языкового знания, который находит свою реализацию в профессиональной деятельности. В метафоре совмещены три важные для человека области – жизненный опыт, профессиональная деятельность и культура народа, представителем которого является данный специалист. Удачно подобранная для обозначения нового явления профессиональная метафора может стать импульсом для развития нового знания на основе системных сопоставлений двух соединенных метафорой явлений. С помощью метафоры презентуются скрытые отличительные характеристики

предмета или явления, создаются условия для переноса знаков из непрофессиональной области в профессиональную. Закрепленная в терминосистеме определенной области знания терминологическая метафора позволяет рассмотреть предмет или явление сквозь призму другого предмета или явления, выявить структурное сходство сравниваемых объектов, установить сложные ассоциативные связи между предметами и явлениями окружающего мира, актуализировать мотивационно-семантический признак, таким образом используя уже имеющиеся знание и опыт для познания и освоения нового, что, безусловно, является действенным способом организации познавательной деятельности и способствует повышению эффективности профессиональной деятельности.

Участвующие в процессе терминологизации на основе метафорического переноса слова общелитературного языка сами по себе не выражают научного понятия – они проходят сложный путь кодировки и перекодировки обыденного знания в научное. Переходя в терминосистему конкретной области знания, слово общелитературного языка получает терминологическое значение и становится однозначным, однако только в рамках определенного (специального) контекста. Исследователями выделяется ряд условий, необходимых для возникновения профессиональной метафоры в языковом поле: 1) сематическое преобразование исходной языковой единицы с модификацией значения в сторону образности путем полного или частичного отвлечения от лексического значения исходной лексемы; 2) обозначение с помощью уже известных языковых единиц нового понятия с целью сделать его более доступным для речевой интеракции; 3) стремление к точности выражения экспрессивно-стилистических намерений индивида; 4) нарушение правил формально-логического мышления и появление метафоры как продукта озарения (инсайта), являющейся результатом четких логических процедур и многоступенчатых когнитивных операций [6, с.22-23].

Терминологические метафоры – явление достаточно широко используемое языком науки, что объясняется тем, что метафора как результат когнитивной, перцептивной деятельности индивида выполняет различные функции.

Одна из основных функций научной метафоры – коммуникативная, то есть функция передачи научной информации, обеспечивающая возможность общения специалистов и рождение в результате этого общения нового знания. Терминологическая метафора используется для обозначения предметов и явлений, сущность которых недостаточно определена. Метафора является средством получения нового знания, его включения в уже существующую систему научных представлений, а также определения дальнейших путей развития знания. Широкие возможности метафоры объясняются тем, что она, используя различные ассоциативные механизмы, способствует генерации нового знания в сознании партнера по коммуникации, позволяя при

этом представить новую информацию в краткой и доступной для адресата форме.

Метафоры в языке науки способствуют активизации исследовательской мысли, что свидетельствует о важности когнитивной (или познавательной) функции, поскольку метафора, как и научное знание в целом, служит для получения и переработки информации, позволяет индивиду улавливать и вербально выражать сходство между разными явлениями, используя особый тип ассоциативного мышления, играющего большую роль в научном познании: «метафорическое моделирование – это отражающее национальное, социальное и личностное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности к совершенно иной понятийной области» [3, с.47]. В современных исследованиях метафора рассматривается как когнитивный процесс, с помощью которого мы углубляем наше представление о мире и создаем новые гипотезы [7].

Не менее важна и номинативная функция метафоры, поскольку в термине, образованном на основе метафорического переноса, представлено научное знание, существенные свойства его элемента, актуализированы релевантные признаки предметов или явлений окружающей действительности.

Прагматическая функция метафоры реализуется при замене термином-метафорой немотивированных заимствованных терминов или терминов с большим количеством терминоэлементов.

Моделирующая (схематизирующая) функция метафоры позволяет сохранить связь с культурой страны, народа, поскольку метафора позволяет не только создать определенную модель мира, но и представить взаимосвязь между его элементами.

Одна из главных функций метафоры в общелитературном языке, образительная, реализуется в научной метафоре только на начальном этапе метафорического терминообразования, после закрепления метафорического термина в системе терминов определенной области знания образность и наглядность метафоры как бы отходят на второй план, а затем и вовсе стираются, оставляя термин как языковой знак, называющий научное или техническое понятие. Рассмотренные функции научной метафоры, как и функции научного языка, не являются четко разграниченными, они тесно связаны друг с другом и взаимообусловлены.

Метафора, один из главных компонентов нашего языкового мышления, активно участвует в образовании новых терминов. Посредством метафоры передается истинное научное знание. Значимость метафоры для научной мысли не вызывает сомнения. Более того, по мнению теоретика метафоры М. Блэка, «...возможно, любая наука начинается с метафоры и завершается алгеброй, и, возможно также, что без метафоры наука никогда не достигла бы алгебры» [8, p.272].

Литература

1. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 112 с.
2. Шитикова Е.В. Процесс формирования метафорического значения: когнитивный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2002. – 19 с.
3. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – Екатеринбург: Урал.гос.пед.ун-т, 2003. – 238 с.
4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Теория метафоры: сб. / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступит. ст. и сост. Н.Д.Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
6. Зубкова О.С. Лингвосомиотика профессиональной метафоры: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Курск, 2011. – 48 с.
7. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры / пер. с англ. // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358-387.
8. Blacke M. More about metaphor // *Dialectica*. – 1977. – Vol.31.

© Сулейманова А.К., 2012

УДК 801.4

Сыртланова Р. Р.
г.Уфа (Россия)

Поиск слов в Интернете как средство обучения лексике на занятиях по английскому языку

Уровень: от среднего до продвинутого

Время: 30-60 минут, распределенных на несколько занятий

Цели: Поощрить студентов к изучению того, как используются слова и фразы, выписывая в Интернете образцы текстов.

Дать возможность попрактиковаться в использовании компьютеров и программного обеспечения, не теряя при этом из вида потребности в изучении иностранного языка.

Материалы: компьютеры, доступ к Интернету, конкордансное программное обеспечение.

Приготовление:

1. За 1-2 урока до того, как вы планируете использовать данную деятельность, попросите группу студентов выбрать тему, которая их интересует, и обсудить сообща, какие слова и фразы они ожидают найти в текстах на эту тему. Попросите их сократить список до 5-6 ключевых единиц.

2. Откройте ваш браузер и выберите инструмент поиска, такой как

Google или Alta Vista, чтобы найти в сети тексты, содержащие слова и фразы, которые вы выбрали. На этом этапе не загружайте сами тексты, а только списки Web-адресов. Первых 10-20 адресов для каждого слова или фразы, вместе с текстовым контекстом, который обычно также дается, будет достаточно. Сохраните списки, если вам нужно будет прервать работу.

3. Прочтите ваши списки адресов: используйте информацию контекста, чтобы выбрать 10-15 текстов. Загрузите их и запишите на диск.

4. Используйте соответствующее программное обеспечение (например, World в WordSmith Tools), чтобы подготовить список слов для каждого текста и комбинированный список слов для всех текстов: они покажут слова, использованные в тестах, вместе с количеством случаев их появления. Отредактируйте списки слов, чтобы исключить слова, которые встречаются очень часто в языке, такие как артикли и местоимения. Возможно, вы решите отредактировать еще раз и изменить формат списков в “электронном редакторе”.

5. Распечатайте и размножьте первоначальные тексты и списки слов. Вам потребуется одна копия (или более) каждого текста, чтобы повесить на доске или разложить на столах, и каждому студенту понадобится одна копия отдельных списков слов и одна копия комбинированного списка слов. Вам также необходимо иметь несколько дополнительных копий каждого теста для чтения их студентами дома.

6. Порядок действий.

1) Повесьте по одной копии каждого теста на стенах или на столы, так чтобы их легко можно было увидеть и прочитать. Если группа большая, вам потребуется более одной копии каждого теста.

2) Дайте каждому студенту одну копию списка слов для каждого из тестов. В маленьких группах у каждого студента должен быть свой, отличный список слов.

3) Попросите студентов просмотреть свой список слов в течение 1-2 минут, а затем пройтись по аудитории и попытаться найти первоначальный текст, на основе которого он был подготовлен. Когда они сделают это, студенты должны сесть и подчеркнуть в своем списке все слова или фразы, которые они не знают, или о которых они хотели бы получить дополнительную информацию.

4) По мере того как студенты заканчивают выполнять шаги 2 и 3, они образуют пары или группы из трех человек, чтобы обсудить а) были ли они удивлены языком или содержанием текста, который они нашли и б) удовлетворили ли тексты в целом их ожидания при первом выборе слов или фраз, которые они дали.

5) Попросите студентов образовать группы из 5-6 человек и дайте каждому студенту копию комбинированного списка слов. Предложите им использовать списки, чтобы получить список новых слов или фраз для по-

иска (как в шаге 1 приготовлений, описанных выше). Если в аудитории есть компьютеры, студенты в небольших группах могут следить за конкордансным листингам непосредственно на экране дисплея, размышлять о более широком контексте (словарь, ситуация и т.д.) каждого отрывка, а затем развернуть его, чтобы проверить свои предсказания. Если листинг основан на ряде различных текстов, имена файлов и номера строк могут также быть показаны, что облегчает студентам доступ ко всему тексту, который интересуется их, и дает возможность распечатать его для дальнейшего чтения.

Комментарии:

Для поиска в сети используется ваш браузер, чтобы получить доступ к одному из множества доступных инструментов поиска, введите слова, которые вы хотите найти, подождите, пока не получите страницу (или что бывает чаще, страницу за страницей) web-адресов, а затем получайте доступ, кликая мышкой, к тем текстам, которые вам нужны. Однако, у вас могут возникнуть проблемы из-за огромного количества информации, через которое вам нужно пройти. Как можно увеличить возможности быстрого нахождения того, что вам нужно, и как вы можете обработать наиболее эффективно полученные результаты? Вот несколько советов:

1. Если вас интересует только текст, а не красивые картинки, выключите опцию вашего браузера “fetch images automatically”.

2. Если вы извлекаете материал для дальнейшего изучения, и не нуждаетесь в его чтении по мере его поступления на ваш компьютер, выберите опцию “save to file” или “save to disk”; много времени может быть потеряно в ожидании, когда текст появится на экране.

3. Если вы используете он-лайнный инструмент поиска, проверьте опции, которые он предлагает. Вы можете ограничить ваш поиск определенной темой (“science”, “on – line newspapers” и т. д.), определенным языком и/или страной, или диапазоном дат (например, только файлами, обновленными в прошлом году).

4. При поиске конкретных фраз, убедитесь, что вы используете опцию “exact words”.

5. Не все инструменты поиска используют одни и те же методы поиска: то, что не находит один из них, может быть внесен в список другим. Используйте различные инструменты поиска или попробуйте получить доступ к одному из сайтов “metasearch; они передают его нескольким инструментам поиска, и комбинируют результаты, прежде чем отослать их обратно вам. Один из интересующих нас сайтов <http://web.corp.org.uk/wc/advanced>, который может представлять результаты поиска или как обычный листинг, или как конкордансный дисплей.

6. Текст находится в Интернете в различных формах, и не все из них легко поддаются обработке в конкордансном программном обеспечении листинга слов. Простые файлы текстов (.txt) представляют мало проблем, и

большинство конкордансеров будут рассматривать обычные web-страницы (.html,.htm). Файлы электронного редактора (.doc...rtf и т.д.) могут потребовать загрузки в соответствующую прикладную программу, а затем сохранения как простого текста, как и Portable Document Format (. Pdf) и документы Powerpoint (.ppt).

7. Многие Web-страницы содержат текст, который вам нужен, но также и многое другое: рекламу, навигационные указатели и т.д. Подвергнувшись конкордансу, такие страницы могут производить ложное впечатление, показывая неоднократно “go to top”, “buy now” и т.д. Если вам нужно работать с этими страницами, вам придется использовать функцию вашего браузера “Save as” или “Export”, чтобы превратить файл в простой текст, а затем в электронном редакторе исключить весь ненужный материал.

8. Книга “The Internet” (2000) (by Scott Windcat, David Hardisty, David Eastment) дает обширные указания по использованию Интернета для преподавателей иностранного языка.

© Сыртланова Р.Р., 2012

УДК 802/804.1-52

Таракановская О.С.
г. Москва (Россия)

**Внедрение современных педагогических технологий
в процесс совершенствования профессионально значимых
компетенций переводчиков**

Сегодня от высшего учебного заведения требуется внедрение новых подходов к обучению, гарантирующих развитие профессиональных, коммуникативных и творческих навыков учащихся на основе потенциальной вариативности содержания и организации учебно-воспитательного процесса. Все это становится возможным с помощью современных информационных (ИТО) и коммуникационных технологий обучения.

Информационная технология обучения – это педагогическая технология, использующая специальные способы, программные и технические средства (аудио- и видеосредства, компьютеры, телекоммуникационные сети, кино) для работы с информацией [3, с.47]. Новые информационные технологии обучения обозначаются также термином «компьютерные технологии обучения» (КТО).

В системе ДПО основной целью обучения является совершенствование профессионально значимых компетенций (ПЗК), и в частности, умения работать с информацией. Иностранный язык для переводчиков является

средством осуществления профессиональной деятельности. Переводчикам необходимо владеть интеллектуальными способностями критического мышления при работе с информацией, как на русском, так и на иностранном языке. Безусловно, приоритет в поиске информации ведущими учеными все больше и больше отдается Интернету [2, с.82]. Специфика технологий Internet заключается в том, что они предоставляют и педагогам, и учащимся громадные возможности выбора источников информации, необходимой в образовательном процессе:

- базовая информация, размещенная на Web- и FTP-серверах сети (англ. File Transfer Protocol- «протокол передачи файлов», технология передачи по сети файлов произвольного формата);

- разнообразные базы данных ведущих библиотек, информационных, научных и учебных центров, музеев;

- информация о книгах и журналах, распространяемых через Internet-магазины [5, с.113].

Это создает реальные условия для расширения кругозора, самообразования, повышения квалификации.

Следует отметить, что для переводчиков общественно-политическая, экономическая тематика является одной из ведущих как в процессе подготовки, так и во время осуществления своей профессиональной деятельности, поэтому информационные Интернет-ресурсы по данной тематике играют важную роль в формировании коммуникативной компетенции. Информационные Интернет-ресурсы по вышеуказанной тематике - это, прежде всего, сайты средств массовой информации, официальные порталы правительств, президентов, монархов разных стран. Самыми популярными изданиями являются электронные версии газет. Практически все значимые газеты в мире имеют свои web-страницы. Для получения необходимой информации о существующих газетах и размещении их web-страниц, автор Веревкина-Рахальская Ю.Н. предлагает посетить страничку MEDIA LINKS (<http://www.mediainfo.com/emedialinks>), имеющую ссылки к множеству изданий.

Работа с онлайн-версией газеты предоставляет уникальные возможности межкультурной коммуникации. Помимо получения информации о текущих событиях в мире, учащиеся могут высказываться относительно прочитанного и принимать участие в обсуждении заинтересовавших их проблем.

Компьютерные программы имеют свои преимущества, как вспомогательные средства обучения иностранному языку и переводу. Они позволяют осуществлять индивидуальный подход к учащимся. Мультимедийные технологии позволяют преподавателю корректировать учебные планы исходя из интересов и возможностей отдельных студентов [1, с.81]. Формы работы с обучающими программами по переводу в системе ДПО могут быть разнообразными, например: совершенствование лексических и грамматических навыков перевода; контроль правильности перевода; овладение умением

редактирования текстов переводов с использованием текстовых редакторов и систем машинного перевода и т.д.

Решение многих проблем в процессе совершенствования навыков переводчиков невозможно без ИКТ. Главным и определяющим преимуществом ИКТ перед всеми другими средствами обучения является возможность создания учебной языковой среды, приближающейся по аутентичности и интенсивности языкового общения к реальной коммуникации, чего нельзя было достичь всеми ранее использовавшимися средствами обучения [4, с.213]. Вторым по важности моментом в пользу применения ИКТ при изучении этой дисциплины в высшей школе можно считать конструктивно обусловленный индивидуализированный характер обучения, что особенно важно при наличии контингента слушателей с самыми разными уровнями владения языком, разной степенью мотивации и степенью сформированности умений и навыков, различными психофизиологическими особенностями.

Практика применения ИКТ при совершенствовании ПЗК переводчиков показывает, что эффективность в этом процессе может быть достигнута при научно–обоснованной организации этих технологий, опирающейся на определенную модель [7, с.73]. Такая модель должна учитывать общепедагогические принципы, отражать современные концепции обучения, прежде всего, иностранным языкам. На основе вышесказанного можно определить психолого–педагогические требования к образовательной информационно–коммуникационной среде обучения иностранным языкам: личностная ориентированность, технологичность, аутентичность, коммуникативность.

Такая образовательная среда должна помочь реализовать следующие виды деятельности обучающегося (причем совершенствование языка происходит в рамках каждого из них):

1. Обработку информации при общении – понимание, продуцирование речи, перевод компьютеризированных мультимедийных коммуникационных материалов, начиная с текста и кончая звуком и видео.

2. Коммуникационное взаимодействие – базирующееся на компьютерных технологиях дистанционное общение с другими людьми.

3. Поддержку общения – предоставление справочных лексических, терминологических и энциклопедических средств, грамматической и фразеологической помощи в продуцировании высказывания, а также осуществление посреднической роли (письменный и устный перевод) на базе ИКТ.

4. Поддержку изучения языка – доступ к компьютеризированным «специализированным» блокам или «глобальным» курсам для изучения языков [6, с.115].

В последнее время преподаватели иностранного языка, которые идут в ногу со временем и ориентируются на современные технологии обучения, всё больше акцентируют своё внимание на методе кейс-стади, который относится к интенсивным и интерактивным технологиям активного обучения,

нацеленным на сотрудничество и деловое партнёрство, так как работа происходит в группах. Его можно рассматривать как синергическую технологию, суть которой заключается в подготовке процедур погружения группы в ситуацию, в формировании эффектов умножения знаний.

А. Долгоруков даёт следующее определение понятию: «метод case-study или метод конкретных ситуаций (от английского case – случай, ситуация) – метод активного проблемно-ситуационного анализа, основанный на обучении путем решения конкретных задач – ситуаций». Поэтапную работу над ситуацией в аудитории в процессе повышения квалификации переводчиков можно представить следующим образом [1, с.13]:

1. Этап введения в кейс, ознакомление студентов с ситуацией.
2. Анализ ситуации. На данном этапе участники задают руководителю вопросы с целью получения дополнительной информации, которые фиксируются на доске для последующего обсуждения.
3. Этап презентации решений по кейсу.
4. Этап общей дискуссии. На данном этапе преподавателю нужно принять во внимание тот факт, что обучающиеся могут высказывать точки зрения и взгляды, не предусмотренные заранее.
5. Этап подведения итогов. В заключение ко всему, звучит завершающая речь преподавателя, в которой он комментирует выполненную слушателями работу в целом и в микрогруппах и, при необходимости, даёт оценку и обозначает своё мнение на результат анализа ситуации [1, с.28].

Педагогический потенциал метода кейсов значительно больше педагогического потенциала традиционных методов обучения. Будучи формой интерактивного обучения, кейс-метод завоевывает позитивное отношение со стороны студентов, которые видят в нём игру, где они имеют возможность проявить и усовершенствовать аналитические и оценочные навыки, научиться работать в команде, применить на практике теоретический материал, увидеть неоднозначность решения проблем в реальной жизни, найти наиболее рациональное решение.

Результативность использования кейс-метода зависит от множества факторов, которые должны отслеживаться преподавателем при планировании предъявления того или иного кейса. Знание основных особенностей типологии кейса является необходимым условием реализации метода, а значит, осуществление продуктивной иноязычной речевой деятельности обучаемых в процессе совершенствования ПЗК [1, с.93].

Неограниченный объем материала в сети и возможности вышеописанных инновационных технологий позволяют выбирать и экспериментировать, делают полученные знания более осознанными, повышают мотивацию учащихся, совершенствуют умения работы с информацией, а также способность к межкультурной коммуникации, делают процесс совершенствования ПЗК более эффективным.

Литература

1. Долгоруков А. Метод case-study как современная технология профессионально - ориентированного обучения. М.: Владос, 2007.- 118 с.
2. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании: Учеб. пособие для студ. высш. учеб.зав. М.: Издательский центр «Академия», 2002.-193 с.
3. Кларин М.В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии. (Анализ зарубежного опыта). Рига, НПЦ “Эксперимент”, 1998.- 213 с.
4. Москалёва И. С., Голубева С.К. Использование компьютерных технологий для профессиональной подготовки учителей иностранного языка // Иностранные языки в школе. – М., 2005. - № 1.
5. Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений // А. П. Панфилова. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 192 с
6. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учебное пособие для студентов педагогических вузов и системы повышения квалификации педагогических кадров. М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 272 с.
7. Холодкова И.В. Интеграция дистанционной и традиционной форм обучения. // Вестник МГОУ. Серия “Открытое образование”.- №2 (33). Том 1.- 2006.- М.: Изд-во МГОУ, 1995.- с.13-18.

© Таракановская О.С., 2012

УДК 81’42

Таукенова Г.З.
г.Актобе (Казахстан)

Категория времени и ее отражение в дискурсе

Категория времени в дискурсе – одна из самых сложных категорий языка, для интерпретации которой требуется разностороннее рассмотрение, так как во всех языках так или иначе имеются языковые средства, выражающие отношение действия к моменту речи, характер протекания действия во времени и отношения между действиями. Будучи фундаментальной категорией научной картины мира, время репрезентирует языковую универсалию и является одним из важнейших элементов языковой картины мира. Поэтому в лингвистике отводится значительное место исследованию этой категории.

Категория времени – важная универсальная категория, которая одновременно является сложной для постижения и абстрактной. Это проявление бытия с точки зрения прошлого, настоящего и будущего и покоящихся на

них отношений «раньше», «одновременно», «позже». В различных системах знания существуют разнообразные представления о времени: научно-философское, научно-физическое, теологическое, бытовое и др. Множественность подходов к выявлению феномена времени породили неоднозначность его толкования. В философском осмыслении, являющемся общезначимым, время понимается как «всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире». Материя существует лишь в движении, а движение есть сущность времени, постижение которой во многом детерминировано культурным складом эпохи. Понятие времени выражает длительность и последовательность событий. Оно неразрывно связано с изменением, без которого (то есть без процессов) нет времени. Но время не тождественно изменению и изменяющемуся. Время безразлично к тому, что именно изменяется, оно независимо от процессов. Время представляет собой единство (целостность) прошлого, настоящего, будущего и характеризуется прежде всего длением, течением и открытостью. В терминах времени осуществляется категоризация мира [1, с.270-271]. Полагается, что представление о времени начинается с перемещения; любые изменения, как внешние изменения координат вещи, так и внутренние изменения вещи по отношению к другим ее состояниям, осуществляются во времени. Не случайно Платон назвал время движущимся подобием вечности. Категории времени и пространства подвергались тщательному анализу в работах многих ученых прошлого (М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, И.Р. Гальперина, З.Я. Тураевой, Н.Д. Арутюновой, В.Н. Топорова, А.П. Флоренского и многих других), что позволяет сосредоточить внимание на актуальных вопросах, имеется большое количество работ, освещающих разные формы выражения этих текстовых категорий. В них подробно описаны грамматический, лексико-семантический, стилистический аспекты, концепции хронотопа, особенности категорий времени и пространства, отличающих конкретные художественные произведения, целые литературные циклы или творчество отдельно взятого писателя и др. В последние десятилетия категория времени по-новому рассматривается в своих языковых проявлениях в связи с интенсивным развитием когнитивной парадигмы знания в лингвистике и интеграцией смежных гуманитарных наук. Язык, как основной способ отражения объективной реальности, располагает целым спектром средств для выражения временных отношений. Языковое время выступает способом презентации в языке тех отношений, в которых находятся свойства различных форм времени.

Дискурс – процесс языковой деятельности, социально обусловленная организация системы речи, а также определённые принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется в те или иные периоды времени. Чёткого и общепризнанного определения «дискурса»,

охватывающего все случаи его употребления не существует, но в отношении времени под дискурсом можно подразумевать письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия. Коммуникативная функция является одной из основных, базовых функций языка. Язык призван «быть орудием передачи информации от одного участника коммуникации другому». При декодировании языковых сообщений используются не только знания о языке, но и различные знания о мире, социальный контекст высказывания, предыдущий опыт (память) и другие факторы. Как отмечают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, «коммуникация возможна при наличии некоторого общего, так называемого, фонового знания, равно присущего как адресанту, так и адресату» [2, с.5-6].

Под дискурсивном временем можно понять обозначение временной соотнесённости реальных событий, воспринятых через эмоциональные состояния, в тексте либо в устном дискурсе. Дискурсивное время обеспечивается функционированием средств, принадлежащих к разным уровням языка. К ним относятся, в первую очередь, грамматические формы глагола, наречия времени, предложные и беспредложные конструкции существительных с темпоральной семантикой. Выражение темпоральных, аспектуальных и таксисных отношений свойственно всем языкам, но средства этого выражения идиотничны. Универсальность отношений дискурсивного времени предопределяется структурой прототипической коммуникативной ситуации и служит основой для сопоставительных исследований временных отношений в дискурсе. Если реальное время одномерно (временная ось, одномерный временной континуум, координаты, точка отсчёта), то дискурсивное время может быть многомерным – в первую очередь, в художественной литературе. В устном модусе дискурса также встречаются маркеры прерывания временной последовательности. Дискурсивное время, таким образом, в отличие от реального, обладает свойством обратимости. Реальное время – непрерывный континуум, впрочем, прерывистость (фазы, стадии) вносится в него объектами. В реальности мы наблюдаем природное диалектическое единство континуальности (дискретности; непрерывности) прерывистости. Перцептуальное и дискурсивное время также обладают свойством прерывистости: в них также есть фазы, эпизоды, события [3, с.173-180].

Все элементы дискурса являются темпоральными, так как все они представляют высказывания о чём-либо в свете прямо понятого времени (во временном аспекте). Э. Бенвенист писал: «Может показаться, что темпоральность – это врожденная основа мышления. Однако в действительности темпоральность возникает в акте высказывания и через высказывание...» [4, с.287]. Время дискурса может быть многомерным, дискретным, обратимым и разнонаправленным. Но самое интересное состоит в том, что в дискурсе категория времени может являться одной из основных структурирующих

категорий, планирующим фактором в композиции текста или диалога, даже ориентиром при восприятии текста или диалога слушателем. Поэтому одной из интереснейших проблем современной лингвистической и литературоведческой науки является изображение времени в дискурсе (особенно в письменном дискурсе), создание меняющейся временной перспективы и изучение тех языковых средств, которые принимают в этом участие. По словам Д.С. Лихачёва, «категория времени имеет всё большее и большее значение в современном понимании мира и в современном отражении этого мира в искусстве». Понятие «время» в дискурсе охватывает все сферы представления темпоральности в языке, включая категории, репрезентирующие идею времени: таксис, грамматическое время, темпоральность, аспектуальность, лимитативность и др. Время не только экзистенциальная, но и лингвистическая ценность, о чём свидетельствует обилие средств вербализации концепта «время». Кроме того, тяготение темпоральной лексики и вынос в начало дискурса репрезентаций времени указывает на крайнюю важность данного концепта для актов коммуникации, ментальных процессов, а также для реализации авторских интенций. Таким образом, концепт времени выступает как ценностно-ориентированный репрезентант различных сфер человеческой деятельности [5, с.91].

Подытоживая, хочется отметить, что категория времени является проявлением общего понятия «темпоральности», которая на современном этапе развития лингвистики рассматривается как функционально-семантическое поле, состоящее, в свою очередь, из многочисленных взаимодействующих и пересекающихся микрополей, что позволяет трактовать проблему времени как чрезвычайно сложную. Темпоральность, рассмотренная в аспекте филологического анализа, способствует выявлению новых качеств времени через оперирование особенностями функционирования языковых единиц. Поэтому изучение модели времени остается актуальной задачей и перспективным направлением в лингвистике.

Литература

1. Мәдени-философиялық энциклопедиялық сөздік. - Алматы: Раритет, 2004. – 320 с.
2. Грушина Н.Б. Концепт «время» в дискурсе современных художественно-публицистических журналов: На материале журнала "Новый мир": диссертация ... кандидата филологических наук. - Санкт-Петербург, 2002.- 216 с.
3. Кашкин В.Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. - Воронеж: Издатель О.Ю.Алейников, 2010. – 382 с.
4. Бенвенист Э., «Общая лингвистика». - Москва: Прогресс, 1974. – 447 с.
5. Пушкарева И.А. Категория времени в художественно-публицистическом тексте (на материале жанра городского дневника) / Вестник Челябинского государственного университета. - 2012. № 2 (256). – 91-96 с.

© Таукунова Г.З., 2012

Диалог в современном массмедийном дискурсе

Диалогизация является не только принципом построения текста, но и способом организации в нем языкового материала. Диалог сформировался еще в сократических школах. В форме диалога написаны сочинения Платона. В Древней Греции были предприняты попытки не только определить правила постановки вопросов, но и установить методы вопросов и ответов. Позднее немецкий философ И.Кант подчеркивал: "Умение ставить разумные вопросы есть уже важный и необходимый признак ума или проницательности" [6, с.159].

Преимущества диалога для полемических произведений не вызывают сомнений: "Беседа двух персонажей невольно втягивает читателя в обмен репликами, заставляет внутренне слышать речь персонажей, чем значительно повышает его эмоциональное напряжение. Диалог опосредованно обращен к читателю. В отличие от монолога, где читатель как бы в стороне наблюдает за ходом мысли персонажа, диалог включает его в действие" [7, с.64]. Можно согласиться с тем, что уже сама диалогическая форма является средством оценки и интерпретации соответствующих аспектов темы, точек зрения, позиций участников диалога и т.д. (см. работы А.Н.Кожина).

Специфические черты диалогической речи привлекают все большее внимание современных исследователей, поскольку для языковой действительности рубежа XX и XXI веков характерна явная экспансия диалога и полилога. В современной немецкой лингвистике проводится, как правило, четкое разделение двух понятий *Text-* и *Gesprächspassage*) [12, S.11]. Диалог (от греч. *dialoges* – разговор, беседа) – тип или форма речи, состоящая [2, с.135] из регулярно сменяющих друг друга реплик, т. е. высказываний участников разговора. Диалог, по мнению В.Д. Девкина [5, с.5], является одной из самых существенных форм реализации языка.

В некоторых функциональных разновидностях современного немецкого языка, например, в языке масс-медиа (СМИ), диалог признается наиболее естественной формой коммуникации по сравнению с монологом, поскольку публичная коммуникация призвана содействовать диалогу, взаимопониманию и взаимодействию. В журнальной публицистике широкое распространение получил вид текста интервью, который выделяется в современной массмедийной ситуации высокой степенью востребованности и частотностью. Интервью как вид текста позволяет воспроизвести различные точки зрения.

Использование языковых средств в медиатекстах является областью

исследования специальной лингвистической дисциплины медиалингвистики (Medienlinguistik), которая представляет собой [10, S.256] составную часть (linguistische Teildisziplin) общей лингвистики. При этом данная область изучается и теорией коммуникации (Kommunikationswissenschaft), публицистикой, а также журналистикой. Медиакommunikation исследуется, кроме того, социологией, политологией, обществоведением, психологией и педагогикой.

Для диалогической речи, проходящей в условиях межличностной коммуникации, характерны, на наш взгляд, следующие функциональные черты, которые и способствуют дальнейшему продвижению диалогических текстов, а именно: непосредственное участие в речевом акте адресанта и адресата речи; непринужденность речевого общения; устная форма; персональная адресность речи; наличие непосредственной обратной связи; ситуативность, т.е. опора на ситуацию, в которой происходит диалог и др. [8]. Приведенные выше функциональные черты диалога обусловлены тем, что для него характерен непосредственный контакт собеседников, находящихся в одно время в одном пространстве.

Диалог предполагает взаимный обмен репликами, которые закреплены за субъектом речи и направлены адресату речи, реципиенту. Предметом диалога является широкий круг проблем, при этом каждый из коммуникантов привносит свою речевую манеру. Диалог имеет свою систему средств вербализации. Здесь наблюдается нормативное употребление значительного числа вариативных форм.

Настоящая работа выполнена на материале текстов интервью журнала „DER SPIEGEL“, относящегося к числу престижных изданий качественной немецкой прессы. Интервью как вид текста получает здесь особую функцию — сохранить культуру общения, реальность диалога в канонизированной, общепризнанной социально-коммуникативной форме и восполнить недостаток диалогичности массовой коммуникации, при этом в данном виде текста актуализируются приемы живой диалогической речи. Интервью рассматривается нами как вид публицистического текста, воплощающий современный масс-медийный дискурс в разговорно-диалогической форме, и являющийся эффективным способом представления разнообразной информации и воздействия на аудиторию.

Интервью как вид текста может быть представлено различными под-видами. Это могут быть [1, с.201] интервью вопросно-ответного типа, интервью комплексно-тематического типа: за развернутыми репликами репортера следуют более развернутые реплики интервьюируемого - и интервью-обсуждение: репортер побуждает интервьюируемого к развернутым репликам и сам при этом выступает с развернутыми репликами оценочного характера. Известное разнообразие внутривидовых форм текстов интервью определяется комбинациями коммуникативно-прагматических и лингвистиче-

ских признаков, присущих интервью как виду текста современного масс-медийного дискурса.

При написании данного вида (подвида) медиа-текста журналист принимает во внимание прежде всего невербальную форму подачи информации, а именно: наличие фотографий, различных шрифтов, определенного расположения материала. При этом все элементы – как вербальные, так и невербальные – взаимосвязаны и образуют единую систему [4, с.113].

Участники интервью равноправными коммуникативными партнерами не являются: коммуникативное поведение интервьюируемого зависит от поставленных перед ним вопросов, оно предопределяется ими (в отдельных случаях реплики журналистов могут быть оформлены как простые распространенные предложения), но при этом, безусловно, существует известная свобода в отношении объема и формулировки ответов. Как отмечал Л.В. Щерба, "репликам абсолютно не свойственны сложные предложения ... репликам свойственны ... всевозможные фонетические сокращения, и неожиданные формообразования, и непривычные словообразования, и странное на первый взгляд словоупотребление, и, наконец, всякие нарушения синтаксических норм ... ." [7, с.115-11].

Диалогический характер интервью порождает важные особенности речи. Так, для текстов интервью характерны два вида вопросов - уточняющие и восполняющие вопросы. И если (1) уточняющие (закрытые) вопросы направлены на выявление истинности или ложности заключенного в них суждения, то (2) восполняющие (открытые) вопросы направлены на выяснение новых знаний относительно проблематики, обсуждаемой в интервью, например: (1) SPIEGEL: *Wäre es nicht im Geiste des Gesetzes, auch das britische Verfahren zu fassen?*; (2) SPIEGEL: *Wie konnte die Gesetzeslücke entstehen ?* (Der Spiegel 7.4.08, S. 144). С грамматической точки зрения для восполняющих вопросов характерно наличие вопросительных слов: *wie, wo, wann, wohin, warum, wer, was* и др.

Несмотря на то, что речь каждого говорящего индивидуализирована, в целом для ответов характерна свернутость синтаксических конструкций, т.е. структурная неполнота, и, как следствие, эллиптичность речи. Ср.: *Das Deutsche Gesetz etwa spricht von der Verwendung von menschlichen Ei- und Samenzellen. Die hat man in Newcastle aber gar nicht gebraucht* (Der Spiegel 7.4.08, S.144).

В текстах интервью наблюдаются две прямо противоположные тенденции, а именно: компрессия и избыточность при передаче информации. Компрессии подвергаются семантически избыточные компоненты. Существуют различные виды компрессии, в частности, фонетическая, морфологическая, синтаксическая компрессия. Для синтаксической компрессии характерен эллипсис. Так, например, могут опускаться вспомогательные глаголы, личные местоимения, существительные. В последнем случае могут исполь-

зоваться только артикли, например: Nach Paragraf 104 unseres Strafgesetzbuches dürfen die Steine nicht zu groß sein. Den ersten darf der Richter werfen (Der Spiegel 7.4.08, S. 107). В ответах могут использоваться предложения, состоящие из одной лексической единицы, например: SPIEGEL: Kann man das Popstar-Dasein vom Ruhm trennen? Williams: Klar. Ein Popstar zu sein, heisst ins Studio zu gehen und einen Song zu schreiben, der Menschen das Herz brennen wird (Der Spiegel 11.10.10, S. 141).

Специфика интервью состоит в том, что оно проводится с глазу на глаз, изначально предполагая публикацию в средствах массовой информации. Интервью по актуальным и злободневным вопросам, опубликованные в журнальной прессе, представляют собой не первичный (примарный) [9, с.479; 11, с.385], как диалог по радио или по телевидению, а переработанный (вторичный, или секундарный) диалогический текст. Первоначальная устная форма представления этого вида публицистического текста связана со слуховым каналом передачи информации. Однако, уже при подготовке к проведению беседы с тем или иным политическим или общественным деятелем, известным предпринимателем, спортсменом, деятелем культуры журналист не только определяет тему предстоящего интервью, но и, как правило, делает соответствующие записи. Безусловно, диалог является специфической формой социального контакта, поскольку в его основе лежит передача информации.

Литература

1. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1983. – 271 с.
2. Винокур Т.Г. Диалогическая речь // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – 2-изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 135.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 139с.
4. Гуревич С.М. Номер газеты. – М.: Аспект – Пресс, 2002. – 191 с.
5. Девкин В.Д. Диалог. Немецкая разговорная речь. – М.: Высш. шк., 1981. – 160 с.
6. Кант И.Сочинения. – Т.3. – М.: Наука, 1964.
7. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Наука, 1957.
8. Яковлева Э.Б. О типологических характеристиках многосторонних форм речи // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Вып. 5. – Орел, 2007, с. 6-14.
9. Bucher H.-J. Dialoganalyse und Medienkommunikation // Handbuch der Dialoganalyse / Hrsg. von G.Fritz und F. Hundsnurscher. – Tübingen: Niemeyer, 1994. – S. 471-491.
10. Perrin D. Journalistisches Schreiben. Coaching aus medienlinguistischer Perspektive // Angewandte Linguistik / Hrsg. v. Knapp K., Antos G., Becker-Mrotzek

u.a. – Tübingen u. Basel: A.Francke Verlag, 2004, 255-275.

11. Pospiech U., Bunting K.-D. Vom Schreibprozess zum Textprodukt // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache / Hrsg. v. A. Wierlacher, K. Ehlich, L. Eichinger u.a. – B. 27. – München: iudicium-Verl., 2001. – S. 379-402.

12. Sandig B. Textstilistik des Deutschen. – 2. Aufl. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2006. – 584 S.

Источников примеров

1. Der Spiegel 7.4.08; Der Spiegel 11.10.10.

© Таюпова О.И., Бычкова Н., 2012

УДК 81'42

Таюпова О.И., Шадек А.
г. Уфа (Россия)

Interkulturalität als Diskursansatz der Analyse eines literarischen Textes am Beispiel des Romans von Bernhard Schlink "Der Vorleser"

Einleitend möchten wir Autorinnen dieses Artikels einige Bemerkungen dazu machen, was uns zu diesem gemeinsamen deutsch-russischen Projekt veranlasst hat.

Im Zuge der Durchsetzung des Bologna-Prozesses auch in Russland ändern sich nicht nur die Bezeichnungen der Abschlüsse („Bachelor“ und „Master“). Es geht damit auch eine tiefgreifende Reform der Studieninhalte und deren Umsetzung einher. Um diesen neuen Anforderungen im Umgang mit modernen literarischen Texten an einer russischen Hochschule in Zukunft gerecht werden zu können, muss das bisherige Studienangebot überarbeitet, dem Internationalisierungsprozess angepasst und damit für die Studierenden attraktiver gestaltet werden. Dass dies nur im interkulturellen Kontext stattfinden kann, versteht sich in unserer Zeit von selbst.

Für die neu eingeführten Masterstudiengänge und für die auslaufenden höheren Studienjahre der Spezialistenausbildung müssen neue Angebote ausgearbeitet werden. Für die Autorinnen dieses Artikels stellt das eine besondere Herausforderung in Hinblick auf die praktische Umsetzung des Projekts dar. Wir haben versucht, nicht nur gemeinsam die Planung aus der Sicht unserer verschiedenen Kulturkreise vorzunehmen, sondern bei der praktischen Umsetzung unsere persönlichen, langjährigen Erfahrungen mit einzubringen.

B. Schlinks „Der Vorleser“ erscheint uns dafür besonders geeignet. Dieses literarische Werk ist zu einem Bestseller nicht nur in Deutschland geworden. Es ist in 39 Sprachen, u.a. von Boris Chlebnikov und Anatoli Tarasov ins Russische, übersetzt worden. Jede auch noch so gute Übersetzung kann dem Original aufgrund seiner Individualität der Autorensprache nur bedingt genügen. Der

fremdsprachige Rezipient kann einen literarischen Text in seiner Vielfältigkeit nur im interkulturellen Diskurs in der Originalfassung erschließen, da der Übersetzung Grenzen gesetzt sind. Gerade hier erweist sich die Zusammenarbeit von Nichtmuttersprachlerin und Muttersprachlerin als sehr nützlich. Deshalb schreibt auch jede von uns ihren Teil dieses Beitrages in der jeweiligen Muttersprache, um damit den interkulturellen Charakter dieser Arbeit zu unterstreichen.

Im ersten Teil setzt sich Olga Tayupova theoretisch mit dem Thema *Interkulturalität* in der modernen Philologie, insbesondere bei der Erarbeitung belletristischer Texte, auseinander.

Im zweiten Teil geht Angelika Schadek darauf ein, wie diese Erkenntnisse bei der Textanalyse von Schlinks „Der Vorleser“ bereichsübergreifend umgesetzt werden können und welche praktischen Möglichkeiten der Texterschließung sich daraus ergeben.

1. Формированию научного направления "Межкультурная коммуникация" в лингвистике способствовало осознание того факта, что даже при условии соблюдения всех языковых норм может возникнуть культурный барьер, который связан не только с различиями в нормах речевого поведения, но и с различными значениями, которые вкладывают участники общения в одни и те же лексические единицы. В этом случае существенную роль играют неадекватные фоновые знания участников коммуникативного процесса.

Во всех культурологически ориентированных лингвистиках за основу берется тезис В. фон Гумбольдта – "язык есть выражение духа народа". Таким образом, предметом изучения лингвокультурологии является культурная семантика языковых знаков, которая формируется при взаимодействии двух разных кодов – языка и культуры, поскольку каждая языковая личность одновременно является и культурной личностью [2, с.131]. Под культурой, как известно, понимаются все свойственные данному народу способы жизни и деятельности, а также отношения между людьми (обычаи, ритуалы, особенности общения и т.д.) и способы видения и преобразования мира.

Культура, созданная человеком, антропоцентрична. Она хранится и передается благодаря текстам и прежде всего, текстам художественного дискурса. С выходом на уровень текста современное понимание специфики межкультурной коммуникации расширяется, поскольку оно включает не только традиции и обычаи, речевой этикет, систему нравственных ценностей, проблемы языка и культуры, но и продукт коммуникативной деятельности человека – текст. Кроме того, межкультурное общение как взаимодействие представителей разных культур, безусловно, антропоцентрично, и может описываться в терминах теории вариативности в том плане, что создаваемые тексты различаются между собой характерными для определенной лингвокультурной общности паралингвистическими и лингвистическими характеристиками.

Значение художественных текстов для процесса социализации и

адаптации языковой личности в обществе трудно переоценить. Результатом соответствующей социализации – первичной (инкультурации) и /или вторичной (аккультурации) – является усвоение индивидом культурного пространства. И если в процессе первичной социализации формируется первичная языковая личность с присущими ей номинативными и дискурсивными стратегиями, то при вторичной социализации складывается вторичная языковая личность со свойственными ей номинативными и дискурсивными стратегиями и особыми когнитивными структурами [1,с.25]. Незнание современной национально-культурной специфики на уровне художественных текстов, играющих значительную роль в закреплении и распространении национальных стереотипов в современном обществе, приводит к нарушению процесса коммуникации в целом. В художественных текстах, в отличие от текстов, используемых в повседневной жизни членов социума, внутри-текстовая действительность «имеет креативную природу ..., носит условный, как правило, вымышленный характер» [3].

Планомерная работа с аутентичными художественными текстами может способствовать формированию у обучаемых соответствующей лингвосоциокультурной компетенции. Важен в данном случае тот факт, что любой вид речевого произведения, будучи продуктом текстовой деятельности индивидуумов определенной исторической эпохи, выступает как социально-культурный феномен, который отражает культурные и языковые традиции общества лишь в определенный исторический период. При этом в разных исторических, территориальных, культурных ситуациях запросы социума, требования, предъявляемые к коммуникативно-прагматическому нормативу, получают различное осмысление и преломление.

2. „Dieses Buch sollte man sich nicht entgehen lassen, weil es in der deutschen Literatur unserer Tage einen hohen Stellenwert besitzt.“ [4, Tilman Krause/ Der Tagesspiegel, Berlin, Klappentext]

Welchen Stellenwert dieses Werk für Germanistik-Studierende an einer russischen Universität haben kann, soll über die kritische Diskursanalyse unter dem Gesichtspunkt der Interkulturalität herausgearbeitet werden. Vor allem in seiner “historischen Dimension“ als ein „Fluss von Rede und Texten („Wissen“) durch die Zeit“ [5] wird dieser Roman die Studierenden zur kritischen Auseinandersetzung mit der darin behandelten Problematik der Aufarbeitung von Nazi-verbrechen und dem Umgang mit Naziverbrechern in Deutschland herausfordern. Andere Problemkreise des Romans, wie zum Beispiel die 68er Studentenbewegung, Frage nach Schuld und Unschuld sowie die Frage nach der Verantwortung für sein eigenes Handeln, werden bei Bernhard Schlink zu einem moralischen Diskurs, jedoch nicht zu einem moralischen „Zeigefinger“. Das gelingt ihm vor allem durch seine unverwechselbare Art der Bildhaftigkeit der Sprache, durch die der Leser eine Vielfalt an Eindrücken gewinnt. Er, der Leser, kann sich selbst durch die anschauliche Sprache Schlinks „ein Bild“ von den Haupt- und Neben-

figuren, den Geschehnissen und der Umgebung/Natur machen und für sich werten. Auch aus diesem Grunde stellt die Erschließung dieses literarischen Werkes für Studierende in Russland eine große Herausforderung dar. Aus ihren bisherigen Erfahrungen heraus konzentrieren sie sich oft zu sehr auf die inhaltliche Seite und lassen dabei außer Acht, dass Inhalt und Form in einer Einheit zu betrachten sind, und dass die Lektüre darüber hinaus von ihnen eine kritische Stellungnahme, eine kontrastive Auseinandersetzung mit dem Inhalt und mit der autorenspezifischen sprachlichen Umsetzung erfordert.

Über den interkulturellen Ansatz, wobei Interkulturalität „...als ganzer Komplex der Kommunikation und Interaktion zwischen verschiedenen Kulturen“ [6] verstanden wird, findet die Analyse dieses Textes „Der Vorleser“ im Vergleich der verschiedenen Kulturen - des Zielsprachenlandes und des multikulturellen Muttersprachenlandes - statt. Die Studierenden gewinnen dabei einen tiefen Einblick in die deutsche Geschichte des 20. Jahrhunderts, nicht nur in Bezug auf die „großen“ geschichtlichen Ereignisse, sondern auch in das Leben einer „normalen“ deutschen Familie in den 1950er/60er Jahren, in das Leben einer süddeutschen Kleinstadt in der Rheinebene und stellen dabei Vergleiche zu ihrer eigenen, z.B. der russischen, baschkirischen oder tatarischen, Kultur an.

Im Rückblick erzählt Michael Berg seine Lebensgeschichte, die etwa 40 Jahre umfasst. Gerade für die Germanistik-Studierenden in Russland eröffnet sich ein großer Fundus an landeskundlichen Informationen über das gesellschaftliche und private Leben zu dieser Zeit in Deutschland, über die Aufarbeitung der geschichtlichen Ereignisse des 20. Jahrhunderts, vor allem des 2. Weltkrieges / des Großen Vaterländischen Krieges, und bietet den Studierenden die Möglichkeit ihrer eigenen Sicht der Dinge und der kritischen Auseinandersetzung mit deren Darstellung im Text von Bernhard Schlink.

Die Analyse des Textes und der darin enthaltenen „Botschaften“, die Schlink dem Leser übermittelt, fordern von den Studierenden ein hohes Maß an sprachtheoretischen Kenntnissen und sprachpraktischen Fähigkeiten. Eine **erschöpfende** Erschließung wird in diesem Rahmen der Lehrveranstaltungen nicht möglich sein. Vielmehr kommt es auf eine **schöpferische Arbeit mit dem Text** unter dem Gesichtspunkt der Interkulturalität an.

Dieses Werk enthält gerade für ausländische Studierende der deutschen Sprache eine Vielzahl landeskundlicher Informationen, durch die ihnen die deutsche Kulturlandschaft der Nachkriegsjahre nahegebracht wird.

So erhalten die Rezipienten einen Einblick in den Schulalltag der 1950er Jahre an einem typischen humanistisch geprägten Gymnasium. Hier werden Griechisch und Latein gelehrt, man beschäftigt sich mit philosophischen Fragen. Zum Lesekanon jener Zeit, wie auch heute noch, gehören Schillers „Kabale und Liebe“, Lessings „Emilia Galotti“, Eichendorffs „Aus dem Leben eines Taugenichts“, Hemingways „Der alte Mann und das Meer“, Homers Epen, Goethes Werke und andere. Diese Bücher erwähnt Michael Berg als Schullektüre in seinen

rückblendenden Erzählungen über das Vorlesen für Hanna.

Typische Freizeitbeschäftigungen, wie der Besuch des Schwimmbades und das Erledigen der Hausaufgaben dort, demonstrieren die Unbekümmertheit, aber auch die Lernbereitschaft der Schüler jener Zeit.

Michael Berg, der Ich-Erzähler, schildert die Liebesbeziehung zu einer fast 21 Jahre älteren Frau, Hanna Schmitz. Es ist seine erste große Liebe. Auch hier überlässt der Autor dem Leser die eigene Sicht auf die Dinge. Zuerst wirkt diese Liebesbeziehung auf Michael beflügelnd, später fühlt er sich verraten. Dieses ganze Geflecht von anfangs unerklärlichen Verhaltensweisen Hannas erschließt sich dem Leser nur stückweise. Der besondere Sprachstil Bernhard Schlinks erzeugt beim Leser Spannung und fordert ihn damit immer wieder dazu heraus, selbst Stellung zu beziehen.

Der Autor lässt seinen Helden sogar über die unzureichende Beherrschung einer Fremdsprache philosophieren. „Und wie stets schaffte die fremde Sprache, die nicht beherrscht und mit der gekämpft wird, ein eigentümliches Zugleich von Distanz und Nähe.“ [4, S.114] Die Studierenden werden an dieser Stelle herausgefordert, ihre eigenen Erfahrungen mit „Distanz und Nähe“ im Gebrauch der deutschen Sprache zu reflektieren.

Da von B. Schlink keine „Schwarzweißmalerei“ betrieben wird - es gibt bei ihm eben auch „Grautöne“ - räumt er dem Leser viele Freiheiten zu eigenen Wertungen ein. Manch einer geht mit dieser „Freiheit“ nicht bewusst und verantwortungsvoll genug um, was zu Fehlinterpretationen des Anliegens dieses Romans führen kann. Die Studierenden werden anhand konkreter Textbeispiele mit dieser Problematik konfrontiert.

An dieser Stelle kann mit den Studierenden über die Verantwortung des Autors im Umgang mit Sprache diskutiert werden. An diesem Roman scheiden sich die Geister. Auch das kann zum Gegenstand der Textanalyse werden, indem die Frage aufgeworfen wird, was zu dieser Widersprüchlichkeit führt.

Das könnte bei der Betrachtung des Textes von Bernhard Schlink unter dem Gesichtspunkt der Aufarbeitung der Geschichte der Konzentrationslager geschehen.

In die Diskussion mit einfließen sollte unbedingt, inwieweit oder ob sich Michael Berg schuldig gemacht hat, weil er eine Verbrecherin geliebt hatte, und ob er während der Gerichtsverhandlung hätte aktiver werden müssen.

Am Beispiel von Hanna Schmitz zeigt Bernhard Schlink, welche gefährlichen Auswirkungen Analphabetismus haben kann. Für Hanna Schmitz bedeutet das, ein Leben lang vor sich und anderen davonzulaufen.

Auch in unserer Zeit gibt es Analphabeten, die sich und andere vielen Gefahren aussetzen. Dazu und zu anderen Themen erhalten die Studierenden in Vorbereitung auf die Textanalyse verschiedene Projekthemen, die ihnen zum besseren Verständnis verhelfen können.

Abschließend können wir feststellen, dass den Studierenden mit diesem

Projekt eine gute Möglichkeit der Erschließung eines modernen literarischen Textes geboten wird und dass damit den neuen hohen Ansprüchen, die an die heutige akademische Ausbildung gestellt werden, Rechnung getragen wird.

Literaturverzeichnis

1. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 423 с.
2. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. – М.: ИЦ "Академия", 2008. – 272 с.
3. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: ИЦ «Академия» 2003.
4. Bernhard Schlink: Der Vorleser, Diogenes Taschenbuch, Zürich 1997.
5. Diskurs/Wikipedia, <http://de.wikipedia.org/wiki/Diskursiv> (дата обращения 28.10.2012. – 4с); aus Siegfried Jäger: Kritische Diskursanalyse: Eine Einführung. 4. Aufl., Unrast, Münster 2004.
6. Interkulturalität, ZIS 17.08.2010, <http://www.zis.uni-mainz.de/106.php>, (дата обращения 14.10.2012).
7. Textlinguistik, <http://de.wikipedia.org/wiki/Textlinguistik> (дата 28.10.2012.).

© Таюпова О.И, Шадек А., 2012

УДК 81'1

Теплых Р.Р.
г.Уфа (Россия)

Исследование языка в когнитивном и коммуникативном аспектах

В последние десятилетия когнитивные исследования стали неотъемлемой частью современной лингвистической науки. Большое значение имеет развитие предложенного Е.С.Кубряковой в качестве новой парадигмы когнитивно-дискурсивного подхода к изучению языковых явлений, предполагающего их разностороннее освещение с точки зрения выполняемых ими когнитивных и коммуникативных функций. Среди отличительных черт этой парадигмы исследования можно назвать синтез идей когнитивного направления, ориентированного на постижение деятельности человеческого разума в его связи с языком, с идеями коммуникативной лингвистики (прагматически ориентированной и дискурсивной лингвистики) [1, с.89].

Язык по своему устройству выступает как система вербальных звуковых знаков, а по своему назначению является прежде всего коммуникативной системой. Он обеспечивает акты передачи и получения сообщений, содержащих информацию, знания о мире, которыми располагает говорящий (или пишущий). Вместе с тем язык служит для обработки и упорядочивания полученных знаний, их хранения в памяти человека, что доказывает функ-

ционирование языка не только как коммуникативной, но и как когнитивной системы.

Исследуя проблему языка в таком ракурсе, американский ученый Стивен Пинкер в своей книге «Язык как инстинкт» пишет о последствиях возникновения когнитологии: «Большинство образованных людей имеют уже сложившееся мнение о языке. Они знают, что это важнейший продукт человеческой культуры, квинтэссенция нашей способности использовать символы и беспрецедентный биологический феномен, раз и навсегда отделивший людей от других животных. Они знают, что язык пронизывает мысль, заставляя носителей разных языков по-разному истолковывать реальность» [5, с.10]. По мнению С. Пинкера, такое понимание и восприятие языка стало возможным во многом благодаря объединению методов исследования разнообразных дисциплин: психологии, информатики, лингвистики, философии и нейробиологии.

Исследования Дж. Л. Остина в области языка многое превосхищают в современной когнитологии, особенно это выражается в приложении теории прототипов к изучению значений слов. Изначально это выражалось в распространении подхода Л. Витгенштейна к пониманию термина категория. По Л. Витгенштейну, категории структурированы фамильными сходствами и хорошими и плохими примерами, что существенно стало отличаться от классического понимания термина «категория». Так Дж. Л. Остин распространил подход Л. Витгенштейна на изучение самих слов. В рамках проведения вышеописанного исследования Дж. Л. Остин показывает несостоятельность классической теории категорий. То, что определяет ту или иную категорию, является нашим структурированным пониманием конкретной деятельности (будь то игра в шахматы или ремонт дома). Дж. Л. Остин также отметил тот факт, что язык является видом познания; и это еще один шаг, уходящий от классической теории в пользу когнитивной [4, с.105-120].

Язык является средством внедрения в когнитивную систему реципиента концептуальных конструкций, часто помимо сознания реципиента, и в связи с этим язык выступает как своего рода социальная сила, и иногда как средство навязывания взглядов. Синтез компонентов концепта и когнитивных стереотипов инициируется операциональным совпадением соответствующих им внешних репрезентантов. В процессе исследования когнитивных структур формируется когнитивная модель данной структуры, объясняющая основные принципы и механизмы действия когнитивной структуры. Язык представляет собой одну из когнитивных способностей человека, а также неотъемлемый элемент разума.

Традиционное понимание термина «понятие», а также способы образования категорий пересматривается и критикуется в когнитивном направлении исследований проблем языка, в частности, Дж. Лакоффом, опирающимся на труды Э. Рош, Ч. Филмора, Р. М. У. Диксона, А. Шмидт и других.

В рамках данного направления утверждается, что когнитивная простота отражается в простой форме слов [2, с.6-18].

В связи с таким ракурсом рассмотрения вопроса проблема категоризации языка выходит на первый план. Лингвисты показали, что люди отражают мир не в одинаковых категориях, как, например, считали модисты, а в совершенно разных. Категоризация выступает как основной способ организации опыта. Развитие когнитологии и проблемы категоризации во многом связаны с тем, что большинство слов и понятий, используемых нами, обозначают категории. В рамках данного вопроса Дж. Лакофф говорит о том, что понятийная система организована в терминах категорий и наши мыслительные операции связаны с категориями.

Современную теорию категоризации еще называют теорией прототипов. Категоризация является базовым понятием для мышления, восприятия, действий и речи человека. В ходе каких-либо рассуждений люди прибегают к помощи категоризации. Произнося какое-либо высказывание, мы используем огромное количество категорий, относящихся к тем или иным областям, действиям и явлениям. Дж. Лакофф пишет: «Понимание того, как мы осуществляем категоризацию, является необходимым для понимания того, как мы мыслим и как мы действуем, и, следовательно, необходимым для понимания того, что делает нас человеческими существами» [3, с.20].

Слово, обозначающее когнитивно базовое измерение, выступает в нейтральных контекстах. В этом смысле рационально использовать термин «маркированность» [3, с.89]. Для Дж. Лакоффа маркированность является способом описания некоторого вида прототипических эффектов. Он акцентирует свое внимание на проблеме асимметрии внутри категорий и отклонения от наилучших примеров. Прототипические эффекты проявляются во всех областях языка. Рассматривая в своей работе прототипические эффекты, Дж. Лакофф делает вывод о том, что маркированность является понятием, используемым лингвистами для того, чтобы описать некоторый вид прототипического эффекта.

Дж. Лакофф считает, что язык использует общий когнитивный аппарат. Из этого утверждения он выводит два следствия: во-первых, языковые категории должны быть одного и того же типа с другими категориями нашей понятийной системы, т.е. должны демонстрировать прототипические эффекты и эффекты базового уровня. Во-вторых, данные о природе языковых категорий способствуют пониманию когнитивных категорий в целом.

Категоризация у человека проходит автоматически, на бессознательном уровне. В связи с этим долгое время считалось, что категории являются категориями предметов, тогда как исследования когнитологии показали, что значительная часть наших категорий является абстрактными сущностями. Таким образом, теория прототипов становится ключевым моментом в переосмыслении категоризации [3, с.102].

Когнитивный подход к изучению лексики предполагает прежде всего семантический анализ лексических единиц, т.е. в центре внимания оказывается лексическое значение. Оно как продукт мыслительной деятельности человека конструируется при помощи таких видов мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение и т.д.

Язык является частью когнитивного комплекса в целом; язык его важнейшая часть. Язык включён в информационно-когнитивную систему познания мира человеком, в которой взаимодействуют мышление, сознание, память и язык. Она локализована в мозгу человека. Её основным назначением является обеспечение процессов восприятия информации извне, ее переработки и сохранения, передачи другим индивидам.

Итак, язык включён в информационные процессы, функции языка как орудия коммуникации и как орудия познания мира связаны неразрывно. Изучая тот или иной язык, надо не упускать из вида неразрывную связь двух главных функций - когнитивной и коммуникативной. В таком ключе исследований язык по своему назначению есть когнитивно-коммуникативная система.

Литература

1. Зайнуллина Л.М. Лингвокогнитивное исследование адекативной лексики (на материале английского, русского, башкирского, французского и немецкого языков). – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 236 с.
2. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. №1. – С. 6-18.
3. Лакофф, Дж. Что категории языка говорят нам о мышлении? [Текст] / Дж. Лакофф / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского - М.: Языки славянской культуры, 2004 – 792 с.;
4. Остин, Дж. Л. Значение слова. [Текст] / Дж. Л. Остин // Аналитическая философия. Избранные тексты. / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф. Грязнова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1993 - С. 105-120;
5. Пинкер, С. Язык как инстинкт. [Текст] / С. Пинкер / Пер. с англ. Е.В. Кайдаловой / Общ. ред. В.Д. Мазо – 2-е изд., испр. - М.: Либроком, 2009 – 456 с.
© Теплых Р.Р., 2012

УДК 802/ 809.1 – 52

Тимошенко Л. О.
г. Уфа (Россия)

Креативное мышление как основа семантической деривации

Цель статьи: показать роль процесса индивидуального мышления в

семантической деривации заимствований из европейских языков в русский. Стык психологии, этимологии и лингвистики приводит к возможным индивидуальным трактовкам экспликации скрытого пути развития значения заимствований в языке-реципиенте.

Методы исследования: диалектический, деятельностный, когнитивный, сравнительно-этимологический.

Как отмечает известный отечественный лингвист И. А. Мельчук, самое первое, что должен делать лингвист с любым изучаемым выражением, – это дать формальное представление его смысла, чтобы затем установить и описать соответствия между выражениями и их смыслами. Лингвистическое описание осуществляется в направлении от смысла к тексту. Каждый тип главных языковых единиц – фразы, предложения и слова – должен быть представлен в разных аспектах, специфичных для данного типа, и, соответственно, лингвист должен иметь в своем распоряжении разные формализмы. И.А. Мельчук выделяет несколько уровней лингвистических представлений – семантический, синтаксический, морфологический и фонетический. Семантическая зависимость – главная и в слове, и в предложении [2, с.5].

Мышление как процесс опосредованного раскрытия умозаключением скрытого в восприятии помогает эксплицировать развитие значений заимствований и их значительное диахроническое расхождение на разных этапах истории, зафиксированных этимологическими словарями. С расширением познания, благодаря мышлению, связано и углубление познания.

Мы воспринимаем обычно вещи в определенных ситуациях, в которых они даны в тех или иных соотношениях с другими вещами, – пространственных, временных и т.д. Таким образом, этимологический ряд диахронических значений слова, зафиксированный в толковых этимологических словарях является точками опоры для экспликации пути семантической деривации значения заимствования. Как внутри-, так и межъязыковая экспликация процесса семантической деривации с участием разных языков-посредников в разных языках и в разные эпохи взаимообогащают процесс формирования понятий.

Как отмечает известный советский психолог С. Л. Рубинштейн, внутри каждой вещи различные свойства воспринимаются нами не как совокупность изолированных, между собой не связанных качеств, а в определенных, характерных для вещи соотношениях, сочетаниях, связях [3, с.310].

Построение этимологического пути развития значения слова помогает раскрыть исторические связи реалий и способствует креативности мышления, развитию всесторонности понятия. Мы допускаем, что в толковании скрытого пути развития значения слова возможен не один вариант.

Задача мышления заключается в том, чтобы выявить существенные, необходимые связи, основанные на реальных зависимостях, отделив их от случайных совпадений по смежности в той или иной частной ситуации. Рас-

крывая существенные связи, мышление обобщает. Человек познает действительность, воздействуя на нее, понимает мир, изменяя его. Практика остается основой и конечным критерием истинности мышления.

Специфическим содержанием мышления является понятие. Понятие – это опосредованное и обобщенное знание о предмете, основанное на раскрытии его более или менее существенных объективных связей и отношений. Понятие является специфическим содержанием мышления. Формой существования понятия является слово.

Таким образом, мы можем заметить, что и лингвисты, и психологи отводят мышлению и установлению смысла главную роль в формировании понятий.

Русский язык принадлежит к европейскому культурно-языковому союзу, где системообразующую функцию выполняют латинский и греческий языки, являющиеся, соответственно, главными источниками интернациональной лексики для языкового союза [2, с.110].

Возьмем, к примеру, слова *ориентализм* и *ориентация*. Несмотря на разницу значений, они – однокоренные. В нашем словаре лексических соответствий европейских языков эти лексемы представлены следующим образом:

Русский язык	Английский язык	Французский язык	Немецкий язык
Ориентализм, у Куракина, 1705 г. < польск. <i>orientalny</i> < лат. <i>orientalis</i> (восточный)	<i>Orientalism</i> < OF. < L. <i>oriens</i> (rising sun) < <i>oriri</i> (rise)	<i>Orientalisme</i> , 1838 < lat. <i>oriens</i> < <i>oriri</i> (<i>surgir</i>)	<i>Orientalistik</i> < mhd. <i>orient</i> < lat. (<i>sol</i>) <i>oriens</i> < <i>oriri</i> (<i>aufstehen</i>)
Ориентация < фр. <i>orientation</i>	<i>Orientation</i> , XIX с. < to <i>orient</i> (to face the east), XVIII с. < F. <i>orienter</i> < L. <i>oriens</i>	<i>Orientation</i> , 1834 < lat. <i>oriens</i> < <i>oriri</i> (<i>surgir</i>)	<i>Orientierung</i> < frz. (<i>s'</i>) <i>orienter</i> < <i>orient</i>

Большой толковый словарь русского языка приводит следующие значения у этих лексем:

Ориентализм – Восточный, ориентальный характер чего-л. [1, с.725].

Ориентация – франц. *orientation*. 1. Ориентировать. (Дать возможность определить свое положение на местности или направление своего движения). 2. Способность ориентироваться в пространстве и во времени. 3. Умение разобраться в каких-л. вопросах, в окружающей обстановке; осведомленность. 4. *На кого – что или какая*. Направленность какой-л. деятельности или продукта этой деятельности в зависимости от кого-, чего-л. , в расчете на кого-, что-л. [1, с.725].

Согласно словарю лексических соответствий и этимологическим словарям европейских языков, в основе обоих однокоренных слов лежит латин-

ское слово *oriens* (*восходящее солнце*), происходящее, соответственно, от латинизма *oriri* (*всходить*). В переводе с английского, *the Orient* - это *Восток*. Солнце восходит на востоке. Поэтому лексеме *ориентация* можно определить как нахождение своего положения относительно востока, причем *восток* в данном случае будет пониматься с положительной коннотацией, как нечто установленное, определенное, источник света, знаний, мудрости, ассоциирующийся с восходящим солнцем. Опираясь на наш словарь лексических соответствий европейских языков, заметим, что слово *ориентация* появилось в европейских языках позже (в XIX в.), чем слово *ориентализм* (начало XVIII в.). Это говорит о том, что переносное производное значение слова *Ориент* (*восток*) – *ориентация* - в аспекте *определение своего положения относительно востока*, а впоследствии не только его, но относительно какого-то ориентира, - шире и стало более употребительным в русском языке, чем первоначальное значение, замененное сейчас повсеместно лексемой *восток*, и сохранившее основу *ориент*- только в научных специальных словах *ориентализм, ориенталист, ориенталистика*.

Процесс семантической деривации диахроничен. Словарный состав языка медленно изменяется, пополняясь заимствованиями и развивая новые значения у уже имеющихся слов. Исходные грецизмы и латинизмы, послужившие основой построения словаря лексических соответствий являются семантической универсалией, перенесенной в языки-реципиенты.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 2004. 1535 с.
2. Мельчук. И. А. Зависимости – 2011: отношение зависимости в языке и лингвистике // ВЯ. 2012. №1. С. 3-27.
3. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2008. 679 с.
4. Тимошенко Л. О. Словарь лексических соответствий европейских языков (русского, английского, французского, немецкого). В 2 ч. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. Ч. 2. 348 с.

© Тимошенко Л.О., 2012

УДК 81'373

Тиглова А.С
г.Уфа (Россия)

К вопросу о системности топонимики

Топонимы образуют на территории любого района или области свою определенную систему. Существующие определения понятия топонимической системы характеризуются как наличием общих признаков, так и рядом более или менее значимых различий. Как правило, под топонимической сис-

темой понимается известное единство построения топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии населяющего ее языкового коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности, что, в частности, подтверждается наличием на каждой территории своих топонимических моделей и некоторого круга часто повторяющихся топонимов.

Системность топонимии проявляется как в общности лексической, так и в общности формантов. Изучение любой топонимической системы представляет интерес не только для топонимики, но и для лингвистики в целом, поскольку исследование системы не мыслится без изучения характерных для нее топонимических структур.

Топонимы любой территории, разнообразные по своей сути, оказываются тесно связанными друг с другом. Доказательством вышесказанного может являться тот факт, что при переименовании некоторых объектов возникают неудобства при пользовании отдельными топонимами. Географические названия каждой исторически или географически выделяемой территории образуют определенную систему. Построение топонимических систем соответствует следующим принципам: целостность системы, дифференциация элементов системы, соотносимость и взаимодействие различных элементов системы, экстралингвистическая обоснованность элементов системы. В широком смысле, топонимическая система понимается как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенное единство. Единство ономастической системы подразумевает наличие таких факторов, как общность территории, времени и языка. Основным компонентом, объединяющим все топонимы, является ментальный компонент, поскольку онтологическое бытие топонимической системы неизбежно смыкается с ее ментальным существованием. Можно констатировать, что топонимическая система как часть общей языковой системы существует в сознании носителей языка, и этим фактом мотивируется рассмотрение её ментального бытия, а значит, изучения когнитивных структур ее организации.

Топонимы, как и другие имена любого языка, подвергаются в каждом языке особой адаптации. Имея дело с языковым и только с языковым материалом, топонимика требует для своего исследования некоторых добавочных (к общелингвистическим) приемов. Кроме того, вследствие обособленного положения имени собственного в языке, а ономастики в языкознании, методы последнего применяются не совсем в тех же формах и объеме, как в общем языкознании. Особенность применения в ономастике методов и приемов заключается в их комбинаторике.

Системный подход к анализу топонимического материала предусматривает изучение функционирующей топонимической системы, обеспечивая тем самым синхронический аспект исследования. Однако для выявления

межъязыковых связей, результатов межъязыкового взаимодействия важно выделить топонимических типов и их изучение в конкретном языковом окружении. Диахронический анализ топонимов дает возможность установить историю формирования и развития топонимических структур, определить, их стратиграфию; диахронические выходы в топонимике не подрывают синхронического подхода к проблеме, а наоборот, они дополняют анализ топонимического материала на синхронном срезе. Особое положение географических наименований в лексике языка определяет необходимость широкого использования в исследовании методов картографии. Карта позволяет проникнуть в суть системной организации топонимии. При изучении зарубежной топонимии работа с картой приобретает особую важность, так как карта в этом случае становится основным источником материала.

Современный срез системы наименований, отражающий существующее состояние языка, требует принципиально нового, а именно, синхронического исследования. В наиболее общем виде этот подход может быть определен как проблема типологии топонимических систем, т.к. он предполагает сопоставление сходных явлений и выведение путем такого анализа общих понятий и категорий как основы топонимической классификации. Эта проблема включает также целый ряд более узких вопросов, связанных с функционированием и восприятием наименований, т.е. опосредованным выражением в них данных особенностей материальной и культурной жизни коллектива. Синхронический анализ позволяет установить взаимосвязь отдельных топонимов друг с другом и тем самым выявить системную организацию совокупности названий.

Однако синхронический подход не должен отрываться от исторического, тем более - противопоставляться ему. Синхроническое исследование - это признание динамической синхронии, проникновение в динамику данного состояния, умение отличить и выделять, в пределах системы, элементы отживающие, реликтовые, и новые, нарождающиеся. В ретроспективном плане оно не может не опираться на результаты диахронического изучения. Более того, без исторической перспективы, без понимания того, как возникли те или иные явления и процессы, откуда они произошли, не может быть подлинного системного раскрытия материала.

Именно в топонимии более чем в какой-либо другой области языка, очевидна взаимосвязь синхронии и диахронии, которая, однако, часто приобретает весьма сложные формы.

В заключение отметим, что данные ономастики имеют важное методологическое значение и для исследования языковых союзов: ономастика дает дополнительный критерий для выделения языковых союзов, каждый из которых определяется особой системой онама, теснейшим образом связанной с определяющими его этническими, историческими, идеологическими факторами. Большое значение для понимания языкового союза как одного

из аспектов культурной общности имеет и выяснение специфического набора топонимов.

© Титлова А.С., 2012

УДК 81'276.5:378.18

Тихтневская М. А.
г. Ростов-на-Дону (Россия)

Жаргонизмы и их роль в формировании когнитивной базы инофона

Жаргонизм - слово или выражение, принадлежащее одному из жаргонов данного языка и при употреблении в обычной или художественной речи приобретающее специфическую стилистическую окраску [1, с.149].

Жаргонизация языка, как известно, охватила разные сферы общения: художественную и публицистическую литературу, тексты СМИ, Интернет и телевидение, а также речь политиков и дикторов, которая ранее считалась эталоном русского литературного языка.

В практике преподавания русского языка как иностранного наиболее значимыми из перечисленных являются тексты СМИ, т.к. они, во-первых, связаны с актуальными проблемами современности, во-вторых, именно здесь на протяжении последних десятилетий идут наиболее показательные языковые процессы, что позволяет видеть в языке СМИ обобщенную модель современного русского языка. Наконец, тексты СМИ демонстрируют так называемый *языковой плюрализм*, одним из проявлений которого и является жаргонизация языка.

Все исследователи языка СМИ единодушны в признании факта жаргонизации языка СМИ, но в оценке этого факта нет единства мнений. Одни приравнивают понятие *жаргонизации* к понятию *люмпенизации*, «подчеркивают ведущую роль средств массовой информации в огрублении не только обиходного, но и официального общения» [4, с.62]. Другие не столь категоричны в отношении влияния «языка улицы». Его называют «законным» средством экспрессивизации газетного текста» [7, с.286].

Причиной активизации жаргонной лексики в текстах СМИ называют «своеобразную реакцию на недавнюю стандартизованность, «приглаженность», определенную безликость публичных выступлений, насыщенных официально-пропагандистскими штампами» [5, с.54].

Думается, что правы те исследователи, которые считают, что жаргон в текстах СМИ – это не только (и не столько) дань моде, сколько мощный источник экспрессии и социальной оценочности. В оппозиции *стандарт – экспрессия* жаргонизмы (при их уместном употреблении) занимают вполне конкурентноспособное место по отношению к другим приемам экспресси-

вазии газетного текста.

Лингвистический анализ и страноведческий комментарий жаргонизмов в текстах СМИ поможет сформировать у иностранных учащихся *прагматическую компетенцию*.

В последние годы в лингводидактике наряду с терминами *коммуникативная и прагматическая компетенция* стал использоваться и термин *дискурсивная компетенция*, под которым понимается «умение адаптироваться к различным речевым ситуациям и вести диалог в соответствии с национальными особенностями того или иного дискурса» [2, с.598]. Овладение языком неразрывно с «типичными сценариями строительства отношений» [там же]. Развитие идеи дискурсивной компетенции нашло отражение в разработке эффективной модели мультимедийного локально ориентированного учебного словаря русского языка для иностранных учащихся, в одном из модулей которого представлены жаргонизмы, употребляемые русскоговорящими студентами вуза, где обучаются инофоны. По мнению автора проекта, «усвоение их семантико-прагматических характеристик повысит перцептивный эффект при общении иностранца с сокурсниками во внеаудиторных условиях и позволит снизить процент коммуникативных неудач, неизбежных при вхождении в чужую лингвокультурную среду» [6, с.14].

Полагаем, что формирование дискурсивной (а шире – прагматической) компетенции предполагает не столько овладение жаргонной лексикой, сколько уместное ее использование. Сходная точка зрения представлена и в комментарии к лексическому минимуму третьего уровня общего владения РКИ. Предваряя Приложение, содержащее сниженную лексику, авторы замечают, что «эта лексика не рекомендуется инофонам для активного использования в процессе коммуникации, но будет, безусловно, востребована ими в ходе рецептивной речевой деятельности...» [3, с.295].

Литература

1. Ахманова О. А. Словарь лингвистических терминов//Советская энциклопедия – М., 1969. – 608 с.
2. Владимирова Т. Е. О новых тенденциях в обучении русскому языку как иностранному//Русский язык: исторические судьбы и современность//IV Международный конгресс исследователей русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 2010. – С. 597-598.
3. Клобукова Л. П., Андрюшина Н. П., Афанасьева И. Н. и др. Моделируемая языковая личность инофона как основа разработки лексического минимума третьего уровня общего владения русским языком как иностранным//Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный научный симпозиум – М.: Изд-во МГУ, 2012. – С. 294-295.
4. Козырев В. А., Черняк В. Д. Современная языковая ситуация и речевая культура. Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 184 с.
5. Петрова Н. Е. Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства ре-

чевой агрессии: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 160 с.

6. Савченкова И. Н. Локально ориентированный учебный словарь русского языка для иностранцев: принципы построения и структура//Автореферат. ... дисс. канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 14.

7. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка//Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие по специализации. Ч.2. М., 2004. – С.285-306.

© Тихтиевская М.А, 2012

УДК 81.112

Трегубов А.Н.
г. Уфа (Россия)

Звукоизобразительность: проблемы и перспективы

Когда речь заходит о возникновении и эволюции языка, возникает ряд закономерных вопросов: что лежит в основе языка? Каковы причины его появления? Что именно является источником его развития? и т.д.

В истории человеческого знания в качестве первоисточков предлагались различные основания – от божественного происхождения до материалистического толкования. Однако из всех предложенных идей наиболее «живучей» была и остаётся широко известная дихотомия «фюсей – тесей», восходящая к древнегреческой философии, в частности – Платону. В современной трактовке теория «фюсей» приобрела чёткие очертания в виде теории звукоизобразительности, фоносемантики, основателем которой в отечественном языкознании является С.В. Воронин [1; 2].

Традиционная фоносемантика была изначально ориентирована на выявление универсальных законов связи звучания и значения, установление корреляции между типом звуков речи и типом денотатов.

В своём развитии фоносемантика прошла несколько основных этапов: 1) анализ непосредственно звукоподражательных слов; 2) распространение этого анализа на всё большее количество языков и формулирование своеобразных фоносемантических законов; 3) расширение названного анализа на область истории языка, его диахронический аспект.

В то же время хотелось бы отметить, что глобальность обобщений, при всех своих положительных моментах, латентно предполагает нивелирование этнолингвистической специфики. И поэтому возникает вопрос об особенностях звукового отображения окружающей человека действительности в разных языковых семьях. Иными словами, существует ли такой феномен, как «звукоизобразительная картина мира»? Именно на этом вопросе и хоте-

лось бы остановиться более подробно.

Идея о том, что древнее состояние языка характеризовалось синкретизмом, нерасчленённостью – как фонетической, так и семантической, – высказывалась неоднократно.

Фонетический синкретизм физиологически вполне объясним, так как формирование артикуляторного аппарата и соответственно способности к членораздельности неизбежно должно было пройти эту фазу, поскольку фонетическая дискретность не имеет аналогов в органическом мире.

Семантический синкретизм может иметь двоякое объяснение. С одной стороны, мысль, возникшая и обоснованная прежде всего в тюркологии, о том, что древнее слово было способно передавать целый комплекс взаимосвязанных признаков, обладает определённой привлекательностью с логической точки зрения. Более того, она получает косвенное подтверждение в языках Юго-Восточной Азии, в частности – в путунхуа [см., например: 3; 4; 5; 8].

С другой стороны, по мнению В.В. Левицкого, семантический синкретизм – это лишь цепочка семантических переходов, из которых исследователю известно только первое и последнее звено [6]. В качестве контраргумента такому подходу можно привести следующее соображение. Если единое этимологическое гнездо в различных родственных языках демонстрирует неодинаковые рефлексy, то возникает вопрос: не являются ли они либо отражением разных этапов развития семантики корня, либо результатом эволюции разных аспектов древнего синкретического значения.

В этой связи представляет интерес позиция Ю.В. Щеки, касающаяся предлагаемой им теории эволюции языка. По мнению исследователя, которое опирается на положение Ф. де Соссюра о принципиальной невозможности объединения синхронии и диахронии внутри одной дисциплины, в структуре языка невозможно найти источник развития, так как суть состоит именно в исключительном воспроизведении прошлого и принципиальной неспособности быть источником собственного движения [9, с.194]. Иными словами, необходим какой-то иной, внеструктурный (а следовательно, внеязыковой) фактор, приводящий к изменению системы.

Исходя из этого, Ю.В. Щека ставит под сомнение доказательную силу законов фонетических соответствий, являющихся основой моделей реконструкции. Данные законы должны применяться лишь в определённых конкретных условиях, но сами по себе не могут объяснить языковую эволюцию [см. 9, с.195].

На этом основании формулируется иной подход к обсуждаемой проблеме. «Суть возникновения и развития языка состоит в переходе от мира аморфно-эмоционального к миру структурному путём формирования регулярного воспроизведения сущностей. Животные обладают системой регулярного воспроизведения биологических сущностей, т.е. регулярным орга-

низмом. Человек же вдобавок к этому владеет системой регулярного воспроизведения сущностей социально-психических, т.е. воспроизводящейся системой социально-психической деятельности, что и означает наличие языка и рационального сознания» [9, с.196]. Таким образом, структурирование языка – это результат социальной жизни человека.

В основу предпринятого нами исследования положена гипотеза об исторической первичности звукоизобразительной мотивированности. Данное предположение опирается на то, что в условиях отсутствия средств вербальной коммуникации наиболее вероятной формой установления контакта и передачи информации является уподобление речевого потока тому явлению, о котором идёт речь.

Отсюда вытекают два важных, на наш взгляд, следствия: 1) в ходе эволюции языка закономерно происходит затемнение звукоизобразительного компонента; 2) названный звукоизобразительный компонент обладает определённой спецификой в различных этнических образованиях, что связано с особенностями окружающей реальности в соответствующих географических ареалах.

Исходя из первого следствия, мы предлагаем термин «фоносемема» как единицу диахронической фоносемантики. Фоносемема представляет собой элемент лексического значения слова, передающий звукоизобразительное содержание. Выдвижение такого понятия связано с тем, что семантика слова объективно распадается на два пласта – реальный и потенциальный. Реальный пласт – это тот семный набор слова, который закреплён в толковых словарях и осознаётся современным носителем данного языкового сознания. Потенциальный представляет собой затемнённые компоненты более древнего значения слова. Именно благодаря потенциальному пласту мы имеем возможность объединить в определённые группировки слова, которые на современном уровне языка не связаны деривационными и/или семантическими связями.

С содержательной точки зрения фоносемема характеризуется тем, что она не имеет какого-либо конкретного значения. Это отображение определённого фрагмента действительности, выраженное в звуке. Как показал анализ корневых морфем русского языка, многообразие значений сводится к 13 исходным значениям, опирающимся на звукоизобразительность. Фактически речь идёт о наборе достаточно элементарных прототипических ситуаций, непосредственно связанных с практической жизнью людей – скручивание, царапанье, резание, давление и т.д.

Данное обстоятельство является вполне объяснимым, поскольку имеется в виду созидательно-преобразовательная деятельность человека.

Фоносемема предполагает наличие материального субстрата – звукового комплекса, выражающего звукоизобразительное содержание. С этой точки зрения при выделении фоносемем мы исходили из того, что в индоев-

ропейских языках, для которых характерно варьирование конечной части слова, большую семантическую нагрузку несёт начальный консонантный компонент. На этой основе (при учёте исторических фонетических процессов) было соответственно выделено 13 звуковых комплексов, передающих звукоизобразительное содержание.

В целом, можно констатировать достаточно устойчивую связь названных звукокомплексов и соответствующих им значений. Данная связь видится в том, что характер прототипического действия, процесса отражается в языке с помощью звуковых комплексов, наглядно передающих сущность процессов – резать, бить, дуть и т.д.

При этом представляется, что фонемный состав таких звукоизобразительных конструкций может не совпадать от языка к языку. А отсюда напрашивается вывод об этнических звукоизобразительных картинах мира, исследование которых может стать предметом этнопсихолингвистической реконструкции.

Объективные снования для этого есть.

В.Ф. Петренко высказал мысль о том, что при категоризации мира «наиболее простым (глубинным) оказывается уровень обобщения на основе механизмов синестезии <...>. Процесс актуального порождения значения можно представить как последовательную развёртку плана содержания, осуществляемую в движении от эмоционально-образных форм отражения к опосредованным значениями (культурой) уровням предметной (категориальной) расчленённости мира и включающую наполнение содержанием на каждом уровне порождения. На языке модельного представления с помощью семантических пространств этот процесс выступает как последовательная развёртка – расщепление небольшого числа семантически расплывчатых коннотативных факторов в пучки семантически более узких, конкретных, отражающих предметный (денотативный) уровень характеристики факторов» [7, с.72 – 73].

Отметим, что под семантическим пространством В.Ф. Петренко понимает «совокупность определённым образом организованных признаков, описывающих и дифференцирующих объекты (значения) некоторой содержательной области» [7, с.45]. Есть все основания полагать, что семантические пространства проявляются в различных этнических группировках неодинаково, что связано с особенностями их жизни и практической деятельности. В этом смысле звукоизобразительная картина мира представляет собой специфически этническое отображение в речи особенностей материальной деятельности того или иного народа.

Литература

1. Воронин, С.В. Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 207 с.
2. Воронин, С.В. Фоносемантические идеи в современном языкознании

- [Текст] / С.В. Воронин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 200 с.
3. Кажибеков, Е.З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках: Явление синкретизма [Текст] / Е.З. Кажибеков. – Алма-Ата: АН КазССР, 1985. – 272 с.
4. Кажибеков, Е.З. Фоносемантическая характеристика пратюркского корня [Текст] / Е.З. Кажибеков // Проблемы этимологии тюркских языков. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С. 95 – 102.
5. Ларин, Б.А. Об архаике в семантической структуре слова [Текст] / Б.А. Ларин // Ларин Б.А. История языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – С. 89 – 100.
6. Левицкий, В.В. Семантический синкретизм в индоевропейском и германском [Текст] / В.В. Левицкий // Вопросы языкознания. – 2001. – № 4. – С. 94 – 106.
7. Петренко, В.Ф. Психосемантика сознания [Текст] / В.Ф. Петренко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с.
8. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1 – 2 [Текст] / А.А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.
9. Щека, Ю.В. О междисциплинарной теории языковой эволюции и её месте в синхронной лингвистике [Текст] / Ю.В. Щека // Вопросы тюркской филологии. Вып. VII. Материалы Дмитриевских чтений. – М.: Гуманитарий, 2007. – С. 190 – 204.

© Трегубов А.Н., 2012

УДК 81'367

Тулегенова Г.Г.
г.Актобе (Казахстан)

СЫН ЕСІМ КОМПОНЕНТТІ ФРАЗЕОЛОГИЗМДЕРДІҢ ҚҰРАМЫНДАҒЫ ТҮР-ТҮС АТАУЛАРЫ

Фразеологизмдер сөйлеу тілінде де, жазу тілінде де көп қолданылатын құрылыс материалы. Фразеологиялық тіркестер қай – қайсысы болмасын бәрі де алғаш халықтың сөйлеу тілі негізінде қолданылған. Сондықтан олар өмірдің барлық саласын қамтып, ішкі мазмұны жағынан өте бай болады.

Есімді фразеологиялық тіркестерге, әсіресе, сын есім компонентті фразеологизмдерге тән қасиет – тұрақтылық. Олардың құрамындағы сөз сыңарлар тек белгілі бір сөздермен ғана тіркесіп қолданылады да, тілдегі көптеген сөздермен тізбектелуге икемсіз келеді. Оларға тән белгі – тұрақтылық пен мағына бірлігі. Олар семантикалық тұтастықтағы тұлға ретінде қарым-қатынас жасауда, сөйлеу процесінде жасалмай тілдің бұрыннан қалыптасқан даяр тұлғасы ретінде қолданылады. Сыңарлары

бүтіннің бөлшектері ретінде бірлесе келіп, бір бүтін мағынаны білдіреді. Құрамындағы сыңарлардың әрқайсысы әр басқа мағынаны емес, барлығы жиналып келіп біртұтас, бір бүтін мағынаны білдіреді, мысалы: сұр жылан – жауыз, сұр бойдақ - үйленбеген, сары табан - көніккен. Сыңарлардың екеуі бірдей мағына жасайды дегенде, олардың мағыналарынан тікелей тіркестің біртұтас мағынасы туады деген сөз емес, сыңарлардың астарлы мағынасы мен ұштасып жатады, астарлы мағыналы сыңарлар бір бүтін мағынаның көрінуіне себепші болады, мысалы: аш қарын – аш өзек, сары дала – мидай жазық, дәмді пікір – ұнамды, құнды пікір, тар жол – қиындығы мол жол, теріс бата – жаман тілек т.б. бір мүшесі мағына жасаушы да, екіншісі экспрессивті мәнді, мысалы: жуан сіңір, тұлдыр сөз, судай жорға т.б.

Фразеологиялық тіркестердің мағынасы тілдік өлшем болып табылады, өйткені ол /мағына/ белгілі тілдің семантикалық жүйесінде белгілі болады. Олар меншікті бекітілген және олардың объективті мән-мазмұны, міне осыдан оның құрамы, құрылымы және мағынасы да тұрақтылыққа ие, дайын қолданылуға өте икемді. Демек сын есімді фразеологизмдер белгілі бір ұғымның бірден-бір атауы емес, олар номинативтік қызметпен қатар эмоционалды-экспрессивті қызмет атқарады.

Сөздердің өзара тіркесу қабілеті әр түрлі: кейбір сөз аз сөзбен, кейбір сөз көп сөзбен, кейбір сөз тек бір сөзбен тіркеседі. Мысалы, сын есім көбінесе зат есімдермен тіркеседі де, етістікпен сирек тіркеседі. Бірқатар сөздер тобы тек фразеологиялық тіркес құрамында жұмсалады. Осы мағынасында олардың көмегімен басқа фразеологиялық тіркес жасауға болмайды. Мысалы, көк ми, сор мандай, тоң мінез бұлар құрылысы мызғымайтын, мағыналық тұтастығы берік сөздерден құралады. Анықтауыштық қатынастағы сын есімдер мен зат есімдер тобы әр түрлі топ ішінде кездесе береді. Олар мағыналы сөз тіркестері қызыл кеңірдек, қуыс кеуде, ұзын құлақ, жуан орта, қара байлау, арам тер т.б. Демек тіркесті құраушы сыңарлардың бүтін мағынада үлесінің жартылай да, толық та, болатыны сияқты бүтін мағынаға /мысалы: көк жұлын- жүдеу, көк бармақ-олақ, қара табан- кедей т.б./ қатыссыз мағынада қалып, тек оның құрамын ғана анықтайтын да тіркестер кездеседі. Мысалы, «жуан қоныш»- шаруа, сияқты тіркестің құрамын анықтап, сыңарлар сөздерінің бастапқы мағынасының дербестіктерінен айырылған, олардың арасындағы анықтауыштық қатынас та жойылған.

Бір фразеологиялық мағынаны білдіруде тек өзара тәуелді екі сыңар ғана қатысады: сары кідір – орта жасқа келген адам; кәрі тарлан – ысылған, әккі, яғни осы мағынаны білдіру үшін бір компоненттің белгілі болуы.

Фразеологиялық тіркестің сыңарлары арасындағы байланыс фразеологиялану процесінде көмескіленіп, айналатын сияқты. Сыңарлар арасындағы грамматикалық байланыс бірте – бірте көнеріп көмескілене береді, мағынаның тәуелділік үстем бола береді мысалы, бір сөз бірнеше

құрамда келіп, фразеологиялық мағына жасайды: /ақ сүйек – феодал, ақ саусақ – жұмысқа икемі жоқ, ақ тілек – жақын тілек, ақ жүрек – әділ ақ ниет – адал, ақ көз – надан, ала ауыз – ынтымақсыз, ашық ауыз – ауызына сөз тұрмайтын адам т.б.

Сонымен қатар, қайсыбір тұлғаның фразеологиялығы тек оның мағынасымен ғана анықталмайды. Екі сыңардың екеуі де бірдей мағына жасай береді /ақ ниет, үлкен шаңырақ /мағына жасауға сыңарлар тікелей болмаса да жанамалай қатысты болуы мүмкін немесе бүтіннің мағынасы құрамының мағынасының ішкі астарларының мәнімен жымдасып кетеді мүмкін, /тесік өкпе, ұсақ сөз, ала көз, ала ауыз, ұсақ адам, ашық ауыз т.б. тәрізді сын есім компонентті фразеологизмдер номинативті немесе атаушы қызметпен қатар, эмоционалды және стилистикалық бояуы, образды мағынаға ие.

Демек фразеологиялық мағынаның пайда болуына дәстүрлі тіршілік пен мәдени өмірдің әсері мол. Образға негізделген көрініс тіл арқылы жарыққа шыққанда, ондағы ұлттық қабылдау, қазақы дүниетаным, ойлау ерекшеліктері бірден аңғарылады. Фразеологиялық мағынаға тірек, негіз болатын нәрсе – адамдардың күнделікті өмірінде көріп жүрген дүниедегі заттар, айналадағы құбылыстар, содан туындайтын жағдайлар, түрлі жағымды – жағымсыз әрекеттердің ықпалы әсер етіп отырады.

© Тулегенова Г.Г., 2012

УДК 81'35

Урманова Ю.Р.
г. Уфа (Россия)

Воздействующий потенциал научного текста

В научной коммуникации вопрос речевого воздействия связан с вопросом аргументации, направленной на убеждение адресата в истинности излагаемого научного знания. Очевидно, что воздействующая стратегия отправителя текста информирующего типа отличается от стратегии автора активизирующего текста.

Автор текста активизирующего типа апеллирует к эмоциональной сфере личности, передавая ему свое аффективное отношение к действительности, добиваясь перестройки категориальной структуры сознания реципиента, изменяя коннотативное значение определенного объекта и эмоциональный настрой реципиента. В то время как эксплицитной целью автора информирующего текста является информирование, передача объективного знания, а его имплицитным коммуникативным намерением – убеждение реципиента принять точку зрения автора, стать сторонником его идей.

По мнению Г.Г.Матвеевой, отсутствие в письменном научном тексте ярких иллюстраций эмоционального воздействия на психику человека словом вынуждает отправителя научного текста решать свои интенциональные задачи не словарными, а категориальным и текстуальным средствами [2, [сайт] URL: <http://rspu.edu.ru>].

Г.Г.Матвеева классифицирует планы актуализации отправителем скрытого воздействия на получателя по следующим критериям: 1) по участию отправителя в действии - личный, предметный, социальный план; 2) по степени уверенности отправителя текста в реализуемости события - план категорического и менее категорического утверждения; 3) по вероятностной оценке отправителем реальности события - план возможности и дозволенности, план долженствования и обязательности, план действительности события; 4) по научной оценке отправителем текста события и его описания - планы научных отношений; 5) по важности высказываемого для участников общения с точки зрения отправителя текста - планы приоритетных стратегий; 6) по организации отправителем текста оптимального восприятия письменного научного текста получателем - планы организации текста по абзацам; 7) по учету отправителем текстовых ожиданий получателя - планы анафоро-катафорической актуализации [2, [сайт] URL:<http://rspu.edu.ru>].

Однако, стремление автора научного текста к объективности не лишает его экспрессивности. В работе Н.В.Данилевской выразительность научного текста предстает в качестве интеллектуальной экспрессии, которая является собой фрагменты текста, фиксирующие, с одной стороны, напряженность интеллектуальной деятельности ученого, т.е. деятельности, направленной на обоснование нового знания, причинно-следственных связей между его компонентами; с другой стороны – напряженность эмоционально-духовной (эмотивной) деятельности автора, направленной на убеждение читателя в истинности впервые выражаемого научного знания. Эти фрагменты текста организованы по принципу содержательного уплотнения, концентрирующего несколько познавательных действий когнитивного (уточнение, пояснение, конкретизация, обобщение, причинно-следственные, следственно-выводные высказывания) и эмотивного (эмоционально-оценочные и экспрессивные средства) характера. Чем больше концентрация, тем четче проступает позиция самого автора. Очевидно, считает Н.В. Данилевская, речемыслительная шлифовка нового осуществляется на основе не только строго логического развития мысли, но и эмоционально-экспрессивного речеведения. То есть, эмоционально-экспрессивное речеведение – это вспомогательный, но неотъемлемый механизм обоснования научного знания, посредством которого онтологическое поле приобретает логическую, композиционную и коммуникативную завершенность [1, 33-36].

Таким образом, автор научного текста апеллирует к рациональному аспекту личности читателя через его оценочную сферу. В этом плане основ-

ным среди всех свойств текста, формирующих его воздействующий потенциал, называют аргументативность, важнейшим фактором которой считают истинность информации [4, 25].

В работе В.И.Свинцова исследуются механизмы верификации научного знания в терминах истинностных значений [3, 68-87]. Любое сообщение в плане соответствия/несоответствия отображаемым объектам принимает только одно из двух значений истинности – «истинно» или «ложно»; истинные сообщения называются трасинформацией, ложные – дезинформацией. Структура истинностных механизмов включает в себя следующие составляющие: а) объективное истинностное значение того фрагмента знания, который включается в сообщение; б) субъективное – адекватное или неадекватное – представление коммуникатора об этом значении (коммуникатор может обладать истиной или заблуждаться); в) истинностная интенция коммуникатора (его намерение трансинформировать или дезинформировать реципиента); г) восприятие реципиентом сообщения как истинного или ложного (результат верификационных операций в процессе приема сообщения). Для эффективного речевого воздействия необходимым условием является обладание коммуникатором истиной и его истинностная интенция [3, 68-87].

В истинности сообщаемой информации отправитель сообщения убеждает получателя, используя различные формы доказательства, обоснования, аргументации. В научном тексте именно аргументация ориентирована на достижение коммуникативного эффекта, на то, чтобы навязать реципиенту значение истинности, которым снабжено сообщение. Для усиления коммуникативного эффекта в процессе аргументации к логико-методическим характеристикам сообщения добавляются такие приемы, которые увеличивают его доступность, весомость, силу, убедительность и т.п., в то же время являясь нерелевантными для «чистой» логики и методологии [3, 68-87].

Модификация взглядов, суждений, оценок получателя сообщения достигается аргументатором в процессе аргументации-размышления, аргументации-компоновки (выстраивание сети причинно-следственных связей) или аргументации-действия (навязывание адресату определенной последовательности действий типа наблюдения, углубления в тему, обобщения, критики) [5, 66-72].

Таким образом, можно предположить, что целью автора любого письменного сообщения является воздействие на читателя, но различен характер выраженности авторского намерения в текстах активизирующего и информативного типов. В научной коммуникации эксплицитным намерением отправителя сообщения является информирование получателя, передача ему объективного знания, в то время как стремление убедить читателя в истинности высказываемой автором точки зрения и в необходимости принять авторскую позицию выражено имплицитно. Коммуникативное намере-

ние оправителя научного текста реализуется в процессе аргументации через категориальные и текстуальные средства, интеллектуальная экспрессия выражается в содержательно плотных фрагментах текста, концентрирующих познавательные действия когнитивного и эмотивного характера.

Литература

1. Данилевская Н.В. К вопросу об экспрессии в научном тексте // Вестник Пермского Университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. - № 6(12). – С. 30-36.
2. Матвеева Г.Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста. Издательство Ростовского университета, 1984. – 132с. [Электронный ресурс]. URL: http://rspu.edu.ru/projects/deutch/mono_1.html (дата обращения: 05.11.2012).
3. Свинцов В.И. Истинностные аспекты коммуникаций и проблемы совершенствования речевого сообщения// Оптимизация речевого воздействия. – 1989. – С. 68-87
4. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: автореф. дис. на соиск. ученой степ. д-ра филолог. наук / Е. В. Шелестюк. – Челябинск : [б. и.], 2009. – 42 с.
5. Charaudeau P. Langage et discours: Elements de semiolinguistique (theorie et pratique). – P.: Classique Hachette, 1983. – с. 66-72

© Урманова Ю.Р., 2012

УДК 801

Фазлетдинова Р.Ф.
г. Уфа (Россия)

О роли пресуппозиции в инициальных высказываниях

Личность коммуниканта, его жизненный опыт, его социальная характеристика представлены в коммуникативном акте как категория пресуппозиции. В основе этой категории лежит обязательное для акта общения наличие двух коммуникативных сторон: адресанта и адресата. Изучение пресуппозиции связано с выявлением причин и условий адекватности смысла и его восприятия.

С.И. Канонич выделяет четыре основных компонента, составляющих пресуппозицию адресанта [1, с.21]. Прежде всего – это социально-биологический и культурный тип человека, выступающего в роли инициатора акта общения, это показатели возраста, профессии, семейного положения, социальной функции, эрудиции, отношения к адресату коммуникации и предмету речи.

Вторым компонентом пресуппозиции адресанта является конкретный

мотив, побудивший его к данному акту общения, конкретная ситуация, под-сказавшая необходимость решения определенного вопроса бытия, обмена информацией, поиска нового задания.

Между первым и вторым компонентом пресуппозиции адресанта ус-танавливается отношение общего к частному, постоянного к изменчивому, стабильного к динамическому.

Третий компонент пресуппозиции адресанта относится к прогнозированию восприятия содержания коммуникативного акта адресантом. Адекватное понимание передаваемой адресантом в тексте информации и необходимо для достижения поставленной коммуникативной задачи.

Четвёртым компонентом является тезаурус, обеспечивающий адекватное понимание и получение информации. Все четыре вида пресуппозиции адресанта речи имплицитно присутствуют в лингвистической канве текста.

Пресуппозиция существует в непосредственном отношении с подтек-стом, а также с эмоционально-экспрессивной семантикой текста.

Организация пресуппозиции разнообразна в языке, но она едина по своему принципу функционирования, нацеленному на точное восприятие текста на основе тех или иных языковых показателей, дающих возможность, с одной стороны правильно использовать для выражения свои мысли, а с другой стороны, воспринимать текст во всей его смысловой полноте и точности.

Литература

1. Канонич, С.И. Виды пресуппозиций коммуникантов. // В сб.: Язык как коммуникативная деятельность человека. Выпуск 284. – М., 1987. – С. 21-30.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», 1990.

© Фазлетдинова Р.Ф., 2012

УДК 811.161.1

Фаткуллина Ф.Г.
г. Уфа (Россия)

Рекламный дискурс как вид массовой коммуникации

Впервые термин «дискурс» был использован в названии статьи «Дискурс – анализ» американского лингвиста З. Харриса, опубликованной в 1952 году. Широкое же употребление его началось лишь в начале 1970-х гг., то есть два десятилетия спустя. Несмотря на то, что история данного термина насчитывает не один десяток лет, и по сей день не существует четкого опре-

деления, которое бы охватывало все случаи его употребления.

Известный голландский ученый Т. А. ван Дейк в своей работе «К определению дискурса» пишет: «Понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии. Мы знаем, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными. «Дискурс» – одно из них» [3]. И действительно, термин «дискурс» находится в активном лексиконе многих научных дисциплин, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка, – лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии.

Т. А. ван Дейк внес значительный вклад также в исследование дискурса и социального контекста. В своей статье «Эпизодические модели в обработке дискурса» он отмечает, что «выражения естественного языка вообще и дискурс, в частности, могут употребляться для того, чтобы указывать на что-либо «в мире» или в некотором социокультурном контексте. Дискурс дает представление о предметах или людях, об их свойствах и отношениях, о событиях или действиях или об их сложном сплетении, то есть о некотором фрагменте мира, который мы именуем *ситуацией*» [3, с.68- 69]. Т. А. ван Дейк исходит из тезиса, что мы понимаем текст только тогда, когда мы понимаем ситуацию, о которой идет речь. Поэтому «модели ситуаций» необходимы нам в качестве основы интерпретации текста [op.cit.,с 9].

Общий социальный контекст (general social context) ученый описывает в следующих категориях: (i) личное; (ii) общественное; (iii) институциональное; / формальное и (iv) неформальное

Данные категории характеризуют различные виды социальных контекстов, например, общественные институты (суды, больницы, дорожное движение), неформальные общественные «места» (салон автобуса, рестораны), частные институты (семья), неформальные личные «ситуации» (драки, объяснения в любви) и т. д.

Данные социальные контексты затем могут быть подвергнуты дальнейшему анализу в терминах следующих категорий:

- (i) позиции (например, роли, статусы и т. д.)
- (ii) свойства (например, пол, возраст и т. д.)
- (iii) отношения (например, превосходство, авторитет)
- (iv) функции (например, «отец», «слуга», «судья и т. д.)

Ученый отмечает, что социальным контекстам может быть придана определенная организация, например, с помощью некоторой структуры (социальных) *фреймов*. Так, внутри общей институциональной ситуации суда имеется несколько фреймов, которые хронологически упорядочены: фреймы обвинения, защиты и вынесения приговора. В этих фреймах участникам приписываются специфические функции, позиции, качества и отношения. Также фреймы определяют, какие виды действий могут быть совершены.

Таким образом, помимо категорий, в терминах которых описываются социальные контексты, необходим набор *конвенциональных установлений* (conventions) (правил, законов, принципов, норм, ценностей), которые бы определяли, какие действия ассоциируются с конкретными позициями, функциями и т. д.

Относительно дискурса Т.А. ван Дейк замечает, что «дискурс – это существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерные черты которого – интересы, цели и стили» [3, с.53].

Остановимся на некоторых дефинициях термина «дискурс». Ю.Н. Караулов и В.В. Петров во вступительной статье к сборнику трудов Т.А. ван Дейка определяют дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Данное определение естественно базируется на взглядах самого Т.А. ван Дейка [4, с.8].

П.Серио выделяет восемь значений термина «дискурс»:

- 1) эквивалент понятия «речь», т.е. любое конкретное высказывание;
- 2) единица, по размерам превосходящая фразу;
- 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации;
- 4) беседа как основной тип высказывания;
- 5) речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции;
- 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация;
- 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, характерный для определенного вида социума;
- 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований производства текста [10, с.26-27].

Н.Д. Арутюнова приводит следующее определение дискурса: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь»» [1, с.136-137]. Это ситуативное (точнее, культурно-ситуативное) понимание дискурса.

С позиций социолингвистики В.И. Карасик выделяет два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института. Институциональный дискурс определяется им как «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума». Однако отмечает, что «любое общение носит многомерный, партитурный характер, и его типы выделяют-

ся с известной степенью условности. В.И. Карасик выделяет следующие виды институционального дискурса: политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный.

Как отмечает В.М. Лейчик, «рекламный дискурс является, пожалуй, самым богатым и многоаспектным вариантом дискурса, что зависит от обилия средств, применяемых рекламой, и большого количества видов рекламы (печатная, теле- и радио-, наружная и др.)». Он считает целесообразным рассмотрение всех этих средств по блокам (блоки – «элементы рекламной деятельности, которые в сумме образуют рекламный дискурс: речевую составляющую плюс все «добавки» (средства, используемые в комплексном процессе, – содержательные, формальные, функциональные); каждый из блоков направлен на выполнение отдельных функций рекламы). В. М. Лейчик выделяет следующие рекламные блоки:

- прагматический блок;
- коммуникационный блок;
- информационный блок;
- семиотический блок;
- лингвистический блок [9, с.22-35].

Рекламный дискурс, являясь разновидностью институционального, обладает рядом специфических характеристик. Изучение рекламного дискурса становится наиболее интересным с точки зрения коммуникации. В этой части нашей работы мы ставим перед собой задачу рассмотреть систему социальных коммуникаций, определить какое место в ней занимает реклама.

Для начала определимся с самим понятием «коммуникация». Данный термин широко используется многими науками: риторикой, социологией, этнографией, психологией, семиотикой, рядом естественнонаучных дисциплин и др. Можно выделить узкое и широкое понимание «коммуникации».

Например, А. В. Соколов предлагает широкое определение коммуникации: «коммуникация есть опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов» [11, с.16]. Он выделяет четыре типа коммуникации:

- 1) Материальная (транспортная, энергетическая, миграция населения, эпидемии и др.);
- 2) Генетическая (биологическая, видовая);
- 3) Психическая (внутриличностная, автокоммуникация);
- 4) Социальная (общественная) [op.cit., с.18].

А.Б. Курлов предлагает следующую дефиницию: коммуникация – «это широкое понятие, раскрывающее характер взаимодействия двух и более систем в процессе обмена информацией. Коммуникация – это средство и одновременно условие бытия данных объектов, это реализация потенции

систем к саморазвитию. Вне информационных взаимодействий этот объект обречен на стагнацию, т. к. превращается в систему закрытого типа» [7, с.7-8]. Это определение, как мы видим, является более узким.

В данной статье мы будем придерживаться более узкого понимания рекламы и под коммуникацией понимать процесс обмена информацией.

Принадлежность рекламы к системе коммуникаций определяется различными функциями, которые выполняет реклама. Так, Т. И. Краско пишет, что коммуникативные функции рекламы делятся на первичные – такие, которые присущи любому виду коммуникации вообще, и вторичные – такие, которые выполняет именно реклама как особый и своеобразный вид коммуникации. *Первичными* являются следующие коммуникативные функции рекламы:

1) *Непосредственно коммуникативная* – передача какого-то содержательного сообщения, определенного объема информации.

2) *Регулятивная* – способность этой передаваемой информации как-то воздействовать на людей, каким-то образом определять и регулировать их настроения, установки и поведение.

3) *Обобщающая* – ведущая к появлению у человека обобщенных образов и представлений, то есть для рекламы это передача такой информации о товаре, которая имеет отношение непосредственно к обобщенной способности товара удовлетворить какую-то потребность человека [6, с.140].

С точки зрения коммуникации рекламу можно определить «как открыто оплачиваемые продавцом или производителем отношения между ним и покупателем» [8, с.200].

Рассмотрим основные элементы рекламной коммуникации. В рамках любого институционального дискурса коммуниканты реализуют себя в ограниченном наборе ролевых характеристик.

Известный исследователь рекламного текста Х. Кафтанджиев пишет, что «адресант в рекламе – понятие собирательное, объединяющее различных специалистов:

рекламодателей;

рекламистов;

специалистов из средств массовой коммуникации [5].

В немалой части рекламных сообщений задействован и четвертый тип субъектов – лидеры мнения. Данное понятие было введено Катцом и Лазарсфельдом. Они считают, что:

1) сообщения в масс-медиа имеют опосредованный характер – они несут на себе отпечаток социальных отношений;

2) знание и распространение содержания средствами массовой коммуникации часто трансформированы в личное влияние;

3) массовую коммуникацию следует интерпретировать в связке с межличностной коммуникативной системой.

В соответствии с данной моделью «лидер мнения часто выполняет функцию переводчика и посредника между средствами массовой коммуникации и индивидом» [5, с.20].

С. Н. Бердышев, говоря о важности наличия схожей системы кодификации и декодификации текстового обращения у реципиента и коммуникатора, под коммуникатором понимает копирайтера [2, с.15]. Существует и другая точка зрения, согласно которой «коммуникатором, или отправителем сообщения считается рекламодатель» [12, с.162-163]. На наш же взгляд, более точной является позиция Х. Кафтанджиева, ведь в силу особенностей массовой коммуникации нам приходится рассматривать не индивидуально, а коллективного автора и реципиента.

Центральным понятием рекламной коммуникации, несомненно, является адресат. Адресат рекламы также представляет собой сложное, социально неоднородное образование, которое состоит из целевых групп.

Различают четыре типа целевых аудиторий: *покупатели* (реальные или потенциальные), *потребители* (реальные или потенциальные), *лица, предписывающие потребление, розничные продавцы товаров и услуг* [13, с.112-113]. Не следует думать, что целевые группы (адресат) являются пассивными получателями рекламной информации. Их влияние на процесс коммуникации проявляется в «учете фактора адресата» составителями рекламных сообщений.

Таким образом, успех рекламной коммуникации во многом определяется правильным выбором средств передачи рекламного сообщения, поскольку именно от этого зависит, какого количества потенциальных потребителей достигнет сигнал, каково будет воздействие на них. И именно от этого зависит, какая часть маркетингового бюджета будет затрачена на рекламу и насколько эффективными будут эти затраты.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 136-137.
2. Бердышев С. Н. Рекламный текст. Методика составления и оформления / С. Н. Бердышев. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2008. – 252 с.
3. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. Сборник работ / Т.А. ван Дейк; составление В.В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова. – М.: «Прогресс», 1989. – 312 с.
4. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Вступительная статья к сборнику работ Т.А. ван Дейка «Язык. Познание. Коммуникация» / Т. А. ван Дейк; составление В. В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5-11.
5. Кафтанджиев Х. Гармония в рекламной коммуникации / Христо Кафтанджиев

- танджиев; пер. с болг. С. Кировой. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 368 с. – (Профессиональное издание для бизнеса).
6. Краско Т.И. Психология рекламы / Под ред. Е. В. Ромата. – Харьков: Студцентр, 2002. – 216 с.: ил.
  7. Курлов А.Б. Основы теории коммуникации: учебное пособие / А.Б. Курлов – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 124 с.
  8. Науменко Т.В. Социология массовой коммуникации: учебное пособие / Т.В. Науменко. – СПб.: Питер, 2005. – 228 с.
  9. Реклама: язык, речь, общение: учебное пособие / Под ред. О.Я. Гойхмана, В.М. Лейчика. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 288 с
  10. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и португ. – М.: Прогресс, 1999. – С. 14-53.
  11. Соколов А. В. Социальные коммуникации: учебно-методическое пособие / А. В. Соколов. – М.: ИПО Профиздат, 2001. – 224 с.
  12. Социальная реклама: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Реклама» и «Связи с общественностью» / Под ред. Л.М. Дмитриевой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 271 с.
  13. Теория и практика рекламы: Учебн. / Под ред. Тулупова В.В. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2006. – 528 с.

© Фаткуллина Ф.Г., 2012

УДК 811.111:811.161.3:82:398

Федорова Н.Н., Трошко Е.М.
г. Мозырь (Беларусь)

**Национально-культурные особенности образа женщины
в пословицах и поговорках (на материале английского
и белорусского языков)**

Пословицы как элемент коллективного сознания формировались в обществе на протяжении его истории и, по мнению многих лингвистов, остаются самым любопытным жанром фольклора, в котором выражается не мнение отдельных людей, а народная оценка, народный ум. Она отражает духовный облик народа, стремления и идеалы, суждения о самых разных сторонах жизни. Параллельно с пословицами существуют многочисленные выражения, именуемые поговорками. Среди лингвистов не существует единого мнения относительно характеристик пословиц и поговорок. Одни исследователи не делают различия между ними, в то время как другие выделяют определенные критерии, по которым можно отличить пословицу от поговорки.

В.П. Жуков, например под первыми понимает краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченные предложения. К вторыми относятся краткие народные изречения, имеющие только буквальный план и в грамматическом отношении представляющие собой незаконченные предложения [2].

Дефиниции, даваемые пословицам разными авторами, указывают на целый ряд их характерных черт. Пословица определяется как краткое, вошедшее в речевой оборот и имеющее поучительный смысл, ритмически организованное изречение, в котором народ на протяжении веков обобщал свой социально-исторический опыт [4]. По мнению А.И. Молоткова, пословица в обобщенном виде констатирует свойства людей и явлений ('вот как бывает'), даёт им оценку ('то хорошо, а это плохо') или предписывает образ действий ('следует или не следует поступать так-то'). Обязательное наличие обобщения и весьма частое оценочно-предписывающее содержание образуют характерный для пословиц назидательный смысл [4]. М.А. Вавилова рассматривает пословицы как краткие, меткие, глубокие по силе мысли народные изречения или суждения о жизненных явлениях, выраженные в художественной форме [4].

Пословица – завершённая самостоятельная фраза. Пословица поучает, наставляет, подсказывает, помогает сделать правильный выбор [3].

Поговорка - это широко распространенное образное выражение, метко определяющее какое-либо жизненное явление. В отличие от пословиц, поговорки лишены прямого обобщенного поучительного смысла и ограничиваются образным, часто иносказательным выражением: *легко на помине, как снег на голову, бить баклуши* - все это типичные поговорки, лишённые характера законченного суждения [4]. Как правило, поговорка – это словесный оборот, метафора, устойчивое словосочетание, которое может быть частью какого-либо выражения, добавляя ему настроения, яркости, образности. Поговорки обычно употребляются в каком-либо контексте [3].

Поговорка граничит с пословицей. Отмечается возможность превращения в устной речи пословицы в поговорку и наоборот, поговорки часто становятся пословицами. Например, образное изображение любителя чужого труда может быть выражено пословицей *Легко чужими руками жар загребать* либо производной от нее поговоркой *Чужими руками жар загребать*.

Анализ дефиниций подчеркивает, что главной особенностью пословицы является ее законченность и дидактическое содержание. Все авторы выделяют тот факт, что пословица характеризуется оценочно – предписывающим содержанием и имеет организованную структуру, в то время как поговорка отличается незавершенностью умозаключения, отсутствием поучительного характера и требует определенного контекста.

Отражая различные аспекты жизни общества, многочисленные поговорки и поговорки любого языка стереотипизируют их, в том числе каждая отдельно взятая культура дифференцирует определенные социальные роли, манеру поведения человека в зависимости от пола. Оппозиция «мужской - женский» исторически обусловлена и признается основой формирования гендерных стереотипов, соотносимых с половой принадлежностью.

В Американском словаре наследия английского языка термин «гендер» понимается как представление отношений, показывающее принадлежность к классу, группе, категории (что соответствует одному из значений слова «род» в русском языке). Другими словами, гендер конструирует отношения между объектом (или существом) и другими, ранее уже обозначенными классом или группой; это отношение принадлежности [5]. Таким образом, гендер – социальное отношение не биологического пола, а представление каждой индивидуальности в терминах специфических социальных отношений.

Важную роль в развитии и поддержании гендерной системы играет сознание людей. Конструирование гендерного сознания индивидов происходит посредством распространения и поддержания социальных и культурных стереотипов, норм и предписаний, за нарушение которых общество наказывает людей, например, «мужеподобная баба» или «мужик, а ведет себя как баба». В процессе воспитания семья, система образования, культура в целом внедряют в сознание детей гендерные нормы, формируют определенные правила и нормы поведения и создают представления, какими должны быть «настоящий мужчина» и «настоящая женщина». Впоследствии эти гендерные нормы поддерживаются с помощью социальных и культурных механизмов, например, стереотипов [5]. Гендерные стереотипы — это социально разделяемые представления о личностных качествах и поведенческих моделях мужчин и женщин, а также о гендерной специфике социальных ролей [1].

Будучи разновидностью социальных стереотипов, гендерные стереотипы обладают основными их свойствами, среди которых отмечаются устойчивость, оценочность, схематичность, полярность [5]. В значительной степени эти свойства обусловлены тем фактом, что они отражают взаимодействие двух социальных групп — мужчин и женщин.

Каждая отдельно взятая культура дифференцирует определенные социальные роли, манеру поведения человека в зависимости от пола. Образ женщины в английском и белорусском языках, зафиксированный в пословицах и поговорках, рассматривается в совокупности своих моральных и поведенческих качеств, соотносимых с национально – культурными нормами, что предполагает выражение положительной/отрицательной оценки. Следует отметить, что, несмотря на существующие национальные особенности, образ женщины в обеих культурах амбивалентен: он содержит не

только негативную, но и позитивную оценку - и английские, и белорусские пословицы представляют женщину в совокупности ее положительных и отрицательных свойств. Для анализа были взяты 173 пословиц, из которых 72 английских и 101 белорусская.

Положительная оценка, как правило, связана с такими характеристиками как материнство: *Every mother thinks her own gosling a swan, A mother's love never ages.* - *У сваёй мамкі ўсе добрыя дзеткі.*

супружество: - *The wife is the key to the house.* - *У добрага мужа і жонка хароша. A cheerful wife is the joy of life.* - *Мужык сваю жонку хваліць, што хораша есці варыць.*

Существует определенное схожее отношение и к месту женщины в обществе, когда она представлена как хранительница домашнего очага, хозяйка и опора в делах мужа: *A good wife and health is a man's best. Men make houses, women make homes.* - *Мужык ды баба адна рада. Антось ды Хвядора-што лапаць ды абора.*

Однако образ женщины в пословицах складывается в основном из отрицательных качеств, среди них отмечаются:

болтливость: *Women are great talkers.* - *Не бі жонкі, мужык, а бі жончын язык.* - *Бабка бабцы сказала ўся вёска знала. Three women make a market.* - *Дзе адна баба-там базар, дзе дзве- там кірмаш.*

глупость: *Women have long hair and short brains.* - *У бабы волас доўгі, да вум кароткі. Дурной бабе і галава мяшае.*

В английских и русских пословицах также прослеживается мысль об изначальной греховности женщины и ее связи с дьяволом:

Hell hath no fury like a woman scorned. Woman is the snares of Satan. - *Бабы і сам чорт не пераможа. Чорт солад салатзіў і то бабе не дагадзіў.*

Следует отметить, что как в английском, так и в белорусском языках пословицы и поговорки говорят, в основном, о женщине вообще:

A bad woman is worse than a bad man. Men get wealth and women keep it. All women are good. - *У бабы усё не так. Каму што, а бабе сырадой.*

К ним также можно отнести встречающиеся в обоих языках пословицы с именами собственными, однако, в отличие от английского материала, где такие пословицы оказались достаточно редкими (в них использованы только имена Jill и Joan: *If Jack's in love, he's no judge of Jill's beauty. Joan is as good as my lady in the dark*), пословицы белорусского языка демонстрируют большее разнообразие, в них встречается разные женские имена (Клара, Мар'я, Кацярына, Агата, Маруся, Надзёна): *Не кожняя Надзёна з твару прыгожа. Хацела Мар'янка замуж ісці, але браць не хочуць. Казала Клара, што будзе пара. Антось ды Хвядора-што лапаць ды абора*

В обоих языках можно также выделить группы пословиц о жене, вдове, дочери, матери. В белорусском языке кроме указанных могут быть отмечены группы пословиц о бабушке, девице, сестре, дочери, невестке, свекро-

ви, теще, золовке, куме, свахе, что отражает особое отношение белорусов к родственным отношениям и связям.

Литература

1. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]/ Гендерные стереотипы. - Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>.- Дата доступа: 15.02.2012.
2. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов. Учебное пособие для студентов пединститутов по специальности «Русский язык и литература» / В.П. Жуков. - Москва: Просвещение, 1978. – 160 с.
3. Интернет - портал [Электронный ресурс] /Отличие пословицы и поговорки - Режим доступа:<http://thedifference.ru/otlichie-poslovicy-ot-rogovorki/> /Дата доступа:20.05.2012.
4. Интернет – портал [Электронный ресурс] / Пословицы и поговорки Режим доступа: Xreferat.ru.–Дата доступа: 24.02.2012.
5. Интернет– портал [Электронный ресурс] / Сопоставительный анализ образа женщины в английском и русском языках– Режим доступа: Omsk.tdu.ru/index.php.– Дата доступа: 24.02.2012.

© Федорова Н.Н., Трошко Е.М., 2012

УДК 81'373.45

Фролова О.А.

г. Ростов-на-Дону (Россия)

Особенности функционирования иноязычной лексики в масс-медийном дискурсе

Словарный состав языка находится в состоянии постоянного изменения. Непрерывное обогащение лексико-семантической системы языка – один из законов исторического развития языка. Ни один язык не может обойтись без естественного и закономерного процесса заимствования элементов из других языков, являющегося неизбежным результатом развития языка, неотъемлемой составляющей его функционирования, одним из основных источников пополнения словарного запаса является заимствование. Заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, социальные, экономические и культурные связи между языковыми коллективами, т.к. возникновение и развитие любой языковой культуры основывается главным образом на межъязыковых контактах.

Процесс заимствования изучен достаточно хорошо. Вместе с тем в науке до сих пор отсутствует единство взглядов на объем явлений, включаемых в понятие «заимствование». В данной работе мы будем придерживаться следующего определения понятия «заимствование»: "Представляется

целесообразным называть заимствованием процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой. Под различными элементами понимаются единицы различных уровней структуры языка – фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики" [2, с.19].

Любое явление или событие в том или ином виде находит отражение в различных печатных изданиях, на телевидении, а также в информационных блогах, размещенных в сети Интернет. Общеизвестно, что влияние средств массовой информации на развитие языка весьма значительно. Новобразования, привнесенные в язык средствами массовой информации, могут прочно войти в нашу речь и укорениться в ней. Проблема иноязычных заимствований в СМИ актуальна, как никогда, т.к. большую часть лексики средств массовой информации составляют заимствования. В наибольшей степени иноязычной лексикой насыщены газетные и журнальные тексты, в особенности те, что касаются экономики, политики, спорта, искусства, моды [1, с.156].

Злоупотребление иноязычной лексикой приводит к тому, что тексты, предназначенные для широкого круга читателей и слушателей, могут быть непонятными и не достигнуть поставленной цели. Возникает вопрос корректной подачи заимствований в масс-медийных текстах.

Для употребления иноязычных слов на страницах печати и в устной публичной речи характерны две противоположные тенденции: с одной стороны, новое заимствование употребляется без каких бы то ни было «переводов» на русский язык, комментариев, оговорок и т.п. [1, с.155-156]. Например: «Увязли в *тренде*» (Сов. Россия. 2009. 3 февр.), «Как подсчитали американские психологи, если ходить на *шопинг* с банковской картой, то траты увеличиваются на 20%» (КП. 26.07.2012).

Вторую тенденцию можно проиллюстрировать разного рода авторскими комментариями к употребляемой иноязычной лексике [1, с. 156]. Авторские комментарии чаще всего встречаются в таких видах:

- иноязычная лексика сопровождается отсылкой. Например, «*ФАНТАСТИШ* С РУССКОЙ ДУШОЙ*» (* - фантастический) (реклама магазина бытовой техники Media Markt), «Звони Сосо, пиши Сосо, *лайкай* Сосо» (Лайкать – положительно оценивать событие в сети Интернет) (реклама МТС, тариф МАХИ с Сосо Павлиашвили);

- пояснение заимствованию дается сразу в тексте. Например: «К счастью для большинства [оливковые] косточки безвредны, но у людей со спячной болезнью, запорами и вялым кишечником оно могут стать «точкой роста», вокруг которой формируется *безоар* - инородное тело в желудке и кишечнике» [Аргументы и факты, № 14,2009] (пример взят из работы [1, с.156]), «*Хендлер* – это не пирожок с капустой, а специалист, который умеет правильно показывать собаку на выставке» (Моск. комсомолец. 5.05.2000).

Таким образом, применительно к масс-медийному дискурсу, можно

говорить о разных способах подачи заимствований. Также одним из таких способов является прием каламбура: «Брак Баскова терпит *фиаско?*» (Моск. комсомолец. 02.10.2007), «Студент, побойся *блага!*» (Моск. комсомолец. 03.10.2007), «*Инклюзия* в Ростове теперь не иллюзия» (Вечер. Ростов. 26.03.2012), «Не «левак» укрепляет брак, а *аккаунт* в соцсети» (КП. 17.05.2012), «*Кластер* как мастер развития региона» (Академия. 10.11.12).

Литература

1. Барсукова Е.В. Иноязычность в контексте речевой практики (сравнительный анализ дворянской речевой практики конца XVIII – первой половины XIX и современного российского общества) // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. с междунар. участием. Вып. 7. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – с. 151 – 157.
2. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М., 1968.

© Фролова О.А., 2012

УДК 378'02

Хабутдинова Л. Х.
г.Уфа (Россия)

Учет жанровых особенностей научных текстов при обучении чтению по специальности на иностранных языках

Интерес студентов к своей будущей специальности предполагает возможность использования уже на начальных этапах текстов, приближающихся по содержанию и тематике к их будущей специальности. Многие исследователи, рассматривая проблему учебного материала для обучения чтению, основное внимание уделяют содержанию текста и его языковой стороне. (Алиева М.А., Воропаева Н.Ф., Кирпичникова Е.А., Шевченко Н.И.)

Разнообразие жанров, специфика научно-технических текстов, как правило, выпадает из поля зрения. Акцент делается главным образом на журнальные статьи. Однако специалистам, кроме журнальных статей, приходится работать со справочниками и патентами, иметь дело с различными инструкциями и сопроводительной документацией, рекламными проспектами, монографиями и др.

Поэтому немаловажное значение для методики обучения иностранным языкам в вузе приобретает вопрос целесообразности использования того или иного жанра в учебном процессе с учетом стоящих задач и учебных условий. Данные исследований показывают, что из целого ряда научно-технических жанров наиболее часто используемым источником информации

для специалистов являются специальные периодические, так называемые профильные, журналы. Целью чтения является поиск и извлечение информации, а не накопление словаря, то есть на практике текст выполняет свою коммуникативную функцию. Это именно та задача, которая должна быть решена в ходе обучения иностранному языку в техническом вузе. Текст должен выступать как средство реализации коммуникативной задачи. Статьи с описанием различных технологических процессов, технологических устройств, экспериментов несут основную новую информацию по специальности, и именно на них, очевидно, следует опираться в первую очередь как на базовые, предназначенные для обучения чтению преимущественно на начальном и среднем этапах обучения. Данный жанр характеризуется таким набором языковых средств, такой терминологией, которая специфична для соответствующей области знаний, и может служить источником отбора адекватного языкового материала, необходимого для овладения чтением журнальных статей по специальности.

Значительное место в современных журналах отводится различного рода рекламным текстам, коротким сообщениям информационного характера и аннотациям научно-технических статей. Значительная часть информационных сообщений и некоторые аннотации начинаются с предложения, в котором называется предмет описания и выделяются его основные характеристики. Поэтому первое предложение, как правило, длинное, но четкое и точное, нет вводных слов, излишних пространственных объяснений. Затем в двух-трех предложениях в лаконичной форме дается дополнительная информация о некоторых других существенных свойствах и качествах описываемого предмета.

Другим важным для специалиста типом научно-технической литературы является жанр «патента». Тексты патентов отличаются высокой степенью информативной насыщенности. Тематика патента предполагает глубокое познание в соответствующей области со стороны читающего, что практически делает невозможным его использование даже на среднем этапе процесса обучения иностранному языку. Значительную трудность представляет языковая форма изложения, умение анализировать информацию, что еще не под силу студенту первого-второго курсов. Из сказанного следует, что обучение студентов чтению патентов лучше всего проводить на старших курсах, когда они достигнут необходимого для данного типа текста определенного уровня как языковых знаний, так и речевых умений, подготовленных всем процессом обучения на предшествующих этапах.

Кроме журнальных статей и патентов специалисты называют также другие виды информационных сообщений: инструкции, справочники, рекламу, сопроводительную документацию, материалы конференций и др.

Язык справочников, инструкций и сопроводительной документации по четкости и лаконичности напоминает язык патентов. Однако граммати-

ческая структура предложений этих жанров не отличается той громоздкостью и сложностью, которая характерна для языка патентов. По содержанию сопроводительная документация, справочники относятся к типу текстов с высокой степенью информативности, и поэтому они пригодны лишь для изучающего чтения. Ознакомление с этими видами жанров, по-видимому, лучше всего проводить на третьем курсе, когда студент достаточно хорошо знаком со специальностью. Таким образом, для учебных целей наиболее приемлемыми жанрами являются журнальные статьи, справочники, патенты, сопроводительная документация и инструкции в зависимости от этапа обучения и уровня подготовленности студента.

© Хабутдинова Л.Х., 2012

УДК 811.161.1

Хажиева З.Р.
г.Уфа (Россия)

Функциональный аспект словообразования

Словообразование тесно связано со всеми функциями языка, поскольку активно участвует в пополнении словарного состава и порождении текстов. Основная функция словообразования направлена на возникновение и использование наименований. Словообразование выполняет, прежде всего, номинативную функцию. Номинативность - это свойство языковых единиц называть объекты реальной действительности.

Активность словообразовательных средств обусловлена тем, что они позволяют обозначать реалии в разных аспектах – с опорой на внутренние и внешние признаки, функциональное назначение объектов, на связь предметов друг с другом, их участие в событиях и т.д. Словообразование выступает как ведущий способ номинации. Это обуславливает многообразие словообразовательных средств и типов в русском и башкирском языках.

Диапазон словообразовательных средств широк. Они участвуют в образовании всех частей речи и выполняют классифицирующую функцию.

Особую активность проявляет словообразование в создании имен существительных, где оно используется для обозначения различных классов реалий.

В русском языке значительна роль словообразования в обозначении лица в разных аспектах:

По признаку: *красивый – красавец;*

По действию: *учит - учитель;*

По отношению к объектам деятельности: *камень – каменщик;*

По отношению к месту: *село - сельчанин.*

Большую роль играет словообразование в создании наименований предметов разного функционального назначения, входящих в определённые тематические группы слов.

В русском языке номинативная функция проявляется не только в обозначении новых реалий, но и в дифференциации, обуславливающей модификацию лексического значения исходного слова: *учитель-учительница, кот-котенок, лев-львёнок*.

В производных номинациях отражаются не только предметы, явления объективной действительности, но и различные типы отношений, направление связей между реалиями. Так, действие как основной пласт человеческого опыта, пронизывает многие разряды реалий и получает развитие в производных со значением: лица (*писать - писатель, водить - водитель*); объекта (*записать - записка, покрывать - покрывало*); орудия (*сеять - сеялка, носить - носилки, выжимать - соковыжималка*); места (*остановиться - остановка, читать - читальня*).

Названные типы производных отражают взаимодействие и взаимосвязь концептов: действия и лица, действия и предмета и т.д.

По общности словообразовательного значения суффиксальные типы существительных объединяются в словообразовательную категорию.

В словообразовательной системе языка осуществляется наиболее явное и прямое отражение предметов, явлений, признаков, событий. В результате словообразовательного процесса возникают наименования важнейших реалий, создающие основу знаний о мире, на которые опирается речемыслительная деятельность говорящего. Таковы наименования лиц, конкретных предметов, признаков, действий, состояний, в которых проявляются самые разнообразные типы словообразовательных значений [3, с.19].

Проявление субъективности связано с коннотативной или эмоционально-оценочной функцией, которая передает отношение говорящего к обозначаемым предметам, явлениям, к ситуации или к собеседнику. Это может быть пренебрежительное, ласкательное, унижительное – презрительное, ироническое, шутовское отношение к предмету речи.

Оттенки субъективной оценки совмещаются с размерным значением (уменьшительность и увеличительность). Уменьшительность может выражаться в русском языке суффиксами -ик, -чик, -к, -еньк, -иц и др.: *столлик, собачка, танцорик, личико, месячишко*.

Суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением соединяются с существительными, обозначающими малые предметы, незрелые существа, небольшие отрезки времени: *ягненок, пташка, синичка, фабричка*.

В русском языке оттенки субъективной оценки в сочетании со значением реальной увеличительности выражаются продуктивными суффиксами -ищ, -ин: *кулачище, сборище, картофелина, девчина*.

Суффикс **-иц-а** в русском языке менее продуктивен. Производящая

основа, за исключением основы в слове *сестрица*, называет конкретный неодушевленный предмет: *тряпица*, *вещица*. Примеры: *Горел над пашней ясный день, рощица на краю пашни стояла вся зеленая, умытая вчерашним дождем; Кипело, булькало в канавках и в лужицах.* (В. Шукшин.)

В зависимости от характера деривационного значения различают лексическое значение производных слов. Оно тождественно значению производящих, но и производное отличается от производящих принадлежностью к иной части речи (и, следовательно, синтаксической функцией). Явления такого рода польский лингвист Е. Курилович предложил называть синтаксической деривацией, а соответствующие производные – синтаксическими [Курилович 1962, 57 – 70].

В русском языке к области синтаксической деривации относятся такие словообразовательные типы, как:

Отглагольные существительные со значением отвлеченного действия: *перешивание, переклеивание, развеска, ходьба, мольба.*

Отадъективные существительные со значением отвлеченного действия: *веселость, звонкость, доброта, чернота, голубизна, белизна, синева.*

Производные, относимые к области синтаксической деривации, объединяются специфичностью семантики. Они имеют то же лексическое значение, что и производящие, но выражаются словом иной части речи, ср.: *белый снег* и *белизна снега*, *смелый поступок* и *смелость поступка* (выражение признака в виде субстанции), *читать газету* и *читка газеты*, *развешивать белье* и *развешивание белья* (выражение процесса в виде субстанции), *лечить грязью* и *грязевое лечение*, *ручка двери* и *дверная ручка* (выражение субстанции в виде признака).

Одна из функций словообразования – упрощение синтаксической структуры высказывания. Применение с этой целью производных слов Земской Е.А. интерпретируется как конструктивное словообразование [Земская 1985]. Целям конструктивного словообразования служат в первую очередь – отглагольные и отадъективные существительные – синтаксические дериваты, удобные тем, что они упрощают синтаксическое построение речи, используя как средство номинации.

В русском языке целям номинализации служат существительные – наименования действий и признаков в отвлечении от их носителей. При этом реализуется конструктивная функция словообразования [1, с.165]. Производные со значением отвлеченного действия представляют собой особую словообразовательную категорию. Активными словообразовательными типами являются: **-ние, -ость**: *формировать – формирование, уметь - умение, терпеть - терпение, гореть - горение, рисовать - рисование; тихий - тихость, злой - злость, нежный - нежность, радостный - радость.*

В последние годы возрос интерес к языку как действующей, работающей системе. Функциональный подход к рассмотрению материала по-

зволяет раскрыть, как функционируют, действуют языковые элементы в речи. Если структурно-системный подход дает ответ на вопрос о строении объекта, то функциональный подход дает возможность ответить на вопрос о том, каково назначение данного объекта.

Литература

1. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. - М.: Наука, 1992.-221с.
2. Земская Е.А., Кубрякова Е.С. Проблемы словообразования на современном этапе //Вопросы языкознания. - М.:Наука, 1978,№6.-С. 112-123.
3. Кильдибекова Т.А. и др. Функциональное словообразование русского языка. - Уфа, 1997.-114с.
4. Хажиева З.Р. Функциональный аспект словообразовательных типов имен существительных (на материале русского и башкирского языков): Монография. -Уфа:РИС БашГУ, 2006.-124с.

© Хажиева З.Р., 2012

УДК 81'1

Хайруллина Р.Х.
г. Уфа (Россия)

«Человек говорящий» в поликультурном пространстве

Как известно, язык – это неотъемлемая часть человеческого бытия, посредством которого происходит познание окружающего мира и закрепление опыта познания с помощью особых информативных знаков – языковых единиц. Вся жизнь человека наполнена общением с себе подобными в устной и письменной форме, в разных ситуациях, на разные темы. А весь мир, населенный разными народами, образует единое информационное коммуникативное пространство, в котором каждый человек является участником никогда не прекращающегося диалога.

«Заговори, чтоб я тебя увидел!» - сказал когда-то Сократ юноше, который пришел к нему учиться ораторскому мастерству. По справедливому мнению мыслителя, речь человека является выражением его социальных и личностных характеристик (социального статуса, интеллекта, образования и воспитания, ценностных и этических приоритетов и т.д.).

«Человек говорящий» - сложный феномен, который является объектом изучения многих гуманитарных наук: педагогики, психологии, истории, этнографии, медицины и филологии. Каждая наука, анализируя речевые характеристики человека, выявляет нормативные и ненормативные факторы его жизнедеятельности в области мышления, поведения, воспитания, культуры и т.д. В центре внимания филологического исследования феномена «человек говорящий» - не только содержание речи, но и способы ее органи-

зации и особенности функционирования.

На протяжении истории развития в языке сформировались стили речи, тематическое богатство сфер познания и общения закрепились в словарном фонде, особенности категоризации и концептуализации нашли свое выражение в языковой картине мира. Речевая деятельность человека обусловлена многими лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Во-первых, это жесткие рамки национального языка, на котором говорит человек и за рамки которого он не может выйти. Известные слова Людвиг Витгенштейна - «Границы моего языка, единственного, который я знаю, есть границы моего мира» [2, с.178]- указывают на факт ограничения речевой деятельности изначально, с момента овладения языком. Во-вторых, это речевая ситуация в целом – тема, цель и задачи коммуникации, контингент участников коммуникации, намерения и установки коммуникантов и многое другое. В процессе общения говорящий играет разные роли. Стоик Панетий говорил о том, что «каждый человек носит четыре речевые маски: маску человека вообще, маску конкретного индивида, маску общественного положения и маску профессии» [1, с.218]. Можно расширить мысль философа и добавить, что в современных социокультурных условиях таких масок у человека еще больше. В течение дня люди меняют маски в зависимости от сферы, места, темы общения, социального окружения и социокультурного контекста в целом, и в каждом конкретном случае это будет другая речь (ср. один и тот же человек – директор на работе, отец, муж, сын, брат, дедушка в семье, сокурсник, охотник, соратник по партии и т.д. – в различных социальных группах).

Изучение «человека говорящего» было начато еще в трудах акад. В.В. Виноградова (Виноградов, 1946). Но до сих пор продолжают расширяться аспекты его изучения и применяются разные подходы. Суть самовыражения человека через язык находит отражение в изучении «человека в языке» у Э. Бенвениста, «человека и его языка» у Р.А. Будагова, «языка и мира человека» у Н.Д. Арутюновой, «мира человека в языке» у В.В. Колесова и др. [5, с.43]. В последние десятилетия в научный оборот вошли такие понятия, как «языковая личность» (Ю.Н. Караулов, 1988), *homo loquens* (К. Ажеж, 2006), *homo lingualis* (В.А. Маслова, 2007).

«Языковая личность», по Ю.Н. Караулову, имеет три структурных уровня: 1. структурно-языковой; 2. когнитивный (тезаурус); 3. прагматический. Эти уровни соотносятся с трехчленной структурой самой языковой личности – мотивационной, лингвокогнитивной и ассоциативно-вербальной. Теория языковой личности нашла продолжение в трудах В.П. Нерознака, С.Г. Воркачева, Ю.Е. Прохорова, В.И. Карасика и других. Языковая личность – «многоуровневая и многокомпонентная парадигма языковых личностей, работающих в парадигме реального общения» [5, с.52]. Основным средством превращения индивида в языковую личность является его социа-

лизация.

Понятие homo loquens тесно связано с понятием homo sapiens, человеком разумным, то есть обладающим языковым сознанием. Это понятие определяет современную лингвистику как науку, изучающую коммуникацию. Конец XX – начало XXI веков ученые называют эрой языка. Рост самосознания современного человека, его активное участие в общественной жизни обуславливает и его коммуникативную активность. Слово становится ключевым фактором межличностного взаимодействия. К.Ажеж писал: «Если мы вправе называть человека homo sapiens, то, прежде всего, потому, что он есть homo loquens, человек говорящий» [1, с.12]. Homo loquens выступает как культурологический вид человека разумного, поскольку именно язык является продуктом человеческой культуры.

В.А.Маслова использует термин homo lingualis. «Есть разные ипостаси человека: человек биологический, социальный, моральный, разумный, играющий, говорящий, коммуникативный, языковой», - пишет она, характеризуя взаимодействие разных сущностей человеческой природы [3, с.34].

Все названные понятия тесно связаны между собой и реализуются в рамках межличностной коммуникации.

Изучение «человека говорящего» как «речетворца», использующего язык как средство самовыражения, немислимо без учета коммуникативного пространства. В современном мире оно является поликультурным, что откладывает отпечаток на процесс межличностного общения. Являясь абстракцией, «язык вообще» реализуется во множестве национальных языков, посредством которых идут процессы познания и общения. Ю.Д. Апресян назвал национальную языковую картину мира «коллективной идеологией», под давлением которой находятся все участники коммуникации. Яркое выражение такое «давление» находит в стереотипах мышления и речи: если русский скажет о скупом человеке, что *у него снега зимой не выпросишь*, то турок – что *он греха своего не отдаст*, что *если подойдешь к его огню, то дыма не даст*. У русского проворный человек *подметки на ходу рвет*, то у башкира – *сорок ртом ловит*. В русском понимании дочь – *отрезанный лоскут*, а у башкир – *выпущенная стрела*.

Процессы глобализации вследствие межкультурных контактов в области политики, экономики и культуры, миграционные процессы сегодня вынуждают человека активно приобщаться к миру чужого языка и чужой культуры. В России поликультурное коммуникативное пространство сложилось исторически – малые народы вошли в состав российского государства, что привело к формированию русско-национального двуязычия и к функционированию русского языка в качестве языка межнационального общения. В последние десятилетия коммуникативное пространство постоянно расширяется в процессе глобализации. Наряду с родным и русским языками, для россиянина становятся актуальными иностранные языки как средство

получения информации в разных областях жизни, обучения и работы за рубежом. Это приводит к возникновению новых и активизации уже существующих социолингвистических тенденций в коммуникативном пространстве. Одной из таких тенденций является интеркаляция как речевая деятельность с использованием элементов (лексических или грамматических) сразу нескольких языков – русского, родного, иностранного.

Например: Был *собраниены организовать* итергэ кэрэк. Их, *лейбл* матур! Мин *лекцияла* булманым, *болел*.

Активное взаимодействие языков, в частности в Башкортостане – русского, татарского и башкирского, выражается в использовании региональных слов (обращений, эргонимов, формул речевого этикета) в речи русских: Не шали, а то *бабайка* заберет! *Саям*, дед! А мне от этого какая *файда*? Дайте мне хлеб «*Уныш*» и *кумыс*.

Можно сказать, что сегодня формируется языковая личность нового полилингвальноментального типа, что находит выражение не только в изменении дискурса, но и в унификации менталитетов народов, живущих долгое время вместе, объединенных общей историей. Идеальным типом полилингвальной личности является полиглот, но, к сожалению, для российской действительности такой тип не характерен. Наиболее распространенным типом языковой личности является билингв, владеющий родным и русским (русским и родным) языками. Тревожной тенденцией является сегодня постепенная утрата родного языка городским населением, особенно молодого возраста.

Исследование человека через его язык как «дома бытия» (М.Хайдеггер), человека говорящего дает ученым богатый материал для исследования не только дискурса (персонального и институционального), но и самих эволюционных процессов в межкультурной коммуникации.

«В мире существует только человек, говорящий с другим человеком», - писал в свое время Э.Бенвенист [3, 293]. И сегодня лингвистика подошла к новому этапу изучения человека говорящего – с позиций самого человека как творца и пользователя языка.

Литература

1. Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность»//Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971.
2. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. Пер. с франц. Изд.2.М., 2006.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
4. Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994.
5. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. М., 2007.

© Хайруллина Р.Х., 2012

Представление дискурсивных свойств лексических единиц в функционально-когнитивном словаре

Сочетаемость рассматривается в качестве основного принципа организации языковых единиц – формы их существования, взаимодействия, выявления различных типов связей. Это основное свойство языковых единиц, обеспечивающее их функционирование в речи. В языковом поведении лексемы и в ее сочетаемостных свойствах закрепляется опыт всех носителей языка.

Изучение сочетаемости языковых элементов позволяет идентифицировать и классифицировать их, выявлять их варианты, полифункциональность, обнаруживать скрытые категории, определять условия образования переносных значений, и приводит к необходимости составления словарей сочетаемости.

Определение валентности слова, т.е. его способности вступать в разнотипную синтаксическую связь с другими словами, является первым шагом при описании сочетаемости слов [1]. Из трех осей организации семантического пространства языка (парадигматики, синтагматики, деривации) в наибольшей степени в словаре должны быть представлены именно сочетаемостные валентности слова. Далее производится оценка и классификация синтактико-семантических связей, составляющих валентность слова с точки зрения их прочности, необходимости, центральности, т.е. условно разделяемые на ближайшие и периферийные. Ближайшая связь существительного отражается в сочетаниях с глаголами, а глагола – в сочетаниях с существительными, т.к. существительное и глагол являются основными единицами акта номинации. К периферийным Ю.Д. Апресян относит такие связи, которые обнаруживаются в сочетаниях, представляющих собой именные (если опорное слово существительное) или глагольные (если опорное слово глагол) заготовки. В статьях на существительное – это сочетания с предложно-падежными формами, с прилагательными. В статьях на глагол – сочетания глагола с наречиями.

Следующим шагом в описании сочетаемости слов является рациональное замещение каждой синтаксической позиции. Замещаются не отдельные слова, а некоторые ряды слов. Здесь проявляется связь между парадигматическими и синтагматическими аспектами синтетического словаря. Так, объектное место при глаголе *слышать* может быть замещено практически неограниченным числом слов (*слышать что: звук, голос, шум, треск*), что свидетельствует о максимальной емкости позиции.

Для унификации словарных статей одного класса в лексикографическом аспекте Ю.Д.Апресян предлагает использовать идеографическую классификацию лексики при описании сочетаемости каждого отдельного слова, а также слов определенного лексико-семантического класса условной эквивалентности.

Функционально-когнитивный словарь, изданный под общим руководством доктора филологических наук, профессора Кильдибековой Т.А. представляет собой новый словарь активного типа, ориентированный на коммуникативную деятельность человека и когнитивный потенциал языковых единиц и построенный с учетом современных направлений теоретических разработок лексикологии и практической лексикографии. Словарь является функциональным, т.к. он отражает главные функции языка – номинативную, когнитивную, коммуникативную, интерпретирующую, коннотативную [3, с.100-136]. В функционально-когнитивном словаре реализуется новая методика идеографической классификации лексики с опорой на когнитивное содержание и речевое употребление языковых единиц. Словарь является комплексным, поскольку в него включены слова разных частей речи. В нем описываются коммуникативные блоки, готовые к употреблению в процессе речевой деятельности. Так, сфера слухового восприятия представлена в словаре в 5 базовых блоках: 1) блок общения; 2) блок получения информации; 3) блок восприятия музыки; 4) блок восприятия звуков, шумов, голосов природы; 5) блок восприятия универсальных звуков и шумов.

Объемные функционально-когнитивные сферы выступают в качестве разветвленных фрагментов словаря. Многозначные глаголы *слышать*, *слушать*, семантические валентности которых ориентированы на выявление главных информационно-смысловых блоков, составляют ядро функционально-когнитивной сферы слухового восприятия. Многозначное слово, состоящее из нескольких лексико-семантических вариантов, иерархически организовано. Особую важность вопрос иерархической организации полисемантических базовых глаголов приобретает при структурировании функционально-когнитивной сферы, т.к. таксономические блоки словаря предопределяются валентностью глагола, например, интерпретация сферы «слышать» в соответствии с сочетаемостью исходного глагола предполагает описание локальности (*слышать где*), темпоральности (*слышать когда*), объекта (*слышать что*), инструмента (*слышать чем*), оценки (*слышать как*). Глагол *слышать* сочетается с парадигматическими группами существительных и наречий: (глагол + существительное, глагол + наречие) *слышать звук, стук, звон; слышать в лесу, во дворе, за окном; слышать утром, на рассвете; слышать хорошо, плохо, отлично*; (существительное + прилагательное, существительное + существительное) *слышать звонкий голос, стук молотка* [4, с.42-53]. Синтагматические свойства лексических единиц в составе сферы определяют наиболее типичные модели сочетаемости лексем, а описание

сочетаемости – это продолжение раскрытия лексического значения слова [2, с.196].

Основу функционально-когнитивной сферы составляет макроконцепт – глобальная семантическая категория, организующая определенную часть словаря. Макроконцепт **слышать** передается при помощи следующих ключевых понятий: 1) общего понятия *слух*; 2) процессуальных понятий *слышать-слушать*; 3) инструмента слышания *уши*.

В центре семантического поля слухового восприятия находится существительное *слух*, которое обозначает способность слышать (*орган слуха; восстановить слух; напрягать слух*). Кроме того, общая способность слухового восприятия передается в языке словосочетаниями *хороший слух, плохой слух, острый слух, прекрасный слух* и т.д.)

В значении «относящийся к слуху» употребляется прилагательное *слуховой*: *слуховой нерв, слуховая память*, в значении «предназначенный для слуха» – *слуховой аппарат, слуховая трубка*.

Субъект может обладать или не обладать способностью слухового восприятия, приобретать или утрачивать эту способность: иметь *плохой слух, быть глухим*.

Отсутствие способности слышать передается прилагательным *глухой*: *глухой с детства, с рождения, от природы; глухой на одно ухо (частично глухой), глуховатый (плохо слышащий, почти глухой)*; абстрактным существительным *глухота*: *полная, частичная глухота*.

Приобретение способности слухового восприятия как положительная выраженность признака имеет глагольное сочетание *избавиться от глухоты*.

Утрата способности слышать представлена следующими лексемами: *глохнуть, потерять слух, лишиться слуха, глохнуть/оглохнуть от старости, вследствие травмы, болезни, остаться глухим после контузии, после аварии, после несчастного случая* и т.д.

Информационно-смысловые блоки являются элементами типовой ситуации, включающей события, которые связаны с целенаправленным/нецеленаправленным действием субъекта, охватывающим инструмент и получающим локальную и временную конкретизацию. В сфере слухового восприятия наиболее употребительным актантом (распространителем концепта) является объект. Звук – прототипический объект данной сферы. Под этот концепт могут подводиться разные звуки, издаваемые людьми, животными, механизмами, природными явлениями: *слышать/слушать свист ветра, вой волков, скрип двери, шум шагов, скрежет цепей* и т.д. Это позволило создателям функционально-когнитивного словаря в функционально-когнитивной сфере слухового восприятия представить свою классификацию звуков в виде сложной разветвленной системы понятий, отражающих в словарных лексических блоках звуковые ситуации, которые являются компо-

нентами языковой картины мира: звуки-сигналы; звуки, издаваемые человеком; звуки, издаваемые животными; звуки, издаваемые птицами; звуки при движении; звуки музыки, пения; природные шумы и звуки, бытовые шумы; универсальные звуки, шумы.

В функционально-когнитивном словаре сочетаемость слов выступает как лингвистическая и лексикографическая категория. В словарь включены только типичные и характерные для данного языка словосочетания. В словаре определяются синтаксические модели сочетаемости, в которых исследуемое слово реализует свои синтагматические возможности, и возможности в распределения материала в порядке частотности употребления.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избранные труды – М.: 1995. – Т. 1 – с.3-69
2. Денисов П.Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. - М.: Изд-во МГУ, 1974. – 254с.
3. Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В. Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 300с.
4. Хакимова Г.Ф. Представление сферы слухового восприятия в русско-английском функционально-когнитивном словаре. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 137 с.
5. Функционально-когнитивный словарь русского языка. Языковая картина мира / Под рук. Кильдибековой Т.А. – СПб.: Политехника-сервис, 2011. – 664с.

© Хакимова Г.Ф., 2012

УДК 811.161.1

Халиуллина Ю.Ш.
г. Уфа (Россия)

Проблемы языка современной прессы (на примере глянцевого издания)

Утверждение о том, что Россия – одна из самых читающих стран в мире, актуально до сих пор. При этом без внимания остается анализ качества читаемого и его направленности. В числе периодических изданий сегодня лидируют глянцевые издания.

Это иллюстрированные периодические печатные издания, чаще журналы, которые имеют высокое полиграфическое качество и содержат статьи развлекательного и рекламного характера. Обычно содержание этого вида современной прессы – статьи, поддерживающие теорию успеха, пропаганда

«гламурных» стандартов жизни. Поэтому глянцевого журнала полностью избегает серьезных тем, аполитичен и создает иллюзию вечного праздника жизни. Все проблемы и сложности удалены из поля зрения, внимание уделяется не процессу внутренних изменений, а внешним жизненным обстоятельствам.

Яркая иллюстрация, картинка, образ – главный язык таких изданий, суть символических посланий которых – посмотрите, возжелайте, купите. Иллюстрация в глянцевом журнале играет особую роль, это визуальный код, выстраивающий систему символических ценностей: эстетических, моральных, социальных, гендерных и других. Порой, этот язык так нагляден, что сводит к нулю потребность в словах. Не потерять языковую практику журналистам этих изданий и его читателям позволяют лишь небольшие по объему тексты – слова усиливают повествовательную способность иллюстраций.

В наши дни печатные издания являются самыми точными регистраторами новых слов, значений, словосочетаний. Они значительно быстрее всех других жанров письменной речи отражают сдвиги, которые происходят во всех сферах жизни общества, и в большинстве случаев являются первыми письменными источниками, фиксирующими появление новых слов, значений и выражений, претендующих на вхождение в общеупотребительную лексику. Через печатные СМИ в словарь общеупотребительных слов все активнее входят сленг (молодежный и профессиональный), разговорная лексика, ругательства и заимствования. Глянцевые журналы в этом ряду выполняют функцию «лицензирования» в русском языке заимствований, новых слов и специальной модной лексики (модный сленг).

Употребление модного сленга является характерной чертой глянцевых изданий. Самыми популярными на сегодняшний день являются слова: «кутюрье» (франц. *couturiere* – портниха, от *couture* – шитье, сшивание, художник-модельер одежды); «дефиле» (франц. *defile* – узкий проход, демонстрация модной одежды); «подиум» (возвышение на эстраде, в зале, в студии скульптора, художника для натуры, модели, манекенщиков и т.п.); «мода», «дизайнер» (художник-оформитель, специалист в области дизайна); «стиль», «тренд», «тенденция», «имидж» (англ. *image*, лат. *imago* – образ, вид, целенаправленно формируемый образ какого-либо лица, явления, предмета, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы); «бренд» (англ. *brand* — марка, термин в маркетинге, символизирующий комплекс информации о компании, продукте или услуге, позволяющий выделить компанию среди конкурентов и параллельно создать ей репутацию); «концепция» (система связанных между собой и вытекающих один из другого взглядов на те или иные явления); «презентация» (публичное представление чего-л. нового, недавно появившегося, созданного: книги, журнала, организации и т.п.),

«коллекция», «квинтэссенция» (лат. quinta essentia - пятая сущность, основа, самая суть чего-либо); «креативность» (лат. creatio - созидание, сотворение, творческая, созидательная, новаторская деятельность) и другие. Функциональная специфика подобной лексики заключается в том, чтобы показать читателю особенность того образа жизни, который пропагандирует гляцевый журнал.

Мировые процессы глобализации сказываются и на языке. В русскую лексику все активнее и все больше проникают слова английского и американского происхождения. В статьях гляцевых изданий они призваны подчеркнуть общность цивилизационного развития, образа жизни и мыслей.

В числе наиболее часто употребляемых заимствований – названия технических новинок, профессий, видов деятельности. Из гляцевых журналов в общеупотребительный язык приходят слова: менеджер (от англ. manager - управляющий) и топ-менеджер (от англ. top — верхушка, высший, manager - управляющий), мерчендайзер (от англ. merchandiser — товаровед), промоутер (от англ. promoter — человек, занимающийся продвижением чего-либо), диджей (от англ. DJ от disc jockey — диск-жокей, человек, нередко музыкант, который предварительно выбирает и играет в клубах танцевальную музыку при помощи специального оборудования), клуббер (от англ. clubber — завсегдатай клубов), лузер (от англ. loser – отстающий, неудачник), юзер (от англ. user – пользователь, чаще в компьютерной тематике), айтишник (от англ. сокращения IT – information technology, человек занимающийся обслуживанием техники), хипстер (от англ. hipster - термин, появившийся в США в сороковых годах XX века и обозначает человека, интересующегося массовой культурой, модой, альтернативной музыкой, инди, арт-кино и т.п.), мажор (обозначение материально обеспеченного молодого человека, живущего на деньги своих родителей) и другие.

Благодаря развитию науки и техники у нас есть ай-под (iPod — торговая марка серии портативных медиа-проигрывателей компании Apple, в качестве носителя данных использующих флэш-память или, в ряде моделей, жёсткий диск), ай-фон (iPhone - коммуникатор от компании Apple с возможностью управления с помощью пальцев и не имеющий стилуса), гаджет (от англ. gadget — приспособление, оригинальное, нестандартное техническое приспособление), и флэш-карта (карта памяти, сохраненная на которой информация может быть прочитана сколько угодно раз, новая информация может заноситься в память карты не более миллиона раз).

Те заимствования, которые успели адаптироваться в русском языке и получить свои правила спряжения, можно назвать неологизмами. Гляцевые журналы являются активными «проводниками» неологизмов: благодаря этому виду современной прессы в наш обиход вошло большое количество неологизмов. К примеру, «мегаполис» (гигантский город, образовавшийся в результате слияния нескольких населенных пунктов), «фэшн» (от англ. fas-

hion - мода), «селебрити» (от англ. celebrity - знаменитость, звезда), «шопинг» (от англ. shopping - посещение магазинов, торговых центров с целью совершения покупок, общения или отдыха с друзьями), «бутик» (франц. boutique, небольшой магазин, в котором продается фирменная модная одежда и аксессуары), «флэш-моб» (от англ. flash - вспышка; миг, mob — толпа, группа людей, появляющаяся в каком-либо месте по предварительной договорённости и делающая одно и то же необычное действие неожиданно для остальной публики), «перформанс» (от англ. performance — представление, где произведение есть действия художника или группы художников в определённом месте и в определённое время), «флаер» (от англ. flier — рекламный листок, небольшая рекламная листовка, дающая право на скидку), «фишка» (что-то необычное, удивительное, примечательное), «тест-драйв» (от англ. test — проба, drive — водить, бесплатная пробная поездка на автомобиле, в ходе которой можно самостоятельно оценить его ходовые качества, динамику и комфорт), «хэдлайнер» (от англ. headliner — заголовок, ведущая линия, в шоу-бизнесе — «гвоздь программы», самый ожидаемый участник представления, концерта, фестиваля), «фуршет» (от фр. fourchette — вилка, совместный прием пищи, когда приглашенные едят стоя, обслуживая себя сами, и свободно выбирают блюда и напитки, в качестве столового прибора используется только вилка), «метросексуал» (термин введен в 1994 году британским журналистом Марком Симпсоном для обозначения современных мужчин любой сексуальной ориентации, имеющих ярко выраженный эстетический вкус и тратящих много времени и денег на совершенствование своего внешнего вида и образа жизни, в XIX веке схожий культурный феномен был известен под названием денди), «дресс-код» (от англ. dress code — кодекс одежды, форма одежды, требуемая при посещении определённых мероприятий, организаций, заведений), «стразы» (от нем. Strass, по имени изобретателя, стеклоара и ювелира конца XVIII века Г. Штрасса — имитации драгоценных камней, изготовленные из свинцового стекла с высоким показателем преломления и дисперсией), «сейл» (от англ. sale — распродажа, продажа с торгов) и собственно «гламур». Все приведенные примеры очень быстро ассимилировались, и читатели глянцевого журналов воспринимают их как новые русские слова, своеобразные «лингвистические коды» - единицы языка, формирующие, в конечном итоге, определенный тип культуры.

Смысловым ядром языка глянцевого журналистики является концепт «гламур». Концепт представляется как совокупность языковых единиц, покрывающих определенную семантическую область. В данном случае вокруг слова «гламур» формируются образы, система понятий, отсылающих говорящего или читающего к «корневому» значению этого слова – успех, роскошь, внешний лоск.

Основной концепт лексики глянцевого прессы стимулирует дальней-

шее пополнение и развитие языка СМИ. В перспективе мы предполагаем дальнейшее увеличение заимствований и неологизмов, распространение и популяризация которых в обществе – одна из основных функций глянцевого журналистики, как активно развивающейся части региональных СМИ.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. - М., 2000. – С. 65.
2. Современный толковый словарь русского языка Т.Ф.Ефремовой. - М., 2004. – С. 131.
3. Англо-русский словарь/Под ред. О. С. Ахмановой и Е. А. М. Уилсон. - М., 1980. - С. 204.
4. Википедия [электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 30.04.2010).
5. Маковский М.М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. - М., 2007.
6. Гламурописание //Оазис [электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ca-oasis.info/oasis/?jrn=53&id=414.html> (дата обращения 14. 04. 2010).

© Халиуллина Ю.Ш., 2012

УДК 811.116.1

Хисамова Г.Г.
г. Уфа (Россия)

Функционально-коммуникативный аспект анализа художественного диалога

Диалог как основная, первичная форма общения представляет собой динамическую структуру, которая определяется прежде всего его коммуникативной сущностью. Являясь неотъемлемой частью создаваемой писателем картины мира, художественный диалог как форма вторичной коммуникации становится важным средством реализации эстетической функции, специфика которой обусловлена авторской индивидуальностью.

Функционально-коммуникативный подход становится приоритетным при анализе художественного диалога. В этом случае диалог предстает как сфера проявления речевой деятельности человека, а его участники - как языковые личности, представленные в разных видах деятельности, но прежде всего коммуникативной.

Статья посвящена особенностям изображения коммуникативной ситуации в художественном тексте, что представляется актуальным в плане лингвистического анализа художественного текста.

Ситуация общения находит в диалоге вербальное отражение: два

(минимум) коммуниканта (при непосредственном контакте) в определенной тональности обмениваются друг с другом ценностно значимой вербальной и невербальной информацией о каком-либо объекте, координируя свои речевые и неречевые действия.

В ситуации общения включается: 1) говорящий и адресат; 2) коммуникативные намерения говорящего, его мотивы, цели общения; 3) обстоятельства деятельности; 4) отношения между коммуникантами; 5) пресуппозиция, т.е. предшествующие ситуации общения знания.

Коммуникативный подход к художественному тексту позволяет соотнести «художественную» ситуацию с «естественной» ситуацией. Писатель, создавая модель речевой ситуации, может по-разному отбирать и структурировать ее элементы. Сущность метода структурирования состоит в выделении в тексте взаимосвязанных элементов языковой системы. Структурирование диалогической ситуации в художественном тексте позволяет установить объективные закономерности ее изображения.

Персонажная и авторская речь представляют читателю речевую и сопровождающую диалогическое общение неречевую действительность, поэтому в практике лингвистического анализа художественного текста применим термин «диалогический фрагмент» [1, с.14].

Диалогический фрагмент в художественной прозе представляет собой функционально и субъектно неоднородную структуру. С одной стороны, он призван репрезентировать естественный речевой акт, с другой стороны, ориентированность на внешнего адресата (читателя) предполагает презентацию контекста ситуации.

Коммуникативная ситуация, отраженная в художественном тексте, имея свои особенности, в основном соотносится с естественной ситуацией: изображенная коммуникация, хотя и не тождественна естественной коммуникации, не может принципиально от нее отличаться, так как художественная действительность имитируется по аналогии с реальным миром. Этим объясняется возможность моделирования диалогического фрагмента в составе художественного текста.

Диалогический фрагмент как способ презентации коммуникативной ситуации в прозаическом тексте (вне зависимости от его протяженности) разбивается на 3 части: 1) обстановочная часть, представляющая участников коммуникативной ситуации и условия при диалоге; 2) собственно диалог - реплики персонажей и вводящее их окружение; 3) финальная часть, содержащая указание на завершение коммуникативного акта. Общая модель заполняется конкретным лексическим материалом в соответствии с определенными закономерностями лексического структурирования указанных частей фрагмента [2, с.29].

Параметризация диалога, т.е. его представление, структурирование, определяет закономерности организации лексического окружения диалогиче-

ческого фрагмента. Выделены параметры художественного отображения коммуникативной ситуации. К ним относятся факторы субъекта, факторы адресата, предметно-событийный фон. Выявлен комплекс лексических средств, ориентированных на маркирование границ фрагмента. К числу этих слов относятся контактоустанавливающие слова, указывающие на движение; лексические единицы, содержащие в своем значении указание на наличие / установление визуального контакта; ключевые слова, представляющие коммуникативную ситуацию в целом. Сигналом нижней границы текстового фрагмента служит указание на лексические средства, представляющие вербальный или невербальный способ разрыва коммуникативного контакта.

Особенности отражения коммуникативной ситуации в художественном тексте рассмотрим на примере творчества В.М. Шукшина.

В рассказе «Сельские жители» бабка Маланья, уже твердо решившая ехать к сыну в Москву, вдруг отказывается от поездки. Вне психологической мотивировки невозможно понять неожиданные повороты в сложившейся ситуации. Сюжет рассказа строится на шести диалогических фрагментах. В экспозиции рассказа приводится письмо сына Павла, приглашающего мать к себе в гости. Письмо послужило причиной диалога бабки Маланьи с внуком Шуркой:

Бабка Маланья прочитала это, сложила сухие губы трубочкой, задумалась.

- Зовет Павел-то к себе, - сказала она Шурке и поглядела на него поверх очков (Шурка - внук бабки Маланьи, сын ее дочери <...>)

Шурка делал уроки за столом. На слова бабки пожал плечами, - поезжай, раз зовет.

- У тебя когда каникулы-то? - спросила бабка строго. Шурка навострил уши.

- Какие? Зимние?

- Какие же еще, летние, что ль?

- С первого января. А что?

- Ничего. Учи знай. - Бабка спрятала письмо в карман передника, оделась и вышла из избы.

Диалогический фрагмент композиционно разбивается на три структурные составляющие, подобные естественному коммуникативному акту: в обстановочной части представлены участники ситуации (*бабка Маланья, внук Шурка*), события, послужившие причиной диалога (*письмо сына бабки Маланьи*), место действия (*дом бабки Маланьи*).

Собственно диалог содержит реплики диалога и авторские ремарки. В составе авторских ремарок глаголы речи, характеризующие установление речевого контакта (*сказала, спросила*), а также слова, содержащие указание на наличие визуального контакта между персонажами (*поглядела*) и невер-

бальные формы общения (*пожал плечами*). Финальная часть диалога содержит указание на завершение коммуникативного акта с помощью глаголов, обозначающих неречевые действия (*спрятала письмо, оделась и вышла из избы*).

Последующие диалоги бабки Маланьи с внуком и соседкой свидетельствуют о ее решении лететь в гости к сыну в Москву. Но прежде чем отправиться в путешествие, она зазывает к себе соседа, школьного завхоза Егора Лизунова, чтобы он рассказал «*все по порядку - как и что*». Вдохновляясь бабкиной медовухой, Егор так живописует перелет до столицы, что бабке Маланье становится страшно:

- *А вообще-то не бойтесь!* - громко сказал он. - *Садитесь только подалее от кабины - в хвост - и летите. Ну, пойдю...*

Он грузно прошел к двери, надел полушубок, шапку.

- *Поклон Павлу Сергеевичу передавайте. Ну, пиво у тебя, Маланья!*

Просто...

Бабка была недовольна, что Егор так скоро захмелел - не поговорили толком.

- *Слабый ты какой-то стал, Егор.*

- *Устал, поэтому.* - *Егор снял с воротника полушубка соломинку.* - <...> *Да еще пиво у тебя такое...* - *Егор покачал головой, засмеялся.* - *Ну, пошел. Ничего, не робейте -летите. Садитесь только подалее от кабины. До свидания.*

- *До свиданья,* - сказал Шурка.

Егор вышел.

Данный диалог Шукшина близок к монтажу, так как построен на переплетении тем. В этом ощущается связь его рассказов с киностилистикой. В подтексте этого диалога угадывается и невысказанная тревога бабки Маланьи, ее недовольство соседом, равнодушного к ее заботам, и неловкость завхоза в связи с тем, что «наболтал» он лишнего. В качестве вербального способа разрыва коммуникативного контакта используется формула речевого этикета, обозначающая прощание, а также глагольное слово, содержащее сему «удаления» (*вышел*).

Заключительный диалог рассказа «Сельские жители» между бабкой Маланьей и внуком Шуркой свидетельствует о столкновении «века нынешнего» с «веком минувшим»:

Ночью Шурка слушал, как она ворочалась на печи, тихонько вздыхала и шептала что-то <...>.

- *Но ты тоже, бабонька: где там смелая, а тут испугалась чего-то,* - сказал Шурка недовольно. - *Чего ты испугалась-то?*

- *Спи знай,* - приказала бабка. - *Храбрец. Сам первый в штаны наложись.*

- *Шурка затих.*

Диалогический фрагмент является частью целого рассказа и структурируется по следующим направлениям, воссоздающим в тексте ситуацию диалога: презентация персонажей (*Шурка, бабушка*), указание на действие, сопутствующее речевому (*ворочаться*), указание на место и время контакта (*ночью, на печи*), указание на речевые действия (*сказал, приказала*), указание на способ разрыва контакта (*затих*).

Следовательно, в отличие от естественного диалога художественный текст дает возможность писателю показать как речевое поведение персонажей, так и те обстоятельства, в которых осуществляется общение.

Литература

1. Чиркова Н.И. Репрезентация диалога в художественном прозаическом тексте (на материале романов И.А. Гончарова «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 202 с.
2. Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста (коммуникативный и антропоцентрический аспекты). Магнитогорск, 2000. 134 с.

© Хисамова Г.Г., 2012

УДК 801

Хисамтуллина Г.Г.
г. Уфа (Россия)

Имя собственное в коммуникативных технологиях

Понимание сущности массовых процессов коммуникации и сущности коммуникации как массового процесса абсолютно необходимо в современном обществе каждому. Специалисты по коммуникативным технологиям должны осознавать явления, которые они используют в своей практической деятельности. Но и потребителю массовой информации также не мешает знать некоторые основы теории коммуникации, с тем, чтобы не быть легкой жертвой пропаганды и недобросовестного воздействия на массовое или групповое сознание. [1, с.53-54]

Современная лингвистика разрабатывает новый подход к коммуникативной деятельности – антропоцентрический (ориентирующийся на пользователя языка – человека). Вводится понятие коммуникативной личности. Фундаментальным свойством коммуникативной личности является её способность к самосознанию себя как отдельной личности. Не последнюю роль здесь играет имя личности, антропоним. В отличие от любых других имен, называющих предмет разговора, антропоним может обозначать самих коммуникантов. Коммуникативная функция антропонима – самосознание и самоопределение коммуникативной личности как участника коммуникации и

социальной жизни (80% которой и составляет коммуникация). Вопрос о связи имени и именуемого постоянно возникает в истории человечества. Приобретая имя, личность приобретает и определённый статус в социальной среде. Имя, как и любой элемент речи, производится в экономических целях для использования на лингвистическом рынке. Общественное признание брэнда или фамилии является не чем иным, как обобщением качеств товара или семьи, в которых они себя зарекомендовали в практике использования, сотрудничества или общения. Номинация не так уж произвольна ни до, ни после наделения именем. Именно поэтому современный маркетинг рассматривает имя фирмы или товара как существенную составляющую роста авторитета и роста продаж. [1, с.176-179]

Марка – это всегда имя. Специалисты по рекламе вкладывают миллионы часов и еще больше денег, чтобы так эмоционально нагрузить определенные комбинации букв, чтобы они всегда ассоциировались у нас с определенными качествами определенного товара и побуждали к приобретению. Часто общественность даже не догадывается, что за многими торговыми марками скрываются старые и прекрасные имена и фамилии (EDUSCHO – **Eduard Schopf**; TCHIBO – **Tchilling** и **Kaffeebohne**; C&A – **Clemens** и **August Brenninkmeyer**; HARIBO – **Hans, Riegel, Bonn**; GOODYEAR – **Charles Goodyear** и многие другие) [2, с.120-136].

В рекламе используют названия фирм-производителей, которые носят имя основателя: **Alberto** kommt. (Alberto Pizza); Einmal **Wagner** – immer **Wagner!** (Wagner Pizza); Wer weiße Wäsche waschen will, wählt **Wilhelm Wulff**. (Wilhelm Wulff - Chemie); **Bosch** macht Frauenwünsche wahr. (Bosch - Geräte). Имя можно встретить и как название продукта, мотивированное именем автора, производителя: Man versteht sich. Mit freundlichem **Diebels**. (Bier “Diebels”); Ein kluger Kopf nimmt **Oetker**. (Backpulver “Dr. Oetker”); **Bahlsen** kommt von Herzen. (“Bahlsen-Kekse”); Nur der **Duden** ist der **Duden** (“Duden”-Wörterbücher). Часто для привлечения внимания реклама использует имя известной личности: Der Cognac **Napoleons**. (Cognac Courvoisier); Deutschland wählt **Adenauer** (CDU, 1953). Распространенное имя используют, чтобы сделать рекламу ближе к потребителю: **Kurtchen** hat Schnupfen. Mutti hat Nasivin.; Wenn **Petrus** grollt, nimm Rachengold.; Mach wie es Frau **Renate** tut, mach es mit Oetker gut.

Литература

1. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
2. Udolph J., Fitzek S. Buch der Namen. – München, 2007.

© Хисматуллина Г.Г., 2012

Лексические особенности говоров Северного Приазовья

Диалектная лексика остаётся наиболее важным объектом исследования в современном языкознании. За последние десятилетия собран значительный фактический материал и произведён анализ различных слоёв диалектной лексики на Украине, однако северноприазовские диалектные лексемы остаются по-прежнему малоизученными. К сожалению, научное внимание было обращено только на ботаническую лексику данного региона [1], современная украинская диалектология другими работами касательно изучения лексики Северного Приазовья не представлена.

Для лексической системы русских говоров Северного Приазовья характерно близкое соседство и тесное контактирование с говорами украинского происхождения. Данный факт отражен в фонетическом оформлении диалектных лексем, например: *асвальтирувать* – покрывать асфальтом, *баболоубство* – женолюбие, *гудуванка* – кормилица, *квиччать* – украшать, *кихоть* – коготь, *лодарь* – лодырь, *майовый* – майский, *обжоря* – обжора, *скико* – сколько, *стико* – столько и др.

Наблюдаем не только фонетическую близость в звучании диалексем, но и параллельное использование в русском и украинском говорах слов, в которых происходит эпентеза, гаплогогия, метатеза и другие фонетические изменения, например: *агуст* – август, *агол* – ангел, *вакуация* – эвакуация, *канпот* – компот, *канывертик* – конвертик, *комлык* – калмык, *кухвайка* – фуфайка, *новось* – новость, *ныстожить* – уничтожить, *по-ыначому* – иным способом, *радиво* – радио, *римно* – ровно, *салахван* – целлофан, *юль* – июль, *юнь* – июнь, *яроплан* – аэроплан.

Естественным явлением следует считать распространение в речи носителей русского говора диалектных лексем, характерных для большинства восточнославянских поселений Северного Приазовья, не исключая Бердящины, например: *гадючник* – плохое место, *базарь* – (переносное) беспорядок, *ижжить* – невзлюбить, *окацийовка* – качеля на акации, *оксус* – укус, *хватэ* – достаточно, *хворять* – болеть и др.

Однако не следует забывать о том, что местные говоры имеют возможность вырабатывать собственные лексические варианты, которые зачастую употребляются на более позднем периоде их существования параллельно с литературно нормированными их соответствиями. Как правило, таких диалексем немного: *абырь* – междометие для отгона овец, *акозь* – как-то, *байдалать* – бездельничать, *босва* – бедные, *джумига* – неочищенное вино, *джумигнуть* – выпить залпом, *кагыка* – кашляет, *наалялякаться* – нагово-

риться, *убырачка* – одежда и др.

Одной из задач на перспективу можно поставить выделение лексико-тематических и лексико-семантических групп в говорах Северного Приазовья.

Таким образом, в русских говорах Северного Приазовья отражается близкое соседство и тесное контактирование с говорами украинского происхождения, что отразилось на фонетическом оформлении диалектных лексем; наблюдаем не только фонетическую близость в звучании диалексем, но и параллельное использование в русском и украинском говорах слов, в которых происходят фонетические изменения.

Литература

1. Фроляк Л.Д. Ботаническая лексика украинских говоров Северного Приазовья: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Д. Фроляк. – Киев, 1988. – 23.

© Ходыкина И.И., 2012

УДК 81'42

Чурилина Л.Н.

г. Магнитогорск (Россия)

Метафора как “остов” текста: когнитивный и коммуникативный аспекты

Метафора как феномен, рассчитанный на понимание и «обеспечивающий» его [1, с.62], не может исследоваться в условиях абстрагирования от породившего её контекста (ситуации). Процедура понимания метафоры моделируется адресантом, она изначально ориентирована на определённого субъекта и, с точки зрения последнего, подобна дешифровке кода или разгадыванию загадки [2]. Включение «фактора адресата» в число обязательных при описании метафоры – уникальной системы типичных метафорических моделей – предопределяет значимость «фактора текста». Общеизвестно, что любая метафора рождением своим обязана тексту, на начальном этапе существования обнаруживает зависимость от него, поскольку именно текстом задаются условия интерпретации (понимания) метафорического выражения. Начальному этапу формирования метафорической модели посвящена статья.

Анализ фрагментов текста, эксплицирующих то, что в «готовой» метафоре представлено имплицитно, открывает перед исследователем возможность наблюдать метафоризацию как процесс, результат которого далеко не предрешен. В поисках удачной метафорической модели иногда перебираются многочисленные варианты, отобранные – подвергаются трансформации. Иногда мы обнаруживаем этот «перебор» вариантов в пределах

одного абзаца: *«Молитва должна быть окошком, через которое в нашу темницу горестей и скорбей льется чистый и радостный свет. Должна быть ветром, который пробуждает и отрезвляет нас, когда опьянены мы успехами, быстро преходящими, и благами, скоро истлевающими. Она должна быть рукой, протянутой Богу, чтобы взял Он нас за неё и вывел на простор, на «широту» из тесноты искушения. Должна быть ничточкой, связывающей нас с Ним, тонкой, но крепкой до неразрывности...»* [7]. Автор текста объективирует процесс поиска аналогии, которая в последующем может стать или не стать основой для метафоры. Читателю же предоставлено право выбора наиболее удачной, наиболее прозрачной, с его точки зрения, аналогии: МОЛИТВА – ОКНО, МОЛИТВА – ВЕТЕР, МОЛИТВА – ПОТЯНУТАЯ РУКА, МОЛИТВА – СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ. Поэтическая формула «когда б вы знали, из какого сора растут стихи» в применении к метафоре звучит как: «Удачные находки возвышаются на грудах проигравших комбинаций» [3].

Предлагаемые нами наблюдения основаны на анализе современного православного дискурса. Метафора в религиозном дискурсе активно используется в качестве инструмента осмысления сакрального объекта; сложность объекта, его принципиальная «нематериальность», делает неизбежным обращение к сравнению и аналогии – когнитивным процедурам, обеспечивающим рождение метафоры. На этом основан предлагаемый в теории метафоры широкий подход к её трактовке, при котором к числу метафорических выражений относят все оппозиции, основанные на когнитивной процедуре уподобления; ср.: «признаём метафорами <...> все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии» [4]. Метафора как когнитивная операция фиксирует наличие подобия между двумя познаваемыми сущностями, этап сформированности метафорической модели связан с удалением опосредующего элемента *как/словно/будто* и под.; ср. например: «душа как растение» → «ДУША – РАСТЕНИЕ»: *«Дело в любви, без которой засыхают души человеческие»* [8].

Именно в религиозном дискурсе метафора обнаруживает крайнюю степень необходимости, поскольку речь идёт об определении того, что не поддаётся определению. Ср., например, предлагаемые словарями дефиниции лексемы *душа*: «По религиозным представлениям: бессмертное **нематериальное начало** в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с богом» [5, с.456]; «**Нематериальное, божественное начало** в человеке, наделенное бессмертием» [6, с.138]. Своеобразным «сопротивлением материала» объясняется такая специфическая черта религиозного дискурса, как максимальная открытость для адресата процесса «шифрования»: в тексте предлагается не готовая метафора, но формула для неё, и сам процесс создания метафоры комментируется. Нарочито демонстрируемый авто-

ром пошаговый анализ метафорической модели определяет композицию текста и специфику его лексической организации. Характер же устанавливаемых в тексте связей и отношений между лексическими единицами (лексическая структура текста) становится основой для интерпретации замысла автора.

Остановимся более подробно на анализе текста статьи активно публикующегося в Сети протоиерея А.Ткачева «Благословенная сложность бытия» [9]. Статья посвящена проблемам семьи, определению той роли, которую семья играет в жизни каждого человека.

Ключевыми словами текста, задающими систему ассоциаций, становятся две лексемы – вынесенная в заглавие *сложность* и включенная в инициальное предложение *экосистема* (*Любой пруд – это живая экосистема*). В результате уже на начальном этапе восприятия актуализированными в сознании интерпретатора оказываются несколько значимых для авторского замысла семантических компонентов: ‘часть’, ‘много’, ‘отношение’, ‘связь’, ‘жизнь’. Учет «фактора адресата» определяет необходимость для автора остановиться на более детальном объяснении заимствованного и относительно нового для сознания наивного носителя языка понятия **экосистема**: *«Биологи и экологи говорят нам о том, что экосистема тем прочнее, чем сложнее. То есть чем больше в ней живых участников, чем из большего количества видов она состоит, тем больше шансов у нее на выживание и тем большей степенью здоровья и устойчивости она обладает»*. Функция приведенного текстового фрагмента не ограничивается повторной актуализацией значимых смыслов, дополнительно устанавливается причинно-следственная связь между *сложностью* системы и её *жизнеспособностью, здоровьем*.

Следующей ключевой точкой в организации текста становится метафорическая модель «СЕМЬЯ – ЭКОСИСТЕМА» или «СЕМЬЯ – ПРУД»: *«Сказанное с любовью и одновременно с тревогой перевожу на семью»*. Предложенная аналогия сразу же комментируется автором: *«чем больше людей разных поколений составляют из себя семью, тем больше шансов, что психическое здоровье нового члена этой семьи будет в норме»*. Подтверждением оправданности аналогии становится многократный повтор, обнаруживаемый как на лексическом, так и на семантическом уровнях.

Каждый последующий шаг в разворачивании пространства текста связан с подробным анализом конструктивных компонентов концепта «Семья» (ограничимся перечнем, уточнив, что каждому из 4-х выделенных компонентов концептуальной структуры посвящен абзац, за исключением 2-го, которому отданы три абзаца): (1) *«должен быть дедушка и его спутница – бабушка»*; (2) *«Далее следуют мама и папа. Не одна мама, а непременно – мама и папа»*; (3) *«Еще должны быть братья и сестры»*; (4) *«А еще должны быть разные тети и дяди, двоюродные братья и сестры»*. Обязатель-

ному для пруда как экосистемы многообразию обитателей («Там по вечерам заводят свои “концерты” лягушки, там плавают какие-никакие, а рыбки, за которыми охотятся настоящие птицы...») ставится в соответствие многообразие укрепляющих семью родственных связей, их наличие – условие нормального существования человека.

Аналогия обоснована. Однако автор не удовлетворяется результатом. Содержание финального абзаца статьи составляет новая метафора. Необходимость акцентировать внимание адресата именно на **связях** между членами семьи подсказывает автору метафору «СЕМЬЯ – КОВЁР»; тогда каждый член семьи – «нитка, вшитая в ткань ковра». Все члены семьи связаны неразрывно: значимость одного определяется целым, но и целое ничто без единицы. Если лягушка, рыбка и птица гипотетически могут существовать за пределами пруда, то нить, вынутая из ковра, бесполезна: «Нитки сверху над тобой, нитки – под тобой, они справа и слева. Распусти их, начни их резать или поджигать – стройное единство распадется, а ты останешься лишь ниткой, а не частью ковра».

Особый интерес представляет предпринятая автором попытка соединить в финальном предложении текста две метафоры «СЕМЬЯ – КОВЁР» и «СЕМЬЯ – ЭКОСИСТЕМА (ПРУД)»: «И дай Бог, чтобы некая птица унесла тебя (нитку. – Л.Ч.) для использования при сооружении гнезда на одном из берегов экосистемы, а не ждало тебя нечто худшее и более бесполезное». Представляется, что основой для сближения двух метафорических моделей становится апелляция к системе общепринятых ассоциаций: **семья – гнездо**. Однако удачность предлагаемой аналогии может быть поставлена под сомнение, поскольку её интерпретация не предсказывается с достаточной степенью уверенности: стать частью птичьего гнезда?

Фрагменты современного религиозного дискурса, в частности – тексты статей-проповедей, адресованные широкому кругу читателей, только вступающих на путь освоения нового для них когнитивного пространства, очень часто оказываются нарочито метафоричными. Такие коммуникативные стратегии, как нанизывание метафор и демонстрация возможностей метафорической модели представляют интерес для исследователя метафоры и в когнитивном, и в коммуникативном аспектах. И в этом случае обнаруживаемые неудачные комбинации имеют не меньшую ценность, чем алмазы.

Литература

1. Лакофф Дж. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж.Лакофф, М.Джонсон; пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. Блэк М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры: сб. статей; сост. Н.Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153-166.
3. Суровцев В.А. Языковая игра и роль метафоры в научном познании /

В.А. Суворцев, В.Н. Сыров // Философия науки. 1999. №1 (5). URL: <http://philosophy.ru>library/surovtsev/syrov.html>

4. Кобозева И.М. Семантические проблема анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. №6. URL: <http://virtualcoglab.cs.msu>projects/metaphor.html>

5. Словарь русского языка: В 4-х т. /РАН, ИЛИ / под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд. – М.: Русский Язык, 1999.

6. Скляревская Г.Н. Словарь православной культуры: более 2000 слов и словосочетаний / Г.Н. Скляревская. 2-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008.

7. Игумен Нектарий (Морозов). Без неё очень трудно [сайт]. URL: Pravoslavie.ru

8. Протоиерей Ткачев А. Всё дело в любви [сайт]. URL: Отрок.ua

9. Протоиерей Ткачев А. Благословенная сложность бытия [сайт]. URL: Pravoslavie.ru

© Чурилина Л.Н., 2012

УДК 81'1

Шайхисламова З.Г.

г. Сибай (Россия)

Функционально-когнитивная интерпретация сферы движения в разносистемных языках

В последние годы движение изучается с когнитивной точки зрения, что предполагает рассмотрение глагола как такой части речи, которая отражает определенные пласты человеческого опыта. В описание глагола вовлекается широкий круг явлений: глагол интерпретируется как ядро маленькой драмы, в которой есть свои действующие лица и свои обстоятельства (Л.Теньер), устанавливаются связи глагола с описываемой ситуацией (В.Г. Гака), с разными видами человеческой деятельности (Е.С. Кубрякова). Отдельные аспекты когнитивной характеристики движения освещаются в работах Е.С. Кубряковой (1992, 1996), Н.Д. Арутюновой (1999), В.Г. Гака (1977), В.Н. Топорова (1996).

Н.Д.Арутюнова подчеркивает, что глаголы относятся к динамическим предикатам, значение которых составляет "кадр, выхваченный из киноленты жизни" [1, с.6].

По мнению Е.С. Кубряковой, когнитивная модель, разъясняющая семантику глагола, строится как аналог определенного вида деятельности – биологического, физиологического, физического и иного порядка – с полной реконструкцией основных компонентов этой деятельности.

В.Н. Топоров рассматривает движение синтетически с опорой на кон-

клетные виды движения и аналитически, опираясь на более ценные, «крайние», предельные ситуации. Автор подчеркивает, что без выяснения исходных положений движения сам объем понятия движения оказывается неопределенным. Одним из ключевых глаголов в сфере движения является, по его мнению, глагол *стоять*.

Позиция «стоять», «не двигаться» является начальной фазой движения. Это выражается в цепочке *стоять – двинуться (двинуться в путь); трогаться (трогаться в путь)*.

По мнению В.Н. Топорова, линейный образ движения упрощает его представление, которое часто является «непрямым», «неправильным», а соответствующие им пути представляют кривые, извилистые, разорванные, запутанно – петляющие движения. Ср. *кружить на одном месте, петлять* [3, с.37].

В когнитивной лингвистике при описании движения широко используется противопоставление фона и фигуры. Меняются зрительно, визуально их соотношения в пространстве: фигура, отделяясь от фона, описывает некую траекторию, совокупность мысленно соединяемых точек в пространстве, в которых находился перемещающийся предмет. Движение рождает особый вид репрезентации в нашем мозгу – схемы или программы движения, его мысленно восстанавливаемого «следа». Изображение, соответствующее представлению о меняющемся во времени соотносительном расположении объектов – части и целого, фона и фигуры – в динамике пространства и времени, и становится когнитивным основанием глагола. Как только материя воспринимается как движущаяся субстанция, движение, очевидное глазу, создает образ этого движения в виде представления о его направленности, траектории, следе – схемы осуществления [2, с.86-87].

В семантической структуре глагола, свернутой, компрессирующей, фиксируется один или несколько компонентов из общей схемы, способный затем по принципу метонимии замещать представление о деятельности действия в целом. Полная форма обозначения движения принимает вид распространенного предложения, иногда даже и сложного, особенно при обозначении цели результата или характеристики движения, но чаще мы встречаемся с неполным обозначением ситуации движения. Этому способствует то, что один компонент ситуации можно обозначать через другой или же всю ситуацию движения через один из ее компонентов. При обозначении движения на уровне речи ярко проявляется принцип неполноты и избирательности при номинации. Не все признаки и компоненты ситуации движения отражаются в наименовании. Практически нет возможности вывести в поверхностную структуру высказывания все компоненты ситуации движения. Многие элементы ситуации движения включаются в пресуппозицию, становятся ясными из ситуации, другие же не нуждаются в эксплицировании. Как это ни парадоксально, но очень часто не имеет специального выражения цель, а

также результат. Результат часто выражен в самом глаголе; особое обозначение цели отсутствует, когда движение само превращается в цель [2, с.89].

Первичным ядерным средством номинации движения в речи является глагол. В реализации концепта движения, кроме глаголов, принимают участие и другие части речи – существительные, наречия, прилагательные, что характерно для всех языков; например, в русском, французском и башкирском языках: двигаться по дороге, *aller le long de la route*, юлдан барыу; двигаться быстро, *aller vite*, ш2п барыу; двигаться с бешеной скоростью, *aller avec une vitesse folle*, 42662тт2н тыш бур тиблек мен2н барыу (ките1). Например: Он шел *по Минскому шоссе* на восток, к Орше (Симонов). Наталья *быстрыми шагами* направилась к дому (Тургенев). Полчаса спустя Николай Петрович *отправился в сад*, в свою любимую беседку (Туренев). *En marchant dans les rues* (Arnous). *Sur le soir...il se rendit lentement* chez Kovalenko (Tchekhov). Elle alla *rapidement* jusqu'à la grille du jardin (Larousse). Ils *allaient par les chemins, au travers des chemins* labouré, qui sentaient bon et fort (Rolland). Бикм2т ирт2 у7 торбо ла колхоз председателен2 й1гербе (Аксаков). Тоя7 тауышы сы7мазын тип, башта атлатып 7ына барбылар. Артта шау-шыу ишетелм2г2с, елдереп киттел2р (М.Карим).

Во всех трех языках общее понятие движения в силу действия интерпретирующей функции выражается именами существительными. В русском языке это существительное *движение*: *движение* пешеходное, автомобильное, автобусное, трамвайное, железнодорожное, большое, небольшое, оживленное, усиленное, интенсивное, регулярное, уличное движение; движение людей, транспорта, пешеходов, колонны автобусов, поездов, движение Земли, Солнца, планет, небесных тел; движение поезда, самолета, корабля; движение по дороге, по улице, движение по прямой, по кругу, дорожное, уличное движение.

Фазы, скорость движения передаются в глагольных словосочетаниях, в состав которых входит существительное *движение*: начать, совершить, продолжать, прекратить, приостановить, возобновить движение; ускорить, замедлить движение, регулировать движение.

Во французском языке употребляется абстрактное существительное *mouvement* со значением «движение»:

Le mouvement de piéton, des automobiles, des autobus, des trams, de chemins de fer, un grand mouvement, un petit mouvement, un mouvement animé (vif), accéléré, intense, régulier, un trafic; le mouvement des hommes, du transport, des piétons, de la colonne, des autobus, des trains, le mouvement de la Terre, du Soleil, des planètes, des corps célestes; le marche (le mouvement) du train, de l'avion, du navire; le mouvement par la route, par la rue; le mouvement direct, circulaire, de route, une circulation; une vitesse d'un mouvement, une direction d'un mouvement, un règlement du trafic (или de la circulation), une sécurité routière.

В башкирском языке функционируют существительные х2р2к2т/й0р0ш: й2й21л2л2р х2р2к2те, трамвай х2р2к2те, автобус х2р2к2те, урамда4ы х2р2к2т; даими х2р2к2т, 7аршы х2р2к2т, тот7арлы73ы6 х2р2к2т; автобустар й0р0ше, суднолар й0р0ше, х2р2к2т тиблге, х2р2к2т й1н2леше; х2р2к2те тибл2те1, йяйлаты.

Таким образом, в сравниваемых языках употребление существительных для характеристики движения относится к языковым универсалиям. В обозначении же общего понятия движения глаголами наблюдаются существенные различия.

Основная характеристика движения связана с глаголом общего значения. Концепт перемещения в русском языке выражается глаголом *двигаться*, который является общим ядерным членом всей сферы и, имея несложную семантическую структуру, выступает в качестве идентификатора в группе глаголов движения, поскольку выражает идею движения, перемещения в пространстве субъекта или объекта в самой общей, нейтральной форме. В глаголе *двигаться* заключено общее содержание движения – линейное перемещение в пространстве. Он обладает предельно простой семантикой, поскольку не маркирован семами «среда», «способ», «направленность», «интенсивность». В.Н. Топоров отмечает, что существует движение универсального типа, которое не зависит от его направления, скорости, характера, субъекта и объекта движения и обозначается глаголом *двигаться*, в то время как конкретные действия, являющиеся первичными – *идти, бежать, ехать, лететь, плыть* – отражают эмпирические различия в характере движения, не «отчуждая» при этом часть своих смысловых потенциалов для формирования общего понятия движения [3, с.14-15].

В отличие от русского языка, во французском и башкирском языках наблюдается лакуна в обозначении общего понятия движения.

Во французском и башкирском языках отсутствует особый глагол, передающий общее значение «двигаться». Для передачи понятия движения в разных аспектах во французском языке используется глагол *aller*, в башкирском языке – *барыу*. Ср.: *Двигаться где*: лесом, полем, берегом; вдоль дороги, вдоль шоссе; между домами; по улице, по дороге; *aller où*: par le bois, par le champ, par le bord; le long de la route, le long de la chaussée; entre les maisons; par la rue, par la route; 7айбан барыу: урман буйлап, ялан буйлап, яр буйлап; юл буйлап, шоссе буйлап; Ой ара3ында, юл буйлап.

Французский глагол *aller* имеет широкий функциональный диапазон, является универсальным и используется не только для обозначения общего понятия движения, но и для обозначения способа передвижения и направления движения.

В башкирском языке общее понятие движения выражается глаголами *барыу, й0р0л*, которые имеют широкое употребление и сложную семантическую структуру. Глагол *барыу* в аналитических формах обозначает также

многократность (барып йор01), движение туда и обратно (барып киле1), конечные фазы (барып ете1) и др.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Модель действия. -М.: Наука, 1992а -С.3-9.
- 2.Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка: Модели действия.-М.: Наука, 1992. -С.84-90.
3. Топоров В.Н. Об одном парадоксе движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. –М., 1996. – С.8-101.

© Шайхисламова З.Г., 2012

УДК 81'1

Шалангов А.О.
г.Уфа (Россия)

Деловой дискурс в лингвистике

Профессиональная коммуникация стала объектом пристального внимания ученых лишь в последние десятилетия. В настоящее время границы делового дискурса в современных исследованиях четко не определены, они варьируются от широкого понимания этого явления как любого небытового и нехудожественного общения до причисления делового дискурса к жанру официально-деловой корреспонденции. Базовые понятия «деловое общение», «деловой дискурс», «официально-деловой текст» рассматриваются с разных точек зрения (К. Nickerson, R.W. Shuy, И.Р. Гальперин, В.Ю. Дорошенко).

На сегодняшний день в лингвистике нет единого мнения о самом понятии «деловой дискурс». Так, во многих зарубежных источниках авторы выделяют несколько терминов, описывающих типы взаимодействий и использования языка в сфере деловых отношений, такие как «*workplace discourse*» (букв. перевод с англ. «дискурс рабочего места»), «*institutional discourse*» («институциональный дискурс»), а также «*professional discourse*» («профессиональный дискурс») и «*business discourse*» («деловой дискурс»).

В последнее время наблюдается переосмысление данных определений, и некоторые исследователи пытаются разграничить эти понятия. К примеру, «*workplace discourse*» и «*institutional discourse*» понимаются как более широкие понятия, часто используемые в литературе как взаимозаменяемые. П. Дрю и Дж. Хэритэдж рассматривают «институциональный диалог» («*institutional talk*») в качестве общения, которое относится к выполне-

нию поручений ('task-related'), где, «как минимум, один из участников данного общения является представителем официальной организации», что также актуально и для «*workplace discourse*». «Деловой дискурс» и «профессиональный дискурс» понимаются как более специфичные термины. Если «*workplace discourse*» касается взаимодействий, происходящих во всех видах профессиональных сфер, то лишь некоторые из них могут быть включены в деловой дискурс. С этой точки зрения, *деловой дискурс* является специальным подвидом *workplace discourse*, относящимся к коммерческой сфере, и определяется как особое «социальное действие в деловом контакте». Определение понятия делового дискурса требует, прежде всего, уточнения термина «business» (деловой) в широком и узком его смысле. Узкое понимание делового дискурса включает в себя общение между компаниями и обращает внимание на то, каким образом поставщики и клиенты осуществляют совместный бизнес, например, посредством деловой корреспонденции или с помощью деловых переговоров. Широкое понимание предполагает общение внутри организации как части делового дискурса, так как, по мнению зарубежных ученых, взаимодействие между коллегами в организациях частного сектора имеет много общего с интеракциями между офисными работниками в государственном секторе. По мнению исследователей С. Саранджи и К. Робертс основное различие между «профессиональным» и «институциональным» дискурсом заключается именно в повседневном использовании самих понятий.

В современных зарубежных исследованиях деловой дискурс зачастую рассматривается с точки зрения межкультурной коммуникации, в частности, межкультурных переговоров, деловых встреч и корпоративной коммуникации (напр. emails, ежегодные отчеты, письма акционеров и др.).

Согласно российской лингвистической школе деловой дискурс, как разновидность институционального дискурса, представляет собой «специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать о друг друге, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума».

В своих исследованиях ученые также пытались определить наиболее распространенные функциональные сферы, в которых обнаруживается деловой дискурс, а именно: переговоры в сфере бизнеса, телефонные разговоры между представителями различных компаний, деловая корреспонденция, рыночная и биржевая деятельность, рекламная деятельность компаний и т.д.

Однако, несмотря на огромный исследовательский интерес к особенностям деловой коммуникации, деловой дискурс по сей день остается малоизученным феноменом в области лингвистического знания: нет однозначного толкования этого явления, не определена сущность, не описаны структура и компоненты делового дискурса, его функциональная характеристика и другие особенности.

УДК 802/809.1-52

Шерсткова И.А.
г.Уфа (Россия)

**Сон наяву или реальность:
немного о глаголе *daydream* в английском языке**

В английском языке глагол *daydream* входит в лексико-семантическую группу глаголов воображения. Анализ языкового материала показал, что в значении глагола *daydream* заложена информация о том, что у субъекта независимо от его волеизъявления возникает неконтролируемая серия образов объектов.

(1) *When Charles tapped me on the shoulder I was daydreaming of golden beaches, palm trees and summer romance. - LLA.*

В примере (1) у субъекта *I* возникает поток сменяющих друг друга образов объектов *golden beaches, palm trees and summer romance*. На языковом уровне для номинирования этих объектов используются существительные во множественном числе (*beaches, trees*) и абстрактной семантики (*romance*), что свидетельствует о том, что в результате креативной работы мозга субъекта создается целая цепочка образов объектов, а не образ единичной конкретной ситуации. (Подробнее о креативной работе или креативной силе и ее типах как метапонятии для семантической интерпретации значения английских глаголов-синонимов группы воображения см. [1]).

Ненормативность использования глагола *daydream* в конструкциях повелительного наклонения положительной формы, с выражениями типа *I want...* свидетельствует об отсутствии со стороны субъекта «контроля» и приложения усилий по инициации или прекращению ментальной работы. (Подробнее о «контроле» и других семантических признаках, составляющих содержание левостороннего актанта при предикатах английских глаголов воображения, см. [1]).

* *Daydream of golden beaches, palm trees and summer romance.*

* *I want to daydream about meeting the ideal boyfriend and falling in love.*

* *I made up my mind to daydream of golden beaches, palm trees and summer romance.*

Исследование показало, что глагол *daydream* в определенных контекстных условиях может употребляться в повелительной конструкции отрицательной формы и в конструкции *stop doing smth*. Например, нижеследующие тестовые предложения оценивались многими информантами как вполне нормативные:

Don't daydream of golden beaches, palm trees and summer romance. (4 или 3 балла из 5)

Stop daydreaming and listen to me! (5 баллов из 5)

Однако склонны думать, что нормативность этих предложений свидетельствует не о том, что субъект контролирует свое ментальное состояние. В ситуациях, обозначаемых глаголом *daydream*, наблюдается занижение субъектом оценки реальной действительности, субъект погружен в свой внутренний, ментальный мир. Вследствие этого, в вышеприведенных тестовых предложениях это говорящий, кто призывает слушающего (субъекта воображения) к тому, чтобы он (слушающий, субъект воображения) «включил свое сознание», вышел из состояния отключенности, неактивности (с точки зрения реального мира) и перешел к активному осознанию и функционированию в реальном мире.

Ненормативность употребления глагола *daydream* с выражениями *difficult / hard* или *try to do smth.* также говорит о том, что субъект не прилагает никаких усилий для того, чтобы денотат предиката имел место. Так, следующие предложения оценены респондентами как ненормативные:

* *It's difficult to daydream about meeting the ideal boyfriend and falling in love.*

* *I tried to daydream of golden beaches, palm trees and summer romance.*

В ситуациях воображения, для номинации которых служит глагол *daydream*, субъект действует активно не в реальном, а в ментальном мире своих грез и фантазий. Субъект при предикате *daydream* можно охарактеризовать как активный, потому что с его стороны происходит приложение креативной силы, хотя и не контролируемое:

(2) *We sipped them gratefully, but I must have been miles away, for Mr Johnson said, 'Daydreaming, eh?' - N.Barber.*

В примере (2) информация об активном психическом процессе, протекающем в коре головного мозга субъекта воображения *I*, прослеживается в прогрессивном разряде формы глагола *Daydreaming*. Информация о том, что субъектом не контролируется и не осознается реальная действительность, вербализуется во фразе *I must have been miles away* (о признаке «осознаваемость» см. [1]).

Субъект не контролирует ни процесс формирования денотата предиката, ни окружающую его реальность. Эта семантика также эксплицируется в нижеследующих предложениях (3) и (4):

(3) *Mark had began to daydream, and didn't hear the teacher's question. - LLA.*

(4) *He suddenly realized he had been daydreaming and hadn't heard a word his mother had said. - LLA.*

В примерах (3) и (4) информация о том, что субъекты *Mark* и *he* «оторваны» от реальности и процесс воображения полностью «поглотил» их,

эксплицируется в словах *didn't hear the teacher's question* и *hadn't heard a word his mother had said*.

(5) *They switch off, they **daydream***. – D.Lodge.

В примере (5) в значении фразы *They switch off* концептуализируется информация о неконтролируемости и отсутствии осознаваемости субъектом реального мира.

Образы объектов возникают не сами по себе, а каузируются психическим или физиологическим состоянием, в котором находится субъект. Ментальный процесс может явиться реакцией на длительное занятие деятельностью, к которой субъект не имеет интереса, но все равно должен ее выполнять, например скука, монотонность работы и т.д. Это так называемая компенсаторная активность мозга. В этом случае мозг субъекта функционирует как источник информации и «машина» для ее обработки. В нижеследующем примере (6) в значении фразы *the lesson was so boring* концептуализируется информация о факте действительности, послужившим причиной психофизиологических изменений состояния субъекта, которые в свою очередь инициировали работу креативной силы:

(6) *I began **to daydream** about meeting Mel Gibson because the lesson was so boring*. - (пример из текста)

(7) *Stop **daydreaming**, and concentrate on what I'm saying!* – LLA.

В ситуации, представленной в примере (7), говорящий призывает слушающего (он же субъект воображения) переключить сознание с мира грез на мир реальный, мобилизовать свое внимание, ментальную активность и слушать, что он говорит. Слушающий, по всей видимости, не заинтересован в информации, исходящей от оратора, и вследствие этого его мозг в виде защитной реакции «абстрагировался от реальной действительности», и субъект погрузился в мир воображения.

Прервать психический процесс, происходящий в коре головного мозга субъекта и вывести его (с точки зрения реального мира) из «пограничного состояния забытья» может только воздействие со стороны. Так, в вышеприведенном примере (1) эта информация вербализуется в словах *Charles tapped me on the shoulder*. В нижеследующем предложении (8) субъект *I* «пробуждается» от грез, переключается на реальную действительность благодаря внешнему раздражителю, который вербализован во фразе *by her calling me*:

(8) *But **I was awoken from my daydreaming by her calling me** over to the large chest which stood beneath the window*. - K.Dayus.

Отметим, что субъектом может осмысляться не процесс создания денотата предиката, а этап, следующий за ним, так называемая «кода». Так, предложение **I realize I'm daydreaming* оценивается как ненормативное, поскольку денотативная ситуация предполагает осмысление процесса протекающего в данный момент с точки зрения реального мира (фраза *I realize* имеет референцию к реальному миру). Субъект может осознавать только

уже завершённый процесс или факт того, что процесс воображения имел место. Наличие данного признака устанавливается из нормативности следующих тестовых конструкций:

Why were you daydreaming of golden beaches, palm trees and summer romance.

Why did you begin to daydream?

Кроме того, прошедшая перфектная форма глагола *daydream* в примере *He suddenly realized he had been daydreaming and hadn't heard a word his mother had said.* – LLA также свидетельствует о предшествовании этапа создания образов этапу осмысления (глагол *realize* в форме простого прошедшего времени).

Представляется, что субъектом осознаются не только этап коды денотата предиката в реальном мире, но и образы нереального мира, в котором «активно действует» субъект. Об этом могут свидетельствовать ситуации, в которых сам субъект волевым усилием выводит себя из «состояния грез» в реальный мир. Так, в следующей ситуации говорящий, он же субъект воображения *Bob*, обращается сам к себе: *OK, Bob, you're a reasonable human being... You must stop being silly... I must stop daydreaming and start doing what I am to... I do understand that you're tired Bob but you should finish this work. Come on, Bob...* (пример информанта). В данной ситуации субъект осознает, что он находился в мире воображаемом и был занят «просмотром» образов-грез, которые он осознавал, и которыми он наслаждался, вследствие чего не занимался надлежащей работой в реальной действительности.

В ситуациях, обозначаемых глаголом *daydream*, субъект воображения испытывает приятное эмоциональное состояние. Эта информация может быть эксплицитно выражена на языковом уровне, например:

(9) *I just daydreamed and felt intensely happy.* - W.Newby.

В примере (9) фраза *felt intensely happy* сообщает о владеющих субъектом чувствах, которые сопровождают процесс воображения.

(10) *Why isn't, I just love being in the mountains, I mean, it's just, I daydream about it so much.* - BNC: conversations.

В приведённом примере (10) информация о позитивном эмоциональном состоянии субъекта прослеживается в значении слов *so much, love*.

Ненормативность тестового предложения **I just daydreamed and felt gloomy/depressed* еще раз свидетельствует о том, что процесс воображения сопровождается эмоциями положительного характера.

Итак, значение глагола *daydream* может быть сформулировано следующим образом: у субъекта возникает серия приятных для него образов, при этом он их осознает, но не осознает происходящее вокруг него в реальном мире.

Литература

1. Шерсткова, И.А. Семантическая структура левостороннего актанта англ.

лийских глаголов воображения // Вестник Челябинского государственного университета. – № 17 (155). Филология. Искусствоведение. Вып. 32. – Челябинск, 2009. – С. 112-114.

© Шерсткова И.А., 2012

УДК 81'42, 811.111

Шпар Е.В.
г. Уфа (Россия)

Ирония как средство реализации стратегий коммуникативного воздействия в англоязычном дискурсе печатной рекламы автомобилей

Интерес к иронии и, как результат, её изучение в рамках философии, риторики, литературоведения, лингвистики и искусствоведения имеют давнюю и богатую традицию. В силу многоаспектности и полифункциональности иронии её современные теории по-прежнему многолики, они рассматривают иронию как риторический троп или стилистический приём, как образ мышления и познания действительности или основной принцип отношения к ней. При этом отличительной чертой современных подходов к исследованию иронии, даже с позиций разных научных школ и направлений, является полный отказ от одностороннего или одноаспектного её рассмотрения. «В новой трактовке ирония – это одновременно и инструмент мышления, и языковое явление, основная функция которого – выражение отношения к несоответствию между ожидаемым и наблюдаемым положением дел» [8, с.228].

Особый интерес на сегодняшний день по-прежнему представляет изучение функций иронии в различных ситуациях общения. Однозначный ответ на вопрос: «Почему, несмотря на потенциальный риск быть непонятыми, коммуниканты все же активно используют иронию в дискурсе?» всё ещё не найден. Ответом может послужить известное высказывание датского философа 19-го века Сёрена Кьеркегора: «... подобно тому, как ученые утверждают, что нет истинной науки без сомнения, с полным правом можно утверждать, что нет подлинно человеческой жизни без иронии»² [4, с.195]. Однако более подробным ответом на этот вопрос являются результаты детального изучения широкого спектра функций иронии, её прагматических свойств.

Цель данной статьи - рассмотреть особенности использования иронии как средства реализации стратегий коммуникативного воздействия в рек-

---

² “*As philosophers claim that no true philosophy is possible without doubt, by the same token, one may claim that no authentic human life is possible without irony*” [Kierkegaard, Soren *The concept of irony*. Bloomington: Indiana University Press, 1965. p. 378]

ламном дискурсе. Материалом послужили образцы юмористической англоязычной печатной рекламы (prints) известных марок автомобилей, представленные на сайтах рекламных агентств и профессиональных сайтах для специалистов в области рекламной коммуникации.

Под стратегиями коммуникативного воздействия в рекламе мы, вслед за Ю.К. Пироговой, понимаем «приемы выбора, структурирования и подачи в сообщении (как в его вербальной, так и в невербальной части) информации о рекламируемом объекте, подчиненные целям коммуникативного воздействия, выгодного для продвижения этого объекта на рынке» [5, с.210]. Кроме того, в соответствии с целями нашего исследования мы также используем терминологию и опираемся на принципы описания двух основных и ряда частных типов данных стратегий, представленные Ю.К. Пироговой в ряде публикаций [5, 6, 7].

Исследование подтвердило, что ирония активно используется как средство реализации всех частных видов коммуникативных стратегий как первого типа (собственно коммуникативных по функции), **позиционирующих** стратегий, формирующих определенное восприятие рекламируемого объекта, так и второго типа, **оптимизирующих** стратегий, т.е. стратегий, направленных на усиление воздействия рекламного сообщения и преодоление неблагоприятных условий рекламной коммуникации. В рамках данной статьи нам представляется целесообразным более подробно рассмотреть особенности реализации основных частных видов **позиционирующих** коммуникативных стратегий, в реализации которых два из наиболее распространенных видов иронии (вербальная и ситуативная) используются чаще всего.

1) Стратегии дифференциации, помогающие выделить рекламируемый объект в ряду конкурирующих.

Серия взаимосвязанных рекламных сообщений производителей автомобилей AUDI, BMW и Subaru наглядно демонстрируют эффективность использования вербальной иронии как средства реализации данной стратегии. Первой в этом ряду стоит реклама BMW: *“Congratulations to Audi for winning South African Car of the Year 2006. From the Winner of World Car of the Year 2006”*. Ответным шагом AUDI стало рекламное сообщение: *“Congratulations to BMW for Winning World Car of the Year 2006. From the Winner of Six Consecutive Le Mans 24 Hour Races 2000-2006”*. И финальную точку в этой серии поставила реклама Subaru с вдвойне ироничным заголовком: *“Well done to Audi and BMW for winning the beauty contest. From the winner of the 2006 International Engine of the Year”*. Иконические компоненты всех трех реклам содержали достаточно агрессивные изображения автомобилей, рекламируемых марок, и упоминаемых в сообщении призов, полученных ими.

Реклама BMW с заголовком *“A Mercedes can also bring driving plea-*

sure”, сопровождаемым изображением автовоза Mercedes в процессе транспортировки множества автомобилей BMW и одним из наиболее часто используемых слоганов BMW: “Sheer Driving Pleasure”, является ярким примером реализации стратегии дифференциации при помощи ситуативной иронии.

2) Ценностно-ориентированные стратегии, позволяющие связать рекламируемый объект с важными для целевой группы ценностными понятиями.

Примером может служить использование вербальной иронии в рекламе автомобиля Skoda Octavia. Вербальный компонент рекламного сообщения: “*Feel like you’ve gotten closer lately? Advance to Skoda Octavia and save on fuel*”, сопровождается изображением молодой пары (предположительно у себя дома на диване), разделённой при этом работником автозаправочной станции, по всем признакам активно участвующим в их беседе. Ирония становится очевидной при сопоставлении вербального и иконического компонентов, при этом оба связывают рекламируемую характеристику автомобиля (его экономичность) с ценностными понятиями «личная жизнь», «время на общение с близкими людьми».

В рекламе автомобиля Nissan Tiida ситуативная ирония на основе аллюзии к арабо-израильскому конфликту позволяет связать рекламируемую характеристику автомобиля (его вместительность) с ценностным понятием «мир во всём мире». Вербальный компонент этого рекламного сообщения: “*All the space you need*” подкрепляется изображением жителя Палестины и жителя Израиля (мы видим головы в традиционных национальных головных уборах), мирно расположившихся не заднем сиденье одного рекламируемого автомобиля.

Не стоит, однако, забывать, что «[в] ироническом повествовании налицо неявное, формально почти не выраженное отрицание существующей системы ценностей. Ирония предполагает “вывертывание наизнанку” сложившегося строя оценок, представлений, мнений» [3, с.24]. Эта особенность иронического дискурса становится ещё более очевидной в процессе реализации следующего типа стратегий.

3) Стратегии присвоения оценочных значений, помогающие усилить восприятие положительных свойств рекламируемого объекта.

Следует отметить, что многие исследователи сходятся во мнении, что все оценки рекламного текста в целом «стягиваются к одному полюсу – положительному» [2, с.7]. При этом в рамках иронического рекламного дискурса присвоение положительных оценок происходит во многих случаях имплицитно, за счет указания на условность любых оценок, по сути оказывающихся противоположными для представителей разных целевых аудиторий. Таким образом, иронический рекламный дискурс одновременно отражает и демонстрирует тот факт, что критерии оценки глубоко социальны по

своей природе, это человеческие оценки, дающиеся людьми и для людей. Вследствие чего в мире оценок действует не истинность вообще, а истинность относительно концептуального мира участников коммуникации, времени, места, социального статуса коммуникантов и т.д. [1, с.64]. Ирония же - это «взгляд человека, осознавшего релятивность истины, претендующей тем не менее быть абсолютной» [2, с.25].

Например, в рекламе автомобиля Dodge Caliber были использованы сообщения следующего содержания: “*Cute is what child-actors were when they were employable*” или “*Nobody will mistake you for a charm school graduate*”. Точка зрения целевой аудитории, предельно четко выраженная в такой формулировке, поддерживается и иконическим компонентом – изображением ярко-красного автомобиля агрессивного дизайна, а также рекламным слоганом марки Dodge: “Grab Life by the Horns” и эмблемой, изображающей голову барана с мощными изогнутыми рогами. Таким образом, ирония, в данном случае ситуативная, служит средством реализации *стратегии присвоения оценочных значений*, помогающей усилить восприятие положительных свойств рекламируемого объекта.

Сходны и функции вербальной иронии в рекламе автомобиля Dodge Ram, заголовок которой: “*Some bugs die a more noble death than others*” сопровождался изображением крупного плана решётки радиатора рекламируемого автомобиля агрессивного дизайна с определённым количеством застрявших в ней насекомых, или в рекламе автомобиля Subaru Legacy с заголовком “*Get a sedan that commands respect*” и изображением рекламируемого автомобиля под линией электропередач, на проводах которой даже птицы не решаются располагаться непосредственно над ним.

В качестве постановки задач для дальнейшего исследования перспективным и целесообразным представляется изучение функций и прагматических свойств иронического пародийного дискурса.

Литература

1. Гранин Ю.Д. О гносеологическом содержании понятия "оценка" // Вопросы философии. – 1987. – № 6. – С. 59-72.
2. Колокольцева Т.Н. Предисловие // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / Научн. ред. Т.Н. Колокольцева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 296с.
3. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка): Монография. – Самара: СГПУ, 2004. – 263 с.
4. Кьеркегор С. О понятии иронии. Пер. А. Коськовой, С. Коськова // Логос. – 1993. – №4. – С. 176-198.
5. Пирогова Ю.К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на м-ле рекламных и PR-сообщ.) // Проблемы прикладной лингвистики. – М., 2001. – С. 209-227.
6. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе:

опыт типологизации // Текст. Интертекст. Культура. – М.: Азбуковик, 2001. – С. 543–553.

7. Пирогова Ю.К. Стратегии рекламного воздействия в эпоху коммерциализации массовых коммуникаций // Мат-лы 9-ой Межд. конф. «Цивилизация знаний: инновационный переход к обществу высоких технологий». Часть 1. – М.: РосНОУ, 2008. – С. 618-626.

8. Шилихина К.М. Современные теории иронии // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 228-230.

© Шпар Е.В., 2012

УДК 811.112.2'42(045)

Щипицина Л.Ю., Петрина Ю.И
г.Архангельск (Россия)

Речевые стратегии в продвижении товаров и услуг на немецких корпоративных веб-страницах

Продвижение фирм, товаров и услуг является важным механизмом современного производства, и эффективность продвижения обуславливается эффективностью использованных при этом речевых стратегий. Сфера речевых стратегий продвижения мало изучена. В частности, имеются нерешенные вопросы, касающиеся определения сущности самого понятия продвижения, классификации речевых стратегий продвижения, а также особенностей использования новых жанров Интернета для продвижения товаров и услуг. Все сказанное определило предмет рассмотрения нашей работы, нацеленной на анализ речевых стратегий продвижения товаров и услуг на немецкоязычных веб-страницах.

Понятие продвижения (товаров, услуг, организаций и т.п.) тесно связано с понятием связей с общественностью (PR). Так, ряд авторов считает продвижение составной частью связей с общественностью, что вытекает из понимания последних как спектра программ, целью которых является «продвижение и защита образа, имиджа, престижа фирмы или отдельных изделий» [1, с.77]. В таком подходе продвижение понимается как «любая форма действий, используемых фирмой для информирования, убеждения и напоминания людям о своих товарах, услугах, идеях, общественной деятельности и влиянии на общество» [4, с.8].

Мы разделяем данную точку зрения и определяем продвижение как один из элементов связей с общественностью, рассматривая его в качестве одного из способов воздействия на общественное мнение с целью формирования положительного имиджа фирмы и положительного восприятия потребителем тех или иных товаров и услуг фирмы. Продвижение реализуется в виде рекламы, стимулирования сбыта и некоторых других мероприятий.

Продвижение товаров и услуг может быть массовым (осуществляемым по разным медиаканалам – печать, телевидение, радио и Интернет) или личным (устные акции по продвижению товара/услуги в точке продажи). Непосредственным предметом нашего внимания является массовое продвижение товаров и услуг в Интернете, и именно об этом понятии мы будем вести речь далее.

Речевая (или коммуникативная) стратегия определяется исследователями как «план по оптимальному воплощению определенного коммуникативного намерения отправителя сообщения», который регулирует содержание информации, закладываемой в текст, коммуникативный эффект, к достижению которого он стремится, а также выбор и комбинирование языковых средств, обеспечивающих речевое формулирование задуманных целей высказывания [5, с.45].

На основании изученных подходов к классификации речевых стратегий [2; 3 и др.] нам представляется возможным предложить обобщенную классификацию речевых стратегий, используемых при продвижении товаров и услуг в Интернете.

1) **позитивно настраивающая стратегия**, реализуемая в следующих тактиках: «это твоя мечта», обращение к чувствам и эмоциям, апелляция к отношениям с близкими, предощущение хорошего, приятные переживания, шикарная жизнь и комфорт, эксклюзивность;

2) **стратегия преимущества**, реализуемая при помощи таких тактик, как выгода от приобретения, выгодное предложение, уникальное предложение;

3) **позиционирующая стратегия**, находящая отражение в тактиках персонализации и указания на круг потенциальных адресатов.

Стратегия положительной самопрезентации, по нашему мнению, является вспомогательной при продвижении товаров и услуг, поскольку она направлена на формирование положительного восприятия покупателем фирмы-производителя и лишь опосредованно служит продвижению товаров и услуг соответствующей фирмы. Данная стратегия реализуется при помощи тактик «имидж марки», «апелляция к авторитету», «апелляция к надежности», «быстрота, оперативность», «выделение фирмы из ряда других».

Согласно нашим наблюдениям, веб-страница фирмы является центральным звеном продвижения в Интернете, предоставляя потребителю основной объем информации о самой фирме и производимых ею товарах или предоставляемых услугах. Чтобы учесть по возможности разные виды товаров и услуг, нами рассмотрены веб-страницы фирм, производящих автомобили и косметические средства, а также веб-страницы медицинских учреждений и агентств по организации праздников. В общей сложности анализу было подвергнуто 33 различные веб-страницы.

Мы определили, что продвижение на веб-страницах реализуется,

прежде всего, в следующих разделах:

1) информация о фирме, помещаемая в рубриках *Wir über uns, Historie, Unsere Klinik, Unternehmen, Investor Relations, unsere Auszeichnungen, unsere Ärzte, unser Team* и т.д.;

2) обращение к посетителям страницы от лица фирмы: *Vorwort*;

3) анонсы проводимых мероприятий: *Aktuelles, Events, Aktuelle Aktionen*;

4) профиль деятельности, услуги и продукция: *Produkte und Marken, Modelle, Produktübersicht, Modellübersicht, Shop, Rund um den Event, Show*;

5) часто задаваемые вопросы и ответы на них: *Häufig gestellte Fragen/FAQ*;

6) обратная связь: *Kontakt, Newsletter, Wunschsel*;

7) отзывы о фирме и предлагаемых товарах и услугах: *Presse über uns, Kundenstimmen*.

Из приведенного перечня блоков веб-страницы, специализирующихся на продвижении, можно заметить, что эти блоки весьма разнообразны, т.е. веб-страница практически в каждой своей составляющей направлена на рекламу и продвижение самой фирмы или ее товаров/услуг.

Для продвижения товаров (на примере автомобилей и косметических средств) характерны **позитивно настраивающая стратегия**, реализуемая в тактиках «приятные переживания», «шикарная жизнь и комфорт», «эксклюзивность», «это твоя мечта», «апелляция к чувствам и эмоциям», «апелляция к отношениям с близкими», **стратегия преимущества**, находящая отражение в тактиках «выгода от приобретения», «выгодное предложение», а также **стратегия положительной самопрезентации**, реализуемая при помощи тактик «имидж марки», «апелляция к надежности», «апелляция к авторитету», «выделение фирмы из ряда других», «быстрота, оперативность», и **позиционирующая стратегия**, реализуемая тактикой «персонализации».

Так, при помощи тактики «имидж фирмы» в рамках стратегии позитивной самопрезентации формируется положительное восприятие покупателем фирмы-производителя и тем самым продвигаются товары соответствующей фирмы.

Porsche ist ein einzigartiges Unternehmen mit starken Idealen [porsche.de].

Обязательной составляющей тактики «имидж марки» является название марки (*Ford, Porsche, Maybach*), сопровождаемое прилагательными с высокой положительной оценкой (*einzigartig, führend*), а также подчеркивание традиции, т.е. долгого времени существования данной марки, и ее особых принципов (*mit starken Idealen*).

Маркерами тактики «выгодное предложение» в рамках стратегии преимущества являются существительные, глаголы и прилагательные с семантикой выгоды (*Vorteil, sparen, versandkostenfrei, günstig*):

Bestellen Sie sich jetzt besonders günstig Ihre NIVEA Lieblingsprodukte und Fanartikel. Als NIVEA FÜR MICH Teilnehmerin sparen Sie mit Ihrem persönlichen Vorteils-Code einmalig 10% auf den Artikelpreis [nivea.de].

При продвижении товаров нередко сочетаются различные тактики и стратегии. К примеру, в приведенной рекламе продукта фирмы NIVEA тактика «выгодное предложение» сочетается с тактикой персонализации (*Ihr, persönlich*) и тактикой апелляции к чувствам и эмоциям (*Lieblings-*).

Для продвижения услуг характерны **позитивно настраивающая стратегия**, находящая отражение в тактиках «приятные переживания», «шикарная жизнь и комфорт», «апелляция к отношениям с близкими», «предошущение хорошего», **стратегия преимущества**, реализуемая при помощи тактик «выгодное предложение» и «уникальное предложение» и **стратегия положительной самопрезентации**, реализуемая в тактиках «имидж марки», «апелляция к авторитету», «быстрота, оперативность», «выделение фирмы из ряда других».

Так, при помощи тактики «приятные переживания» в рамках позитивно настраивающей стратегии происходит убеждение потребителя в том, что использование услуг конкретной фирмы оставит лишь положительные впечатления. Маркерами указанной тактики выступают прилагательные с семантикой «положительные впечатления» (*unvergesslich, die schönsten Augenblicke*). Тактика «приятные переживания» часто сочетается с тактиками персонализации (*Sie, Ihr*) и «имидж марки» (*Eventagentur axentus*):

Lassen Sie Ihr Event zum unvergesslichen Erlebnis werden mit der Event-agentur axentus! [axentus.de]

Таким образом, речевые стратегии продвижения как целостные системы операций по выбору и реализации оптимального формирования положительного имиджа фирмы и положительного восприятия потребителем тех или иных товаров и услуг фирмы на веб-страницах весьма разнообразны. Отметим, что в продвижении услуг позитивно настраивающая стратегия играет более важную роль, чем в продвижении товаров, способствуя формированию у клиента положительных эмоций в отношении использования услуг той или иной фирмы.

Изучение речевых стратегий и тактик продвижения различных видов товаров и услуг, а также их языковых маркеров является весьма перспективной исследовательской задачей, поскольку позволяет выявить нюансы в составлении рекламных текстов для различных товаров/услуг и различных целевых групп.

Литература

1. Гольдштейн Г.Я., Катаев А.В. Маркетинг: учеб. пособие для магистрантов. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999. – 107 с.
2. Гончарова Л.М. Туристская реклама в СМИ: позитивно настраивающие тактики // Язык средств массовой информации как объект междисциплинар-

ного исследования: материалы 2-й Междунар. конф. (Москва, 14–16 февраля 2008 г.) / сост. М.Н. Володина. – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 339–342.

3. Жданова Е.В. Личность и коммуникация: практикум по речевому взаимодействию. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 176 с.

4. Попов Е.В. Продвижение товаров и услуг: учеб. пособие. – М.: Финансы и статистика, 1999. – 320 с.

5. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

© Щипицина Л.Ю., Петрина Ю.И., 2012

УДК 81'25

Юзликбаева Д.Ш.
г.Уфа (Россия)

Особенности перевода английской научно-технической терминологии на русский язык

При переводе научно-технической литературы следует учитывать тот факт, что ей свойственен ряд особенностей как в области грамматики, стилистики, так и в области терминологии. Для языка научно-популярной литературы характерна значительная насыщенность текста специальными терминами, которые часто отсутствуют не только в обычных, но и в терминологических словарях. Это объясняется тем, что по мере расширения границ знаний в различных областях расширяется и словарный запас, в основном, за счет терминов. При переводе научно-технических текстов необходимо четкое знание терминологии по данной специальности и умение точно передать ее на русский язык. Но для того, чтобы правильно определить выражаемое термином понятие, нужно знать ту область науки, к которой относится данная терминология. Любой термин следует рассматривать как слово, за которым закреплено определенное научное значение, но которое может изменить свое содержание в зависимости от конкретной области знаний, т.е. контекста. Следует, однако, отметить, что целый ряд терминов приобретает своего рода независимость от контекста и, следовательно, может переводиться лексическим эквивалентом, например, «oxygen» - кислород, «voltage» - напряжение, «anode» - анод, «gene» - ген. Но это не означает, что все термины совершенно не зависят от контекста, речь идет лишь о том, что терминологическое значение слова чаще всего не меняется, но лишь конкретизируется, выявляется в контексте.

В целом, научно-техническую терминологию можно подразделить на 4 группы:

1. Общеупотребительные слова, которые, помимо своего основного

значения, приобретают значения, специфические для какой-либо области науки. В этом случае значение термина является одним из значений этого слова, например, «dislocation» - а) смещение, б) дислокация(физический термин); «arm» - а) рука, б) рычаг, кронштейн; «eye» - а) глаз, б) центр цикла(авиаци.); «solution» - а) решение, б) раствор (хим.).

2. Общенаучные термины, используемые в нескольких областях науки в разных значениях, например, «rectifier»- а) выпрямитель тока, б) детектор (рад.), очиститель (хим.); «gear»- а) шестерня (мех.), б) шасси (авиаци.); «handling» - а) обращение с чем-либо, б) управление, пилотирование(авиаци.), в) обработка данных (мат).

3. Специальные термины, используемые только в одной области знаний, при этом значение слова и значение термина совпадают, например, «molecule» - молекула, «transformer» - трансформатор, «chromosome» - хромосома, «enzyme» - фермент.

4. Термины, имеющие два и более значений в одной области, например, «level» - уровень, высота, нивелир; «plug» - свеча зажигания, штепсельный разъем, пробка; «nucleus» - ядро клетки, косточка ореха, ядро ЦНС(центральной нервной системы).

Такая многозначность терминов создает неясность при переводе научно-технической литературы, где нужна предельная точность. Поэтому в таких случаях важно учитывать контекст.

Таким образом, основная масса научно-технической терминологии не входит в состав общелитературного языка и понятна лишь специалистам, но значительная часть терминов представляет собой общеупотребительные английские слова, взятые в специальном значении. И только контекст помогает выявить, употреблено ли слово в своем обычном значении или в специальном, а также в каком из своих значений употреблен многозначный термин в данном случае.

© Юзликбаева Д.Ш., 2012

УДК 81'37

Ялалова Р.Р.
г. Набережные Челны (Россия)

Фразеологические единицы, характеризующие здоровье в английском, немецком и русском языках

Под фразеологизмом понимается воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных или подчинительных словосочетаний, обладающий целостным значением и сочетающийся со словом. Фразеологические обороты представляют собой наиболее своеобразную часть

выразительных средств языка. Во фразеологических единицах (ФЕ) нередко отражаются особенности культуры народа, его истории, народные представления о тех или иных предметах и явлениях, национально обусловленные стереотипы восприятия окружающего мира.

В рамках данной статьи анализируются значения здоровья в словарях английского, немецкого и русского языков. В словаре В.И. Даля «здоровье» определяется как «состояние животного тела (или растения), когда все жизненные отправления идут в полном порядке; отсутствие недуга, болезни» [2]. По словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, здоровье – правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие [4]. В словаре английского языка Webster's New World Dictionary & Thesaurus, «здоровье» понимается как «health – the state of being physically and mentally healthy» («состояние физического и психического здоровья») [7]. Толковый словарь немецкого языка Duden – Deutsches Universalwörterbuch дает следующее определение здоровья: «Gesundheit – körperliches, seelisches oder geistiges Wohlbefinden». (Здоровье – телесное, психическое или душевное благополучие) [6]. Как видно из определений, во всех трех исследуемых языках здоровье понимается как физическое и психическое благополучие организма.

Как показало исследование, улучшение здоровья делится на две подгруппы: безотносительно к воздействию фактору – выздоровление; и подразумевая внешнее воздействие – вылечивание. Выздоровление – особое состояние организма, наступающее за окончанием какого-либо болезненного процесса и продолжающееся до полного восстановления нормального питания и деятельности всех органов. При легких заболеваниях это состояние протекает совершенно незаметно, почти совпадая с окончанием болезни. Но чем долее длится болезнь и чем важнее для организма вызываемые ею нарушения в деятельности различных органов, тем большее значение получает период выздоровления.

В создании образности ФЕ фразео-семантической подгруппы «выздоровление» особое место занимает соматическая лексика, а именно *нога*. Во всех трех исследуемых языках выздоровление ассоциируется с тем, что человек снова стоит на ногах: *to be/get back on one's feet/be/get on one's feet – wieder auf den Beinen sein – встать на ноги; становиться/вставать/подниматься на ноги – выздоравливать, оправляться от болезни; on one's feet – выздоравливающий; wieder auf die Beine/die Füße/die Strümpfe kommen – снова встать на ноги (выздороветь); wieder zu Gange sein – выздороветь, поправиться; подниматься с постели/подняться с постели*. Выздоровление также связано с тем, что человек набирается сил: *go from strength to strength – крепнуть с каждым днём; collect one's strength/gather oneself up/muster up one's strength – собираться с силами – накапливать в себе силы; wieder zu Kräften kommen – набираться сил – выздороветь; набирать силу/силы –*

крепнуть, усиливаться. В исследуемых языках выздоровевший человек приходит в себя, в сознание: *regain/recover consciousness/come to one's senses/come round/come to/come to oneself* – *zur Besinnung kommen* – прийти в сознание – выходить из обморочного состояния; *feel quite/like oneself* – оправиться, поправиться, хорошо себя чувствовать; *get one's senses back* – *приходить в рассудок*; *come to life* – *прийти в себя* – очнуться (после обморока); *прийти/приходить в чувство*; *входить/войти в себя*.

Если человек выздоровел, говорят, что он находится на вершине или на холме в английском и немецком языках: *to be up and about* – подниматься с постели вновь после болезни; выздороветь; *be out and about* – поправиться, выйти после болезни; *be over the hill* – выздороветь; *pick up* – улучшить (здоровье); *<wieder> obenauf sein* – выздороветь, оправиться от болезни; *j-d ist über den/dem Berg* – кто-л. пошёл на поправку; кто-л. оправился (от болезни). Данная ФЕ приобретает образ трудного похода, во время которого человек должен с большим усилием преодолеть крутой холм, т.е. болезнь.

Рассмотрим специфические значения, присутствующие только в одном из исследуемых языков. Каждый язык по-своему членит действительность, по-своему обобщает, систематизирует и осмысляет явления» [1, с.57]. Все это находит свое отражение и в специфических значениях семантики ФЕ подгруппы «выздоровление», отличающих сопоставляемые языки друг от друга. В английском языке выявлены следующие значения подгруппы «выздоровление», свойственные только данному языку. В английском языке на пути к выздоровлению человеку приходится преодолевать трудности, опасности, что находит отражение в следующих ФЕ: *get over smth* – поправиться, прийти в себя; *pull through* – поправиться.

Рассмотрим толкование понятия «вылечить» в словаре Д.Н. Ушакова, который дает следующее определение данному понятию: избавить от болезни, сделать здоровым [5]. В исследуемых языках вылечить означает поставить человека на ноги: *get/put/set smb./smth. on his/its feet/ have smb. back on <her> feet* – *j-n/etw. auf die Beine/auf den Strumpf/auf die Strümpfe bringen* – *поставить кого-л. на ноги* – вылечить от болезни; *j-m auf die Beine helfen* – *поднимать на ноги*; *stavit'/ podnimat' na nogi* – *вылечивать, избавлять от болезни*.

В исследуемых языках избавление кого-либо от болезни связано с тем, что больному вдыхают душу или возвращают жизнь: *call into being/existence* – пробудить к жизни; *give smb./smth. a new lease of/on life* – вдохнуть новую жизнь в кого-л./во что-л.; *restore smb. to life/raise from the dead/raise to life* – *возвращать к жизни* – вылечить тяжелобольного; *j-n wieder ins Leben rufen* – воскресить, вернуть к жизни кого-л.; *дать/давать жизни*; *вдохнуть душу во что-л.* – оживить.

Как показало исследование, здоровый человек в сознании людей ассоциируется с тем, что он целый и невредимый: *safe and sound/safe and*

sure/in one piece/with a whole skin – heil und ganz – цел и невредим. Прилагательные «целый» и «невредимый» тождественны по своим основным значениям, что проявляется в совпадении их толкований в словарях, а также в том, что они используются в словарях как взаимные определители друг друга. В значениях прилагательных выделяется интегральная сема «не имеющий отклонений от физической нормы» признака «физическое сложение» [3].

Здоровый человек – это сильный, красивый человек, поэтому здоровье оценивается через внешний вид, действия и способности человека: *look strong and healthy* – пышет здоровьем; *the very picture of health* – совершенно здоров; *lively person/blooming with health* – *пышущий здоровьем*; *<as> fresh as a daisy/a rose/paint – Frisch wie eine Rose/sich erfrischt fühlen* – как огурчик – здоровый; *aussehen wie eine Landpomeranze / aussehen wie eine Pfingstrose* – как маков цвет; *gut bei/im Schick sein* – иметь здоровый вид; *von Gesundheit strotzen* – быть здоровым.

Признак «полное физиологическое благополучие», несомненно, входит в значение прилагательных «здоровый» и «крепкий» [3]. Во всех трёх исследуемых языках здоровый человек должен обладать физическим здоровьем: *fighting fit/a fine figure of a man/<as> fit as a fiddle/flea* – в хорошем физическом состоянии, здоровый; *in the pink <of condition>* – здоровый, сильный; *gut zuwege sein* – быть здоровым, быть на ногах; *auf dem Zeuge/beim Zeug sein/gut im Stande sein/gut in Fahrt sein/in guten Schuhen stecken/auf der Höhe sein* – находиться в добром здравии, чувствовать себя хорошо; *в силе* – наделен физической и духовной энергией; *в здоровом теле – здоровый дух.*

В исследуемых языках здоровый человек находится в здравом уме, так как здоровье – правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие; состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов: *be in one's right mind/be of sound mind – seine guten Geister bei sich haben* – *быть в здравом уме*; *in one's <right> senses – bei vollem Verstand <und ungetrübtem Gedächtnis>* – в здравом уме и твердой памяти.

Анализ семантики ФЕ, характеризующих здоровье в английском, немецком и русском языках, позволил выявить общие значения в семантике ФЕ рассматриваемых языков; параллели в семантике ФЕ, существующие только в двух из изучаемых языков; также расхождения трёх фразеологических микросистем ФЕ, описывающих здоровье. Во всех трех исследуемых языках выздоровление ассоциируется с тем, что человек снова стоит на ногах и набирается сил. Если человек выздоровел, говорят, что он находится на вершине или на холме в английском и немецком языках. В английском языке на пути к выздоровлению человеку приходится преодолевать трудно-

сти и опасности. В исследуемых языках вылечить означает поставить человека на ноги. Здоровый человек в сознании людей ассоциируется с тем, что он целый и невредимый; здоровье оценивается через внешний вид, действия и способности человека; здоровый человек должен обладать не только физическим, но и психическим здоровьем.

Общее в семантике данных единиц обусловлено объективной реальностью; специфические особенности семантики ФЕ, отличающие языки друг от друга, вызваны субъективной оценкой понимания здоровья, отличиями в ассоциативном восприятии окружающего мира представителями разных национальностей и культур.

Литература

1. Ахунзянов Э.М. Двужычие и лексико-семантическая интерференция. – Казань: Изд-во КГУ, 1978. – 190 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (в 4-х томах). – С.-Петербург – Москва: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. – 2800 с.
3. Лузенина И.Н. Номинативные свойства лексических единиц, организующих лексико-семантическое поле «Физическое состояние человек»: на материале рус. и нем. яз: дис. ... канд. фил. наук. – Саратов, 1997. – 270 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов, 7500 фразеолог. выражений. – РОС. АН. Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. – 907 с.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М., 1996. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/816326>
6. Duden – Deutsches Universalwörterbuch, 5. Aufl. Mannheim 2003. – [CD-ROM].
7. Webster's New World Dictionary & Thesaurus. 1997-98 Accent Software International Ltd. Accent Software International: Macmillan Publishers. Version 2.0. 1998. – [CD-ROM].

© Ялалова Р.Р., 2012

УДК 81'42

Яхиббаева Л.М.
г. Уфа (Россия)

Интертекстуальность как диалогическое взаимодействие текстов

Возникновение понятий «интертекст», «интертекстуальность» связывают с именем Юлии Кристевой – французской исследовательницы литературы и языка, теоретика постструктурализма. Впервые она ввела эти термины в 1967 г. в статье «Бахтин, слово, диалог и роман» для обозначения лите-

ратурного и языкового феномена. Бахтинские идеи о неизбежном диалоге любого писателя с современной и предшествующей литературой помогли Ю. Кристевой создать теорию межтекстовых отношений, а его представления о «чужом слове» дали ей возможность утверждать, что «...любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [2, с.431].

Ю. Кристева находит параллель между статусом диалогического слова у Бахтина и статусом текстов: «...подобно всякому слову, которое одновременно принадлежит как субъекту речи, так и ее адресату, и которое ориентировано на предшествующие и современные ему высказывания, текст всегда находится в точке пересечения других текстов» [2, с.433].

По мнению ученого, любой текст представляет собой реакцию на уже существующие тексты, насыщен ссылками на предшествующие, соотносится с другими текстами, ведет с ними диалог. Вновь созданный текст, в свою очередь, составляет основу будущих текстов. «Всякое письмо есть способ чтения совокупности предшествующих литературных текстов, всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону» [2, с.434-435]. Соприсутствие в тексте фрагментов предшествующих текстов, от эксплицитной формы цитаты до имплицитной формы скрытой аллюзии, Ю. Кристева обозначает понятием интертекстуальности. Интертекст она определяет как «...любой текст, который является результатом взаимодействия других текстов и кодов» [2, с.437]. Сформулировав эти термины, она открыла путь для дальнейших исследований в области межтекстовых взаимодействий.

Основными маркерами, т.е. языковыми способами реализации интертекстуальности в любом тексте могут служить цитаты, афоризмы, иноязычные вкрапления. Категория интертекстуальности может проявлять себя как в первичных текстах – художественных произведениях, так и во вторичных, таких как учебный текст, научный доклад, реферат, статья, тезис, литературный очерк и другие.

Во второй половине XX в. интертекстуальность получает широкое распространение благодаря теоретической саморефлексии постструктурализма и художественной практике постмодернизма, для которого характерна цитатность. Понятие интертекстуальности связывается постструктуралистами Р. Бартом, М. Риффатером, М. Фуко, М. Грессе и другими с отождествлением сознания человека с письменным текстом: история и культура, философия и литература, общество и человек – все читается как единый, глобальный текст, т.е. интертекст.

В целом, с точки зрения постмодернизма, текст существует лишь в силу межтекстовых отношений, в силу интертекстуальности, и в этом отношении интертекстуальность выступает как «...необходимое предварительное условие для любого текста» [1, с.83]. В рамках постмодернизма сама

идея текстуальности мыслится как неотделимая от интертекстуальности и основанная на ней, – текст, собственно, и есть не что иное, как «ансамбль суперпозиций других текстов» [5, с.74].

В русской лингвистике теория интертекстуальности берет свое начало также от трудов М.М. Бахтина, который называл это явление «текстом в тексте» и говорил об интертекстуальности как о внутритекстовом диалоге «своей» и «чужой» речи, осуществляемом с помощью цитат, аллюзий, реминисценций и т.п., связывающих в единое смысловое пространство тексты разных авторов и разных времен. Сегодня мы можем говорить о тесной связи этого феномена с современной литературой и языковой ситуацией.

Идеи М.М. Бахтина нашли свое дальнейшее развитие в работах Ю.М. Лотмана, в которых текст осмысливается как элемент культурного контекста. Текст, по мнению ученого, не существует сам по себе, он неизбежно включается в какой-либо исторически реальный или условный контекст. Поэтому восприятие текста, оторванного от его внешнего фона, невозможно. Даже в тех случаях, когда для нас такого фона не существует, мы проецируем текст на фон наших современных представлений, в отношении к которым текст становится произведением [3, с.130].

Ролан Барт дал следующее, ставшее классическим, определение интертекстуальности: «Всякий текст – есть интертекст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; текст образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – цитат без кавычек» [1, с.82-83].

Подобные толкования интертекста представляют интертекстуальность как теорию безграничного текста, интертекстуального в каждом своем фрагменте. Между всеми создаваемыми («своими») и созданными («чужими») текстами существует общее «интертекстуальное пространство» [2, с.430], поэтому восприятие текста есть «непрерывное чтение в бесконечном тексте» [1, с.83], которое осуществляется благодаря воспринимающему сознанию читателя.

Итак, мы живем в огромном текстовом пространстве, которое можно назвать интертекстуальным пространством, где любой текст возникает как отклик или реплика на другой текст. А понятие «интертекст» подтверждает «...факт присутствия в любом тексте текстов предшествующей и окружающей культур, указывает на его (текста) «непервозданность», на его «пронизанность» иными текстами, на его многоавторство или, наоборот, отсутствие автора» [4, с.6].

Уничтожаются границы между текстом и всем, что лежит за его пределами (мир, жизнь, речь, история, сознание и т.д.). Мир становится космической библиотекой, бесконечным, бескрайним текстом.

Литература

1. Барт, Р. От произведения к тексту [Текст] / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С.82-83.
2. Кристева, Ю. Слово, диалог и роман [Текст] / Ю. Кристева, М.М. Бахтин // Французская семиотика: от структурализма к постмодернизму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427-457.
3. Лотман, Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста [Текст] / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. – Таллинн, 1992. Том 1. – С.129-132.
4. Нестерова, Н.М. Вторичность как онтологическое свойство перевода [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / Н.М. Нестерова. – Пермь, 2005. – С. 6.
5. Риффатер, М. Критерии стилистического анализа [Текст] / М. Риффатер // Новое в зарубежной лингвистике, 1980. – Вып. IX. – С. 69-97.

© Яхиббаева Л.М., 2012

О НАШИХ АВТОРАХ

Базарова Лилия Вязировна Старший преподаватель Набережночелнинского филиала Казанского (При- волжского) Федерального Университета, г.Набережные Челны, Россия
Бычковская Наталья Студент ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Дзюба Наталия Валериевна Преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П.Шамякина, г.Мозырь, Беларусь
Кара-Мурза Елена Станиславовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ, г.Москва, Россия
Кульева Айгуль Альбертовна Кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Курманова Бактыгуль Жакеновна Доктор педагогических наук, профессор Актюбинского государственного университета им. К.Жубанова, Казахстан
Курманова Несибели Жакеновна Доктор педагогических наук, профессор кафедры казахского языкознания Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева, г. Астана, Казахстан
Любименко Юлия Анатольевна Старший преподаватель Общественного центра гуманной педагогики Рес- публики Башкортостан, г.Уфа, Россия
Магазова Наиля Зиннуровна Кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, истории и права Уфимского филиала Финуниверситета при правительстве РФ, г.Уфа, Россия
Майоров Анатолий Петрович Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностран- ных языков с курсом латинского языка ГБОУ ВПО «БГМУ Минздравсоцраз- вития РФ», г.Уфа, Россия
Майорова Ольга Анатольевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с кур- сом латинского языка ГБОУ ВПО «БГМУ Минздравсоцразвития РФ», г.Уфа, Россия
Маклакова Евгения Михайловна Старший преподаватель Набережночелнинского филиала Университета управления «Тисби», г.Набережные Челны, Россия

Матвеева Наталья Васильевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков Стерлитамакского филиала БашГУ, Стерлитамак, Россия
Мишенева Валентина Алексеевна Ассистент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Моисеева Ангелина Валерьевна Ассистент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Морозкина Евгения Александровна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Муллаярова Гульназ Муллануровна Ассистент Сибайского института Башкирского государственного университета, г. Сибай, Россия
Муравская Ирина Александровна Преподаватель, аспирант Московского Государственного Лингвистического Университета, г.Москва, Россия
Мусин Исмагил Хасанович Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка ГБОУ ВПО «БГМУ Минздравсоцразвития РФ», г.Уфа, Россия
Мусина Резеда Гусмановна Доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка ГБОУ ВПО «БГМУ Минздравсоцразвития РФ», г.Уфа, Россия
Мусина Лиана Равилевна Аспирант филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Мухаметдинова Айгуль Раисовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Мухтаруллина Айгуль Раисовна Доктор филологических наук, профессор, декан факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета г.Уфа, Россия
Насанбаева Эльвира Рустемовна Ассистент кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Нафиков Шамил Валиевич Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Уфимского научного центра Российской академии наук, г.Уфа, Россия

Нечаева Ольга Серафимовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Никонова Юлия Ивановна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Якутского научного центра СО РАН, г.Якутск, Россия
Новикова Ольга Николаевна Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный аграрный университет», г.Уфа, Россия
Нуйкина Маргарита Рифовна Преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка ГБОУ ВПО «БГМУ Минздравсоцразвития РФ», магистрант факультета психологии БашГУ, г.Уфа, Россия
Нургаллина Халида Бариевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Сибайского института БашГУ, г. Сибай, Россия
Нурмиев Айдар Маратович Студент Елабужского института К(П)ФУ, г.Елабуга, Россия
Нурмухаметова Линара Айратовна Главный редактор Продюсерского центра «AT GROUP», соискатель кафедры русской филологии БашГУ, г.Уфа, Россия
Нуруллина Айгуль Гумеровна Аспирант Набережночелнинского филиала Казанского (Приволжского) Федерального Университета, г.Набережные Челны, Россия
Орехов Борис Валерьевич Кандидат филологических наук, инженер лаборатории компьютерной филологии БашГУ, г.Уфа, Россия
Пермякова Лариса Анатольевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Петрина Юлия Игоревна Студент Института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, г.Архангельск, Россия
Пешкова Наталья Петровна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Попова Валентина Николаевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Ризатдинова Лилия Даниловна Аспирант Набережночелнинского филиала Казанского (Приволжского) Федерального Университета, г.Набережные Челны, Россия
Рыбка Ирина Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики УГАТУ, г.Уфа, Россия
Сабитова Наиля Гильмановна Доцент кафедры русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Сагидуллина Лилия Рашитовна Кандидат педагогических наук, доцент кафедры татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сакаева Лилия Радиковна Доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков Набережночелнинского филиала Казанского (Приволжского) Федерального Университета, г.Набережные Челны, Россия
Салахов Рамиль Асбахович Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Салимова Дания Абузаровна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и контрастивного языкознания Елабужского филиала Казанского (Приволжского) Федерального Университета, г.Елабуга, Россия
Салимова Лилия Хазинуровна Кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Седова Наталья Александровна Кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Омский государственный институт сервиса», г.Омск, Россия
Сеничева Ольга Анатольевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянской филологии Института филологии и социальных коммуникаций Бердянского государственного педагогического университета, г.Бердянск, Украина
Сенько Е.В. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова, г. Владикавказ, Россия
Сергеева Елена Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и педагогики Академии ВЭГУ, г.Уфа, Россия

Сергеева Лариса Александровна Доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сердюк Алла Михайловна Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего языкознания и славянской филологии Бердянского государственного педагогического университета, г.Бердянск, Украина
Сираева Райля Талгатовна Ассистент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Скокова Татьяна Николаевна Кандидат филологических наук, доцент НИУ «БелГУ», г.Белгород, Россия
Скуденкова Елена Евгеньевна Старший преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П.Шамякина, г.Мозырь, Беларусь
Смирнова Юлия Павловна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Судейманова Альмира Камилловна Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы УГНТУ, г.Уфа, Россия
Сыртланова Розалия Рашитовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Таракановская Ольга Сергеевна Аспирантка Сектора компаративистики Института восточных культур и античности РГГУ, г. Москва, Россия
Таукенова Гульнур Зиядиновна Магистрант Актюбинского государственного университета им. К.Жубанова, Казахстан
Таяпова Ольга Ивановна Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Теплых Регина Римовна Преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Тимошенко Людмила Олеговна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов БашГУ, г.Уфа, Россия

Титлова Анастасия Станиславовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Тихтиевская Марина Анатольевна Преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия
Трегубов Андрей Николаевич Кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и филологии Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, г.Уфа, Россия
Трошко Елена Михайловна Студент филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П.Шамякина, г.Мозырь, Беларусь
Тулегенова Гулмира Ганибетовна Магистрант Актюбинского университета им. С.Баишева, Казахстан
Урманова Юлия Рамилевна Преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Фазлетдинова Разина Фазыльевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета и послевузовского образования Башкирского госуниверситета, г.Уфа, Россия
Фаткуллина Флюза Габдуллиновна Доктор филологических наук, академик Российской Академии Естественных наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Федорова Надежда Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П.Шамякина, г.Мозырь, Беларусь
Фролова Ольга Андреевна Преподаватель ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия
Хабутдинова Луиза Хатмулловна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хажиева Зилия Рашитовна Кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный аграрный университет», г.Уфа, Россия
Хайруллина Райса Ханифовна Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, проректор Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия

Хакимова Гульнара Фидановна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Халиуллина Юлия Шамиловна Аспирант кафедры русского языка и литературы Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хисамова Галия Гильмулловна Доктор филологических наук, доцент кафедры русской филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хисматуллина Галия Галеевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета и послевузовского образования Башкирского госуниверситета, г.Уфа, Россия
Ходыкина Ирина Ивановна Старший преподаватель Бердянского государственного педагогического университета, г.Бердянск, Украина
Чурилина Любовь Николаевна Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Магнитогорского государственного университета, г.Магнитогорск, Россия
Шадек Ангелика Представитель ДААД, старший преподаватель Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Шайхисламова Загира Гибадуллиновна Кандидат филологических наук, доцент Сибайского института Башкирского государственного университета, г. Сибай, Россия
Шалангов Александр Олегович Старший преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета и послевузовского образования Башкирского госуниверситета, г.Уфа, Россия
Шерсткова Ирина Александровна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и перевода БГПУ им. М.Акумиллы, г.Уфа, Россия
Шпар Елена Валерьевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Щипицина Лариса Юрьевна Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, г.Архангельск, Россия

Юзликбаева Диляра Шамильевна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Яковлева Евгения Андреевна

Доктор филологических наук, профессор Института педагогики ФГОУЦ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумлы», г.Уфа, Россия

Ялалова Рина Раефовна

Аспирант Набережночелнинского филиала Казанского (Приволжского) Федерального Университета, г.Набережные Челны, Россия

Яхиббаева Лариса Мухамедовна

Старший преподаватель Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

Кара-Мурза Е.С. Лингвосомиотика русской потребительской рекламы как научное направление и вузовская дисциплина	3
Кулыева А.А. Стимулирование личностной активности студента при обучении иностранному языку в неязыковом вузе	7
Курманова Б.Ж. Жоғары оқу орындарында қазақ тілін ақпараттық технологиялар жүйесімен оқытуды білім философиясы тұрғысынан тану мәселесіне	9
Курманова Н.Ж. Қазақ тілінің коммуникативтік синтаксисі	18
Любищенко Ю.А. Ассоциативное поле концепта <i>учиться</i> в педагогическом дискурсе	28
Магазова Н.З. Текст по специальности при обучении иностранным языкам (<i>виды связи</i>)	31
Майоров А. П. К вопросу о виртуальном пространстве	33
Майорова О. А Фрактальные и голографические аспекты концепта в свете квантовой теории	37
Маклакова Е.М. Релятивы с компонентом-зоонимом в функции междометий в английском, французском и русском языках	41
Матвеева Н.В. Условия процесса понимания текста	45
Мишенева В.А. Манипулятивный эффект прецедентных феноменов в СМИ	49
Моисеева А.В. Характеристики текста глянцевого журнала: психолингвистический аспект	52
Морозкина Е.А., Насанбаева Э.Р. Герменевтическая таксономия при переводе художественных текстов	55
Муллаярова Г.М. Функционально-когнитивная оппозиция «свой-чужой» как ключевое понятие сферы «собственность»	59

Муравская И.А. Влияние заимствованных лексем на процессы смыслопорождения	63
Мусин И.Х., Мусина Р.Г. Психологические факторы, влияющие на речевое поведение индивида	68
Мусина Л.Р. Репрезентация концепта «Дом» в русской онтологической прозе (на материале повестей В. Распутина и Е. Носова)	69
Мухаметдинова А.Р. Подходы и направления изучения детской речи в Отечественной традиции	73
Мухтаруллина А.Р. Когнитивные основания субъективно-межличностной модальности в английском судебном дискурсе	76
Нафиков Ш.В. Индоевропеизмы в евразийских языках как общее наследие	82
Нечаева О.С. Межкультурные аспекты преподавания французского языка	84
Никонова Ю.И. Интенсификация высказывания как прагматическая категория в дискурсе масс-медиа (на примере немецких газетных фельетонов)	85
Новикова О.Н. Потенциал синергетики в ономастических исследованиях	87
Нуйкина М.Р. Живое общение и вертеброгенные заболевания	90
Нургаллина Х.Б. Метафоризация в этнокультурном дискурсе	91
Нурмиев А.М. Прецедентный текст как объект трансформации в языковом сознании участника КВН	94
Нурмухаметова Л.А. Телевизионная коммуникация: беседа и дискуссия	98
Нуруллина А.Г. Фразеологические единицы с компонентом «Дьявол» и их структурно-грамматическая организация в английском и русском языках	103
Орехов Б.В. Снова об алгебре и гармонии: количественные критерии для лексических поэтизмов	107
Пермякова Л.А. Мифопоэтика повести Б.К.Зайцева «Голубая звезда»	110

Пешкова Н.П. Оценочные реакции реципиента как один из показателей глубины понимания текста	114
Попова В.Н. Роль гендерного фактора в процессе речевого воздействия как вида коммуникации	118
Ризатдинова Л.Д. Функционирование фразеологических единиц в политическом дискурсе (на материале выступлений президента США Б.Х. Обамы)	121
Рыбка И.Н. Стратегии в обучении иностранному языку в вузе	125
Сабитова Н.Г., Сулейманова А.К. Игры разума в творчестве В.Пелевина	126
Сагидуллина Л.Р. Татар тел деня картинасында зоокомпонентлы фразеологизмнар	130
Сакаева Л.Р., Базарова Л.В. Концептуальные оппозиции «Бог»/«God» и «Чёрт»/«Devil» во фразеологических единицах английского и русского языков	135
Салахов Р.А. Предлоги со значением причины, цели и условия в современном немецком языке	139
Салимова Д.А. Сложные аспекты перевода стихов Марины Цветаевой. (Или можно и нужно ли переводить Цветаеву на татарский язык?)	143
Салимова Л.Х. Становление электронной педагогики	149
Седова Н.А. Репрезентация отношений «часть–целое» в рекламном дискурсе	153
Сеничева О.А. Особенности номинации эмоций во фразеологических единицах	157
Сенько Е.В. Когнитивно-функциональный аспект лексической конденсации в современном русском языке	160
Сергеева Е.Н. Образная составляющая языковых единиц и проблемы межкультурной коммуникации	165
Сергеева Л.А. Речевое взаимодействие персонажей в художественном дискурсе (на материале рассказов А.П. Чехова)	167
Сердюк А.М. Лексические варианты фразеологизмов с соматическим компонентом	173

Сираева Р.Т. Концептуализация ментальности в русском языке	176
Скокова Т.Н. Парадигма и ассоциативно-смысловые отношения	180
Скуденкова Е.Е., Дзюба Н.В. Семантико-тематическая классификация рекуррентных синтагм – умственная деятельность человека и её результаты	184
Смирнова Ю. П. Когнитология: этапы развития новой научной парадигмы	185
Сулейманова А.К. Терминологическая метафора как феномен профессионального знания	188
Сыртланова Р. Р. Поиск слов в Интернете как средство обучения лексике на занятиях по английскому языку	192
Таракановская О.С. Внедрение современных педагогических технологий в процесс совершенствования профессионально значимых компетенций переводчиков	195
Таукенова Г.З. Категория времени и ее отражение в дискурсе	199
Таюпова О. И., Бычковская Н Диалог в современном массмедийном дискурсе	203
Таюпова О.И., Шадек А. Interkulturalität als Diskursansatz der Analyse eines literarischen Textes am Beispiel des Romans von Bernhard Schlink "Der Vorleser"	207
Теплых Р.Р. Исследование языка в когнитивном и коммуникативном аспектах	212
Тимошенко Л. О. Креативное мышление как основа семантической деривации	215
Титлова А.С К вопросу о системности топонимики	218
Тихтievская М. А. Жаргонизмы и их роль в формировании когнитивной базы инофона	221
Трегубов А.Н. Звукоизобразительность: проблемы и перспективы	223
Тулeгeнoвa Г.Г. СЫН ЕСІМ КОМПОНЕНТТІ ФРАЗЕОЛОГИЗМДЕРДІҢ ҚҰРАМЫНДАҒЫ ТҮР-ТҮС АТАУЛАРЫ	227
Урманова Ю.Р. Воздействующий потенциал научного текста	229

Фазлетдинова Р.Ф. О роли пресуппозиции в инициальных высказываниях	232
Фаткуллина Ф.Г. Рекламный дискурс как вид массовой коммуникации	233
Федорова Н.Н., Трошко Е.М. Национально-культурные особенности образа женщины в пословицах и поговорках (на материале английского и белорусского языков)	239
Фролова О.А. Особенности функционирования иноязычной лексики в масс-медийном дискурсе	243
Хабутдинова Л. Х. Учет жанровых особенностей научных текстов при обучении чтению по специальности на иностранных языках	245
Хажиева З.Р. Функциональный аспект словообразования	247
Хайруллина Р.Х. «Человек говорящий» в поликультурном пространстве	250
Хакимова Г.Ф. Представление дискурсивных свойств лексических единиц в функционально-когнитивном словаре	254
Халиуллина Ю.Ш. Проблемы языка современной прессы (на примере глянцевого издания)	257
Хисамова Г.Г. Функционально-коммуникативный аспект анализа художественного диалога	261
Хисматуллина Г.Г. Имя собственное в коммуникативных технологиях	265
Ходыкина И.И. Лексические особенности говоров Северного Приазовья	267
Чурилина Л.Н. Метафора как “остов” текста: когнитивный и коммуникативный аспекты	268
Шайхисламова З.Г. Функционально-когнитивная интерпретация сферы движения в разносистемных языках	272
Шалангов А.О. Деловой дискурс в лингвистике	276
Шерсткова И.А. Сон наяву или реальность: немного о глаголе <i>daydream</i> в английском языке	278

Шпар Е.В. Ирония как средство реализации стратегий коммуникативного воздействия в англоязычном дискурсе печатной рекламы автомобилей	282
Щипицина Л.Ю., Петрина Ю.И Речевые стратегии в продвижении товаров и услуг на немецких корпоративных веб-страницах	286
Юзликбаева Д.Ш. Особенности перевода английской научно-технической терминологии на русский язык	290
Ялалова Р.Р. Фразеологические единицы, характеризующие здоровье в английском, немецком и русском языках	291
Яхиббаева Л.М. Интертекстуальность как диалогическое взаимодействие текстов	295